

Мифы и легенды народов мира

М68 Народы России: Сборник. — М.: Литература; Мир книги, 2004. — 480 с.

ISBN 5-8405-0646-X

ББК 63.3(0)3

181Ш 5-8405-0646-X

© ООО «РИЦ Литература» состав, оформление серии, 2004

© ООО «Мир книги», 2004

КАК СТАРИК СААМИ ВРАГОВ ПЕРЕХИТРИЛ

Жили древние саами близ берега моря. На берегу реки Вороньей было саамское село. Узнали саами в селе, что скоро придут к ним немирные шведы. В селе у саами был один старик по прозвищу «Старшая голова». Вот этот старик и говорит:

— Теперь нам нужно всем бежать в другое место, а то шведы-захватчики узнают, что мы здесь живем, придут и причинят много горя. Нам нужно собрать сто кереж (повозок) и сто быков. Я же останусь здесь, в селе, ждать непрошенных гостей и, когда они придут, сделаю так, что один их всех перехитрю.

Собрали саами сто кереж и сто быков, оставили все старику, а сами переехали подальше, в другое село. Старик же остался один в этом селе и стал немирных шведов ждать.

Прошло некоторое время, и увидел старик множество оленей. Это шла шведская сила. Вот пришли захватчики и спрашивают старика:

— Почему один живешь?

А он и отвечает:

— Подождите, я пойду сейчас за своим народом.

Их главный начальник говорит:

— Отведи нас на то место, где новое село.

Старик отвечает:

— Я отведу вас, только ложитесь все в кережи. У меня есть сто кереж, а много ли у тебя людей?

А строгий начальник говорит:

— У меня есть сто человек.

Старик пригнал оленей и запряг в каждую кережку по одному быку. Затем всем воинам велел лечь в кережки и стал привязывать их покрепче веревками.

Шведский предводитель спрашивает:

— Почему ты всю мою силу привязываешь в кережки?

А старик и говорит:

— Привязываю для того, чтобы не увидели саами заранее, кого я везу, а то народ увидит сидящих в кережках людей, испугается и разбежится. А то и убить вас всех могут. Пусть думают, что я груз везу.

Начальник говорит:

— Ну ладно, привязывай да веди.

Поехали. Едут. День прошел, настал вечер, старик и говорит:

— Ну, теперь скоро подъедем, в селе будем ночью, чтобы не увидели, как мы войдем.

Вот едут привязанные одним ремнем друг за другом сто кережек. А начальника старик привязал к передней кережке.

Едут они, едут по горе прямо к морю, мимо реки Вороньей.

Остановились, слышат — море шумит, а начальник вражеский и спрашивает:

— Что за шум?

Старик отвечает:

— Это соль и вода в море воюют!

Начальник не понял, что значат слова старика. А старик заспешил и быстрее погнал караван оленьих упряжек вперед.

Ехал-ехал, прямо к обрыву высокой горы подъехал, остановился, нож из-за пояса быстро вынул, свою кережку с быком от общего ремня одним махом отрезал, а быка с кережкой начальника сильно стегнул. Бык прыгнул с обрыва и уволок за собою весь караван. Не успели враги опомниться, как очутились в студеное море, да и превратились там в подводные скалы. А старик с быком и кережкой вернулся к своим односельчанам. Саами села Вороньего и поныне называют то место «Сотней скал».

О РЕКЕ УЛИТЕ

На безымянной речке, впадавшей в Тулому, жил некогда со своею семьею в старой веже саам рыбак.

Жили они хорошо, пока не вздумалось рыбаку поставить новую, просторную вежу на красивом высоком берегу речки.

Когда вежа была поставлена, жена рыбака стала щепу и стружки сбрасывать в воду. Увидел это рыбак и говорит:

— Не бросай стружки в воду!

А сам уехал в лес за дровами.

Жена не послушала мужа, сбросила весь мусор в воду и очистила холм.

Стружки уплыли вниз.

В те времена бродила по реке Туломе шайка грабителей-шведов. Было их сто человек. Заметили они свежие стружки, плывшие по воде, пошли вверх по течению, увидели дым из новой большой вежи и пришли на высокий берег. Поселились в веже.

Старший из шайки стал жить с женой рыбака, а к дочери сватались остальные.

Когда возвратился из леса хозяин, грабители схватили его и привязали к дереву на ночь — грозили убить его, если не расскажет он, где живут саамы.

Не хотелось умирать сааму. Увидел он дочь, которая шла за водой, и попросил ее развязать веревки. Дочь ответила отцу, что лучше жить ей с матерью и с пришельцами, чем с отцом.

А когда выбежал на улицу маленький сын, отец обратился к нему за помощью, и тот согласился. Вечером мальчик остался играть на улице и, когда все уснули, подошел к отцу, развязал веревки и освободил его.

Очутившись на свободе, хозяин взял воткнутый в землю меч, которым шведы-грабители хотели отрубить ему голову, вошел в вежу и расправился с ними.

Жену и дочь свою освободил саам.

С тех пор этот приток Туломы и называют Улитой, по имени жены саама.

РЕХП И ЛОКРИ

Это было тогда, когда шведы разоряли саамскую землю. Подходили шведы к Потозеру.

В тех местах было маленькое селение.

В этом селении жили две неразлучные подруги, одну звали Рехп (Куропатка), другую — Локри (Лукерья).

Одновременно увидели они во сне, что идут шведы, проснулись и сказали про это мужчинам.

Народ, предупрежденный подругами, ушел из селения, а Рехп и Локри остались.

Пришли шведы в окровавленной одежде; по пути они грабили и убивали всех, кто попадался им.

Заставили шведы женщин стирать их одежды и белье, а сами остались голыми сидеть в веже.

Женщины стали кипятить белье в котле, прокипятили и унесли узлы на озеро. Там спустили белье под лед, а сами ушли в горы.

Так подруги наказали грабителей-шведов.

Стояли морозы. Шведы не могли выйти из вежи голыми. У них вышла вся еда, они не могли поддерживать огонь, и все замерзли.

Та варака, на которой спасались Рехп и Локри, называется с тех пор Локри-Пайта'варь (Лукерьяина пахта), а место, где было селение, — Рехп-Чальм (Куропаткин пролив).

БОГАТЫРЬ ЛЯЙНЕ

Лежит в широкой тундре Ловозеро.

Самое большое, самое красивое, самое рыбное, самое глубокое озеро в тундре. Главное озеро саамов. Самое главное.

С тех пор как солнце взошло над землей, на Ловозере поселились вежники. Кто на берегах стал жить. Кто на островах вежу построил. Кому где понравилось.

Жили, рыбу ловили, детей растили, оленей пасли. Особого добра не наживали: больно уж глухие места.

И стоял на Ловозере остров Салма. А знаменит был тот остров тем, что поселился на нем саамский богатырь— Ляйне.

Кто Ляйне не знал? Все знали, и свои и чужие.

Сила у Ляйне была медвежья, хитрость лисья, бегал он быстрее оленя, а прыгал лучше белки.

Жил Ляйне на острове с женой, прекрасной Воавр, и с сыном, маленьким Пяйвием.

Пяйвий — по-саамски значит «солнышко». Его так называли в честь того юноши, который первым поверил в солнце и принес его вежникам.

Жил еще на острове родной брат богатыря Ляйне — Арипий, с женой и сыновьями. И другие люди жили, много.

Собрались однажды братья, Ляйне и Арипий, на рыбалку. И маленький Пяйвий-солнышко просится:

— Возьмите меня с собой.

А Ляйне говорит сыну:

— Мал ты еще для настоящей рыбалки. Подрасти, тогда и возьмем. А пока останься дома, матери помоги, будь за мужчину в доме.

Сказал — и уехали они с Арипием.

Ничего не поделаешь, слово отца — закон. Остался Пяйвий.

Уехали старшие, а на прощанье сказали, что проведают старых своих родителей на другом берегу Ловозера.

Только братья за порог — злая чудь подступила к острову.

А было так: вышла Воавр, жена Ляйне, посмотреть, что за шум на берегу, не братья ли вернулись с озера. Видит — злая чудь бежит, копьями колет, мечами рубит. И впереди самый страшный чудин — Чудэ-Чуэрвь. Закричала Воавр страшным голосом, испугалась. Видит она — не убежать ей никуда, не спрятаться. Схватили ее враги, связали прекрасную Воавр.

А жена Арипия в это время белье полоскала на берегу. Услыхала она крик, обернулась, увидела страшную чудь и Чудэ-Чуэрвя — и бросилась недолго думая в озеро. Бросилась и поплыла. Долго плыла, сколько сил хватило. Доплыла до Тавь-острова, что стоит от берега вдали, на глубокой воде. Тем и спаслась.

А Воавр, жена Ляйне, попала в плен.

А Пяйвий в кустах успел спрятаться. Все он видел, все он слышал, все запомнил: и как злая чудь вежников перебила, и как Воавр в плен взяли, и в какую сторону увели.

Долго ли, коротко — Ляйне с Арипием рыбы наловили, лодки загрузили, поехали старых своих родителей проведать. Обрадовались старик со старухой: сыновья приехали! Стол накрыли: свежее оленьё мясо поставили, свежую рыбу сварили. Так рады, так рады...

Сидят старики с сыновьями за столом, не насмотрятся друг на друга, не нарадуются. Вдруг слышат — крик на берегу. Выбежали, а навстречу им жена Арипия идет, шатается, плачет.

Потом рассказала: напала на остров Салма злая чужь. Кто был на острове, тот погиб. Кто не был на острове — тем и спасся. А она, жена Арипия, белье на берегу полоскала, страшную чужь увидела — в воду бросилась и плыла, сколько могла. До острова доплыла, отлежалась, отдышалась — снова в воду бросилась, до другого берега доплыла. Едва не утонула, но весть принесла.

— Что ж, — говорят братья, — раз такое дело, рассиживать некогда. — Попрощались со стариками, бросились в свои лодки. Гребут веслами что есть сил, на Салму торопятся, скорей, скорей, скорей...

Однако не успели. Ушла злая чужь и увела с собой Воавр, жену Ляйне. Ходят братья по своему острову, горюют: всюду люди лежат, побитые злой чужью, вежи сломаны, ветер плачет...

Ой, беда!

Вышел к отцу Пяйвий. Обрадовался Ляйне: сын живой. Спрашивает:

— Куда увела чужь мою жену, а твою мать, прекрасную Воавр?

— Туда, — показал рукой Пяйвий.

— Ладно, — сказал богатырь Ляйне. — Кто долго плачет, тот силу теряет. Не будем слезы лить, пойдем злую чужь догонять. Скоро зима, чужь далеко не уйдет, зима ее остановит. Пойду следом я, найду Чудэ-Чуэрвь и убью его. И жену свою Воавр освобожу.

— Ладно, — сказал Арипий. — Иди, брат. Если выследишь чужь до снега, дай мне знать, я тебе на помощь приду. А не выследишь до снега — подожди до весны. Весной я тебя разыщу и вместе врага осилим. Одному тебе с чужью не справиться, а по белому снегу чужь тебя самого выследит и убьет. Будь осторожен, брат мой Ляйне, не давай сердцу своему воли, пусть все голова решает.

— Ладно, — сказал Ляйне, — так и будет.

Настрелял Ляйне из лука много гагар. Нарубил Ляйне ворох кустов и вырезал целую охалку крепких стрел. И сделал он тем стрелам наконечники из гагарьих клювов. Такая стрела, пущенная богатырской рукой, насквозь врага пробивает.

Взял Ляйне четырех оленей: на одного навьючил гагарьи стрелы, на другого — мясо, на третьего — рыбу. На четвертого сам сел. Попрощался с Арипием, братом своим. Попрощался с сыном, Пяйвием.

Говорит Пяйвий:

— Возьми меня, отец, с собой. Помогу я тебе выследить злую чужь. И за оленями присмотрю.

— Нет, — говорит Ляйне. — Тебе еще расти надо. На твой век врагов хватит. Оставайся с Арипием, помоги новые вежи строить, рыбу ловить. Сделает тебе Арипий лук, учишься стрелять. Скоро тебе это пригодится.

И уехал Ляйне. Долго бежали по тундре олени.

Чужь хитро уходила и следы заматала. Искал-искал Ляйне, вот уж и осень кончилась, и снег кружит.

Построил Ляйне вежу, стал в веже жить, зиму пережидать. А сам в разные стороны на оленях ездит, злую чужь разыскивает. Не могла чужь уйти далеко, где-то близко зимует...

Искал-искал — и нашел. Видит однажды: дым на берегу озера. И еще дым, и еще, и еще. Много костров. Значит, здесь чужь зимует. Обрадовался Ляйне: теперь не уйдет от него Чудэ-Чуэрвь.

Стал Ляйне весны ждать. На охоту ходил, двух медведей добыл Ляйне. Шкура у медведя густая, теплая, мясо у медведя вкусное очень. Но не ради шкуры убил медведей Ляйне. И не ради мяса. Заготовил он медвежий жир, заморозил его и высоко на дереве спрятал, чтобы жадные песцы не добрались.

Медвежий жир — первое лекарство для воина. Спрятал его Ляйне до весны, когда будет с чужью сражаться.

Вот и весна пришла. Солнце над тундрой всплыло, весь снег растопило. Ручьи побежали в речки, речки побежали в озера, озера вспухли и сбросили лед. Рыба пошла к берегу, икру метать.

Поехал Ляйне туда, где зимой костры видел.

Пока по озеру плыл, солнце спряталось, темь упала на землю, на воду, на небо.

Подплыл Ляйне к вражескому лагерю, лодку привязал и тихонько полез на вежу, где жил Чудэ-Чуэрвь. Эту вежу он просто узнал: из реппень (отверстия наверху вежи) самый жирный, самый густой дым валит. И запах самый сильный — мясом пахнет, свежей рыбой.

Слышит Ляйне, сам Чудэ-Чуэрвь говорит:

— Что-то глаза у Воавр повеселели? Что-то тело мое играет, будто перед боем? Что-то дым в реппень худо идет? Не Ляйне ли по веже лезет? Не он ли до нас добрался? Не он ли смерть свою ищет?

Услышал Ляйне эти слова — и скорей с вежи долой, и к берегу. Спрятался в кустах, ждет. Долго ждал.

Слышит — идет его жена, его Воавр, его любимая. Чудэ-Чуэрвь ее за водой послал. Видит Ляйне — Воавр веревкой привязана, и тянется та веревка от самой вежи.

Чудэ-Чуэрвь ее как собаку держал, на привязи. И веревка та не простая. Веревка та из тысячи корней сосновых, тысячи корней еловых сплетена: не сразу топором разрубишь, не сразу ножом разрежешь.

Увидала Воавр своего мужа, своего Ляйне, обрадовалась, про воду забыла. Обнялись они крепко, и от радости их утро наступило, и солнце взошло, и птицы запели, и тростник качнулся.

Сказала Воавр, сколько врагов в стане, сколько охраны у Чудэ-Чуэрвя. Выслушал ее Ляйне и говорит:

— Вот тебе нож, подрежь веревку, которой привязана. И собери вокруг вежи Чудэ-Чуэрвя побольше хвороста и сухой бересты.

Тут Чудэ-Чуэрвь стал за веревку дергать. Ничего не поделаешь, пора Воавр обратно идти. Зачерпнула Воавр воды и пошла в вежу.

— Тебя только за смертью посылать, — ворчит Чудэ-Чуэрвь.

— За твоей смертью я бы бегом сбегала, — говорит Воавр, а сама снова из вежи идет.

— Куда тебя опять понесло? — сердится Чудэ-Чуэрвь.

— Пойду растопку соберу, скоро еду варить, — сказала Воавр. Вышла она из вежи и стала обкладывать ее хворостом и берестой, как Ляйне велел. А Ляйне тем временем положил стрелу на тетиву и залез на вежу Чудэ-Чуэрвя. Заглянул в реппень, дымовое отверстие. Видит, Чудэ-Чуэрвь одной рукой веревку держит, которой Воавр привязана, а другой рукой сиговую икру берет на нож. Взял он сиговую икру, раскрыл свою пасть и только хотел икру проглотить — увидел через реппень Ляйне. Замер Чудэ-Чуэрвь, даже крик из него не идет. А Ляйне выстрелил из лука прямо в пасть Чудэ-Чуэрвью. Стрела с гагарьим клювом пробила глотку Чудэ-Чуэрвью насквозь.

Воавр услышала, как тетива звенит, схватила нож и обрезала веревку. Ляйне прыгнул с вежи и поджег бересту. Огонь поднялся до неба — и спалил Чудэ-Чуэрвя.

А Ляйне схватил прекрасную Воавр за руки, и бросились они к своей лодке.

Увидели чудины, как вежа предводителя горит, и кинулись Ляйне ловить. Из луков стреляют, копья бросают, топорами машут — страх. Бьется Ляйне, звенит тетива его лука, свистят гагарьи стрелы. И Воавр бьется: хватает на лету топоры чудинов и со всего маху обратно во врагов бросает. Пробились Ляйне и Воавр к своей лодке, а все же попали в Ляйне две стрелы, и один топор зацепил богатыря. Обливается кровью саамский богатырь, но метко посылает свои стрелы в страшную чудь, насмерть врага разит. Много положил, а чудь все наседает, толпой прет.

Воавр веслами гребет изо всех сил, а Ляйне из лука стреляет.

Тут им помощь подоспела. Арипий ждал-ждал, когда Ляйне вернется, дождался весны и сам поехал на помощь брату. В самый раз и успел.

Отстали страшные чудины, кто живой, кто мертвый остались на берегу, а саамские богатыри уплыли на своих лодках.

— Спасибо тебе, брат, — сказал Ляйне. — Выручил ты нас из беды. Много чуди у Чудэ-Чуэрвя, мне бы одному не справиться.

Арипий смеется.

— Мы, — говорит, — еще бы больше чуди перебили, если бы я твоего сына с собой взял, Пяйвия. Уж как он просился со мной, тебе на подмогу, как просился! Но сказал я ему твои слова: расти еще, Пяйвий, силы набирайся, учись тетиву натягивать сильно, как настоящий мужчина. Оставил я его наши вежи охранять.

Обрадовался Ляйне словам брата. И Воавр обрадовалась.

Пришли саамы в вежу, которую Ляйне зимой построил. И просит Ляйне брата Арипия:

— Достань мне, брат, с дерева медвежий жир. Двух медведей я убил зимой, теперь сослужат они мне добрую службу.

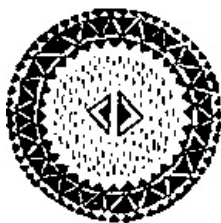
Не успел Арипий бровью шевельнуть — метнулась Воавр, как кошка-рысь взлетела на дерево, достала медвежье сало и принесла мужу.

Разделся Ляйне догола, обнажились страшные раны. Завернулся Ляйне в медвежий жир, весь завернулся, только нос снаружи оставил и глаза. Долго ли, коротко ли так лежал — затянулись раны, потому что нет лучшего лекарства для боевой раны, чем медвежий жир.

Поднялся Ляйне на ноги — и поехали они все домой. Приехали на остров Салма, на Ловозеро. Обрадовались саамы возвращению братьев. Пир закатили, песни пели, пляски плясали, весело было.

Снова стали жить саамы — оленей пасти, рыбу ловить, охотиться.

Жить, как раньше жили.

О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ МЛАДШЕГО ХАНТЫ

Три брата ханты живут в лесу. Ни отца, ни матери у них нет. Два старших брата каждый день уходят из чума на охоту. А младший лежит на песчаной печи. Лежит, ничего не делает.

Вот однажды вернулись старшие братья с охоты, принесли объединенных какими-то зверями куропаток. Сварили. Старший брат сам съел своих куропаток, средний брат отдал куропаток младшему.

Потом братья опять пошли на охоту. Вечером возвратились. Принесли каждый по объединенной зверями куропатке.

Старший брат даже и не подумал отдать объединенную куропатку младшему. Нет, не подумал. Сам съел свою куропатку. Средний брат отдал куропатку младшему.

Усталые охотники легли спать. А младший тихонько вышел из чума. Старший, оказывается, оставил свои лыжи там, где их снял. Младший надел эти лыжи. Направил их по следу братьев. Шел, шел и вышел на поляну, окруженную лесом. Посреди этой поляны стоит чум с остроконечной крышей. Следы братьев ведут к тому чуму. Дошел до того чума. Снял лыжи, вошел в жилище. Зажег огонь. Одна половина чума, оказывается, завалена мясом, другая половина — шкурами.

Младший брат понял: братья-охотники поставили в лесу чум — хранилище мяса. Всю добычу здесь прячут. Ежедневно ходят сюда, наедаются, а домой приносят объединенных куропаток.

Поел младший брат мяса, сколько ему хотелось, прихватил с собой запас еды и на лыжах вернулся домой. Спрятал мясо недалеко от чума, вошел в чум, вскочил на печь и уснул.

У него сон чуткий. Слышит, братья собрались и ушли. Вечером они вернулись, опять принесли по объединенной куропатке. Старший брат сам съел куропатку, средний отдал младшему брату. Как только братья уснули, опять младший брат вышел осторожно из чума. Надел лыжи старшего брата. Теперь-то места он знает — быстро нашел лесной чум. Сварил мясо, поел досыта. Взял мяса, сколько мог унести, вернулся домой. Спрятал, опять лег на песчаную печь. Когда он проснулся, братьев уже не было.

Вечером братья опять принесли по объединенной куропатке. Опять старший брат и не помыслил сказать: дамка поесть брату. Средний брат отдал свою еду младшему.

Как только братья уснули, отправился младший брат к лесному чуму. Теперь отправился на лыжах среднего брата — старший брат убрал свои лыжи, а средний оставил у чума. Младший брат поел мяса, сколько в него вошло, прихватил с собой, сколько мог унести. Спрятал неподалеку от своего чума.

Так живет много дней.

Однажды утром встали. Два ханта советуются. Старший говорит: «Так дальше жить нельзя: мясо кончилось. Так мы умрем с голоду. Пойдем в царский город — там как-нибудь добудем себе пропитание». Встали они на лыжи, зашагали в царский город.

Как только братья ушли, младший брат стал искать себе лыжи. Без лыж нельзя — утонешь в снегу, быстро выбьешься из сил и погибнешь. Обшарил весь чум, нашел корыто. Расколол его, приладил крепления. Надел младший ханты свои лыжи, сделанные из плоского корыта. И как побежит, как побежит! Несколько дней бежал, а местность вокруг него не меняется. Бежал, бежал ханты, очень устал. Сел отдохнуть, оглянулся, а его чум, оказывается, за спиной! Протянул руку, откинул полог чума. Бросил свои лыжи и вошел в чум.

Прошло какое-то время, и мясо, припасенное им, кончилось. Бедный ханты думает: «Скоро умру от голода. Надо сделать себе гроб. Как почувствую, что умираю, сразу прыгну туда».

Взял топор, отправился на лесистую сопку. На лесистой сопке стоит лиственница в полный обхват. «Хороший гроб из этой лиственницы получится», — подумал ханты и ударил топором несколько раз. Дерево упало. И тут кто-то из-за спины сказал:

— Младший ханты, ты зачем срубил верхушку моего чума?

Оглянулся — увидел, как из того места, где стояла лиственница, выходит старый великан-людоед.

Ханты сказал:

— Я умираю. Из этой лиственницы хочу себе гроб сделать. Вот надо измерить дерево. Самому лечь — не измеришь. Ложись-ка, дедушка, на дерево ничком, дай-ка я измерю по твоему росту.

Дед лег на лиственницу. Ханты изо всех сил ударил деда по шее — голова отлетела. Расставил ноги, встал возле отверстия, откуда вышел старик великан, и крикнул: «Эй, семеро детей великана-людоеда! Я убил вашего отца, отомстите за его смерть».

Выглянет один сын великана в отверстие, он его ударит по шее. Покажется другой — он и его стукнет. В чуме остался один, младший сын людоеда-великана.

— Младшее дитя великана, где ты прячешься? Я убил твоего отца, убил твоих братьев! Выйди,

я и тебя порублю!

— Не надо меня убивать. Я хочу жить, — просит младший сын людоеда.

— Если хочешь жить, выйди ко мне через дверь! — велит младший ханты.

Вышел сын великана в дверь, спросил:

— Зачем тебе понадобилась верхушка нашего чума?

Ханты отвечает:

— Хочу сделать лыжи. Но я не умею делать лыжи.

Сын людоеда говорит:

— Я тебе сделаю лыжи.

Сын великана-людоеда расколол лиственницу пополам, снял кору, обстругал носы, приладил к лыжам крепления. Сказал:

— Не велики ли они тебе?

Младший ханты померил лиственничные лыжи, сказал:

— Они мне как раз.

Сын великана спрашивает:

— Куда поведешь?

— Я не знаю, — отвечает ханты.

Сын великана сказал:

— Ты мне сохранил жизнь. И я тебе помогу. Ты пойдешь в сторону Большой реки. Семь дней будешь идти и выйдешь на берег этой реки. На берегу увидишь двух дерущихся зверей. Один из них будет обессиленный. У него весь рот будет в пене. Убей этого зверя.

Едет на лиственничных лыжах семь дней, вышел на берег Большой реки. Видит — два крупных зверя дерутся-грызутся. Один обессилен, вся пасть в пене. Ханты помог убить этого обессиленного зверя.

Содрал с него шкуру, зверь-победитель съел мясо своего врага. И говорит человеку:

— Ты мне помог. Мясо я съел, тебе досталась одна шкура, возьми ее.

Разошлись зверь и человек. Каждый ушел своим путем. Несет ханты шкуру, а она тяжела. Шел-шел и решает: «Брошу-ка я эту тяжелую шкуру, оставлю ее». Только бросил он шкуру, не успел сделать и десяти шагов, как услышал сзади голос зверя-победителя:

— Э-э, младший ханты, не оставляй шкуру — она тебе пригодится.

Нехотя поднял шкуру и зашагал дальше. Опять идет много дней. И опять думает: «Ох, тяжела эта шкура! Брошу-ка я». Бросил ханты шкуру, но не сделал и десяти шагов, как услышал слова зверя-победителя:

— Э-э, младший ханты! Ты опять оставил? Говорил же я: не оставляй! Она пригодится тебе!

С трудом поднял шкуру, понес дальше.

Опять идет много дней. Опять сильно устал. Опять решил оставить шкуру. Решив так, бросил. Не успел отойти и на десять шагов, как услышал голос зверя-победителя. Оглянулся, а зверь стоит возле шкуры. Зверь подошел к ханты и говорит:

— Надень эту шкуру. Она тебя унесет туда, куда тебе нужно.

Надел ханты шкуру и сказал:

— Шкура-шкура, унеси меня туда, где живут богатые оленеводы.

Шкура взвилась вверх. Неизвестно, сколько летел ханты, но увидел внизу чум, а у чума тысячи оленей. Сказал:

— Шкура, опусти меня возле этого чума.

Опустился. В шкуре человек невидим.

По обе стороны чума аргиши. Вошел в чум. В чуме мужчин не оказалось, сидит одна маленькая женщина, в ее руках жила звенит. Когда открылась дверь, она подняла голову, но, никого не увидев, вновь опустила. Младший ханты прошел на нежилую сторону чума, а женщина продолжает шить. Через некоторое время он сказал женщине:

— Я ведь уже давно вошел, хочу есть.

Женщина удивленно оглянулась, никого не увидела, опять занялась шитьем.

Он сказал:

— Ты опять занялась своим шитьем, я очень хочу есть.

Женщина торопливо спрятала иглы, выбежала. А ханты все сидит в нежилой части чума. Женщина не возвращается.

Уже потемнело.

Вечером приехал мужчина. Распряг оленей, сказал:

— Что ты ждешь на улице?

Женщина ответила:

— Где же мне быть? В чуме нашем какой-то дух.

Вдвоем вошли в чум.

Мужчина говорит:

— Ты сказала, что в чуме дух. Нет никого.

Ханты молчит.

Мужчина сказал женщине:

— Свари мне еду из жирных кусков.

Женщина сварила мясо. Начала вытаскивать мясо. А ханты берет куски, отдирает и съедает сало, а мясо кладет обратно в плоское корыто. Так съел все сало.

Женщина поставила мужчине мясо, мужчина сказал:

— Я же говорил тебе, свари мне жирное мясо, а ты сварила постное.

Тогда заговорил ханты:

— Это я съел.

Только теперь ханты снял шкуру и показал себя. Хозяева удивились. Но гость есть гость. Сварили опять мясо. Поели, легли спать.

Оказывается, женщина и мужчина — не муж и жена, легли в разные постели. Посреди ночи ханты перебрался к женщине.

Утром женщина сварила мясо, покормила мужчин. Поели они, держат разговор.

— Как тебя звать? — спросил гость хозяина.

— Меня звать Марендя. А как тебя?

— Я младший ханты, так все меня зовут.

Марендя сказал:

— Это моя младшая сестра.

Ханты сказал:

— Теперь уж, видно, поселюсь в постели твоей сестры.

Так бедный младший брат ханты породнился с богатым оленеводом Марендя.

Прошло время, и ханты говорит оленеводу:

— Я женат на твоей сестре. У тебя жены нет. Я хочу женить тебя. Я слышал, что есть земля трех Выли. У этих Выли имеется сестра, которую они отдают за неслыханный выкуп. Все сваты от них уходят ни с чем — так велик выкуп.

Сели в нарты, погнали оленей. Ехали семь дней. Остановились на сопке. Отдыхают-разговаривают. Младший ханты сказал:

— Я слышал, что земля трех Выли — неблизкая земля. Снег глубокий — олени плохо идут. Ты возьми мою нарту, возвращайся. Я стану на лыжи, попробую дойти до земли трех Выли. Если не одолею дорогу, вернусь.

Едва Марендя-родственник скрылся, ханты надел шкуру, сказал:

— Шкура, шкура, доставь меня в землю трех Выли.

Там шкура опустила ханты возле чумов. Чум старшего Выли не спутаешь — он богатый. Направился туда. Старший Выли лежит, растянувшись в постели. Почувствовав холод, сказал:

— Подуло от двери. Что к нам вошло?

Жена сказала:

— Никто не вошел.

Тогда ханты заговорил:

— Кто же придет? Я пришел. Вести о вас дошли до меня. Говорят, что у трех Выли есть неслыханной красоты невеста. Она стоит неслыханно дорого — все сваты уезжают ни с чем. Отдай мне сестру!

Старший Выли не знает, что делать: голос есть, а говорящего не видно. Он сказал жене:

— О, это плохие вести. Наверно, отдадим единственную сестру. Позови среднего Выли.

Женщина выскочила из чума. Когда она пришла к среднему Выли, тот удивился:

— Жена старшего Выли, ты обычно к нам не приходишь, что у вас случилось?

Жена старшего Выли привела в свой чум среднего Выли. И он услышал слова:

— Я здесь нахожусь. Я двинулся из своей земли на вашу землю, меня к вам привела ваша известность. Говорят, что у трех Выли есть сестра, за которую просят неслыханный выкуп — от вас возвращаются ни с чем все сваты. Отдайте мне вашу сестру!

Оба Выли не знают, как поступить: голос слышен, а говорящего не видно. Такими их слова были:

— Если согласится младший брат, то, наверно, отдадим.

Пошли за младшим Выли. Привели.

— Что случилось, братья? — спрашивает младший Выли.

— Какой-то дух явился к нам, требует нашу сестру, — отвечают старшие братья.

— Где обитающий дух? Зачем явился сюда? — спрашивает младший Выли.

— Я пришел, — говорит невидимый ханты. — Я пришел за вашей неслыханной красоты сестрой. Все сваты от вас возвращаются ни с чем. Но мне вы сестру свою отдайте.

Все Выли теперь задумались. Им страшно: какой-то дух находится в их чуме, требует их

сестру. Как быть? Старший Выли говорит жене:

— Жена, свари жирного мяса.

Опять, как в прошлый раз, ханты съел всю жирную часть мяса, оставил постную. Старший Выли сердится на жену:

— Я же велел сварить жирное мясо.

А ханты говорит:

— Это я съел сало.

Поели братья молча. С левой стороны от них сидит крупная женщина с тремя накосяницами — видно, это их сестра.

Поели в чуме и легли спать.

Утром старший Выли толкнул локтем жену, сказал:

— Разожги огонь и свари мясо.

Жена сварила мясо. Сели есть. Старший Выли сказал:

— Наверно, дух исчез.

В ответ из нежилой части чума слышалось:

— Я здесь, кто же уходит, оставив женщину?

Тогда Выли пригнали оленей. Каких только работников у богатых Выли нет! Они вытянули нарядный трехрядный аргиш. Когда на оленях не хватило мест для украшений, колокольчики привязали к их рогам. Звенят колокольчики, созывают народ. Народу собралось много.

Ханты велел Выли посадить сестру на нарту, отвести аргиш к углубленной местности. И сам направился туда. Дойдя до места, ханты обмотал уздечку два раза вокруг шеи, привязал конец к поясу, тогда и сказал:

— Шкура, шкура, унеси меня на сопку, туда, где мы расстались с Марендей.

Трехрядный аргиш взвился к небу. А внизу три Выли сказали:

— Мы стали людьми, нужными небу. Единственную нашу сестру забрал всевышний бог Нум.

Ханты с девушкой и со всем трехрядным аргишем, со всяким добром опустился на сопку, где с Марендей расстался. Женщине сказал:

— Поставь здесь чум. На будущий год в это время я приеду за тобой. — Затем он сказал: — Шкура, шкура, опусти меня возле моего чума.

Опустился возле чума, спрятал шкуру. Вошел в чум, сказал Маренде:

— Эта земля такая далекая, что я не дошел до нее, вернулся.

Они стали здесь жить. Прошел год. Однажды ханты сказал жене:

— Свари мне мясо. Сегодня мы с Марендей поедем.

Потом сказал Маренде:

— Мы сегодня с тобой поедем. Я покажу тебе места промысла. Ты когда-нибудь скажешь: «Был у меня родственник младший ханты, эти места мне показал».

Они поехали. Неизвестно, сколько они ехали, но увидели чум. Вошли в него. Женщина неслыханной красоты сварила мясо. Покормила мужчин. Младший ханты сказал:

— Женщина, время настало, разбери чум.

Женщина не хочет разбирать чум, сопротивляется.

Тогда младший ханты сказал Маренде:

— Разбери чум.

Марендя разобрал чум. Женщину посадили в женскую нарту. Поехали.

Приехали домой, распрягли оленей. Разостлали две постели. Начали жить.

Живут три года. Как только минул третий год, Марендя сказал:

— Завтра начнем кочевать со всеми оленями в сторону большого города. Я не платил налог царю уже три года.

Они откочевали со всеми оленями. Целый месяц кочуют. По истечении месяца Марендя сказал:

— Уже близко, поставим здесь чум. Отсюда будем ездить. Большой город в семи днях езды отсюда.

Поставили чум, поели. Легли спать. Как только повернулось созвездие Большая Медведица, Марендя толкнул локтем в бедро женщину Выли:

— Разожги огонь, поедим.

Поели.

Младший ханты корчится, со стоном говорит:

— Придется, видно, вам ехать вдвоем. Я не смогу. Если я умру, то мое тело здесь и найдете.

Его родственники нагроузили нарты. Поехали. Как те уехали, он знай себе лег спать. С наступлением седьмого дня встал, сварил мясо, поел. Выбежал из чума, сказал:

— Шкура, шкура, опусти меня на краю царского города.

Опустился на краю царского города. Увидел, что его родственники только въезжают в город. В городе направился по прямой улице, сам в шкуре. Видит, на улице уборная. Мужчина, чистящий уборную, каждый раз чуть не падает за пешней. Посмотрел внимательно. А это, оказывается, старший ханты, его брат. Опять зашагал дальше.

Возле дома богатого купца увидел какого-то мужчину, колющего дрова. Посмотрел краем глаза — да это же его средний брат.

Затем младший ханты вошел в царский дом. Великий царь сидит за каменным столом. Советники его, семь советников, тут же сидят. Тут же и три Выли. На груди у них ордена с царскими лицами. Оказывается, схватили Марендю, привели к царю, судят его. Три Выли вскричали разом:

— Вот! Марендя забрал нашу сестру!

Царь спросил:

— Каким же судом мы его засудим?

Три Выли сказали:

— Нужно повесить Марендю!

Семь солдат тотчас загородили Маренде дорогу семью саблями. Увели его. За ними пошел и ханты. Царь велел одному советнику проследить за казнью.

Младший ханты взмахнул шкурой за спиной Маренди, и семь солдат с криком вздернули на виселицу царского советника. Вернулись солдаты к царю. Царь спросил:

— Вы повесили Марендю?

— С ним покончено! — ответили солдаты.

Царь взглянул и сказал:

— Вон ведь Марендя, за вашими спинами!

Царь увидел, что нет его советника, сказал:

— Вы, кажется, повесили своего. Сейчас вы сожжете Марендю, зажав клещами, на семи кострах.

Опять семь солдат увели Марендю. Царь отправил двух своих советников наблюдателями. Вот-вот должны были зажать Марендю клещами. Ханты взмахнул шкурой, и от царских советников остался лишь пепел. Солдаты вернулись в царский дом. Царь спросил:

— Вы убили Марендю?

— Сейчас мы его прикончили, — ответили солдаты.

— Вон же стоит Марендя за вашими спинами! Вы своего убили. Затолкайте этого разбойника в яму!

Опять солдаты повели Марендю. Теперь царь отправил с ними четырех своих советников. Вот-вот должны были втолкнуть Марендю в яму, а ханты взмахнул шкурой. И солдаты затолкали в яму советников царя. Советники царя полетели в яму, напоролась на остро наточенные железные прутья. Закончили солдаты свою работу, пошли к царю. Царь спросил:

— Ну что, прикончили Марендю?

— Мы прикончили Марендю, — ответили солдаты.

Царь начал искать своих советников, не нашел и сказал:

— Вот же Марендя! Теперь моя голова иссякла. Ничего не могу придумать. Марендя оказался сильнее меня! Теперь, мои верные солдаты, выведите трех Выли на улицу. Распяльте их возле двери — это из-за них погибли все мои семь мудрых советников.

Долго ли будут возиться с тремя Выли? А Марендя только сейчас начал гостить по-настоящему. Заплатил налог за три года. А ханты выскользнул на улицу. На улице снял шкуру, зашагал по улице. Подошел к среднему брату. Сказал:

— Ты когда-то не был похож на сегодняшнего человека, который колет дрова купцу. Казалось, ты не будешь склоняться под тяжестью топора. А теперь колешь купеческие дрова, кланяешься купцу за кусок еды.

Средний брат рассердился, бросился с кулаками. Младший ханты сказал:

— Не обязательно тебе бросаться на меня с кулаками. Ты когда-то отдавал мне своих куропаток, объединенных зверями. Когда-нибудь я пришлю человека за тобой.

Зашагал дальше. Дошел до человека, который уборную чистит.

— Старший ханты, когда ты съедал своих куропаток, объединенных зверями, казалось, что никогда не будешь чистить уборные, не думал, что ты будешь еле поднимать пешню.

Тот бросился с кулаками. Младший сказал:

— Не бросайся пока на меня с кулаками. Когда-то средний брат отдавал мне своих куропаток, объединенных зверями. Я пришлю за ним человека. Ты же съедал своих куропаток, не обращая на меня внимания. Ты умри, упав за пешней, смешайся с дерьмом.

Зашагал дальше своей дорогой. Дойдя до окраины города, сказал:

— Шкура, шкура, доставь меня домой.

Полетел домой. Снял шкуру. Семь дней знай себе спит. На седьмой день послышался скрип нарт. Слышно, Марендя пьян. Слышно, сказал:

— Я вот такой! Есть виселицы, есть семь костров, есть ямы-тайники, но в них я не попал.

Его родственник ханты делает вид, что слушает. Ханты стонет, вот-вот умрет — настолько он плох. Сказал Марендя одной из женщин:

— Разожги огонь. Ведь мы оставляли человека. Он еще жив, разожги для него огонь. Мы сами распряжем оленей.

Распрягли, должно быть, оленей. Вошли в чум. Марендя сказал:

— Как себя чувствуешь?

Тот ответил:

— Я плох.

Вытащил Марендя бутылку. Конечно, тому налил вина. Выпив две чаши, ханты сказал:

— Мой друг, оказывается, этот напиток исцеляет от болезни!

Выпив четвертую чашу, ханты сказал:

— Эта вещь очень хороша от болезни! В теле нет никакой боли.

Младший ханты здоровешенек. А Марендя все повторяет:

— Есть виселицы, есть семь костров, на которых сжигают людей, есть ямы-тайники — это не для меня.

Младший ханты говорит:

— Ну конечно, так оно и есть.

Живут в чуме семь дней. Потом откочевали в свои края.

Начали жить здесь. Поставили чум. И здесь живут семь дней. Младший ханты сказал Маренде:

— Мы с женой поедem в свою землю. Вы же останетесь тут, имея тысячи оленей. Ты будешь — Илебя пэртя — хорошей жизни опора.

Марендя спросил:

— Вы поедете на оленях?

— Нет, мы не поедem на оленях, — ответил ханты.

Ханты с женой сели в шкуру. Ханты сказал:

— Шкура, шкура, опусти нас в лесу около нашего чума.

Взлетели и вскоре опустились возле чума. Вошли в чум. В чуме неописуемая красота.

Сказал жене:

— Ты подожди здесь. У меня есть дело.

Младший ханты вышел, крикнул:

— Младший сын великана, где ты? Иди сюда!

Тот вышел из своего земляного чума:

— Младший ханты, какие вести?

— Возле купеческого дома увидишь человека, колющего дрова. Пойди за ним, — сказал ханты.

Младший сын великана ответил:

— Я его приведу.

Не прошло и мгновения, за которое можно положить табак за губу, он привел под мышкой среднего ханты. Привел и сказал братьям-хантам:

— Пусть вашим домом будет эта лесистая сопка.

Остались ханты здесь жить.

ЯБТАНЕ, ЯБТАКО И ЯНДОКО

Вдали от людных стойбищ одиноко стоит летний домик. Стоит он там, где нет леса, где замедляют бег бурные горные реки, а вершины гор царапают небо. Равнинная, слегка холмистая земля гола, как колено, и ветру не за что зацепиться.

В домике живут двое — Ябтако и Ябтане, брат и сестра. Брат старше сестры. Он все дни ходит на диких оленей охотиться. Есть у них Яндоко — песик. Вместе с собачкой Яндоко в домике их — только три живые души. Если надо подвезти к жилью туши хоров, Ябтако впрягается в санки вместе с Яндоко.

Удачлив юноша. Когда на охоте застанет непогода, Ябтако с Яндоко от ветра и снега рогами убитых оленей укрываются — так много оленей брат добывает.

Так и живут они. Дружно живут. Ябтако все дни на тропах диких оленей пропадает, Ябтане дома остается, камусы с оленьих ног снимает, сушит их, от мездры очищает и шьет наряды себе и брату, хозяйство ведет, еду готовит.

Однажды, когда брат с Яндоко ушли на охоту, Ябтане перед работой решила прибрать волосы. Распустила косу, только взялась за гребень и — под самым потолком на одной волосине повисла. Испугалась девушка, все тело до краешков ногтей заныло! Когда опомнилась, стала биться, пытаться вырвать волос руками — волос руки режет! Одна только волосина, а не рвется! Так и висит Ябтане. Весь день висит.

Завечерело. Брат с охоты возвращается. Ябтане уже слышит, что брат с Яндоко на дворе объявились, и тут — волосина то ли лопнула, то ли опустилась — девушка на пол упала.

Так и не прибрав волосы, Ябтане скорее принялась готовить еду.

— Ты и волосы не прибрала, — заметил брат. — Чем занималась?

— До косы ли? Весь день с камусами провозилась.

Брат замолк.

Погас день, спать улеглись.

Утром Ябтако — он же охотник, рано уходит — еще до зари ушел. Вместе с Яндоко они ушли.

«Опять косу не прибрала. Чем все занята?» — уже днем представила Ябтане, что скажет брат, и стала прибирать волосы. Только распустила косу — и повисла на одной волосине под самым потолком. Попыталась раскачаться, чтобы оторваться, — не смогла. Хотела разорвать волос руками — руки в кровь изрезала. Волосина только одна, а не рвется! И снова висит Ябтане весь день.

Завечерело. Брат оленьи туши тащит на санках. Вместе с Яндоко тащат. Но вот они уже во дворе, и волос то ли оборвался, то ли распутался — Ябтане на пол упала.

— И камусы не сняла, и волосы не прибрала... Чем же ты все занята? — ворчит недовольно брат.

— Мало ли дел по дому! — обиделась Ябтане.

Ябтако ничего не ответил.

После ужина брат из каких-то своих тайников семивершковую саблю вынул и начал ее точить. Весь вечер он ее точил, да так наточил, что, положи поперек лезвия волосину — она тут же пополам.

Утром Ябтако не пошел на охоту, на полати залез. Там он, может, спит, может, так просто лежит — не шелохнется, точно нет его. Яндоко в уголке калачиком свернулся, его тоже как будто нет.

Когда рассвело, Ябтане принялась за волосы. Только распустила она тяжелые пряди, потянулась за гребнем, слышит, брат вскочил, взмахнул саблей над самой ее головой, и тут же что-то со звоном на пол упало.

Девушка взглянула на пол и возле своих ног увидела кисть человеческой руки с браслетом из бубенчиков на запястье. Обрубок руки еще покачивался, прозрачные бубенчики, точно

водяные пузырьки, переливались на свету и нежно звенели.

Ябтако схватил кисть и, подавая ее сестре, сказал:

— Это кисть руки того, кто два дня держал тебя за одну волосину под потолком. Теперь возьми ее и храни. Положи в свою тучейку, горловину зашей, а тучейку спрячь так, чтобы никто не нашел.

На глазах у брата Ябтане положила кисть в тучейку, горловину зашила.

— Когда-то я женюсь, — снова заговорил Ябтако. — Будет у меня сын. Не успеет прорезаться на небе и второй месяц после его рождения, мальчик начнет ползать и говорить. Будет веселым, бойким. Но однажды горько заплачет. Так, без причины разревется. Ты станешь успокаивать его, разные игрушки будешь давать, но он ни одну не возьмет. «Есть у тебя самая красивая игрушка, — будет он твердить. — Ту мне дай!» Это он кисть с браслетом из бубенчиков будет просить, но ты, смотри, ни за что не отдавай.

И снова течет жизнь по-прежнему: брат с Яндоко на охоту ходят, Ябтане дома остается — камусы с оленьих ног снимает, рукодельничает. Скучно одной в доме и страшновато после случая с кистью. Однажды — это было около полудня — слух Ябтане уловил, что вроде бы на дворе послышались шаги. И не ошиблась она: из-за приоткрывшейся двери женская голова показалась.

— След моею единственного братца вижу только до края твоего дымохода, а дальше куда он пошел — не вижу, — сказала она. — Не видела ли ты его? Не проходил ли?

— Нет, — пожала плечами Ябтане. — Не видела. Не знаю. — И словно опомнилась: — Да ты что за дверью-то стоишь? Заходи. Поговорим, свежих жил из оленьих ножек вместе поедем.

— Ой, нет! — всполошилась женщина. — Братище-то твой, наверное, дома! — И хлопнула дверью.

— Нет братишки. Дома ли быть ему? Все дни на охоте, — запоздало сказала Ябтане, а женщины уж и след простыл.

Завечерело. Вернулся брат. Вместе с Яндоко они туши хоров приволокли на чунке.

— Днем кто приходил? — спросил Ябтако. — След вижу.

— Женщина была, — не замедлила Ябтане, — да в дом не решилась зайти. «Братшце-то твой, наверное, дома!» — сказала она и хлопнула дверью.

Утром Ябтако не пошел на охоту. На полати залез. Спит ли, просто ли так лежит — не слышно его, точно, кроме Ябтане, в доме нет никого. Яндоко в уголке калачиком свернулся, и его тоже будто нет.

Прибрав волосы, Ябтане, как всегда, занялась камусами. Увлечшись, она вроде бы забыла о присутствии Ябтако и Яндоко.

Ровно в полдень объявилась женщина, из-за двери заглядывает.

— Зайди, милая. Не бойся, — первой заговорила Ябтане. — Зайди хоть ненадолго: поговорим, жилами из ног молодых олешек полакомимся. Днем я всегда одна. Скучно.

— Ой, нет! — отозвалась та. — Не нужны мне жилы! Не нуждаюсь! Братище-то твой, наверное, дома!

— Нет братишки. Дома ли быть ему? Все дни на оленьих тропах пропадает, — заверила Ябтане.

Женщина открыла дверь пошире, ступила на порог одной ногой, второй, подалась было вперед, чтобы занести ногу, и в этот миг выскочил Ябтако, схватил ее.

Сильной и верткой оказалась женщина: так и ускользает от юноши. Когда наступил вечер, на уголках рта выступила у нее розовая пена — так она рвалась на волю! Женщина села на пол, пьяная от усталости.

— Ой! Весь дух ты из меня вытряхнул! — сказала она, тяжело дыша.

— Глупая! — говорит Ябтако. — Я не собираюсь тебя убивать. Я на тебе женюсь.

— Вэй!.. Пусть буду твоей. Пусть! Выйду я за тебя замуж и клянусь, что буду самой верной, самой покорной твоей женой.

И поженились.

Два года прошло, и, все как надо, — родился сын. Мальчик быстро растет. Не успел прорезаться в небе второй месяц после рождения, а мальчик уже на четвереньках ползает, заговорил. Мать тогда и сказала озабоченно:

— В зыбку ребенка скоро нечего будет положить. Схожу я, древесной трухи поищу на подстилку.

— Есть же пока сухой мох, — сказала Ябтане. — Потом я сама схожу.

— Где найдешь его, когда все замерзнет? — отрезала мать. — Да и мне — все с ребенком да с ребенком! — надо же погулять. Пойду трухи поищу! — И, шагнув за дверь, наказала: — А племянничек твой пусть не плачет: и до беды недалеко!

Только скрылась мать за дверь, мальчик — в рев! Ногами и головой бьется об пол, все тело красными пятнами покрылось, нос побелел, губы посинели.

Испугалась Ябтане, взяла мальчишку на руки, качает, дает ему разные игрушки, а он швыряет их на пол, пуще прежнего ревет и просит:

— Есть у тебя самая красивая игрушка! Ту мне и дай!

«Мать наказывала, чтобы мальчик не плакал: до беды недалеко! — подумала Ябтане и вспомнила о кисти руки с браслетом. — Ее он, может, просит? У меня, кроме кисти, ничего вроде бы нет». И достала тучейку, но кольнуло сердце, и она будто услышала голос брата: «Будет просить кисть с браслетом из бубенчиков, ты не отдавай!»

Ябтане огляделась вокруг: кроме нее и мальчишки, в доме — никого. А малыш ревет, задыхается, весь посинел, руки и ноги стали холодными, и все просит игрушку, самую красивую!

Ябтане распорол горловину тучейки и показала кисть с браслетом. Мальчишка залился смехом, будто и вовсе не плакал.

Ябтане подала кисть, и малыш стал кидать ее то к двери, то в переднюю часть комнаты — бубенчики на браслете переливаются, звенят, будто смеются. Ребенок носится за кистью и хохочет. Рад! Рада и Ябтане. Но мальчик замахнулся посильнее, и кисть упала у самой двери. Женщина — она, оказалось, и не ходила за трухой, за дверью стояла, ждала! — схватила кисть, взяла сына и исчезла.

Ябтане выбежала на улицу, но... разве увидишь, разве найдешь? Женщина исчезла, и следа нет!

Ябтане весь день выбегала на улицу, весь день прождала. Так и не появилась женщина с ребенком. Да и зачем она появится, если она этого только и хотела?

— Ох и виновата я! — схватилась Ябтане за голову. — Женщина и трухи-то не искала, за дверью стояла, ждала, когда кисть выкатится!

А день угасал. Далеко, где светила узенькая полоса заката, Ябтане увидела брата и Яндоко. Выбившись из сил, наклоняясь почти до земли, тащат они чунку.

Ябтане прождала весь вечер, но они не появились. Идти навстречу? Стемнело уже. Ночь. Где их в темноте найдешь? И она легла спать, но сон к ней не шел. Ябтане всю ночь прождала, но брат с Яндоко так и не появились. На рассвете она пошла туда, где видела их вечером. Нашла, но Ябтако и Яндоко были мертвы.

Ябтане раскидала туши оленей, вместо них на чунку уложила брата и Яндоко, приволокла домой, положила обоих рядышком на кровать и накрыла одеялом.

— Ох и дура я! — корит она себя. — Зачем я отдала эту поганую кисть? Пусть мальчишка поревел бы — от капризов еще никто не умирал!.. Теперь же, сколько ни плачь, толку мало! Мертвый не встанет. Что-то надо делать, куда-то уходить!..

Ябтане распутала косу, расчесала волосы, подстригла их, как у мужчины. Достала пимы брата с узором в семь белых и черных полос, повыше икр и ниже колена подвязками в семь цветов радуги затянула. Ловко надела рубаху брата, поверх нее малицу, подпоясалась, взяла его вересковый, лук, облицованный мамонтовым рогом, и вышла на улицу. Встала она на лыжи Ябтако, обшитые выдрой, и пошла куда глаза глядят, куда лыжи катятся.

Месяц идет Ябтане — ни людей, ни жилья. Попросит желудок — дикого оленя убивает. Туши оленей — не тащить же их на себе? — на месте коротких привалов оставляет: зверья и птиц полно, съедят. На исходе зимы Ябтане протерла глаза — не чудится ли? — впереди показалось множество чумов. Людей возле них — видимо-невидимо! То сходятся вместе, то снова разбегаются. «Наверное, в стрельбе состязаются. Мишени смотрят», — решила Ябтане и ускорила шаг. Вскоре и ее заметили. Стали кричать:

— Эй, мужчина! Кто ты? Ноги торопи! Забавную игру мы затеяли: девушку делим! Дочь вождя рода Ламдо делим! Надо расколоть стрелой толстую иглу, да вот не можем. Если расколешь иглу от ушка до острия, дочь вождя рода Ламдо — твоя! Хозяин стойбища отдаст ее без всякого выкупа да еще в придачу сто оленей даст. Скорее шагай! Ноги торопи!

— Велика ли хитрость иглу расколоть! — сказала Ябтане, подойдя к стрелкам.

Она развернула облицованный мамонтовым рогом лук и выстрелила, не замедляя шага, еще издали — и толстая игла от ушка до острия пополам расщепилась.

— Тут мы бессильны! — разом выдохнуло все стойбище. — Равных тебе нет. Сильный — силен. Слабы мы, жилы у нас тонки. Уступаем невесту и разъезжаемся.

Тут Ябтане и посадили женихом за свадебный стол. Невеста и правда красива: от ее взгляда, куда ни глянет, шесты чума будто огнем занимаются. «Не зря, видно, делили невесту: красива!» — подумала Ябтане.

Год живет Ябтане в стойбище зятем. Когда запорхали первые снежинки второй зимы, Ябтане сказала тестю:

— Там, у меня дома, сестра есть. Совсем одна. Соскучилась, наверное... На лик своей земли хотелось бы взглянуть. Отпустишь ты меня или нет?

— Хэ! О чем разговор? Коли сестра есть и она одна — ехать надо! Почему же не отпущу?! Поезжай, когда тебе надо, и приезжай, как надумаешь.

В тот же день вождь рода Ламдо сани наладил, аргиш растянул. Пригнали на стойбище оленей. До дальнего края стоящего кучно стада и глаз не достанет — так много оленей!

Хозяин стойбища в нарту своей дочери четырех белых быков запряг. Сто белых быков в аргиш запрягли. К нарте Ябтане тоже четырех белых быков привели, накрыли сиденье нарты шкурой белого оленя. Потом вождь рода Ламдо к саням на самом конце аргиша дочери одну престарелую важенку привязал, и аргиш тронулся. За престарелой важенкой отделились от стада сто белых оленей и пошли рядом с ней. Видно, потомство пожилой важенки — дети, внуки, правнуки...

Все дальше уходит аргиш от стойбища вождя рода Ламдо. Ябтане прокладывает путь, но сама толком не знает, куда едет. Смыкаются веки дня — чум разбивают. Откроет день глаза — снова кочуют.

Однажды Ябтане увидела впереди множество чумов. Возле стойбища людское море волнуется. Упряжкам счета нет! Не война ли? Ябтане ведет аргиш прямо на них. А ей навстречу кричат:

— Эй! Мужчина! Ноги оленей торопи! Тонкую иглу надо расколоть! Три года бьемся — и все не можем!

Ябтане подъехала, подошла к стрелкам и сказала:.

— Велика ли хитрость тонкую иглу расколоть!

Она развернула облицованный мамонтовым рогом вересковый лук, натянула тетиву, отпустила — и тонкая игла от ушка до острия на две половинки со звоном распалась.

Стойбище умолкло на миг, потом выдохнуло:

— Сильный — силен! Нет тебе равных! Кроме дочери своей вождь рода Хаби отдаст двести

олений. Невеста — твоя. Обиды на тебя у нас нет, и на вождя Хаби мы не в обиде!

— Чума своего не разбивайте, к нам заходите, — сказал вождь рода Хаби.

Хаби, оказалось, уже приготовили для них вторую половину чума. Тут и поселились.

От лица дочери вождя Хаби, куда она ни взглянет, светло, как от солнца, ее же под дорогими украшениями почти не видать.

И живет Ябтане в зятях, с двумя женами.

Прошло два года. Когда закружились над землей снежинки третьей зимы, Ябтане сказала тестю:

— На лик своей земли надо бы взглянуть. Сестренка там у меня осталась. Совсем одна. Соскучилась, наверно. Отпустишь ли?

— Как не отпущу?! Если сестренка, и одна, конечно же скучает! Поезжай, когда тебе надо, и приезжай, как надумаешь.

Пока шли к стойбищу олени, хозяева аргиш растянули, сани сукнами накрыли. Оленей у вождя рода Хаби оказалось гораздо больше, чем у вождя рода Ламдо: и до середины стада глаз не достает.

Хозяева стойбища запрягли в аргиш сто пегих быков. Вождь рода Хаби в нарту своей дочери и в нарту Ябтане по четыре пегих оленя запряг, а к последней нарте аргиша своей дочери двух престарелых важенок пегой масти привязал. Аргиши тронулись, и за двумя пожилыми важенками отделились от стада двести пегих оленей и пошли за аргишами. Пошли с ними и прежние сто белых оленей.

Аргиши кочуют на родину Ябтане, к летнему домику. Смежает день веки — чум разбивают, откроет день глаза — снова кочуют. Ябтане попутно на диких оленей охотится, а двум своим женам говорит:

— Уши и почки оленей собирайте: сестра моя потом, может, навстречу прибежит. Все эти гостинцы и отдадите ей.

Долго ли, коротко ли кочевали, младшая жена говорит старшей:

— Странно! Муж наш одеяния свои никогда не снимает, спит всегда на одном боку и ни разу не повернется ко мне лицом. Мне кажется, он вовсе не мужчина...

— Что ты! — опешила дочь вождя Ламдо. — Не трогай мужчину. Может, стыдлив он?

Находящаяся в стаде Ябтане все это слышит. Вот старшая жена умоляет младшую:

— Не трогай ты его. Сама знаешь, как он иглы стрелой раскалывал. Отец говорил мне: «Ты, доченька, не перечь мужу, не испытывай его. Слово не так скажешь — всех нас погубить можешь. Если уж он начнет биться с нами — и на одну ночь не хватит нас: всех уложит!»

Дочь вождя рода Хаби промолчала.

И снова кочуют они. Ябтане знает, куда едет, а потому уверенно прокладывает путь. Однажды дочь вождя рода Хаби снова говорит:

— Я все же никак не верю, чтобы он мужчиной был. — И добавила с улыбкой: — Когда тронутся аргиши, на этом чумовище я тучейку под сани брошу. А на новом месте, как станем разбивать чум, ушко нюка разорву. Схожу к нарте, не найду тучейки и скажу: «Тучейку никак не найду, на чумовище, видимо, выронила, когда постромки вытаскивала». Тут мы и узнаем: если поедет за тучейкой — женщина, не поедет — мужчина.

Откочевали и чум разбивать начали. Поставили уже остов, принялись нюки натягивать, но дочь вождя рода Хаби обнаружила вдруг, что ушко нюка разорвано. Она побежала к своей нарте и не нашла тучейки.

— Ой, тучейка на том чумовище осталась, — сказала она. — Выпала, видимо, когда постромки вытаскивала...

— Глаза твои где были, если она выпала?! — вспыхнула Ябтане. — За тучейкой твоей, что ли, я

поеду? Нужна она мне!

И снова они кочуют. Ябтане уверенно прокладывает путь. Иногда они стоят, чтобы олени отдохнули. Дочь же вождя рода Хаби опять говорит дочери вождя рода Ламдо:

— На этот раз я у него мастеровые инструменты выброшу, а у одного из вандеев на месте загиба полоз сломаю. Если он поедет за инструментами — мужчина.

Дочь вождя рода Ламдо отговаривает ее, умоляет, чтобы не трогала она его, но та и слушать не хочет.

Ябтане же слышит весь этот разговор.

Тронулись аргиши, и дочь вождя рода Хаби мастеровые инструменты мужа под нарту выбросила. Дочь вождя рода Ламдо глазом косит на нее:

— Не трогай мужчину. Не испытывай!

Аргиши ползли весь день. Когда наступила пора разбивать чум и подошел к упряжке Ябтане аргиш дочери вождя рода Ламдо, они увидели, что аргиш дочери вождя рода Хаби отстал. Далеконько отстал.

— Что с ней? — бросила Ябтане и, не дожидаясь ответа, распорядилась: — Распряги оленей своего аргиша, а я посмотрю, что с ней.

— Вэй, как не вовремя-то! Грех, что ли, какой? — вопила виновато дочь вождя рода Хаби, когда подъехала Ябтане. — Полоз вандея сломался.

Ябтане взглянула на полоз и сказала:

— Сверло мое подай.

Женщина долго рылась под суконными чехлами своей нарты.

— Еще беда! — сообщила она. — Инструменты твои... на чумовище остались! Выпали, видимо, когда постромки вытаскивала...

— Часто что-то у тебя все нужное выпадает, — ехидно заметила Ябтане и сказала: — Вандей пока оставь здесь, а сама отправляйся и ставь чум. Я поеду. Как же мне без инструментов? И аргиши без них не тронутся!

И Ябтане по следу аргишей помчалась на чумовище.

— Зачем ты смеешься над ним?! Зачем издеваешься? Мужчина, если он торопится, конечно же поедет за инструментами! — такими словами встретила старшая жена младшую.

Утром, пока женщины разбирали чум, Ябтане отремонтировала полоз. Дочь вождя рода Ламдо косилась на дочь вождя рода Хаби, корила ее:

— Ты хоть сейчас-то не смейся над ним! Да и сама спокойно рассуди: разве поехал бы мужчина за тучейкой? Нужна она ему! Думаю, он знает и то, что ты нарочно оставила его инструменты, чтобы испытать. Нельзя так! Был бы он простым человеком, не ходил бы по нашим землям. Верю, что он все слышит. И сейчас он нас слышит. И знает, что ты его проверяешь...

Аргиши ползли с утра до вечера каждый день. Дочь вождя рода Хаби уже не пыталась испытывать мужа, хотя сомнения не покидали ее. «Какой же это мужчина, если и в одежде спит, и в постели всегда спиной к жене?!» — разочарованно думала она, представляя унылое, бесцветное будущее, если таким он будет всю жизнь. «Молодчина!» — похвалила слышавшая ее мысли Ябтане.

А на одном из привалов Ябтане сказала:

— До моего летнего домика отсюда — ровно семь кочевков. Сестра моя, должно быть, очень соскучилась. Да и как не соскучиться: с собачкой Яндоко их ведь только двое. Вы пока не трогайтесь: слишком долго уже кочуем, устали и вы и олени. Я один налегке поеду, а вы, если скучно будет, по следу моей нарты кочуйте — снега его долго не заметут. Я же давний свой обет вернуться домой в таком виде, в каком ушел, выполню, если за все время моего отсутствия сестренка не потеряла девичьей чести.

Услышав это, дочь вождя рода Ламдо с посветлевшим лицом обернулась и посмотрела на удивленную и растерянную дочь вождя рода Хаби — вот, мол, все твои испытания!

Когда день открыл веки, Ябтане пригнала оленей. Она запрягла четырех белых быков, постелила на сиденье нарты шкуру белого оленя и, уезжая, наказала:

— Если семь дней будет пурга, не трогайтесь с места. На восьмой день я сам приеду. Обязательно приеду, потому что след моей нарты снегом заметет и вы плутать будете.

Ябтане к своему домику приехала за день и ночь. Четырех белых оленей привязала по отдельности к четырем столбам, отгребла снег от дверей, дров наколола, повесила на крюке огромный медный котел и сдернула с брата и Яндоко одеяло: сто мышей метнулись в разные стороны! От Ябтако и Яндоко одни кости только остались.

Ябтане все до единой собрала косточки, положила их в котел, налила воды, раздула костер и, не зная сна, два дня и две ночи варила. Варила и палочкой перемешивала. Когда кости превратились в густой навар, похожий на клей, Ябтане опрокинула котел на середину пола. Опрокинула так, что ни одна капля не брызнула в сторону. Потом она легла на кровать, накрылась с головой одеялом и уснула. Три дня и три ночи Ябтане точно мертвая спала. На четвертые сутки она услышала сквозь сон далекий голос:

— Эй, Яндоко, отодвинься, что ли! Бок у меня онемел и руку отдавило.

Ябтане вскочила, подняла лежавший вверх дном котел: Ябтако и Яндоко свернулись на полу калачиком. Еще и позевывали, будто спали.

Ябтако встал, потянулся, сел на кровать и спросил удивленно сидевшую уже на своей кровати Ябтане:

— Что это? Почему мы с Яндоко под котлом оказались? Где моя жена? И сын?

— Жена твоя ведьмой была, — сказала спокойно Ябтане. — И сын ее не твоим был: она его еще до тебя от дьявола нажила. Ушли они. Навсегда ушли, и дорогу к ним не найти. И не надо искать.

Ябтане подробно рассказала брату о своих похождениях, о первой и второй «женитьбе», о том, как испытывала ее младшая «жена», о ста мышях, метнувшихся в разные стороны из-под одеяла, о костях, о котле...

— Да, — расширились глаза у брата. Сон будто рукой сняло. — Так, значит, мы уснули?

— Все это уже в прошлом, — сказала Ябтане и начала торопить брата. — О жизни надо думать. Одевайся скорее. Все свои наряды надень. Жены твои уже сюда кочуют. Теперь у тебя триста свободных оленей. У старшей твоей жены олени все белые. Сама она — дочь вождя рода Ламдо. У младшей твоей жены олени все пегие. Она дочь вождя рода Хаби. С ними я много не разговаривала. На первых порах и ты язык придержи: догадаться могут. Особенно своенравна младшая жена. А теперь иди и оленей запряги. Они к столбам привязаны. Жены твои сейчас на расстоянии семи кочевков находятся, но ты до их чума за остаток дня и за ночь доедешь. По следу моей нарты поезжай, он тебе будет виден, хотя шесть дней и ночей пурга бесновалась. И помни: пройдете кочевку — на половину чума старшей жены садись, а после следующей кочевки к молодой жене переходи. Не спутай оленей: у старшей жены они белые, у младшей — пегие. Во второй кочевке первыми запряги оленей младшей жены.

И... поехал Ябтако. Как его встретили жены, как они живут, этого мы не знаем. И зачем знать? Ябтане же возле своего дома прибирает, кладовые ворошит. Открывает одну — набита она шкурами диких оленей, открывает другую — голубые и белые песцы, серебристые и красные лисицы, есть куницы и даже соболи.

— Йэх! Жить бы, как жили! На все это добро разве оленей не купили бы? — вздохнула она запоздало.

Ябтане долго любовалась своим богатством. Потом все же закрыла амбары, прибралась в доме, и жизнь вошла в свои обычные берега, словно так всегда и было. А однажды, скорее от безделья, Ябтане надела свои наряды, заплела косу, и, куда ни посмотрит, на стене напротив нее играют солнечные зайчики.

— Э! А ведь и от моего лица светло, как от солнца! — вслух удивилась она. — Выходит, и я не хуже своих «жен»!

На пятый день после отъезда брата аргиши показались. Близко уже подошли. Ябтане побежала навстречу. Сначала она встала на полоз нарты дочери вождя рода Ламдо, ехавшей вслед за Ябтако. Невестка ей уши, почки и языки оленей подала. Потом Ябтане на полоз нарты дочери вождя рода Хаби вскочила. И та ей уши, почки и языки диких оленей подала, достав их из-под суконных чехлов своей нарты. Все это Ябтане домой унесла.

Когда разбили чум, приезжие сестру мужа в гости зсвут. И Ябтане пришла. Младшая жена Ябтако толкнула локтем старшую:

— Брат и сестра что-то уж больно похожи друг на друга. Мне кажется, мужем нашим она была, — показала дочь вождя рода Хаби на Ябтане.

— Что ты говоришь-то? Дети одного отца и одной матери — как же не быть им одинаковыми?! — искренне возмутилась дочь вождя рода Ламдо.

Так они и начали жить. В стороне от жен Ябтане учит брата, когда и каких оленей ему запрягать. Ябтако иногда ездит на охоту. На нарте с собой он возит и Яндоко.

Три года прожили они. Пошли дети. Старшая жена родила дочь, младшая — сына. На исходе третьего года Ябтане сказала брату тайком:

— Женам твоим, видимо, глаза своих родных повидать надо, да и самому тебе на тестей посмотреть нужно — четвертый год пойдет, как жены твои приехали.

Выпал первый снег четвертой зимы, и они откочевали. Месяц кочуют, два, три... Ябтако, как это положено мужчине, охотится.

Когда вдоль речных берегов потянулись на север проталины, аргиши поднялись на голый хребет. Впереди, на равнине, чумы стойбища вождя рода Ламдо показались. На пологом холме, на расстоянии двух кочевков, чумы стойбища рода Хаби видны. Тут, на голом холме, и решили разбить чум.

Утром из стойбища рода Ламдо к одинокому чуму Ябтако упряжки подлетели. Позже, в первой же половине дня, к чуму на голом хребте и из другого стойбища, как снежный заряд, упряжки повалили. Вождь рода Хаби упряжку свою рядом с нартой вождя рода Ламдо остановил. Гости из обоих стойбищ тут же принялись за сватовство — одни красноречивее других. Сваты из того и другого стойбища так и ходят юлой вокруг одинокого чума. Не выдавшие еще такой красавицы, каковой оказалась Ябтане, стали они сватать ее за своих сыновей.

Ябтако растерялся.

— Одну лишь девушку как поделю надвое?! Одним пообещаю — другие обидятся...

— За сына вождя рода Ламдо ты меня отдай, — сказала Ябтане, отведя брата в сторону. — Другим же, чтобы не было обидно, — у тебя же скоро дочь вырастет! — дочь свою пообещай. Пусть подождут, пока она вырастет.

И согласился Ябтако выдать свою сестру за сына вождя рода Ламдо. Чтобы не быть ей без выкупа, попросил сто оленей, десять белых песцов и десяток красных лисиц. Другим же Ябтако пообещал свою дочь.

— Выкупа за нее не надо, — сказал он. — Пусть еще подрастет.

И грянула свадьба. Месяц гуляли. В конце месяца вождь рода Ламдо сказал:

— Долго гуляем. Пора и по чумам. Не век же гулять нам?

Брат и сестра аргиш снарядили, нарты дорогими сукнами покрыли. Сто быков запрягли в аргиш. Вот и увезли Ябтане.

— Младший жених пусть подождет, пока невеста вырастет, — обратился Ябтако к своим вторым гостям.

— Подождем, — согласился вождь рода Хаби. — Ведь и раньше мы были вторыми.

Три стойбища разбили свои чумы так, чтобы видеть друг друга, чтобы в гости ездить и чтобы беду не проглядеть.

Тут и конец.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Не было ни земли, ни воды, был только один Нум-Торум. Был у Торума дом в воздухе; на расстоянии трех аршин от дверей лежала доска, и только по этой доске ходил Торум, когда он выходил из дома. И ел и пил он только мед и сур. День и ночь он бывал дома, только два-три раза в день выходил гулять. Когда он приходил с прогулки, то садился на место-перину, садился и думал.

Однажды во время его размышлений капнула капля сверху на стол. Капля скатилась со стола, упала на пол, и вышел младенец — женщина Еви. Маленькая девочка открыла дверь и вошла в другую комнату. Когда она оделась в этой комнате в платье, неизвестно откуда полученное, и вышла к Нуму, то он бросился ей на шею, поцеловал ее и сказал:

— Будем с тобою век жить.

Долго жили, коротко жили, у них родился сын. Сын рос очень быстро, потому что такие люди быстро растут, и вышел однажды на преддверную доску гулять. Отец и мать говорили ему:

— Далеко не ходи, ты можешь с этой доски упасть.

Он их успокоил, говоря, что не упадет. Вдруг сверху спустилась бумага прямо к сыну Нума и прильнула к ладони правой руки. Бумага эта поднялась вместе с ним кверху, и он пришел к дедушке. Тот его спросил:

— Ты пришел ко мне?

— Да, я пришел.

— Как поживаешь?

— Ничего живу.

Дедушка спросил его:

— Что у тебя есть там, внизу, кроме домика, широко ли там или узко?

И он ответил ему:

— Ничего не знаю, широко или узко.

— А есть ли вода или земля?

— Ничего не знаю. Вниз смотрю: везде широко, не видно ни земли, ни воды.

Тогда дедушка дал ему в руки земли и ту бумажку, с которой он поднялся кверху, и спустил его обратно в домик к Нум-Торуму, сказав на прощание:

— Когда ты спустишься вниз, то сбрось с преддверной доски землю вниз.

Когда он спустился, то землю всю высыпал вниз и пришел в дом, который был золотым. Тогда отец и мать спросили его, где он так долго ходил. Он им ответил, что был на улице, на доске, и играл. На другой день дедушка сам спустился в золотой дом Нум-Торума. Его напоили и накормили. Дедушка спросил у мальчика:

— Знаешь ли ты, кто больше — сын или отец?

Он ответил ему, что отец-бог выше сына. Отец и мать стали спорить, что есть один бог. Дедушка сказал им:

— У вас ума нет, маленький умнее вас.

Затем дедушка скрылся. На другой день мальчик опять вышел на ту же доску, посмотрел вниз и увидел землю, но леса нет. Тогда он прибежал к родителям и сказал, что увидел землю, и стал просить спустить его вниз. Его посадили в золотую люльку и спустили на веревке вниз. Когда он, спустившись, правую ногу выставил из люльки на землю, то нога стала тонуть как будто бы в жиже. Тогда отец обратно поднял его. Мальчик рассказал, что спустился, но земля жидкая. Мать стала говорить:

— Ну ладно, сынок, завтра вместе спустимся, сама посмотрю.

Назавтра, утром раненько, спустились оба в люльке. Спустились оба вниз, и вот мать действительно увидела, что земли нет, а есть жидкое болото. Она сначала стала на ноги, потом пришлось нагнуться и уцепиться руками. И вот стала она тонуть и скоро совсем скрылась. Мальчик остался и заплакал. Наконец он потянул за веревку, отец его поднял и стал спрашивать:

— Почему плачешь и где мать?

— Мать, — говорит он, — утонула в болоте.

Отец стал его утешать и сказал:

— Скоро ли, не скоро ли, но все равно все умрем.

Скоро, однако, мать вышла из комнаты смеющаяся и стала говорить сыну:

— Зачем ты плакал? Все равно, когда мир будет на земле, то дети будут также оплакивать своих родителей. Скоро будут деревья и трава на земле, потом народятся везде люди.

На другой день, поутру, мальчика опять опустили на землю. Он вышел из люльки и побежал по земле: болота не было, земля укрепилась. Мальчик из земли сделал двух людей — мужчину и женщину. Когда он на них дунул, они ожили. Потом Торум создал морошку и бруснику — красную ягоду. И сказал Нум-Торум людям:

— Вот вам морошка и красная ягода — питайтесь ими.

Потом он им сказал:

— Когда я уйду от вас, то придет Куль и будет вас соблазнять. Вы ему не верьте, пока я не приду сам; когда приду сам, то скажу иначе.

Он пошевелил веревкой, его подняли вверх. Тогда Куль пришел к вновь созданным людям и стал спрашивать:

— Что? Торум повелел вам есть морошку и красную ягоду?

И он дал им горсть черемухи и сказал:

— Вы едите морошку и красную ягоду — от нее сытости нет, а вот если съесть эту горсть черемухи, то от нее навсегда будешь сыт.

Они не думали есть, но Куль уговорил их. Они съели и почувствовали, что сыты. Куль скрылся. Они продолжали есть черемуху. Когда Торум пришел на землю и стал спрашивать, что они едят, они показали.

— Зачем вы послушались Куля: он соблазнил вас!

Торум пошевелил их рукой, они упали в разные стороны замертво. Торум дунул на них, они опять ожили. Потом он им сказал:

— Я вас оживил. Смотрите, придет опять Куль, будет вас соблазнять — вы его не слушайте, ешьте морошку и красную ягоду, которые я повелел вам есть раньше.

Затем он создал зайца и сказал им:

— Этого можно есть.

Затем позволил им есть и малину.

— Смотрите, — сказал он им на прощание, — не давайте себя соблазнять Кулю; ведь вы уже были мертвые, верьте, потому, что дали себя соблазнить Кулю. Теперь я вас опять оставляю здесь, и, если Куль будет вас соблазнять, не слушайте его слов, пока я не приду.

И показал он им три дерева: сосну, лиственницу и березу. После ухода Торума явился Куль и стал спрашивать:

— Зачем вам есть эту малину, что в ней сытного? А вот есть кедр — высокое дерево, на нем шишки. Возьмите эту шишку, и будет у вас полная горсть орехов, и вы будете сыты.

Когда они съели эту шишку, то увидели, что они нагие, и стали друг друга стыдиться, потом

соблазнились друг другом и согрешили. После этого они спрятались в траву. Когда пришел Торум и стал их звать, они откликнулись чуть слышно.

— Почему вы спрятались? — спросил он их.

Когда он подошел к ним, они оба сидели на земле и не могли встать на ноги. И сказал им Торум:

— Вот я создал для вас оленей, овечек, зайцев, коров и лошадей; кожей их вы будете одеваться. Я говорил вам, что не нужно есть, вы не послушались, теперь оставайтесь на земле.

Не оставил Торум им ни огня, ни котла, оставил только сырое мясо и сам ушел вверх, на небо. Спустя некоторое время Торум посмотрел с неба вниз и увидел неисчислимое количество людей на земле — столько, что им стало тесно и они начали воевать друг с другом. «Что из этого выйдет? — подумал Торум. — Надо дать им зиму, чтобы они мерзли». И народ стал мерзнуть и умирать от мороза. Потом Торум стал размышлять, отчего осталось так мало народу. И он опять спустился на землю.

Ходил он по земле и думал. Увидел камень и приложил руку к этому камню, и пошел жар от камня. Возле него лежал маленький камень. Когда он взял маленький камень и ударил о большой, то большой рассыпался — и из него вышла женщина-огонь. От камня пошла дорога, неизвестно куда ведущая, но очень широкая. Еще из камня образовалась не целая лодка, то ли нос, то ли корма ее — неизвестно. Взял Торум опять камешки и стал друг о друга ударять, и показался огонь. Тогда Торум сделал из березовой коры трут, изрубил дерево, наколот дров и развел огонь. Когда он развел огонь, то собрал народ и стал отогревать у этого огня.

Потом стал он думать о том, что нельзя людям жить без варева, и сделал котел (из железа ли, из камня ли — неизвестно). И он принес в этот котел воды, повесил котел на палки, убил скотину (то ли корову, то ли овцу — неизвестно). Когда все сварилось, Торум сам сел, закусил, и ему показалась пища вкусной. Накормил он остальных, оставшихся в живых, сказав им:

— Вот я вам показал пример, как вам варить: вот огонь, вот вода; как я делал, так делайте и вы. Если будете зябнуть, разложите огонь — отогреетесь. Что добудете и что где достанете — вот так варите и пеките. Питайтесь той пищей, которую я вам посоветовал.

Потом он им показал, как добывать птицу перевесами, рыбу — гимгами, как неводить, как колыданить и всякие промыслы. Затем сказал народу:

— Больше я не приду к вам, так и живите.

Когда Торум поднялся вверх, то спустя некоторое время стал опять смотреть вниз на землю. Видит, что народ размножился, все трудятся. И стал думать: «Вот сколько расплодилось народу, соблазнил их дьявол». Позвал Торум к себе Куля и говорит:

— Ты без моего позволения никого не тронь, не соблазняй, пока не скажу. Когда скажу, укажу на старого или молодого, того и возьмешь. Половину народа ты возьмешь, а половина останется мне.

ЧЕРТ И БОГ

Черт пришел к богу и говорит:

— Дай мне то, что я у тебя попрошу.

Бог сказал:

— А это у меня есть?

Черт сказал:

— Есть.

Бог сказал:

— Ну ладно, дам.

Черт сказал:

— Дай мне солнце и месяц.

Бог отдал черту солнце и месяц. Черт стал в темноте людей есть. Так легче темные дела делать, разбойничать стал. Сын к богу пришел и говорит:

— Зря ты отдал солнце и месяц, пойдя и забери назад. Бог говорит:

— Да неудобно теперь, раз уж отдал.

Сын говорит:

— Раз вы теперь друзьями стали, то почему неудобно?

— А как я возьму?

Сын говорит:

— Раньше черт жил без месяца и солнца, он не знает, что такое тень. Попроси у него тень. Если не отдаст, то ты солнце и месяц забери.

Пришел бог к черту и говорит:

— Дай мне то, что я попрошу у тебя.

— А это у меня есть?

— Есть, — говорит бог.

Вот сели, сидят. Бог показывает на тень и говорит:

— Дай мне вот это.

Черт ловил и не мог поймать. Тогда бог забрал солнце и месяц, снова светло стало.

Происхождение месяца

Один мужик жил, ни жены, никого еще у него нет. Потом думает: «Один я в лесу живу или еще люди есть, надо сходить посмотреть».

Думал, думал, переночевал, утром встал, чаю попил, оделся и пошел. Шел, шел, смотрит — в лесу избушка, там живет одна женщина. Стал с ней жить. Живет, живет, смотрит, что у этой женщины жизнь короткая, а у него длинная. Думает: «Пойду дальше».

Идет днем и ночью. Опять впереди избушка. Пришел и видит: одна женщина там живет. Смотрит — опять у этой женщины жизнь короткая, а у него длинная. И сказал женщине:

— Я пойду дальше.

И пошел. Идет днем и ночью. Встретил опять в лесу избушку, там живет одна женщина. Она без отца, без родителей. Стали вместе жить. Он видит, что у них жизнь одинаковая. Жили, жили, он говорит:

— Я пойду домой свою избушку посмотреть.

А женщина его не пускает. Он собрался и пошел. Сходил, дом посмотрел, пошел обратно. Встретил дом, где первая жена жила, смотрит — избушки нет. Откуда-то первая жена выскочила и погналась за ним. Он от нее убежал. Бежал, бежал, смотрит — где-то тут вторая жена жила и избушка здесь была. Откуда-то вторая жена выскочила, обе погнались за ним. Бежал, бежал, смотрит — третья жена в избушке на курьих ножках сидит, руки-ноги спустила с двери. Он крикнул:

— Дверь открой!

Она дверь открыла, он наполовину залез, жены его на две части разорвали. Одна половина осталась тем двум женам, другая — у третьей. Он стал с третьей женой жить; он — месяц, а она — солнце. Он когда вырос до конца, тогда она одну половину мужа вверх бросила. Если так — пусть будет месяц, а сама стала солнцем.

Происхождение созвездий

Здесь было три крылатых человека: один — на Вахе, другой — на Оби, третий — не знаю где, может быть, на Енисее. Они хотели соревноваться, кто раньше добежит на подволоках. Снег был глубиной в три ладони. Бежали за годовалым лосем, он молодой и бегают быстро. Бежали, бежали. Ваховский бежит и перелетает через деревья высотой по пояс человеку. Ваховский бросил котел, чтобы легче бежать. Ваховский первый догнал лося. Теперь на небе три звездочки: это охотники бегут за лосем, а ковш — это котел, который один из них бросил.

Происхождение человека

Не на земле, а в небе живет один человек — Кон-ики. Он живет один. Думает, что надо человека сделать. Взял глину, сделал. Как его оживить? Тот не дышал. Оставил его, пошел к отцу.

— Вот, отец, надо как-то, чтобы человек жил.

— Ты ему воздух накачай, он оживет.

Пришел, у него руки и ноги оказались переломанные.

— Эй, сын, человек вечно не живет, он заболевает. Нарочно у тебя так вышло?

— Как нарочно? Я его оставил целого.

— Нет, человек живет, живет и умрет.

Он пришел обратно, дал ему воздух, человек ожил. Как быть? Кон-ики опять один живет. Тёрас-най одна живет. Этот человек пошел к ней, и они вместе стали жить.

На земле людей вообще не было. Они две березовые ветки сломали, дома положили, потом эти ветки людьми стали.

Как человек стал смертным

Медведь ведь проклят, не знаю кем. А собака Торумом проклята. Раньше человек умирал, а потом оживал всегда. Один раз он умер, а собака пошла к Торуму и спрашивает, как его оживить.

Торум говорит:

— Положи ему на ноги камень, а на голову гнилушки, он и оживет.

Собака понесла гнилушки и камень человеку, а навстречу черт:

— Клади гнилушки на ноги, а камень на голову.

Собака так и сделала. Когда человек встал, камень ему лоб пробил, и он совсем умер. Собака снова пошла к Торуму:

— Я камень ему на голову положила, а он совсем умер. Тогда бог ее проклял:

— Носи шубу, и что хозяин во двор положит, то и ешь!

Раньше собака человеку настоящим товарищем была, из одной посуды с ним ела, чистой была.

Происхождение скопы

Еще у Торума был сын Сюхэс. Теперь это птица, которая высоко летает, — скопа. Торум послал сына с неба на землю хорошие дела творить и наказал, чтобы он хорошо оделся. Тот не послушался, говорит, что не замерзнет. Подлетел к земле, а Торум за непослушание мороз напустил. Сын упал. Тогда Торуму жаль его стало, он превратил его в птицу. И теперь она высоко летает, но подняться до неба не может.

Происхождение кукушки

Однажды муж Казым-ими уехал на рыбалку, а она с мальчиком и девочкой дома осталась. Захотела Казым-ими пить, попросила детей принести ей кружку воды, но дети не принесли.

Казым-ими превратилась в кукушку. Дети гонялись за ней по лесу с кружкой и просили Казым-ими выпить воды, но кукушка улетала от них все дальше и дальше.

Вдруг Казым-ими увидела своего мужа, возвращающегося с рыбалки. Она села к нему в облас, а муж так сильно ударил кукушку веслом, что облас у него раскололся пополам и весло сломалось. С тех пор кукушка все время говорит:

— Рыт чоп, луп чоп — половина обласа, половина весла.

О появлении оленей

Когда-то поспорили кааым-ях и ахыс-ях, кому достанется больше оленей. Хозяйкой всех оленей была Казым-ими. Было два больших оленя — важенка и хор. Они были в два раза больше нынешних оленей, от них все олени пошли. Их хозяйкой была Казым-ими. Этим оленей запрягали в двустороннюю нарту — хоть с той стороны запрягай, хоть с другой. Собрались тазовцы и казымцы, праздник хотели устроить, жертвоприношение; не человека в жертву принести, а оленя. Поспорили, кому этих больших оленей отдать. Тазовские говорят, что им надо отдать, а казымцы тоже требуют, у них на этих двух оленей есть своя богиня — Казым-ими. Казымцы говорят:

— Эта женщина (Казым-ими) кому принадлежит, тому надо и оленей этих отдать.

Так они спорят. Привязали этих больших оленей вчетверо сложенным арканом, и олени стали прыгать. Олени рванули аркан, порвали и сразу убежали в сторону Тарко-сале. Все маленькие олени за ними. Ночью половину стада вернули. Из этого стада у хантов олени появились, кому один, а кому десять досталось. Больших оленей взяли у ахыс-ях, и тогда Казым-ими стала их хозяйкой. Казымцы ездили в погоню не на больших оленях. Там стадо наполовину собаками рассекли и угнали. Эта двусторонняя нарта называется лунк-ауль, ее надо у ахыс-ях искать, она у них осталась.

Происхождение медведей

Не знаю, правда или нет, что медведь раньше был богом, у него были дети. И вот (дети есть послушные и непослушные) одного непослушного медвежонка бог выгнал и сказал:

— Иди куда хочешь.

Маленький медведь упал на землю, но до земли не долетел и застрял в развилке дерева. Думает; «Пропаду теперь; ни вверх нельзя продвинуться, ни на землю опуститься. Съедят меня, наверно, черви». И правда, подох медведь, стали из него выпадать черви на землю. Из больших червей вырастали медведи с длинными хвостами — большие таежные медведи, а из маленьких червей — маленькие северные медведи без хвостов.

Происхождение народа Пастэр

Далеко на юге или недалеко, кто его знает, там, где берет начало Обь, жили когда-то предки народа Пастэр, может, они и сейчас там живут. Однажды двое из них пошли на охоту. На охоте они неожиданно наткнулись на прекрасную дичь, на лося. Начали его преследовать. У первого человека Пастэр были крылья, он гнался за зверем по воздуху; второй, у которого были только ноги, преследовал его по земле. И хотя он бежал быстро, как птица, все же он отставал от лося и крылатого человека Пастэр. Так сильно отстал, что уже не видел их обоих, так далеко они его обогнали! Но возвращаться он все-таки не хотел, так и бежал дальше за ними. Раз бежит — пусть бежит, посмотрим, что в это время делал другой — крылатый.

Крылатый гнался дальше за прекрасным лосем. Гнался за ним долгое время, гнался за ним короткое время, наконец догнал. Попал в него стрелой человек Пастэр, свалился лось замертво. Но и человек был обессилен.

— Ах, как я устал, — сказал человек и сел на землю рядом с лосем. Пока так сидел, начал осматриваться. «Свою землю я оставил далеко позади. Что это за земля? Я ее не знаю! Кто знает, сколько дней я гнал этого лося, кто их считал? И если я его убил, то путь домой так долог, что я никогда не смогу принести его домой», — подумал он про себя и затем встал. Снял шкуру с лося, обрезал спинной жир, засунул его в голенище своей обуви. Прикрыл мясо ветками и сучками, сверху положил еще плетенку. Затем отправился туда, откуда пришел. На лету опустил одно крыло в снег, пролетел так немного и затем еще раз прочертил крылом знак в снегу.

Долго ли летел, коротко ли летел, вдруг ему встречается другой человек Пастэр — тот, что бежал. Он все еще гнался за лосем.

— Убил ты лося или упустил? — спросил пеший крылатого.

— Убить-то я его убил, но так далеко отсюда, что там и оставил его мясо. Я лечу сейчас домой, а тебе если нужно мясо лося, то иди и бери, — ответил крылатый пешему.

Тут он достал сало из голенищ и дал другому, чтобы у того было что поесть, пока он найдет мясо.

Затем продолжал:

— Когда я возвращался, то черкнул крылом по снегу. Долго будешь брести, коротко будешь брести, затем найдешь по моему следу мясо лося. Можешь его съесть и, пожалуй, можешь даже там остаться, потому что пешему оттуда, наверно, никогда не вернуться.

Сказал так крылатый человек Пастэр и полетел дальше домой, а пеший отправился и пошел напрямую дальше. В пути он все время ел лосиный жир, так что ему не пришлось голодать. Долго ли шел, коротко ли шел и наконец, когда жир кончился, нашел убитого лося. «Моя родина и вправду далеко, далеко позади. Когда же я смогу пешком до нее добраться?» — подумал он про себя. Потом достал мясо лося и начал его есть. Он ел и ел с аппетитом, затем начал осматриваться. «Моя родина далеко отсюда. Пешком мне никогда не вернуться, — думал он. — Земля есть и здесь. Рыба есть, охотничья дичь есть, здесь будет неплохо. Останусь здесь». Так думал он про себя, так и получилось. Человек Пастэр, пеший, остался там на все время. Свою прежнюю родину он вскоре совсем забыл.

От этого человека Пастэр произошел народ Пастэр. Раньше они здесь никогда не жили, а как сюда пришли — о том и рассказывает эта история.

О народе Лар-ях

По большим сорам, по высоким травам, у большой воды жили два богатыря. Они были братья. И весь народ Лар-ях с ними жил по большим сорам, у большой воды.

Пошли богатыри на охоту. Один пустит стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше облака текучего. Другой пустит стрелу, орлиными перьями оперенную, летит стрела выше темных туч. Ходили, ходили, ходили... Убили большого-большого орла. Много орлиных перьев досталось им на стрелы. Пришли богатыри в юрту ночью, было темно. Как вынули перья из оленьего мешка, в юрте стало светло как днем. Одно орлиное перо горит огнем ярче солнца, светлей луны. Перо это было золотое. Стали богатыри спорить, кому взять орлиное перо. Один возьмет золотое орлиное перо — другой спорит, другой возьмет золотое орлиное перо — этот спорит.

Долго ли спорили, дрались ли — никто не знает. Один богатырь остался на больших сорах, у большой воды, где у них был город Ват-пугол. У него и осталось золотое орлиное перо. А другой богатырь пошел на другую реку. С ним пошла и половина народа из города. Так и стали народ этот звать Ват-ях — народ из города.

Происхождение священных мысов

Давным-давно это было. Эта легенда длинная, ее от начала до конца никто рассказать не может.

Одна семья, во главе которой была старуха, решила спуститься по Оби вниз и попасть на Васюган. Говорят, Васюган они не нашли, а попали на Нюрольку и стали подниматься по реке Тух-сиге, которая впадает в Нюрольку, а вытекает из озера Тух-эмтор. Начался голод.

А тогда был обычай: если нечего убить, надо дать дар. На одном мысу на Тух-сиге старуха принесла в дар одного своего сына, убила и оставила на мысу под кедром, подарила его мысу. Потом охота пошла хорошо, они разжились, поехали дальше. У нее была большая семья, запас скоро кончился, опять начался голод.

Доехали до острова, на нем она принесла в жертву своего старика. Этот остров до сих пор называется Ики — старик. На том острове сейчас стоят елка и кедр, там тоже дар приносится до сих пор. Когда стали подплывать к озеру Тух-эмтор, от семьи отделились три дочери, старуха их отделила. Там тоже образовался священный мыс. Туда только женские вещи в дар приносили: гребни, косоплетки.

Остальные поплыли к Озерному, к людям. Там старуху не приняли, как чужую, и она решила спускаться назад по Тух-сиге. У нее осталось три сына. Она решила запрудить Тух-сигу и затопить Озерное. Чтобы вбить колья, нужны были молоты. Старуха запрудила речку, но речка прорвалась и пошла другой стороной. Она двух сыновей отправила туда, где старика заложила, а младшего взяла с собой. Она все хотела попасть водой на Васюган. На озере Вэс-эмтор заложила и младшего сына и по озеру вышла в большое озеро Тух-эмтор, поплыла по нему. В одном месте, где она была, образовался мыс Пяй-ими (Мыс-старуха), где тоже приносят дары. Сама она опять вошла в Тух-сигу. У нее был с собой ручной лосенок. Она принесла его в дар на Тух-сиге, а сама сделала из белого камня его изображение. Этот каменный лосенок на Тухсиге давно, ему каждый охотник и приезжий приносил дар. Его никто не видит, только остяки. Он из-под земли появляется и исчезает.

О происхождении фамилий

Старики рассказывали, что раньше люди деревня на деревню войной ходили. Жили они в норах, чтобы трудно их найти было. Недалеко от поселка Летне-Киевского есть место, которое называется Яль-велем-пйай. Это небольшой мысок, поросший молодым сосняком. Раньше этот мыс был больше, а на нем стояла большая деревня. Вот однажды на деревню напали враги. В деревне жил богатырь, сын которого был женат на очень красивой девушке. Из-за этой красавицы и произошла война. Когда враги напали (их было в три раза больше), богатырь сделал весло с глухариную шею, сын сделал весло с лебединую шею толщиной. Прыгнули они в обласки, хотели убежать от врагов. У богатыря весло было толстое, и он уплыл далеко, а у его сына весло было тонкое, с лебединую шейку, и, когда он начал сильно грести, весло сломалось. Враги догнали богатырского сына и убили. Сноха же богатыря спряталась в большом болоте между кочками. Она залезла в большую куженьку, и враги ее не нашли. В деревне всех людей перебили, остались в живых только богатырь и его сноха. Богатырь сошелся со своей снохой, стал с ней жить. Детей они стали называть Микуминами. Сноха-то спряталась между кочками, а кочка по-остяцки — мюх, мюх-пйай, отсюда и фамилия Микуминых. Эту сказку дед Семен Аптоусов рассказывал.

У богатыря была шапка железная и железная рубаха. Испугались враги богатыря, потому что увидели, как он шел по берегу и скручивал березки, как хотел. Враги испугались, назад вернулись. У богатыря и его снохи было три сына. От этих сыновей и пошли три остяцкие фамилии: Калины, Микумины, Васькины.

ПОЧЕМУ У ОСТЯКОВ НЕТ СВОЕЙ ГРАМОТЫ

Когда-то в старину один остяк стал приглашать в товарищи русского, чтобы идти вместе в лес на звериный промысел. Русский согласился идти вместе в лес. Пошли. В лесу, на промысле, остяк и русский, как верные товарищи, не оставляли друг друга и не расходились один от другого далеко, но всегда были вместе. Они промышляли в лесу несколько времени так, как и все обыкновенные промысловики, и ничего особенного за это время промысла с ними не случилось. Но вот однажды днем они шли по лесу на промысел, по обыкновению своему вместе, как вдруг оба увидели, что с неба перед ними падают две какие-то бумаги. Русский, когда перед ним упали две бумаги, сказал по этому случаю остяку:

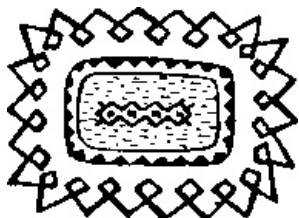
— Бог спустил с неба потому две бумаги, что нас двое: одну — для меня, а другую — для тебя. Так выбирай же себе из двух бумаг, какую только желаешь, а я возьму себе ту, которая останется.

Затем каждый из них взял себе по бумаге. Русский, взявши свою бумагу, подержал ее несколько времени в руках, посмотрел, что в ней написано, и положил себе за пазуху. Остяк со своей бумагой поступил иначе: посмотрел, что в ней написано, и положил на пень, тут случившийся, сказав при этом русскому так:

— Я свою бумагу теперь не возьму с собой, а возьму после, когда пойдем обратно мимо этого места с дневного промысла к своему стану.

Остяк, оставивши свою бумагу на пне, отправился с русским дальше в лес для промысла. По окончании дневного промысла они возвращались обратно к своему стану тем же путем, каким шли вперед в лес, чтобы взять остяку бумагу, положенную им на пень. Но что же, к удивлению и несчастью остяка, случилось с его бумагой? Бумаги его на пне не оказалось. Бумагу эту съел лось, который проходил в отсутствие остяка и русского мимо этого самого места, что было видно по его следам.

— Вот поэтому-то, — заключают обыкновенно остяки свой рассказ, — у нас и нет своей остяцкой грамоты. Если бы остяк с бумагой поступил так, как русский человек, — взял бы ее с собой, тогда бы и у нас была своя грамота. Хотя мы знаем, что местами есть грамотные остяки, но они все-таки учились и учатся по русской грамоте, а не по остяцкой. Остяцкой грамоты нет, ее съел лось.

СОЗДАНИЕ МИРА

Светлый муж-отец создал этот мир, эту Сибирь. Деревьев не было, сухой земли не было, везде была вода, везде был туман. Сын Светлого мужа-отца, обходя в тумане, в воде мир после раздела, говорит:

— Не мог ли бы я создать тундровый холм такой величины, чтобы он смог меня выдержать?

Тогда выплюнул он свои сопли в сажу из глубины глотки — возник тундровый холм. Теперь он проводит время на этом своем тундровом холме, пищу варя, ночи проводя. Пока он так жил, приходит кто-то, раскачивается стоя, погружается и всплывает. Когда подошел, то оказался несомый ветром черт. Подошел к нему, здесь рвет, там хватает. У него копье из твердого дерева, он толкает его отсюда, толкает его оттуда. Светлый мальчик потерял терпение, вынул из кармана двух гагар и говорит:

— Две мои дочери с игольчатыми клювами, — говорит он, — сделайте что-нибудь с ним!

Гагары начали раздирать черта, да и убили его. Светлый мальчик говорит про себя:

— Если бы мой отец не рассердился на меня, — говорит он, — я бы на свой страх и риск дал бы земле подняться, — говорит он.

Ему и страшно и не страшно.

— Две мои дочери с игольчатыми клювами, — говорит он, — нырните обе на спор, — говорит он, — кто из вас двоих вынесет живую землю, — говорит он, — кто из вас двоих вызовет живой мир, кто из вас двоих вызовет мертвый мир.

Тогда они нырнули. Они странствовали, странствовали, семь лет прошло. До семи лет не хватило семь месяцев, тут всплыла гагара и вскрикнула.

— Я проснулась в мертвом мире, — сказала она.

И вот по истечении семи лет поднялась на поверхность другая гагара, и там, где она отряхнула свои крылья, появилась куча земли, где она отряхнулась, тут возникла каменистая земля. Светлый мальчик пошел к своему отцу, спросил и сказал:

— Твоя птица вызвала мертвый мир.

Светлый отец сказал тогда:

— Мертвый мир я изначально предписал, — говорит он. — Если его не предписать, где тогда поместятся подрастающие девочки и подрастающие мальчики? — говорит он. — Между растущими деревьями им не хватит места, между выросшей травой им не хватит места, — говорит он. — Друг с другом, между собой они не найдут еды, не найдут питья, — говорит он. — Друг с другом, между собой они не найдут еды, они тут же начнут друг друга резать, начнут друг друга есть.

Светлый мальчик выплюнул сопли в сажу из глубины своей глотки, начали они высыхать и затвердевать, из них появился волосатый червь, волосатая змея. Этот волосатый червь, эта волосатая змея раскачивается, если дует ветер с ночной стороны и попадает ветер на нее, раскачивается, если дует ветер с дневной стороны и попадает ветер на нее. Пока она так лежит, качаясь от ветра, на нее падают капли дождя, на нее падают капли воды. От дождевой воды, от талой воды растет она. Она выросла величиной с женщину, величиной с мужчину, стала человеком. Он начал жить, живет. Однажды, когда он бродил, охотясь, встретила ему женщина Ерш.

— Это ты, из чего-то возникший дорогой мальчик, дорогой муж? — говорит она. — Ты изготовил старую веревку?

Маленький человек спрашивает ее в ответ:

— Что за старая веревка? — говорит он.

— Я, — говорит она, — так называемая двузадая, ползущая вперед женщина, я здесь, — говорит она. — Из чего, — говорит она, — ты возник? — говорит она.

Маленький человек спрашивает в ответ:

— Из чего, — говорит он, — ты возникла? — говорит он.

— Я, — говорит она, — возникла после возникновения неба, после возникновения земли, ко времени возникновения черной земли, — говорит она. — Черная земля раскололась на две части, и поднявшаяся из трещины этой черной земли — это я, — говорит она. — Я возникла из черной земли, — говорит она, — ты возник, — говорит она, — из Светлого мужа-отца, — говорит она. — Ты — сопли Светлого мужа-отца, — говорит она.

Маленький человек задумался.

— О какой старой веревке, — говорит он, — ты ведешь речь? — говорит он.

Женщина Ерш говорит:

— О такой веревке, как эта, — говорит она и опрокидывается на спину.

Она рванула Маленького человека на себя и обняла его. Она тянет и тянет Маленького человека вниз.

— Старая веревка — это так, — говорит она.

Женщина Ерш трет Маленького человека о свой зад, у Маленького человека ничего не чешется. Мужской член и яички Маленького человека под мышкой. Она вырвала мужской член и яички Маленького человека из-под мышки, кинула их меж ног Маленького человека. Они поженились.

Когда они так живут, женщина Ерш имеет тонкую оболочку, а мужчина — кожаную оболочку, користую оболочку. Мужчина в этой своей оболочке не наклоняется. Женщина Ерш говорит:

— Мой сын княгини, — говорит она, — в этой своей оболочке ты не наклоняешься, — говорит она. — Что это за оболочка, — говорит она, — користая оболочка или берестяная оболочка? — говорит она. — Иди, — говорит она, — и где твои охотничьи уголья, твои лесные уголья, там есть трехлистное ягодное дерево величиной с пуговицу, на этом трехлистном ягодном дереве есть три ягоды.

Тогда пошел человек, пришел в лес.

— О каких трех ягодах ведет она речь? — говорит он. — Нужно их поискать.

Пока он бродит, охотясь, все высматривает. Смотрел, смотрел, нашел трехлистное ягодное дерево. И вот на этом трехлистном ягодном дереве нашел три ягоды. Две ягоды он съел, одну ягоду несет домой. Пришел домой, зовет свою жену.

— Моя дочь княгини, — говорит он, — ягоды, о которых ты говорила, здесь, — говорит он.

После того как он в лесу съел две ягоды, его твердая оболочка начала отделяться. Дома он съел свою последнюю ягоду, теперь твердая оболочка сошла, и осталась тонкая оболочка. Долго жили, коротко жили, затем произвели они целый род девочек и род мальчиков.

КАК ДОСТАЛИ СОЛНЦЕ И МЕСЯЦ, КАК НА ЗЕМЛЕ ПОЯВИЛИСЬ ПТИЦЫ И ЗВЕРИ

На тундровом бугре живут старуха со стариком. Долго жили, коротко жили, однажды старуха вышла в сенцы. Вышла в сенцы, видит: там лежит только что родившийся ребенок. В люльке лежит, плачет.

— Старик, внесу-ка я ребенка в дом?

Старик выскочил из дома, они взяли ребенка, внесли в дом. Старуха стала его растить. Качая мальчика в люльке, песни ему поет. Однажды мальчик сказал:

— Мама, укажи мне место, где бы я мог бороться.

— Такого места нет, — отвечает отец.

— Мама, ты, наверное, знаешь, укажи мне.

— Есть такое место, — говорит мать. — Сказывают, живет дочь Нум-Торума. Если у тебя появилось такое сильное желание бороться, иди к ней. Место твоей борьбы там! Нум-Торум завет оставил: никому против нее не устоять; если кто-нибудь задумает ее ударить, в землю уйдет, семь морей, семь земель насквозь пройдет.

Мальчик собрался в путь. Мать дала ему обломок миски:

— Если твои руки, твои ноги попадут в беду, этот обломок миски разломи пополам.

Поцеловала она его, и мальчик пошел. Мать с заплаканным лицом осталась дома.

Долго шел, коротко шел, и вот на своей дороге нашел семисуставный посох. Воткнул посох в дорогу, взял его и дальше идет. Однажды слышит сверху человеческий голос:

— Внучек!

— Что?

— Куда идешь?

— Землю посмотреть, силу свою попытать.

— Силы не пытай, я тебе работу дам.

— Какую работу?

— Птиц, зверей делать.

— Как я смогу делать зверей? Совсем темно, нет ни солнца, ни месяца. Где я возьму солнце и месяц?

— Они у Хуль-отыра.

— Э...

Мальчик сорвал три травинки, скрутил их и дунул. Из его рук выскочил когтистый зверек, запрыгал вокруг мальчика, запищал:

— Сын великой женщины, богатырский сын, что прикажешь делать?

— Копай землю на семь сажен вглубь.

Когтистый зверек начал рыть землю. Так роет, что комья земли, как вороны, взлетают кверху. Наконец прорыл ход в нижний мир. Мальчик глянул туда, видит: как светло! И солнце и месяц светят; видно, как люди ходят. Сквозь отверстие наверх стали подниматься комары. Один комар поет песенку:

Пян-панри-пани-пани! В верхнем мире люди живут. В верхний мир я лечу, У земных людей буду пить кровь.

Комаров так много налетело, что вся земля ими наполнилась. Мальчик спустился в нижний мир, вошел в дом к Хуль-отыру.

— Ты зачем сюда пришел? — спрашивает Хуль-отыр.

— Хочу что-то спросить.

— Что же ты хочешь спросить?

— А зачем у тебя так много комаров? Вон сколько их на землю налетело, взгляни-ка.

Хуль-отыр стал глядеть, а в это время мальчик открыл свою табакерку, взял щепотку табаку и дунул в глаза Хуль-отыру. Оба глаза ему табаком запорошил, тот совсем смотреть не может.

Хуль-отыр и солнце и месяц держал у себя в доме. Мальчик потянулся, схватил месяц и солнце и бросился бежать из дома. Хуль-отыр за ним погнался. Мальчик обернулся гусем и полетел дальше. Хуль-отыр обернулся в железную чайку. Мальчик с криком летит к Нум-Торуму:

— Отец, отец, вот он меня догонит!

Нум-Торум выбежал из дома, кричит вниз:

— Месяц и солнце бросай вверх!

Мальчик бросил их, там они и повисли. Нум-Торум побежал навстречу, схватил свой блестящий меч. Хуль-отыр увидел меч, с плачем повернул назад. Говорит:

— Ты будешь жить в светлом месте, а я в темноте остался! Души людей ко мне будут попадать и тоже в темноте жить будут.

— Ну, тогда я тебе полсолнца дам.

— Какой свет от половины солнца!

— А не хочешь, так и живи совсем без солнца.

Нум-Торум с сыном вернулся домой. Сели за стол. Попили, поели. Мальчик встал из-за стола, попрощался с отцом, обернулся гусем и полетел. Летел, летел, на землю спустился. На земле снова в человека преобразился и пошел. Долго шел, коротко шел, в одном месте поднял два камушка. Хорошенько потер их один о другой — появилась собака с пушистым хвостом, побежала вслед за мальчиком. По дороге он сорвал с березы три листочка, свернул их в трубочку, дунул — и появился маленький зверек, лесная мышь. Вместе идут дальше. Мальчик отломил от ели щепочку, обстругал ее наподобие зверька — прыгнул пушистый соболь, за ними пошел. Так, идя по дороге, делает все новых зверей. Куда клонится его голова, туда и идет. Куда мальчик пойдет, туда и звери бегут. Долго так брел, коротко так брел, смотрит вперед: на берегу моря виден огонь; искры от огня вверх поднимаются. Туда и направился. Пришел. Смотрит: женщина лежит, спит. При дыхании у нее из ноздрей искры вылетают.

Он хотел женщину посохом ударить — в тот же миг она скрылась. Под землю провалилась, только голова мелькнула. Он разломил обломок миски, который дала ему мать, и у него появилась кольчуга. Надел кольчугу, кинулся за женщиной. Гонится. Долго гнался, коротко гнался, вперед смотрит: видно, женщина бежит вдали.

Когда мальчик стал ее догонять, она обернулась и остановилась. Добежал до нее, схватились бороться. Долго боролись, коротко боролись, наконец оба упали наземь. Женщина обессилела, и мальчик обессилел. Силы у них равные.

— Довольно, кончим бороться, — говорит женщина. — Ты меня убить не можешь, и я с тобой справиться не могу.

Отпустили друг друга, попрощались и разошлись в разные стороны. Мальчик идет дальше. Долго шел, коротко шел, добрался до отверстия, по которому под землю спускался. Наверх вылез, своим зверям говорит:

— Ты, собака, ищи, ищи человека. А ты, мышь, ступай, может, где найдешь кучу сухой травы. Там себе сделаешь гнездо. А ты в лес беги, — говорит он лисице. — Если мышь к твоему дому придет — убивай. Будешь ты убийцей мышей.

Звери разбежались, мальчик пошел дальше. Долго шел, коротко шел, однажды смотрит вперед: по всей земле огонь полыхает. Пришел туда: оказывается, не земля это — море огненное. Как через море перебраться? Положил поперек моря семисуставный посох, и он как

раз через все море лег. Помахал слюной, и появился мост такой ширины, чтобы человеку пройти. Побежал через огненное море. Посох забрал и дальше шагает. Однажды слышит сверху голос отца:

— Не встречал ли где своих братьев?

— Нет, — говорит, — не встречал.

— Поднимайся сюда.

Мальчик попытался обернуться гусем, но не получается. Начал плакать. Отец говорит ему:

— Чего плачешь?

— Не могу принять своего облика.

Отец дунул на него сверху, и взвился вверх златошейный гусь. Мальчик в образе златошейного гуся полетел к своему отцу Нум-Торуму, влетел в окно, опустился на середину пола, и тут обернулся человеком.

Все сыновья Нум-Торума собрались. За стол сели, есть стали. Поели, попили, распрощались.

Мальчик полетел в свой край. И теперь там живет. Его имя — Маленький Богатырь Желтая Трясогузка. Богатырь, имеющий облик желтой трясогузки, — это он.

КАК ЛУНА НА ЗЕМЛЮ ПРИХОДИЛА

Давным-давно жила-была старая женщина. Занималась она домашним хозяйством, готовила пищу. Однажды вечером старая хозяйка затопила чужал и стала готовить ужин. Жила она с внуком и внучкой в деревянном доме. Ребятишки вышли ночью на улицу и стали смеяться над луной, стали рожицы корчить луне, показывать на нее пальцем. И луна тут очень рассердилась на ребятишек-проказников, стала спускаться на землю. Тут баловники со страху забежали домой.

Бабушка взглянула на них, вышла из дома. Посмотрела на небо и видит: на небе нет луны. Смотрит: почерневшая луна спускается на землю. Старая женщина зашла домой, вытряхнула из рукодельного мешка свое рукоделие, затолкала в него внучат, зашила мешок и запрятала его подальше. Затем старая хозяйка поставила на стол берестяную чашку с солью и хлеб. Недолго ждала она, и вот рассерженная, почерневшая луна подошла к двери ее дома. Луна с шумом и грохотом влезла в дверь и спросила старую женщину:

— Где теперь те ребятишки-баловники, что смеялись надо мной и строили мне рожицы?

Соль, услышав голос луны, сказала:

— Малые дети посмеялись над тобой, луна, а ты сразу и рассердилась, спустилась на землю. Меня вот человек в котел для пищи бросает, а я и не сержусь.

Затем заговорил хлеб на столе:

— Ты, сердитая луна, и так съела безвинных детей, теперь снова на землю спустилась. Человек меня на горячей воде замешивает, печет в горячей печке. Вытащив из печки, режет меня на кусочки, я и то не сержусь. А ты, луна, на детей рассердилась.

Тут луна с шумом и грохотом вышла из дома и поднялась на небо, на свое место. А старушка вышла на улицу, посмотрела вверх: луна снова светит в ночном небе. Зашла она в дом, распоролa рукодельный мешок, выпустила своих внучат. Они и теперь живут.

ОХОТА НА ШЕСТИНОГОГО ЛОСЯ

Жил человек с женой, был у них маленький сын, в колыбели еще лежал. Однажды женщина пошла за водой и видит: менкв гонит шестиногого лося. Приходит домой, муж ее спрашивает:

— Что сказать имеешь?

— Ничего нет, видела, как менкв шестиногого лося гнал.

Мось-хум услышал это, выскочил из колыбели и побежал. Погнался за лосем. Долго, коротко гонялся за лосем, догнал и отрубил ему две задних ноги. Остались две передних да две средних. Дорога, по которой бежал Мось-хум, видна и теперь: это Млечный Путь. Также виден и лось — Большая Медведица. Раньше, когда лось имел шесть ног, его люди не могли догнать.

ПРО СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

Луи-вот-ойка — Северный ветер. Старик в низовой стороне за морем жил. День и ночь не переставая дул. Оттого на земле очень холодно было. Люди от Северного ветра страдали. И зиму и лето все дул и дул. Каждый день люди от холода умирали. Однажды один человек сказал:

— Пойду в низовую землю на Северного ветра. Буду с ним биться.

Собрался и пошел. Долго, коротко шел, до низовой земли добрался, к Северному ветру пришел, биться его зовет. Северный ветер лук и стрелы схватил, из дома выбежал.

Долго бились, долго друг в друга стрелы пускали. Под конец человек изловчился, лук натянул,

стрелу пустил. Стрела Северному ветру половину нижней челюсти разбила.

С этой поры ветер дуть перестал. Стало тепло. Такая жара настала, что люди от нее болеть стали. И зиму и лето все тепло. Каждый день люди от жары умирали.

Много, мало времени прошло, снова ветер подувать начал. Челюсть у него заживать стала.

Челюсть у него хоть и зажила, прежней силы все же не осталось. Вполовину прежней силы все же не осталось. Вполовину прежней силы лишь дует. Людям с той поры хорошо жить стало.

ОПОЯСЫВАНИЕ ЗЕМЛИ

Йоли-Торум-сянь на землю спустилась, Крылатая Калм на землю спустилась. На земле стали жить.

Однажды Йоли-Торум-сянь говорит Крылатой Калм:

— Поднимись к своему отцу, Нум-Торуму. Так ему скажи: «Кожистая земля наша все качается, на месте не стоит. Когда появятся на земле люди, как они будут на ногах держаться? Нум-Торум, отец мой, укрепи нашу землю!» Может быть, каким-нибудь поясом он ее опояшет.

Крылатая Калм поднялась к Нум-Торуму. Вошла в его дом. Нум-Торум за столом сидит, правой щекой о посох опирается. Спрашивает дочь:

— Крылатая Калм, какое слово ты принесла, с какою речью ко мне пришла?

Крылатая Калм отвечает:

— Нум-Торум, отец мой, наша земля, как ни велика уже стала, а все еще движется, на месте не стоит. Когда появится человек, не устоять ему на ногах. Ты укрепи нашу землю, опояшь ее каким-нибудь поясом.

Нум-Торум голову опустил. Пока он так сидел, котел с рыбой вскипел. Потом голову поднял и сказал дочери:

— Я сделаю, как ты сказала, землю опояшу.

Крылатая Калм вышла из дома Нум-Торума, спустилась обратно на землю. Йоли-Торум-сянь спрашивает ее:

— С чем пришла, какую весть принесла?

Крылатая Калм отвечает ей:

— Нум-Торум, отец мой, обещал укрепить землю; сказал, что опояшет ее.

После этого Нум-Торум спустил на землю свой пояс. Его пояс был украшен тяжелыми пуговицами. Земля глубоко осела в воду и стала неподвижной. На том месте, где лег пояс, теперь Уральский хребет. Это самая середина земли.

КАК СОЗДАЛИ ЧЕЛОВЕКА

Прошло некоторое время, и опять Йоли-Торум-сянь посылает Крылатую Калм:

— Пойди к Нум-Торуму, скажи ему: земля теперь крепко стоит; надо создать человека, чтоб он на ней жил.

Крылатая Калм отправилась к своему отцу. Долго, коротко летела, про то никто не ведает. Однажды прилетела она к Нум-Торуму и говорит:

— Землю ты укрепил. Теперь нужно сделать человека.

Нум-Торум голову поднял, на дочь посмотрел:

— Я человека сделаю и на землю спущу, а вы его там оживите.

Крылатая Калм улетела. После этого Нум-Торум позвал Топал-ойку, приказал ему сделать человека.

Топал-ойка вырубил из лиственницы семь человеческих фигур. За это время Хуль-отыр вылепил из глины семь человеческих фигур. Говорит Топал-ойке:

— Давай, братец, поменяемся, а?

— Нет, не буду меняться, — отвечает Топал-ойка, — твои люди глиняные, худые.

— Ну, поменяемся, — уговаривает Хуль-отыр.

— Не хочу отдавать своих людей. Вон сколько я с ними бился!

— Ия над своими поработал, — говорит Хуль-отыр. — А ты души для них откуда возьмешь? Нум-Торум тебе душ не давал.

Сидит Топал-ойка, голову почесывает.

— Верно, — говорит, — душ-то у меня нет. Ну а ты моих деревянных людей сделаешь живыми?

— А то как же! Я их оживлю. А из глиняных людей пусть будут менквы.

Топал-ойка деревянных людей отдал Хуль-отыру, себе глиняных взял. Хуль-отыр деревянные фигуры отнес к Нум-Торуму. Нум-Торум поставил их спинами к себе, дунул на них: куда девались? Топал-ойка руки расставил, да ни одного не поймал.

Топал-ойка почесал у себя в затылке. Взял глиняных людей, посмотрел на них. Что же? Глина, и только.

Нум-Торум ему говорит:

— Глиняных людей отнеси к нашей сестре Калтась-эква. Корс-Торум души для них отдал ей. Пусть она их и оживит.

Топал-ойка отправился к Калтась-эква. Пришел, говорит ей:

— Сестра, этих людей сможешь оживить?

— Оживлю, — отвечает Калтась-эква, — только ты отсюда уходи.

Топал-ойка ушел. С тех пор, когда дети на свет появляются, мужчинам при этом быть нельзя.

Глиняные люди стали живыми. Только век их недолог: куда годятся их глиняные руки, глиняные ноги? В воду упадет человек — тонет, жарко станет — из него пот выступает. Люди, сделанные из лиственницы, были бы крепче и в воде не тонули бы.

Когда люди на земле появились, Крылатая Калм снова полетела к Нум-Торуму. Сказала ему так:

— Ну вот, люди на нашей земле появились. Теперь скажи, чем они будут кормиться, чем прикроют от холода свои тела?

Нум-Торум голову опустил, долго думал. Потом так ответил:

— Крылатая Калм, лети обратно на землю. В тайге, в лесной чаще будет много сохатого зверя; на болота, в тундру я пушу оленей. Там они будут жить, пищу для себя искать, а люди пусть ходят туда на промысел.

Крылатая Калм спустилась на землю. Йоли-Торумсянь спрашивает ее:

— Какую весть ты принесла от своего отца?

— Нум-Торум так сказал: в тайгу, в лесную чащу, на болота и в тундру я пушу оленей и сохатых зверей: туда будут ходить люди добывать себе пищу.

МЛАДШИЙ ТЫНГОС

Жил-был один богатый человек, богатый человек [Младший Тынгос] жил-был. Много оленей имел он, тридцать чумов имел, много работников имел. Живут они. У него, [богатого человека], был зять.

Сноха и зять живут, Младший Тынгос живет, Жену имел он, Вторую жену купил. Так живем-поживаем. Так живя-поживая,

однажды на улице днем сидим. Вдруг айка-хозяин [Младший Тынгос] говорит: «Давай, дети, игру сыграем. Пас-знак поставьте в ста саженьях, Тропалу-колотушку!»...

Тропалу-колотушку отнес я на сто саженьей, Отнес я. Когда я отнес, Хозяин [говорит]: «Зять мой, попробуй выстрели, Попадешь ли в пас-знак, Зять мой, попробуй!» Зять из передка нарт Лук-стрелы достал. Как только лук-стрелы достал, Стрелу приладил, Струну-тетиву натянул, Пустил стрелу, Возле самого снега Та стрела Тропалу-колотушку пополам расколола. сын хозяина красных оленей, Работник-хозяин, Он снова,

снова отнес пас-знак на двести саженьей. «Мой работник-хозяин, сын Хозяина Красных оленей, может, теперь ты начнешь [состязаться]?»

Он, [работник-хозяин], нехотя взял с нарты лук-стрелы. «Ну, земляк, давай, начинай стрелять!» Он выстрелил и тоже возле самого снега пас-знак попал. «Давай еще на триста саженьей пас-знак отнеси!» На триста саженьей Отнесли пас-знак. Теперь моя очередь [настала]. Тропалу-колотушку я тоже пополам расколол, Пополам Расколол. «Еще раз попробую!» Три раза стрелял он и три доски расколол. «Еще четвертую доску [знак-пас] отнесина пятьсот саженьей!» Поставили [пас-знак]. Я стрелу выпустил, прямо в тропалу-колотушку попал... Я говорю: «Хватит, — Оказывается, все мы метко стреляем!» Зять и работник-хозяин тоже не обижены... Завтра отправимся Царя убивать!

А то у нас ни хлеба, ни соли нет. Его, [царя], убьем, тогда хлеб будет, соль будет, вино будет, [все] добудем!»

Ночь мы спали, Утро настало. Я проснулся, Амдер-подстилку отряхнул, Крикнул: «Дети, Дети, вставайте! Вчера ведь я сказал: Царя убивать поедем, хлеба и соли добудем!» Все встали. Приказ я отдал, Кому [нарты] готовить, А кому [нарты] готовить не надо,

тот не поедет с нами. Кто едет с нами, тот торопится, [тот, довольный, говорит]:

«Теперь у нас и хлеб будет, и соль будет!» Те, кто остаются, те обижаются, [завидуют].

«Вы счастливые, вас берут!» — говорят те, которых не берут. Хозяин велел пригнать оленей, привязать оленей к вожже...

К аргишу-обозу привязали, Как только привязали, Как только привязали, Стали [ездовых оленей] запрягать.

Он, [хозяин говорит], остающимся [на стойбище]: «Пока мы не вернемся, никуда отсюда не трогайтесь. Пусть чумы тут стоят. Места не меняйте!»

Целую неделю едем, Так едем мы, Мы едем, Целую неделю едем, Ровная, как плаха, сопка Перед нами показалась, На ровную, как плаха, сопку Мы взобрались.

На сопку они взобрались. Вперед я глянул. Ну беда! Прямо-таки солнце сверкает! А на самом деле это были церкви и дома. Целый город показался. В том городе большие люди жили.

«Ну вот, — сказал [хозяин] товарищам, — вот мы и прибыли!» Вперед направились... Ближе к городу мы подъехали. Аргиши-обозы,

аргиши-обозы в стороне мы оставили. Каменная стена виднеется.

«Давайте каменную стену стрелами вдребезги разнесем!» А стрелами каменную стену как вдребезги разнесешь?.. Мы стрелы пускаем, метко стреляем, а стрелы от стены назад отскакивают, прямо над нашими головами

назад отскакивают. Каменную стену стрелами разве разнесешь?

«Ну, дети мои, еще ближе к стене [подойдем]!» Так мы стреляем, крики-стоны слышны, то тут, то там крики-стоны. Назад я гляжу:

...три человека осталось. Остальных из пищалей убили, мертвые лежат...

Так я стреляю...

«Не бойтесь! Метко стреляйте! Скоро мы всех врагов прикончим, убьем!» [— так я товарищей подбадриваю].

Мои [товарищи] стреляют. А что сделают трое? Три человека, три стрелы! Все остальные

работники убиты. Гляжу:

Нас окружили солдаты, Только груди сверкают.

У солдат — у кого сабля, у кого винтовка [сверкает]. Я ни о чем не думаю. Несколько солдат я вроде бы тоже уложил. Черт знает. Один человек на меня накинулся. Я увернулся, на лыжи стал...

На лыжи я стал, Недалеко отбежал, Оглянулся: Большой сильный русский солдат За мной гонится, Меня догоняет. Мы долго бежали.

До реки добежали. Зима, а тает. Это течением снег сносит, так и несет. Полынья саженей двести или триста будет.

Бегу, Сам думаю: «Что делать? Если мне суждено жить, Пусть я эту реку перепрыгну! Я реку перепрыгнул, На другой берег упал, Назад оглянулся: Русский [солдат] за мной Гонится.

Вот какой преследователь.

Я стрелой его лоб прошиб, так он в реку и рухнул. Куда мне деваться?..

Домой я отправился. Всех моих, [там оставшихся], Все равно убили. Домой я отправился К устью Неручи,

к устью Неручи, где наше стойбище было.

В сторону стойбища Я зашагал, К Неруча-ю я прибыл, Слышно, собаки лают, Все на улицу высыпали. Что же видят? Собаки... [лают]. «Хозяин наш вернулся Почему-то пешим, На лыжах вернулся?»

Прыгая через реку, я как-то удержал лыжи, не уронил их.

В чум я зашел. Жена спрашивает: «Почему пешим явился? Или олени разбежались?»

Она думает, что няпой-олени разбежались! Жена в чуме оставалась, не знает, что случилось. Он рассказал ей о беде. Спрашивает жена: «Много ли пастухов в живых осталось?»

Я ответил: «Привести назад их не смог, Хлеба-соли Так мы и поели!

Я один едва спасся. Ой, беда, русский дошлым оказался. Какую широкую реку я перепрыгнул, а он за мной следом. Назад я не вернусь. Все равно мои товарищи убиты».

Все же [спустя немного] я в путь отправился... В хановой-птицу я оборотился, В хановой-птицу я оборотился,

оборотился я в кречета, на место побоища полетел. Все там побито-разрушено. А он не человек ведь, а птица, поэтому, видимо, на него внимания никто не обратил, никто не опасался. Может, заметить и заметили...

Домой я вернулся. Работник-хозяин...

там один работник-хозяин оставался. Другого-то работника-хозяина застрелили, на поле и погиб. Говорит зятю: «Никогда, дети мои, не пытайтесь царя убить, не отправляйтесь в ту сторону.

Других игр, что ли, Нет на свете?»

Ну и смелые же [солдаты], а поймать меня все же не смогли.

Там мы стали жить-поживать. До сих пор на том месте живем.

СЫН ОЛЕНЕВОДА

Однажды отправили солдат, [послов], за Ернатэтой, отправили их на конях.

«Ладно, я на ваших конях не поеду, я сам прибуду. Сам на оленях приеду».

А сам-то и не думал ехать. Снова спустя немалое время солдаты, [послы], за ним прибыли — три солдата на трех парах коней. Хотят везти его с собой. Один солдат схватил его за плечи, чтобы усадить в сани...

«Сам прибуду!» Те назад уехали. Я снова не еду следом. Снова прибыли, снова зовут. В третий раз снова прибыли. Трое солдат, Меня увезти хотят. Один схватил Меня за плечи, Хочет меня приподнять, А я с места не двинулся. Говорит [солдат] товарищу: «Беда какой тяжелый! Как такого-то [везти?]

» Я говорю им: «Не возитесь со мной, Сам прибуду».

Послушались меня, уехали назад. Они уехали назад, а я оленей велел пригнать...

Как только пригнали оленей, Я оленей в загон загнал, Оленью упряжку запряг. Как только упряжку запряг, Так сказал: «Пока не вернусь, С места не трогайтесь, Ненадолго еду», — Так я сказали в путь поскакал. Как только туда я прибыл, Сальеру Так говорит мне: «Ернатэта, сын оленевода, Очень долго ты собирался!» Я так ответил: «Не сразу понял я! Что мне делать, На войне-то Что мне делать?» «Ну ладно, ночь поспишь, а завтра поймешь». Утро настало, Как только утро настало, На улицу я глянул: Кругом люди собрались, Ружья-пищали Так и сверкают, Солдат много собралось. В поход отправились. Долго ли, коротко ли По морскому берегу Походом мы идем.

Коренной [певец] остановился, на море глядит: корабль с тремя мачтами плывет. Корабль с тремя мачтами прибыл и...

Люди на берег высыпали. Как только на берег высыпали, Стрелять начали Прямо в нас. Вскоре Ни один человек на ногах не остался стоять. В обратный путь собираются, Все вместе собираются...

Сигнал подали, а я в яму кинулся, в их одежду переоделся.

Как только я переоделся, Следом бегу, Руками размахиваю. Те меж собой говорят: «Гляди, товарища своего Мы чуть не оставили на берегу, Живым еще оказался». Остановили корабль. Я подбежал к берегу. Как только подбежал к берегу, (на корабль) взобрался. Корабль поплыл В обратный путь. Так и плывем. Долго ли мы плыли, Город вдали показался, Город на морском берегу, [К городу] мы подплыли, Как только подплыли, У берега остановились. Как только у берега остановились, Все товарищи Куда-то разбрелись, Один я остался, Ночь я спал. Как только ночь проспал, На другое утро — Никого нигде нет. А в городе том слышно, Где-то кузнец кует.

Я подумал: видно, кузница близко, там кузнецы что-то куют. На шум кузницы я отправился...

В ту сторону отправился, В ту сторону отправился, Белоголовый старик стоит. О большой камень Кувалдой Стукнет, Так тут же солдат [из-под кувалды] Выскочит. Старик вспотел. Я говорю ему: «Дедко, я помогу тебе!» Отвечает тот: «Ладно, помоги, Если сможешь, То помогай!» Дал мне в руки Кувалду. Раза три-четыре Кувалдой о камень я стукнул.

Напоследок по голове самого [старика] я стукнул, череп вдребезги разнес...

Я отправился На корабль, В ту сторону отправился. Думу думаю: «Скоро ли соберутся?» Мало-помалу

собираться начали, все собрались. Команда слышна — с якорей сняться,

Так мы отплыли, Опять туда же прибыли, Где я на корабль садился, Туда же прибыли. Как только мы прибыли, Наверх я поднялся, Следом идут.

На языке отца своего крикнул собравшимся: «Не бойтесь!» — тем, которые из Салехарда прибыли, войску этому [я крикнул].

Всех, кто к берегу прибыл, Кто на корабле прибыл, Всех перестреляли, А у меня в руках ничего нет.

Никакого оружия в руках нет. Чем стрелять? Ни один человек с корабля не сошел на сушу. Дал я команду:

«Давайте назад возвращаться. Теперь некого бояться. Теперь кузнеца, ковавшего солдат, больше нет».

Так я прибыл к самому Сальеру. Как только к нему прибыл, Тот спрашивает: «Что так быстро, Быстро назад прибыли?»

Рассказал он Сальеру, как дело было. А остальные еще не прибыли.

Должны прибыть, Долго что-то едут. Тут Сальеру говорить начал: «Пусть придут».

Наконец прибыли. Отец мой сватает мне невесту. Тут и олени упряжки прискакали. Сальеру говорит:

«Ну и молодец ты, Ернатэта. Бери мою дочь замуж. Ты, оказывается, доброе дело сделал».

«Она в нашем чуме жить будет?»

«Ты сам от меня не уезжай. Меня заменишь, когда я состарюсь».

Так и остался [Ернатэта].

ПЕРЕЛЕТ ПТИЦ

В незапамятные времена все птицы, прилетающие ныне сюда на лето, не делали этого, а жили постоянно на юге. Но когда им сделалось тесно и жарко, они созвали собрание и начали говорить:

— Нам сделалось тесно, корму недостает, от жары яйца наши гниют, число детей не увеличивается; необходимо найти другое место для летнего времени. Для этого нужно послать кого-нибудь высмотреть хорошие, удобные места.

С этим все согласились и выбрали журавля, птицу важную, почтенную, умную, осторожную, умеющую хорошо летать и отлично ходить благодаря длинным ногам. Дали журавлю три года сроку, ибо ему нужно было облететь и осмотреть три страны: запад, север и восток. Журавль улетел.

Утка-чирок была красивее всех птиц; перья ее блестели ярко-зеленым цветом; кроме того, чирок отличался юркостью, веселостью и волокитством. Когда улетел журавль, чирок сейчас же начал ухаживать за журавлихой и очень ей понравился. Зажили они знатно, и чирок даже поселился у журавлихи.

Прошло три года. Как-то ночью прилетел журавль — и сейчас же к своей жене; чирок едва успел спрятаться под гнездо.

Журавль и говорит своей жене:

— Прекрасные места нашел я на севере — обширные, привольные, прохладные, изобильные кормом. Там можно много расплодить птенцов. Но я не дурак. Завтра на общем собрании птиц я заявлю, что на севере хуже, чем где-либо, а потом мы с тобой полетим на север и там проживем на славу; никто не помешает!

— Чирк! чирк! — закричал чирок и вылетел из-под гнезда.

— Что это такое? — спросил журавль у жены.

— Ах, друг, — сказала журавлиха, — здесь чудится. После того как ты улетел, я ни одной ночи не провела спокойно; все чудится, кричит, свистит, поет, хохочет, стонет, плачет!

— Да, да, всегда так бывает, — сказал журавль.

Маленькая бойкая утка-богоргоно, родственница чирка, отличалась невоздержанностью языка. Чирок прилетел прямо к богоргоно и говорит:

— А знаешь? Журавль вернулся!

— Ну и что же? — спрашивает богоргоно.

— А то, что журавль хочет погубить весь наш птичий род!

— Не врешь ли? Этакая почтенная птица, как журавль, не сделает дурного дела!

— А вот сделала же! Слушай, сейчас я случайно слышал разговор журавля с его женой; он говорил, что на севере есть прекрасные места для летовки, а собранию хочет доложить, что на севере скверно; хочет улететь туда только сам с своею женой.

— Смотри, какой мерзавец! — сказала богоргоно. — Но постой! Наделаю я ему стыда; пусть вспомнит он, как однажды при многих женщинах он смеялся над моими короткими ногами!

Вот собрались все птицы, большие и малые, на совет. Журавль рассказывает о том, что видел он во время своего полета.

— Был я, — говорит, — на западе и на востоке; там все одно, как и здесь; тесно, жарко, корму мало; потом я полетел на север и едва-едва вернулся оттуда живым; там ужасно холодно; вечные туманы, нет лета, постоянная зима; растительности нет никакой, вдобавок там водятся огромные хищные птицы с клювом, как коса и с такими же когтями; они прожорливы и жестоки; если лететь туда, никто не воротится.

— А как же ты вернулся? — вдруг спросила богоргоно и затем, обратясь к собранию, продолжала: — Не верьте ему, он врет. Прошлую ночью он жене своей рассказывал совсем другое; он один хочет воспользоваться удобствами севера, он один хочет расплодить птенцов.

Я случайно узнала о его злом умысле.

— Как ты смеешь пред таким почтенным собранием позорить меня? — вскрикнул журавль и, вскочив с своего места, бросился на богоргоно. Не успели крупные птицы броситься защищать богоргоно, как большая птица журавль до полусмерти избила маленькую птицу богоргоно, вывихнула ей ноги и, вероятно, убила бы, если бы собрание не спасло ее.

Птицы сказали журавлю:

— Старик журавль, ты напрасно так разгорячился, напрасно так избил бедную богоргоно. Мы этого не одобряем, она ведь птица семейная. Смотри, она чуть жива. Нет, мы тебе теперь не верим!

Несколько успокоившись, птицы снова обсудили вопрос и решили: если бы журавль говорил действительно правду, то не ожесточился бы так сильно на малую птицу. Ясное дело, что бедная богоргоно не удержалась и сказала слышанное. Поэтому надобно послать снова кого-нибудь на север. Пусть полетит туда орел, птица умная, дальноразведывающая, храбрая и скорополетная. Дадим ему год сроку. А богоргоно пусть лечится и кормится на счет журавля, который пусть вперед не расправляется своей волей; на то есть собрание!

Орел полетел на север. Ровно через год, весной, вернулся орел. Опять собрались птицы. Орел доложил, что он на севере нашел прекрасные обширные, прохладные и обильные кормом места; для вывода птенцов места как нельзя более удобные. Никаких страшных птиц, о которых сказывал журавль, там нет.

Не теряя времени, птицы собрались для полета на север и только что хотели тронуться, как явилась пред ними богоргоно, хромя и с вывихнутым крылом.

— Старики, — сказала она, — я имею слово сказать. В прошлом году при вас же журавль избил меня безвинно и за правду: сами вы теперь видите. Вы теперь улетаєте, а куда я денусь, больная и притом семейный человек? Без общества я здесь останусь на верную погибель. Посмотрите на меня теплым глазом, отцы; решите мою участь, пока не улетели!

— Да, она правду говорит, — сказали все птицы. — Действительно, она погибнет без посторонней помощи, а дать погибнуть своему брату-птице будет для нас срамом. Так как в ее беспомощности виноват журавль, который виноват и тем, что врал перед нами, то он и должен нести наказание: пусть он отныне и до века таскает к северу и обратно на себе птицу богоргоно.

И с тех пор при полете на север и обратно богоргоно садится на спину журавля. Журавль поэтому и редко долетает до дальнего севера, ибо ранее других птиц устает, так как летит с тяжестью на спине. А орла за его заслугу зовут тоен.

КАК ВЕТЕР К ВЕЛИКОЙ ГОРЕ ХОДИЛ

Жили у глубокого озера гордый якут с дочкой и добрый якут с сыном. Совсем рядом их юрты стояли, а никогда они друг к другу в гости не ходили. Встретятся, бывало, на берегу, добрый якут почтительно кланяется, а гордый якут и не смотрит на него. Добрый якут сядет на улице курить лицом к юрте соседа, а тот спиной повернется. Добрый якут идет ловить рыбу на ближний берег, а гордый якут — на самый дальний. Так вот и жили.

Однажды пробежал мимо глубокого озера большой Ветер. Посмотрел он на людей, как они в неладу живут, и думает: «Дай-ка попробую их одинаковыми сделать».

Подкрался Ветер к тому месту, где гордый якут с дочкой рыбу ловили, да как подует! Полетела вяленая рыба в ту сторону, где добрый якут с сыном рыбачили, и попадала на их берег. А Ветер забрался на сопку и смотрит, что люди дальше будут делать. Собрали добрый якут с сыном рыбу, перенесли ее в лодку и гордому якуту повезли. Увидел он, что соседи рыбу везут, велел дочери в другую сторону смотреть и не разговаривать.

Подплыли отец с сыном к берегу, вытащили из воды лодку и говорят:

— Принимай, сосед, рыбу, которую от тебя Ветер унес.

А гордый якут с дочерью как немые стоят. Обидно стало добрым соседям за такое неуважение, высыпали они из лодки на берег рыбу и обратно поплыли.

Подождал гордый якут, пока соседи к своему берегу пристанут, а потом побежал к оставленной на берегу рыбе и всю ее в воду побросал. Увидел это Ветер и еще пуще рассердился. «Подожди, — думает, — я сейчас собою твою гордость».

Только сел гордый якут в лодку, чтобы снова сеть закинуть, Ветер как рванет по озеру волной. Ударил высокая волна о лодку и выбросила ее у самой рыбалки доброго якута. Подбежали отец с сыном к гордому соседу, а он еле дышит. Положили его на крепкую сеть и в юрту понесли. Прибежала дочь, забилась в угол, плачет и разговаривать ни с кем не хочет. Стали добрый якут с сыном за больным ухаживать. Дрова готовят, воду носят, чай варят, по ночам у очага дежурят, а Ветер потихоньку вокруг юрты ходит и ждет, что же дальше будет?

В одно прекрасное утро здоровым гордый якут стал. Поднялся он на ноги, поманил за собой свою дочь и на рыбалку повел, даже спасибо добрым соседям за заботу не сказал. Тяжело вздохнули отец с сыном, а Ветер в этот день совсем злым стал. Лег он на высокий камень и ждет, когда якут с дочкой домой пойдут. Только они к юрте подошли, Ветер как выскочит из-за камня, как закрутит столб черной земли. Сорвал он юрту гордого якута, деревянный остов в щепки превратил, а оленьи шкуры за сопки унес.

В это время добрый якут с сыном с работы шли. Посмотрели они на то место, где юрта соседа стояла, и ахнули. Глубокая яма там образовалась. Жалко им стало гордого якута с дочкой, которые без крова остались, подошли они к ним и говорят:

— Идите в нашу юрту, а мы себе другую поставим.

Опять не поблагодарил гордый якут доброго соседа, даже теплым взглядом его не порадовал, вошел в чужую юрту и по-своему хозяйничать там стал. Увидел Ветер, что добрый якут с сыном из прутьев юрту собирают, а гордый якут идет и по-прежнему нос кверху поднимает, и решил Ветер к великой Горе сбегать, совет попросить: какой силой заставить людей породниться?

Много дней и ночей бежал по долинам Ветер, пока до великой Горы дошел. Остановился у Горы и спрашивает:

— Скажи мне, великая Гора, вся ли земля тебе видима?

— Как есть вся, — отвечает Гора.

— Посоветуй, великая Гора, — продолжал Ветер, — чем людей породнить можно?

— Дружбой, — говорит Гора.

— А как найти эту дружбу?

— Беги на свою старую землю, колыхни от края до края большие и малые деревья в тайге, подними в широких реках и морях седую воду, разгони в небе черные тучи и дай дорогу ясной заре. Тогда увидишь, как дружба рождается.

Пропел большой Ветер великой Горе свою благодарность и обратно побежал. День бежит, два бежит — что ни дальше, тем больше силы чувствует. Влетел в широкую тайгу и уняться не может. Ходит из конца в конец и все, что есть на земле, поднимает. Смотрит и не верит: гудит земля, столько его сила дел наделала, что поверить трудно. Обходит Ветер долины и любуется. Олени, что рассеявшись по тайге бродили, в одно большое стадо перешли. Люди все вместе у большого костра сидят, одну работу выполняют. Шумит Ветер и вместе с людьми молодеет. Подошел он рано утром к глубокому озеру, а там много народа ясную зарю встречать вышли. Гордый якут с добрым соседом новый дом рубят, а их веселые дети вместе большую сеть к озеру несут. Посмотрел большой Ветер на равных в счастливой доле людей, радостно ему стало, и запел он над миром могучую песню: как великая Гора научила его пронести по земле

небывалый ураган, от которого развеялась рознь и навечно воссияла дружба.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРОЛИВА

Говорят, в прошлом, когда еще европейцев не знали, острова Инетлин и Имегелин одним островом были. Возвышались на том острове две горы, а между ними шла маленькая протока, через которую китовые позвонки для перехода были переброшены.

На том острове эскимосы жили. Много моржей и нерп добывали. Некоторые в тундре у хозяев оленей пасли.

Самый богатый хозяин был Тэпкэлин. Сильный был и удачливый. Много пищи имел. Погреб у него всегда был мясом заполнен. Они жили одни с женой.

Однажды летом охотился Тэпкэлин в каяке. Погода была очень хорошая. Вокруг то и дело выныривали нерпы. Но Тэпкэлин не гарпунил их. Ждал, когда лахтаки появятся. Не дождавшись лахтаков, дальше в открытое море направился. Скоро уже селение на берегу едва виднелось. Остановился Тэпкэлин, стал ждать, когда лахтаки появятся. Через некоторое время впереди большой лахтак показался. Совсем близко вынырнул. Тэпкэлин сразу бросил в него гарпун. Наконечник гарпуна прямо в шею лахтаку вошел. Тэпкэлин быстро спустил на воду пузырь. Нырнул лахтак, а пузырь не пускает. Поплыл Тэпкэлин вслед за лахтаком. Стал лахтак постепенно силы терять. Наконец подтянул Тэпкэлин ослабевшего лахтака к каяку и закрепил на пузыре.

Солнце уже спускалось. Темнеть стало. Тэпкэлин к берегу заспешил. Солнце село, когда он еще далеко в море был.

Вдруг выскочил из воды какой-то зверь и впился когтями Тэпкэлину в спину. Не смог Тэпкэлин оторвать его от спины. Стал к берегу изо всех сил грести. А зверь давай кухлянку царапать. Тэпкэлин еще сильнее заторопился. Разорвал зверь кухлянку, до спины добрался, стал кожу когтями рвать. Тэпкэлин от боли чуть не упустил весло.

Опять попробовал зверя от спины отодрать, не смог — крепко зверь вцепился. Из ран уже кровь течет. Скорее бы до берега доплыть — только там спасение! Еще сильнее стал Тэпкэлин грести, преодолевая боль. Вот уж близко земля. На берегу люди сидят, ждут. Очень ослабел Тэпкэлин. Как приблизился каяк к берегу, крикнул людям:

— Вцепился мне в спину неведомый зверь! Отдерите его от меня, только живым оставьте!

Ткнулся нос каяка в песок, вытащили его люди тотчас на сушу. Видят — впился в спину Тэпкэлина какой-то неизвестный зверь. Отпустил зверь Тэпкэлина и бросился было к морю. Поймали его люди и отнесли Тэпкэлину в ярангу. А самого охотника еще раньше туда отвели. Ужинает Тэпкэлин, а спина у него вся этим зверем изранена.

Говорят люди Тэпкэлину:

— Вот мы поймали твоего мучителя! Что нам теперь с ним сделать?

Велел Тэпкэлин содрать с него шкуру и отпустить в море.

Наступила ночь, все люди уснули. И Тэпкэлин уснул. Проснулся ночью, слышит — шум прибоя совсем близко. Сильный ветер дует, а вокруг селения по низинам уже волны гуляют.

Быстро оделся Тэпкэлин и вышел наружу. Волны уже до первых яранг докатились. Собираются люди на гору бежать. А вокруг собачий вой, крики людей, шум прибоя. Скоро волны и к яранге Тэпкэлина подступили. Тэпкэлин вошел в ярангу, велел жене собираться, на гору идти. Только немного замешкался. Накатилась огромная волна, разбила ярангу и утащила вместе с людьми в море. Погибли Тэпкэлин с женой в морской пучине.

Всю ночь бушевал ветер. Много людей погибло, много собак утонуло, яранги волнами в море смыло. Маленькая полоска земли только осталась.

На рассвете еще сильнее стал ветер. Наступила мгла. Горы заволокло тучами. Но вскоре посветлело. Ветер стал утихать.

Оставшиеся в живых люди смотрели с горы в сторону своего селения. Взошло солнце, и увидели они на его месте море. Всю косу, где селение было, поглотили волны.

Так вот образовался пролив. А две горы — Инетлин и Имегелин — и сейчас есть. Только они островами стали. Конец.

ШАМАН КЫКВАТ

Жил-был в селении Нэтэн шаман Кыкват. С севера тогда страшная болезнь шла. Везде люди умирали. Но в Нэтэн болезнь еще не дошла.

Сказал Кыкват жителям Нэтэна:

— Сегодня ночью не надо спать, сегодня ночью дойдет до этого селения болезнь. Я буду следить. Как услышите мой голос, скорее ко мне бегите.

А сам оделся в шаманские одежды и поздно ночью вышел из яранги. Выкопал неподалеку от яранги яму в снегу и сел там на корточки. Как только настала полночь, показался огромный кэле. Вместо нарты байдара в одну собаку запряжена. Подъехал, увидел сидящего Кыквата и спрашивает:

— Ты что здесь делаешь?

Кыкват отвечает:

— Не пускают меня к себе эти люди, негде мне ночевать!

Кэле сказал:

— Если негде тебе приютиться, будь моим помощником! Я тебя кормить буду. Есть будешь, что хочешь. У меня разное мясо есть.

Кыкват говорит ему:

— Что ж, согласен, а то я голодный!

Выстроил кэле из шкур ярангу, и вошли они туда.

Кэле сказал Кыквату:

— Там в байдаре мясо есть, иди поешь какого хочешь мяса.

Пошел Кыкват к байдаре. Видит: на носу мертвецы, и еще живые люди есть, ремнями связанные, а на корме несколько диких оленей. Поел Кыкват оленины и вошел в ярангу. Тут кэле стал его спрашивать:

— Я давно слышал, что Кыкват — большой шаман. Ты, наверное, знаешь, где он. Может быть, он здесь и живет?

Кыкват ему отвечает:

— Не знаю! Наверно, умер, что-то не слышать о нем.

Сидит в яранге Кыкват и думает: как бы лучше расправиться с кэле.

Думал, думал и говорит кэле:

— Очень мне приспичило по малой нужде выйти.

— Чего там выходить! — говорит Кыквату кэле. — Не стесняйся меня. Тут все и делай!

— Ох нет, не привык я!

Вышел Кыкват. Как только вышел, бросился на собаку и убил. Потом развязал пойманных кэле людей. Стал по одному на ноги ставить. Поставит, ударит по заднице и говорит:

— Беги скорее домой, туда, где поймали!

Те, у кого еще душа цела, сломя голову домой бросились. А у кого кэле уже душу съел, не могли стоять, подали.

Вот наконец все до одного разбежались. А в яранге кэле стал беспокоиться: «Где же мой помощник? Не пошел ли за Кыкватом? Ох, если Кыквата позовет, плохо мне будет!»

Послал тогда кэле свою жену посмотреть, где Кыкват. Вышла женщина-кэле. Поймал ее Кыкват и убил. Потом в ярангу вошел, бросился на кэле и во весь свой голос закричал:

— Скорее, скорее ко мне бегите!

Прибежали тотчас жители Нэтэна, все копьями вооружены. Связали кэле крепко-накрепко и в рот ему палку засунули, чтобы рот был открыт все время.

И целое лето с самой весны все нэтэнцы лили ему в рот помой. Только к осени стало изо рта течь, только тогда наполнилось его брюхо.

Спросил тогда Кыкват у кэле:

— Будешь еще издеваться над людьми?

— О нет, больше не буду. Даже близко к этому селению не подойду, — отвечает кэле.

Кыкват говорит ему:

— Ну смотри, пока я жив, не будет тебе пощады!

Сказал и отпустил кэле на волю.

С тех пор кэле перестал в Нэтэн ходить. Конец.

ЛЯВТЫЛЕВАЛ

Говорят, жил когда-то Лявтылевал, нетелинский оленевод. Очень хороший человек был, очень сильный и ловкий. Давно уже он воевал. Враги его с противоположного берега Колымы пришли. А пришельцы те с Колымы были русские.

Однажды опять пришло много оленей и нарт караваном. Снова была большая война. Пришли ночью. Стадо Лявтылевала тогда другой мужчина сторожил. Близко подошли враги. Услышал мужчина, что враги идут. Прибежал в дом Лявтылевала. Говорит:

— Где Лявтылевал?

Высунулся из полога Лявтылевал, спросил:

— Что случилось?

Ночной пастух говорит:

— Кажется, опять вражеские воины пришли.

Лявтылевал поспешно оделся, обулся. Вышел на улицу. Спрашивает:

— Как стадо? Олени на старом месте? Все было в порядке, когда уходил?

Мужчина отвечает:

— Да, все.

Лявтылевал говорит:

— Ну что ж, пойдём проверим, как стадо!

Ветра совсем не было. Луна взошла. Как раз полнолуние было, светло кругом. Отправились.

Гора. Ущелье. В этом ущелье прятали стадо.

И все же враги обнаружили стадо. Пришли Лявтылевалины в ущелье, а стада нет. Угнали его враги. Отняли.

Ну и дрался с врагами Лявтылевал! Из лука стрелял, на копьях сражался. Много врагов убил. Испугались враги, убежали.

У врагов тоже было двое ловких. Продолжают с Лявтылевалом сражаться. В конце концов начал Лявтылевал уставать.

А дом Лявтылевала находился у реки, что у Нетелина.

Всю ночь сражался Лявтылевал. Наконец немного отступил. Боевой крик Лявтылевала стал еще слышнее. В русле реки уже оказался Лявтылевал — устал он.

Был у него нетелинский товарищ по имени Айван. Проснулась жена Айвана и вышла на улицу. Было очень тихо. Вдруг услышала жена крик Лявтылевала: «Ыгыч!»

Бросилась она в дом, закричала. Айван говорит жене:

— Ты чего кричишь?

— Страшно мне. Там наш мужчина кричит. Наверное, война пришла!

— Пойду послушаю, — говорит Айван.

Вышел. Послушал. Действительно, Лявтылевал кричит. Взял Айван копье. Пошел на крик. Видит: насаждают на Лявтылевала враги с двух сторон, к реке прижали.

Айван сказал:

— Ыыч, я пришел!

Лявтылевал на высокий берег прыгнул. Стали сражаться двое на двое: Лявтылевал с одним врагом, Айван — с другим. Лявтылевал не убивал врага. Нотайван же убил своего противника.

Лявтылевал увидел, что Нотайван перестал биться, говорит:

— Где твой мужчина?

Говорит Нотайван:

— Уснул!

Лявтылевал говорит ему:

— Зачем же ты его усыпил?

А Нотайван на самом деле убил его.

Перестал и Лявтылевал сражаться. Отдыхают все трое: Лявтылевал, Нотайван и вражеский воин. Лявтылевал говорит врагу, с которым сражался:

— Ладно, уходи, не буду тебя убивать. Отправляйся к своим. Только стадо верните.

Говорит этот мужчина:

— Хорошо, пойдем за твоим стадом!

Отправились, к стаду подошли. Вдруг бросился вражеский воин бежать. Опять пришлось Лявтылевалу сражаться. Отнял он свое стадо, да еще и у врагов оленей захватил.

Убежали враги. Все мужчины убежали. Двух мужчин он копьем заколол, головы отсек, через мозжечок вздел на копье. Машет ими и говорит:

— Не убегайте, еще повоюем!

На следующий год снова пришли караваном. Яранга Лявтылевала все там же стояла, на прежнем месте, у Нетелинской реки.

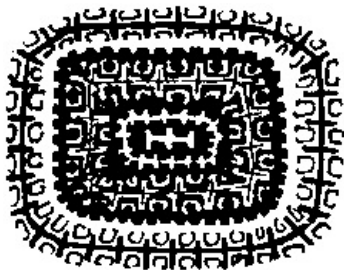
Пришли враги. Говорят:

— Ой! Яранга Лявтылевала на прежнем месте стоит. Давайте-ка обойдем ее подальше! Да к тому же у него теперь четыре яранги стало. Пусть живет Лявтылевал спокойно, нам с ним не совладать. А то опять недосчитаемся многих мужчин.

С этих пор перестал воевать Лявтылевал. Говорит:

— Хватит нам воевать! Со всеми этими мужчинами будем дружно жить. Если долго воевать, то оставшимся в живых и детям нашим плохо будет после войны: ни друзей, ни земли, ни мужчин у них не будет. Послушайтесь меня, перестаньте воевать! Пусть будет с этих пор всем хорошо!

Вот с тех пор войны прекратились. Все.

СОХОЛЫЛАН

Жили-были в тундре два товарища, два побратима — Солнце и Ворон. Были они сильны и отважны. И никто не мог сказать, кто из них лучше. По всей тундре шла слава об их удали.

Много раз слышало Солнце от Ветра, что у Севера есть красавица дочь, что много сильных, отважных людей отправлялось к Северу взглянуть на красавицу, но никто еще не вернулся обратно.

Солнце подумало: «Всех сильнее я в мире, льды превращаю я в воды, снежные пустыни делаются цветущею тундрой от моих лучей, так неужели морозы, которыми отгородился Север, не растоплю я своими лучами?»

Оделось Солнце потеплее: двойная на нем оленья одежда, одна мехом наружу, другая мехом внутрь. Село на оленью нарту и помчалось к Северу.

Едет, едет. Чем дальше едет, тем холоднее становится. Вот на дороге стали попадаться оленьи и собачьи кости, дальше и человеческие. Завывает ветер, трещит мороз, трескается земля. Отморозило Солнце пальцы ног и рук. Задохнулись от мороза олени, а жилища Севера все не видно. Решилось Солнце вернуться домой, а на обратном пути и нос себе отморозило.

Поехало однажды Солнце в тундру по дрова и повстречалось там со своим соседом, отважным Вороном. Ворон со своим младшим братом тоже приехал сюда за дровами. Младший брат Ворона увидел Солнце и спрашивает:

— Кто это?

— Это Солнце, — сказал старший брат.

— Эге, безносое солнце! — засмеялся малыш.

— Тише, тише, рассердится Солнце, не надо над ним смеяться, — сказал старший.

Услыхало Солнце разговор и говорит:

— Не смейтесь! Я обогреваю всю землю — и то отморозило нос и щеки, что же будет с вами, если вы попадете туда, где я было?

Тогда старший Ворон спросил:

— А где же ты было, Солнце?

Рассказало Солнце о Севере, о красавице его дочери. Много молодцов погибло из-за нее, но никто еще не добрался до красавицы.

— Так, значит, это не сказка, — сказал Ворон.

Он тоже слышал о Севере и его красавице дочери, слышал, что никто не может попасть туда. Ворон спросил:

— Где дорога к Северу?

— Поезжай туда, откуда северный ветер, — ответило Солнце.

Едет с дровами домой Ворон и думает: «Я тот, которому ничто не запретно на земле, я вздымаюсь на громадную высоту, я опускаюсь в пучину моря, мне доступны высокие горы, мне доступны морские пучины. Неужели я не достигну Севера?»

Приезжает Ворон домой и спрашивает своего мудрого старого отца:

— Скажи мне, отец, как достигнуть Севера?

— Там вечная ледяная пустыня, сын мой, — отвечает старый Ворон.

— Неправда, там живет могучий Север с красавицей дочкой. Много лет много сильных людей стремятся увидеть ее, но никто не может дойти туда. Скажи мне, отец, все, что знаешь ты о Севере, — не уснуть мне иначе целую ночь.

— Хорошо, сын мой, если знаешь уже, что это не сказка, слушай меня: твой дед погиб на пути к Северу, как и все, кто хотел увидеть ту, к которой ты стремишься. Чтобы дойти туда, нужна другая одежда. Та одежда, которая на нас, не годится. Иди к своему родному отцу — Такаютану, живущему на дне морском. Он не мог оставить тебя у себя и отдал мне на воспитание, когда ты был малышом. Спросит тебя Такаютан, кто ты, ответишь ему, что Сохолылан. Это твое настоящее имя. Такаютан поможет тебе добраться к Северу.

Опустился Ворон на дно морское, стучится в ярангу Такаютана. Услыхал стук хозяин морской пучины и удивился, кто осмелился прийти к нему на дно морское. Сказал он своей дочери:

— Спроси, кто там.

Вышла дочь и спрашивает:

— Кто ты?

— Я Сохолылан.

— Отец, — сказала дочь, — это Сохолылан.

— Впусти его скорее ко мне, — сказал Такаютан.

Сохолылан вошел.

— Это ты пришел, мой сын! Узнаю я тебя. Рассказывай, я слушаю.

— Отец, — сказал Сохолылан, — помоги мне добраться к Северу.

— Ага, ты хочешь попасть к Северу и взять его дочь. До сих пор это никому не удавалось. Дам я тебе каменных оленей — их не нужно кормить, не будут они мерзнуть, и поедешь ты на них не останавливаясь. Можешь оставить этих оленей в любом месте — их никто не возьмет. Это будут простые камни. А самое главное — дам тебе нерпу. Нерпу эту ты наденешь тогда, когда услышишь звон бубна. Приедешь к Северу, не говори ему, кто ты, скажи, что племянник его — Нерпа. В яранге Севера будет страшная пурга, не обращай на нее внимания и не говори ничего Северу о дочери. Знай: не любит он женихов. На стене яранги будет висеть большой ледяной сосуд. В этот сосуд по вечерам сыновья Севера бьют палочкой, и он издает приятные слуху звуки. Возьми травинку от стельки и ударь несколько раз по дну сосуда. Он расколется. А дальше делай, как твой разум подскажет.

— Позволь мне теперь удалиться, отец, — сказал Ворон и хотел выйти из яранги.

Но Такаютан крикнул:

— Подожди, сын мой, не все я тебе сказал. Сразу не увози домой жену, не удастся тебе этого сделать. Сначала возвращайся один. И я тебе дам другой совет, как привезти жену. Сейчас попробуй добраться до Севера, исполнить свое первое желание. Иди!

Едет Ворон день и ночь без отдыха. Мороз все сильнее и сильнее. Ветер воет, пурга метет, земля трещит. Кругом белые кости женихов лежат, а Ворон все едет. Вот уже нос отморозил,

щеки, пальцы рук и ног отморозил. Стал призадумываться, не вернуться ли обратно, но устыдился, подумал: «Тогда уж никто не скажет, что нет ничего недоступного Ворону». Еще долго ехал. Но вот услышал еле уловимый звук бубна. Показалось ему, что это звенит в ушах, но затем звуки бубна стали громче. С трудом взял он замерзшими пальцами нож, разрезал на себе одежды и надел на себя нерпу, которую дал хозяин моря. Сразу же стало ему тепло. Мороз и ветер неслись дальше и не задевали его.

Вышел Север из своей яранги и заметил в тундре двигавшуюся точку. Послал туда самые сильные ветры, сам стал дуть из последних сил, а точка все движется да движется ближе к жилищу Севера.

— Смотри, жена, кто-то едет к нам. Ведь раньше, как подую, так и замерзали все, кто шел сюда, а этот движется. Кто бы это был?

Выглянул младший сын Севера и сказал:

— Да это Нерпа!

Тут подъехал Ворон в образе Нерпы, бросил каменных оленей, сам вошел в ярангу.

— Здравствуй, гость, — сказал Север.

— Ага, — ответил Ворон в образе Нерпы.

— Зачем приехал?

— Так, погостить. Моя мать Пурга — твоя сестра. Она в дальней тундре живет. Послала меня посмотреть, как живет ее брат Север, жив, здоров ли он.

— Хорошо, садись.

Сел на белые шкуры Ворон. Видит: висит на стене ледяной сосуд, весь прозрачный, но ничего в нем не видно.

Собрались вечером братья, сыновья Севера, начали по сосуду палочками бить и плясать под эти звуки. Затем устали, легли спать. Взял Ворон травку из стельки, начал потихоньку бить по дну сосуда. Вдруг дно отвалилось, и на грудь Ворона упала девушка невиданной красоты. Ворон подумал: «Недаром люди стремились к Северу! Вот какое богатство таит он у себя!»

Бьет он травкой в банку, как будто ничего не замечает. Младший сын Севера сказал отцу:

— Отец, смотри, какая-то женщина упала на грудь Нерпы из ледяного сосуда!

— Молчи, молчи, — сказал Север, — тебе все это снится.

Затем Север подумал: «Наверное, гость не видит моей дочери» — и притворился спящим.

А Ворон тоже сделал вид, что устал и засыпает. Север поднялся, подошел к Ворону, поднял свою прозрачную, еле видимую дочь с груди его и отнес в соседнюю ярангу.

После этого Север заснул крепким сном. Вокруг наступила тишина.

Рано утром, когда все еще спали, Ворон встал и пошел в ярангу к красавице, дочери Севера. В проходе он снял с себя нерпу и превратился в прекрасного юношу.

Когда он приподнял полог и вошел, дочь Севера сидела на мягких оленьих шкурах и ждала его.

— Ты Сохолылан? — спросила она.

— Да, ты не ошиблась.

— Я ждала тебя, я знала, что ты придешь; думала о тебе постоянно, но не знала, какой ты. Мне надоело сидеть всегда в ледяном сосуде или в этой яранге, куда не проникает солнечный луч. Отец не выпускает меня даже посмотреть на Солнце.

«Вот и хорошо, что ты не видела Солнца», — подумал Ворон о своем сопернике. Затем сказал:

— Ты очень красива. Я не видал девушек, подобных тебе. Завтра я уеду домой. Если ты согласна, то мои каменные олени снова привезут меня сюда, и я увезу тебя тогда в свою

землю.

— Приезжай, приезжай скорее! — сказала девушка.

Ворон снова надел нерпу и принял прежний вид. Затем сел на нарту и поехал на охоту на своих каменных оленях. Недалеко от жилища Севера, в горах, он убил несколько диких оленей и к вечеру привез их Северу:

— Вот, дядя, мой тебе подарок. Завтра я еду домой. Но скоро приеду к вам снова. Я знаю теперь дорогу сюда.

Север подумал: «Что мне сделать с ним? Если он приехал первый раз, значит, приедет и второй!»

— Хорошо, племянник, приезжай! — сказал Север.

Ворон быстро помчался на каменных оленях к морскому берегу. Быстро промчался через тундру и горы и очутился около моря. Направил своих оленей в морскую пучину и вскоре был на дне, у жилища Такаютана. Постучал.

— Беги скорее, открывай, это от Севера вернулся мой сын Сохолылан, — сказал Такаютан дочери.

Ворон вошел. Приветствовали друг друга.

— Ну, рассказывай, сын, доехал ли до Севера, видел ли дочь его?

— Доехал и видел дочь его. Она согласна быть моей женой. А я не взял ее сразу, как ты мне и наказал, — ответил Ворон.

— Хорошо, все хорошо, сын мой. Теперь бери стада китов, моржей, лахтаков, морских львов, нерп и гони их к Северу. Вместе со зверьем и вода пойдет.

Сидит Север в пологе, пьет горячий чай. Тут вбегает в ярангу младший сын и кричит:

— Отец, смотри, вода стеной идет на нас!

Выглянул Север из яранги и подумал: «Эге, вода всю землю зальет!» Затем крикнул сыновьям:

— Бегите все на самую высокую гору!

И побежали все на высокую гору; Север забыл только о своей дочери в ледяном сосуде. Идет вода стеной, а за нею табуны морских зверей Ворона. Выскочил Ворон на берег, вбежал в ярангу и схватил ледяной сосуд с красавицей, дочерью Севера.

— Эй, Север, я исполнил обещание, прибыл к тебе. Что же ты залез на гору?

— Где моя дочь? — спросил Север жену.

— Дома ее забыли в ледяном сосуде, — сказала старуха.

Ворон поднял руку вверх, и вода покатилась обратно в свои берега. А стада китов, моржей, лахтаков, морских львов и нерп остались лежать на берегу. Север с женой и сынами вернулся в свое жилище. Ворон крепко держит в своих руках красавицу. Говорит он Северу:

— Я не Нерпа, а Сохолылан, сын хозяина морского дна. Ты видел мою силу сейчас. Но не силой увожу я твою дочь. Она сама этого хочет.

— Да, отец, я хочу уйти с Вороном. Надоело мне сидеть в ледяном сосуде, хочу посмотреть мир.

— Я только прошу, — сказал Север, — когда дочь захочет вернуться ко мне, не неволь ее, отпусти.

— Хорошо, — сказал Ворон, — я исполню твое желание. А теперь прими от меня в подарок всех этих зверей.

Ворон указал рукой Северу на стада морских зверей, лежавших на берегу моря.

Завернул Ворон дочь Севера в теплые меха, положил к себе на колени и поехал на морских

львах домой.

Услыхало Солнце, что Ворон вернулся от Севера, пришло к нему и спрашивает:

— Говорят, ты был у Севера?

— Да, я только что вернулся от него.

— Видел ли ты дочь Севера?

— Не только видел, но и женился на ней.

— Покажи мне ее, — попросило Солнце.

— Что ж, посмотри, — сказал Ворон и приоткрыл полог.

На мягких оленьих шкурах сидела девушка невиданной красоты. Это была дочь Севера. Увидело Солнце дочь Севера и сказало Ворону:

— Отдай мне ее, ведь мы с тобой побратимы. А ты знаешь обычай наших отцов, что жена друга может быть и моей женой.

— Нет, этого не будет! — твердо сказал Ворон.

Рассердилось Солнце и ушло за море. Наступила ночь в тундре. Спит Ворон с молодой женой, проснется — увидит темноту и снова спит. Но вот надоело ему спать, а день все не приходит. Все жители тундры испугались вечной ночи и пошли к Ворону просить не гневить Солнце. Послал Ворон к Солнцу некрасивую женщину, но та вернулась и говорит:

— Не глядит на меня Солнце, не разговаривает со мною.

Тогда Ворон послал к Солнцу свою сестру, красавицу девушку.

Приходит она к Солнцу и просит его:

— Вернись к нам, Солнце, принеси нам дневной свет. Если хочешь, я стану твоей женой.

— Нет, пусть Ворон отдаст мне дочь Севера, тогда я снова вернусь в тундру.

— Разве я хуже дочери Севера? — сказала красавица, сестра Ворона.

— Хорошо. Хотя ты не так красива, я женюсь на тебе, но мы не вернемся в тундру. Пусть Ворон знает, что нельзя обижать могучего друга, — сказало Солнце.

— Разве я могу быть счастлива вдали от родных? — сказала красавица девушка.

— Хорошо. Мы будем жить и здесь и немного в тундре. Пусть жители тундры немножко будут видеть меня.

Но я буду ходить далеко от них. Пусть Ворон помнит об этом.

Увидела дочь Севера, что нет близко Солнца, что жители тундры мерзнут и недовольны Вороном, а он бессилен вернуть Солнце тундре. Посмеялась она над Вороном и ушла к своему отцу Северу. А Солнце с тех пор больше живет за морем и в тундру посылает только самые холодные лучи.

ВОРОН И СОЛНЦЕ

Однажды Солнце послало свою сестру Луну на землю за ягодами. Спустилась Луна на землю, ходит по тундре и собирает ягоды. Вдруг встречается Луна девушку-ворона. Поприветствовали друг друга, познакомились, вместе пошли. Собирали они ягоды, собирали и набрали полные мешки. Луна говорит:

— Давай-ка отдохнем здесь немного.

Девушка-ворон отвечает:

— Что же, отдыхай, а я тем временем ягоды переберу.

Прилегла Луна на мягкий мох и крепко-крепко заснула. Девушка-ворон стала разглядывать Луну и удивляться, какой дивной красоты была Луна-девушка. Девушка-ворон не могла оторвать-отвести глаз от лица Луны.

Проснулась Луна и спрашивает девушку-ворона:

— Ты тоже спала?

Та ответила:

— Я только что проснулась и хотела будить тебя. Пойдем в мое жилище. Здесь совсем недалеко.

Согласилась Луна, и они пошли. Вечером приехал с охоты брат девушки-ворона. Сестра и говорит потихоньку брату:

— Смотри, какая красавица эта Луна. Завтра ты наденешь мою одежду и иди вместо меня с нею в тундру за ягодами.

Встал пораньше утром юноша-ворон, надел одежду сестры и разбудил Луну. Поели они оленьего мяса, попили чаю и пошли за ягодами.

Собирает Луна ягоды и спрашивает юношу-ворона:

— Не мужчина ли ты переодетый?

Юноша-ворон отвечает:

— Что ты, что ты говоришь, девушка? Ведь вчера же мы с тобой на этом месте собирали ягоду.

Наполнила Луна свой кожаный мешок ягодой, устала и решила вместе с девушкой-вороном отдохнуть, а ее и следа не стало. Стала искать девушку вокруг, но нашла только красивый охотничий нож. Уж очень понравился нож Луне. Взяла Луна этот нож, спрятала его в складки своего платья и стала ждать девушку-ворона. Ждала, ждала и задремала.

Проснулась Луна, а рядом с нею лежит не нож, а юноша-ворон. Расплакалась красавица Луна, испугалась своего брата, Солнца. А юноша-ворон стал ее ласкать-утешать.

Поднялась Луна и полетела к Солнцу. Оглянулась, а ворон за ней летит. Говорит Луна ворону:

— Не долетишь ты до Солнца, очень далеко и высоко!

Юноша-ворон отвечает:

— Не оставлю тебя, полечу, сколько есть сил, а если покинут меня силы, то разобьюсь о землю. Не хочу без тебя жить!

Сжалилась Луна над вороном, вернулась на землю, и стали они жить вместе. Вскоре у них и ребенок родился.

Солнце ждет не дождется сестры. Дети Солнца поют печальные песни о потерявшейся красавице Луне. А Луны все нет и нет. Спустилось Солнце на землю, озарило всю тундру своими лучами, осветило все горы, ущелья и реки. Один луч упал на Луну, сестру Солнца. Пошло Солнце к яранге ворона. Заходит в полог и находит свою сестру. Войдя, спрашивает ее:

— Почему ты, сестрица, так долго на земле остаешься?

Отвечает ему Луна:

— Виновата я перед тобой. Но у меня есть муж и малютка.

Рассердилось Солнце и затеяло с вороном спор. Говорит Солнце ворону:

— Луна — моя сестра, ее место на небе, и она должна вернуться туда.

Ворон говорит:

— Луна — моя жена, и у нее есть ребенок.

Так спорили они долго, чья Луна. Наконец решили закончить спор соревнованием женщин. Чья женщина быстрее сошьет вещь, того и Луна будет.

Ворон позвал женщину-горностая, а Солнце позвало женщину-мышь. Дали они женщинам шкуры оленьи и приказали сшить кухлянки.

Начали женщины шить. Женщина-горноста́й быстро и хорошо сшила кухлянку, а женщина-мышь еще и половины не сделала.

Позвал ворон женщину-тарбагана, а Солнце позвало женщину-евражку. Приказали им сшить меховые штаны. Начали шить. Женщина-тарбаган быстро и хорошо сшила брюки, а женщина-евражка сделала только половину работы.

Позвал ворон выдру, а Солнце — лису. Приказали им сшить по паре меховых чулок. Выдра быстро и хорошо сшила меховые чулки, а лиса не закончила и одного чулка.

Позвал ворон горного барана, а Солнце позвало рысь. Приказали им сшить по паре торбазов. Начали шить. Женщина — горный баран быстро и хорошо сшила пару торбазов, а женщина-рысь не успела сшить и одного торбаза.

Позвал ворон медведицу, а Солнце волчицу. Приказали им сшить по паре рукавиц. Начали шить. Медведица быстро и хорошо сшила пару рукавиц, а волчица не успела кончить и одной рукавицы.

Видит Солнце, что проигрывает, посылает оно свои лучи за ледяной женщиной. Приводят лучи красавицу — ледяную женщину. Светится женщина в солнечных лучах, отливает блеском и радостью ее нежное лицо.

Ворон от зависти рассердился на Солнце, что у него такая красавица.

Солнце сказало:

— Отдай мне сестру. Получишь за нее ледяную красавицу.

Подумал-подумал ворон и сказал:

— Нет, не будет женщины лучше Луны.

Послало Солнце свои лучи за снежной женщиной. Привели лучи снежную женщину. Зашла она в ярангу, а Солнце пустило на нее свои лучи. И засветилась, заиграла снежная женщина разноцветными огнями, множеством ярких звезд. В яранге сразу стало светло и весело. Тут ворон не выдержал испытания, сказал:

— Бери свою сестру Луну, а мне отдай этих красавиц.

Забрал ворон ледяную и снежную женщин, а Солнце вместе с Луной поднялось на небо.

Рассердилось Солнце на ворона, что он так легко решил забыть его сестру, и ушло оно за море, в иные, дальние страны. С тех пор стало в тундре холодно и темно в зимние дни.

ОСЕДЛЫЕ И ОЛЕНЕВОДЫ

Оседлые коряки воевали с оленеводами — эвенами, камчадалами и с чукчами. Чавчувены оказались слабым народом. И поэтому в конце концов были почти уничтожены. Осталось только семь стойбищ оленеводов, а другие все были уничтожены. Однако как-то уж потом набрался смелости старик оленевод и сказал сыну:

— Иди сватай невесту.

Сын спросил отца:

— Куда я пойду свататься?

Отец ответил:

— А туда, к нашим врагам, к оседлым жителям пойди посватайся. Туда пойди, где десять сыновей и одна дочь. Ее и начни сватать.

Сын сказал отцу:

— Пожалуй, убьют меня наши враги!

Отец сказал ему:

— Ладно, пусть даже убьют! Все равно смерть одна бывает!

После этого отправился сын свататься. Пришел, смотрит — много людей упражняются в стрельбе из луков. Увидел один из них пришедшего и сказал другим:

— Смотрите, вон «волк» идет одинокий.

Другие сказали:

— Давайте его убьем.

Однако старший сказал:

— Нет, не будем убивать, пусть подойдет сюда, и мы спросим его, куда он путь держит.

Подошел тот жених, спросили его:

— Куда ты идешь?

Сказал:

— Пришел к вам свататься. Туда, где десять сыновей и одна дочь, пришел. Ее и хочу сватать.

Тотчас пошли десять человек к юрте, вошли в нее. И тут старший громко сказал отцу:

— Жених пришел за нашу сестру отрабатывать. Пожалуй, лучше убьем его.

Отец сказал:

— Плохо, если убьете. Он свататься пришел, таких убивать грех. Я очень долго жил, почти сто лет живу, но еще никогда не видел могилы жениха.

Вошел тогда жених. Старушка воскликнула, сказала:

— А ну, гость, садись!

Сел жених. Старик сказал жене:

— Пусть поест гость.

Начала старуха пищу готовить. Нарезала мяса. Человечий помет в суп положила. Горшок вместо блюда поставила. Человечий помет вместе с мясом смешала. И все это жениху подала. Погрузил туда деревянную ложку жених, зачерпнул, понес ко рту полную ложку. Как вдруг ударила старуха жениха по руке. Что ж — вылетела ложка из руки в сторону. Жених возмущенно сказал:

— Зачем ты ударила меня по руке, когда я начал есть?

Старуха на это сказала:

— Видел ли кто когда-нибудь человека, который человеческий помет ест?

Жених ответил ей:

— Я думал, раз поставлено блюдо с едой, значит, съедобное.

Старик сказал:

— Кажется, ты действительно очень хочешь жениться на нашей дочери. Ну что ж, возьми нашу дочь в жены, женись!

Жених сразу в полог невесты вошел. И жил он там три месяца. Затем старик сказал зятю:

— Пожалуй, довольно. Отправляйтесь с женой в твой дом. Всегда здесь со мной жить не будете, в свой дом поезжайте.

Отправились домой. Прибыли в свое стойбище. Старик оленевод вышел навстречу, увидел — сын подъезжает. Тотчас повернулся к юрте, крикнул жене:

— Выходи, сын приехал с женой!

Вышли оба: старуха и старик.

К сыну обратились, так ему сказали:

— Мы думали, уж не убит ли ты, наш единственный сын. А ты вон, оказывается, уже женился.

Сказал старик сыну:

— Поезжай обратно, спроси тестя и тещу, как мы теперь жить будем. В прошлом году враги-чукчи забрали у нас стадо оленей. Вот об этом деле и посоветуйтесь. Возможно, скажут они вам: «Ладно, поедem, будем этих оленей искать, ведь теперь они все равно что наши».

Поехал молодой оленевод к своему тестю. Сказал ему тесть:

— Здравствуй, приехал!

— Да, приехал!

Старший сын тестя спросил:

— Зачем приехал?

Молодой оленевод сказал им:

— Я, правда, по очень важному делу приехал.

И спросил тесть:

— Что такое у тебя случилось?

Сказал:

— Хочу с вами нашу жизнь обсудить! В прошлом году чукчи наших оленей забрали. Сможем ли мы этих оленей у них отобрать?

Тут все родственники жены сказали:

— Хорошо, мы сейчас же поедem, немедленно, если ты знаешь, где эти грабители чукчи живут.

Оленевод сказал:

— Хорошо знаю. Чукчи эти совсем недалеко живут. Тут же начали собираться. Хорошо подготовились и пустились в путь в северную сторону. Прибыли в Талкапскую тундру, нашли чукчей, которые оленей отняли. Старший брат коряк крикнул:

— А ну, чукчи, это мы приехали! Теперь отвечайте нам! В прошлом году вы у нас стадо оленей отняли. Мы прибыли это стадо забрать!

Закричал в ответ чукотский силач по имени Кварару:

— Не возьмете оленей!

Коряк-силач сказал:

— Нетрудно нам забрать наших собственных оленей! Не сможешь ты нам помешать!

Чукотский силач Кварару сказал:

— А я говорю, не возьмете!

Тогда старший коряк крикнул младшим братьям:

— Ну, младшие братья, приготовьтесь, будем сражаться! Приготовились. Объявили чукчам коряки:

— Давайте сражаться!

И Кварару тотчас своим воинам — молодым людям сказал:

— Будем сражаться, оседлые коряки приехали!

Бились два дня, однако чукчей побили. Чукотских женщин в плен взяли. Бедняков, молодых людей, тоже всех в плен взяли. Затем домой отправились. Большущее стадо оленей с собой пригнали. Очень обрадовался этому старик оленевод, сказал:

— Вот же, ведь отобрали своих оленей обратно!

СВЕТЛЫЙ РУЧЕЙ И ЯРКАЯ ЗВЕЗДА

Жил бедный коряк у холодного моря, дни и ночи дул там ветер. Плохо жилось ему от холода и нужды. Однажды утром вышел коряк из ветхой своей юрты и видит: сидит на старой коряге красивая птица и смотрит на его бедное жилье. Остановился коряк, а птица вдруг раскрыла клюв, взмахнула крыльями и заговорила:

— Жаль мне тебя, бедный человек, живешь ты на холодной земле и не видишь радости.

Ничего не ответил коряк красивой птице: не поворачивался язык от удивления. Заметила птица его изумление и сказала:

— Бери с собой, бедный человек, все, что тебе здесь дорого, и иди за мной. Поведу я тебя на теплую землю под веселое небо.

Обрадовался коряк, собрал стрелы, взял заветный дедовский лук, ветвистые рога павшего по весне любимого оленя и пошел за птицей.

Много высоких гор и широких рек перелетела красивая птица, много раз опускалась на землю, чтобы дать отдохнуть человеку, а как только начинало бледнеть ночное небо, снова летела вперед.

В одно ясное, солнечное утро опустилась красивая птица на ветви зеленого дерева у светлого ручья и сказала:

— На этой земле строй свое жилье и живи, а я полечу за широкие поля, за высокие горы, за леса и озера, принесу тебе счастье.

Поклонился коряк красивой птице, поднялась она выше белых облаков и улетела в ту сторону, куда солнце ходит.

Стал коряк место выбирать, где жилье поставить. Смотрит: бежит с высокой горы ручей, а вода в нем светлее серебра. Напился коряк светлой воды и необыкновенную бодрость почувствовал. Поднял голову к небу и видит: блестит над ручьем, ярче золота, большая звезда.

Радостно стало у бедняка на душе, и решил он на этом месте жилище строить.

Собрал из длинных веток шалаш, напился из ручья светлой воды и на охоту пошел.

Идет коряк по тайге и веселую песню поет. Смотрит: бегут по долине сытые олени, а на самом красивом из них богатый коряк сидит.

Испугался бедняк, хотел было спрятаться в кедровник, да не успел, увидел его богатый и кричит:

— А ну-ка, покажись, кто ты такой? Зачем по моей земле не спросясь ходишь?

Подошел бедняк к богатому, смотрит на красивого оленя и молчит. Рассердился богатый, что бедняк не уважил его низким поклоном, и закричал громко:

— По чужой земле ходишь и хозяина не уважаешь! Показывай место, на которое прикочевал.

Опустил голову бедняк и повел богатого к светлому ручью.

Понравилось богатому то место, разорил он убогое жилище бедняка, поставил большую ярангу, украсил ее дорогими шкурами, отнял у него лук со стрелами, чтобы не бил он зверя на этой земле, и прогнал его со своих глаз.

Обидно стало бедному коряку, подошел он к зеленому дереву, на котором сидела когда-то красивая птица, и горько заплакал.

Почуяло дерево, что на холодные корни его падают человеческие слезы, зашумело пышными ветвями и сказало ласково:

— Вижу твое горе, утешить тебя хочу. Немного осталось до дней радости. Отдохни, поутру птицу жди.

Облегченно вздохнул бедный коряк, склонился на сырую землю и сладко уснул, а зеленое дерево опустило над ним свои ветви, укрыло его от недобрых глаз.

Проснулся утром бедняк: шумит вокруг него большая тайга, а с высокого неба красивая птица спускается и в клюве яркую звезду держит.

Не поверил он чуду, закрыл глаза и лицом вниз на землю упал. Прикоснулся к земле и чувствует — горячей стала земля. Прильнул он к ней ухом и слышит — необыкновенную песню поет земля. Вскочил тогда на ноги, а красивая птица сидит на ветке зеленого дерева и говорит:

— Бери, бедный человек, в свои руки яркую звезду и неси ее по земле. Это — твое счастье.

Взял радостно коряк яркую звезду и понес ее по тайге.

ДОСТАЛИ СОЛНЦЕ

Так было. Однажды тунгаки похитили у жителей тундры солнце. В черном мраке жили все звери и птицы, ощупью отыскивали себе пищу. Трудно стало жить. И вот решили звери и птицы большой совет собрать. От каждого звериного и птичьего рода на совет прибыли посланцы. Старый ворон, которого все считали мудрым, сказал:

— Крылатые и волосатые братья, до каких же пор во тьме пребывать будем? Слышал я от стариков, что недалеко от пашен земли, в глубоком подземелье живут тунгаки, похитившие у нас свет. У тех тунгаков в сосуде из белого камня хранится большой светящийся шар. И шар тот они называют солнцем. Если то солнце похитить у тунгаков, то светом озарится земля. Вот я, старый ворон, даю вам совет послать за солнцем самого большого и сильного из нас — бурого медведя.

— Медведя, медведя! — закричали звери и птицы.

Тут же старая глуховатая сова починяла нарту. Она спросила сидевшую рядом маленькую пуночку:

— О чем толкуют звери, птицы?

Пуночка ответила:

— Медведя хотят послать за солнцем как самого сильного.

Сова говорит:

— Напрасны их старания: увидит медведь лакомство и обо всем забудет. Не будет у нас солнца.

Тут звери и птицы, услышав речь совы, согласились с ней:

— И правда ведь, вкусную пищу медведь увидит и про солнце забудет.

Старый ворон снова сказал:

— Пошлем волка, ведь после медведя он всех нас сильнее и быстрее.

Сова спрашивает пуночку:

— О чем они толкуют?

Пуночка сове отвечает:

— Волка решили послать за солнцем, ведь после медведя он всех нас сильнее и быстрее.

Сова говорит:

— Напрасно хлопочут, волк жаден, встретит оленя, убьет, будет лакомиться и про солнце забудет.

Звери и птицы, услышав речь совы, согласились с ней:

— И правда, ведь волк жаден, оленя увидит, убьет, будет лакомиться и про солнце забудет. Но кого же мы пошлем за солнцем?

Тут маленькая мышка сказала:

— Зайчика вот этого отправить бы, ведь лучший прыгун он и на ходу солнце схватить может.

Снова закричали звери и птицы:

— Зайчика, зайчика, зайчика!

И в третий раз глуховатая сова спросила пуночку:

— О чем толкуют звери, птицы?

Пуночка в самое ухо сове прокричала:

— Зайчика за солнцем послать решили, ведь лучший прыгун он и на ходу солнце схватить может.

Подумала старая сова и сказала:

— Этот, пожалуй, может похитить солнце, действительно прыгает хорошо и надежен он. Никто не сможет задержать этого прыгуна.

Так зайчик был утвержден похитителем солнца. Недолго думая зайчик направился по пути, указанному вороном.

Долго шел, много дней шел и вот наконец далеко впереди себя светлое пятнышко заметил. К тому пятнышку приближаться стал.

Приблизившись, увидел: светлые лучи проникают через узкую щель из-под земли. Заглянул зайчик в щель и видит: в большом сосуде из белого камня лежит огненный шар и лучи его освещают подземелье. «Вот то солнце», — думает зайчик. А в другом углу подземелья на мягких оленьих шкурах лежат тунгаки.

Зайчик через щель в подземелье спустился, к огненному шару прыгнул, из каменного сосуда шар схватил, задними лапами оттолкнулся и в щель выскочил.

Тут-то тунгаки всполошились, следом за зайчиком погнались.

Зайчик во весь дух убегает. Но тунгаки совсем, совсем уже близко. Тогда зайчик ударил лапой по огненному шару. Шар раздвоился. Одна часть маленькая, другая большая. Меньшую часть зайчик сильно лапой ударил, она тотчас вверх взлетела, к небу прильнула, и получилась луна.

Большую часть зайчик приподнял, еще сильнее лапой ударил, она тотчас вверх поднялась, к небу прильнула, и получилось солнце. Как светло вдруг стало на земле!

Тунгаки, ослепленные светом, скрылись в подземелье и с тех пор не появлялись на земле. А звери и птицы прославляли отважного зайчика — похитителя солнца.

КАК ЛЮДИ ЖИЛИ РАНЬШЕ

В древнее время люди в этой местности постоянно не жили. Каждый на свою временную стоянку выезжал. Так пять родных братьев всегда отсюда выезжали в Танахлюк. А пять родных братьев другой семьи выезжали в Амьяк. В этих местах они охотились на каяках, добывали нерп и лахтаков гарпунами. Там они заготавливали припасы. Нерпичьи мешки наполняли жиром добытых зверей. Накопленные припасы отвозили в Каныграк. Поздней осенью, когда наступал месяц акумук и бухта покрывалась мелкой шугой, амьякцы и танахлюкцы сообща перевозили припасы в Уназик, а затем устанавливали там свои зимние жилища. После первого ночлега они делали чистку в землянках, а затем уже поселялись в них на всю зиму. С наступлением весны они устанавливали летние яранги и переходили в них из землянок. Затем, когда наступала пора летней охоты, многие покидали Уназик и отправлялись на промысел на свои охотничьи стоянки, в свои временные селения. Одни уезжали в Танахлюк, другие — в Амьяк, а третьи — к кочевникам торговать. Кроме Танахлюка и Амьяка отдельные семьи уназикцев уезжали на промысел и в другие места, где у них были временные поселения. Так жили.

Однажды в Танахлюке жена младшего брата пошла за водой и не возвратилась, исчезла. Перед наступлением ночи братья пошли ее искать, но поблизости женщины не оказалось. Наутро муж ее пошел на поиски один.

Обошел много прибрежных селений, но нигде не мог найти ее. Наконец он стал искать жену в тундре, но и там никаких признаков пребывания ее не обнаружил.

Вот уж и осень наступила, и на море появился тонкий лед. Братья из Амьяка сообщили братьям из Танахлюка, что они уезжают обратно в Уназик. Тогда младший брат танахлюкцев сказал своим:

— Что же делать, вы уезжайте в Уназик, а я здесь останусь зимовать. Здесь потерялась моя жена, здесь буду и я. Уезжайте вместе с соседями амьякцами, а то вам здесь трудно будет зимовать. Я остаюсь здесь.

Старший брат сказал ему:

— Нельзя так, видано ли, чтобы самого младшего брата одного покинули старшие. Будем зимовать здесь все вместе. А амьякцы, зовущие нас с собой, пусть одни уезжают.

И амьякцы, узнавшие о решении соседей остаться зимовать в Танахлюке, собрались и уехали в Уназик.

Тем временем танахлюкцы насобирали на побережье выброшенные морем бревна и сделали на всех одну большую землянку. В ней стали жить. Здесь стали охотиться на каяках. Добывали нерп, крылаток, лахтаков.

Младший брат возле ключа вырыл яму и прикрыл ее китовой лопаткой. Начал он ходить по морскому берегу. Нашел мягкое дерево — осину. Комель этого дерева толщиной с лахтака. Привязал к дереву ремень, спустил его в воду и потянул к стоянке. Позвал братьев, и все вместе вытащили бревно на сушу. Затем положили его около ключа, где была вырыта яма, и пошли домой.

Младший брат, войдя в землянку, взял инструменты и вернулся обратно к ключу. Там он начал мастерить из бревна туловище женщины. Смастерил женщину. Затем вырыл для нее яму поглубже и позвал братьев. Братья пришли и помогли младшему поставить женщину комлем вниз. После этого младший брат засыпал ее землей и стал поливать ключевой водой. Затем ушел домой и уснул вместе со всеми. На следующий день проснулся, поел и пошел к ключу. Там он снова стал засыпать женщину землей, а затем поливать водой. Покончив с этим, вернулся домой. Заснул. Утром пошел к ключу. Оказывается, заморозило его женщину. Снова подсыпал к ней земли и полил водой. Пришел в землянку и спросил сноху, жену брата:

— А не привезли ли мы с собой байдарное ведерко?

— Привезли, — сказала женщина.

Снова спросил:

— А не привезли ли мы праздничный дождевик?

— И это привезли, — ответила женщина.

И молодой охотник, забрав с собой ведро, дождевик и оленью шерсть, отнес все к своей, сделанной им женщине. Он надел на женщину дождевик, вместо волос прикрепил к ее голове оленью шерсть, а рядом с нею поставил ведро, а затем привязал к ее руке ковш таким образом, как будто бы она собралась наливать ведро. Черным камнем он нарисовал ей брови и полосы на переносице. После этого ушел домой и спал до следующего дня. С наступлением вечера взял с собой луки и колчаны со стрелами братьев, затем пошел к своей яме. Там он уложил стрелы, а в китовой лопатке, которой была прикрыта яма, сделал отверстие. Залез в яму и целую ночь караулил, не засыпая. Утром ушел домой и снова спал весь день. Проснулся, поел и отправился во второй раз караулить в своей яме. Всю ночь наблюдал через отверстие в лопатке. Была лунная ночь. В полуночную пору в устье бухты послышалось журчание воды. Вот и голоса людей слышались. Посмотрел он в отверстие лопатки и увидел, что к берегу приближается байдар. Прямо на берег над ним въехала байдар. Человек этот смочил во рту мизинец и провел им по днищу. Потрогал он днище носа байдары и понял, что она села на мель.

— Ой, на камни сели мы, — сказали на байдаре, — это мясо сбросьте в море!

Мясо из байдары сбросили в море.

— А теперь оттолкнитесь!

Оттолкнулись. Но человек из ямы крепко держал их своим мизинцем. И хозяин байдары сказал:

— А ну, бросьте-ка в воду амулетные ремни!

Байдарный стрелок сбросил амулетные ремни в воду.

Старший их сказал:

— Оттолкнемся!

Попытались снова оттолкнуться. Скоро уже и рассвет наступит.

— Вот беда, мы никак не можем сдвинуться с места. Ведь так нас здесь и убить могут.

Люди этого старшины закричали:

— Ой, погибнем мы здесь все! Что-нибудь сделай! Брось свою шапку в море! Хуже будет, если погибнет тело.

Хозяин байдары бросил в море свою шапку.

— А ну, отталкивайтесь!

Когда гребцы стали отталкивать байдару, человек этот убрал от нее свой мизинец. Байдара сдвинулась и вышла в море. И люди на байдаре громко заговорили, несмотря на шум от всплесков воды при гребле. Голоса были слышны и тогда, когда те люди причаливали к берегу в другом месте. Они встряхнули от воды свою байдару и прекратили разговор.

Когда стерегуший человек вышел из ямы, уже наступал рассвет. Он осмотрелся вокруг и увидел: на берегу лежит китовый жир со шкурой, моржовая шкура с жиром, лахтак, белуха, серая нерпа — так много еды! Поискал еще кругом и нашел шапку хозяина байдары и амулетные ремни. Взял он все это, обернул своим дождевиком и понес домой. Эти вещи он положил в укромном уголке коридора землянки так, чтобы никто не мог их задеть. Вошел в помещение, разбудил братьев и сказал им:

— Одевайтесь, идите на берег, заберите там мясо и уложите его в кладовую.

И правда, братья проснулись, оделись, поели, вышли, отправились на берег. Пришли туда, увидели: китовая шкура с жиром, моржовая шкура с жиром, лахтак, белуха, нерпа. Спрятали все. Много пищи у них стало. Пришли домой, стали есть мантак с жиром и другую вкусную еду. После этого уснули.

Младший брат в это время оделся и вышел. Пошел он к своей мясной яме. Влез в нее, прикрылся крышкой и всю ночь сторожил. С рассветом пошел домой. Там братья уже проснулись, поели и приготовились к охоте. А младший брат лег спать. Братья вернулись с удачной добычей и радовались этому. Так продолжалось много дней.

Однажды, когда младший брат снова караулил в своей яме, в полночь вдруг наступила сильная темнота. Он посмотрел вверх и вниз, но сначала ничего не увидел. А затем снова посмотрел вверх и увидел, что к нему приближается орел. Вот орел приблизился к сделанной человеком женщине, вытянул когти. Чуть было не схватил ее и быстро поднялся вверх, обдав человека ветром от крыльев, отчего его чуть было не выбросило из ямы. Второй раз зашумело сверху от крыльев орла. Он налетел и схватил осиновою женщину. Стал с ней подниматься, и от этого даже земля затрещала. Не смог орел подняться. Его когти глубоко вонзились в женщину-осину. Человек взял луки, поставил их в ряд, а к каждому луку положил колчан со стрелами. И стал стрелять в орла. Из всех луков по очереди стрелял, и наконец осталось у него только пять стрел. В это время орел перестал рваться вверх и сказал человеку:

— Ты победил. Когда похоронишь меня, сам поднимись в небо в моей шкуре. Когда поднимешься на небо, увидишь землянку и подмости. Там вы будете справлять праздник, бегать по кругу. Моя жена сейчас там, наверху, поет о моем спасении. Когда ты поймешь суть нашего праздника, можешь поступить с моей женой по своему усмотрению. Теперь убей меня!

И вот человек убил орла. Тело его отнес в сторону и принялся вытаскивать из осиновой женщины его когти. Вытащил их. Покончив с орлом, он разбудил своих братьев и велел им снять с орла шкуру. Они это сделали. Уставший человек пришел домой и сразу уснул. С наступлением ночи вышел на улицу, надел орлиную шкуру и поднялся на небо. Там неожиданно увидел вход в землянку, а рядом — большие подмости. Орлиную шкуру снял и повесил в проходе. Потом он вошел в землянку и увидел женщину, которая пела и вместо бубна била себя в грудь. Она пела праздничную песню. Когда кончила, сказала:

— Не заглядывай сюда, ты меня задерживаешь. Сейчас мы будем петь о спасении моего мужа.

Человек вышел, поднялся на подмости и увидел свою похищенную жену. Оказывается, только что орлы убили ее и разрезали. Тут вошла в землянку женщина, оделась, снова вышла и вернулась с корнями кустарника в руках. Из этих корней сделали подобие отдушины и повесили в землянке. И в каждой такой петле оказался зверь. Человек вышел и начал бегать по кругу. Бегал целый день. К ночи поел и уснул. Наутро поел, вышел и снова бегал весь день. Женщина пела ему. Когда они отдыхали, то принимались танцевать, прыгая по-сиклюкски на одной ноге. С наступлением ночи уснули. Наутро стал бегать по кругу в противоположную сторону. Женщина пела ему. С наступлением ночи уснули. На третий день снова бегал по кругу. Все как было. Пospали. На четвертый день стали справлять празднество в честь добычи тюленей. Труп убитой орлами женщины унесли. Праздновали. Когда кончили, женщина сказала человеку:

— Если ты когда-нибудь спустишься на землю, а там у тебя случится беда, то вспомни и позови этот праздник казива. Только смотри, не меняй этот праздник добычи тюленей. Теперь уж ты готов. Только похорони меня!

Человек спросил:

— А кто убил мою жену?

Женщина сказала:

— Ее поднял сюда мой муж. А три дня назад, не дождавшись мужа, я стала вызывать его песней, чтобы здесь он побольше добывал тюленей. И я убила твою жену. Теперь иди, спускайся!

Человек убил эту женщину-орлицу. После этого спустился, прибыл домой. Там уже спали. На следующий день братьям сказал:

— Теперь мы можем уехать в Уназик. То, что я искал, увидел там.

Братья согласились. Поехали. Приехали и стали жить в своей землянке. И вот с наступлением весны, когда началась морская охота, братья стали добывать китов. И если его племянники заболели, младший брат вызывал праздник казива и излечивал их. Осенью во время празднеств братья вместе с односельчанами бегали по кругу. Молодые мужчины собирались и с утра до вечера бегали по кругу то в одну, то в другую сторону. На следующий день танцевали, подпрыгивая на одной ноге. Так праздновали четыре дня, а на пятый день принесли в жертву то, что каждый обещал заранее. А этот молодой человек стал удачливым добытчиком китов и могущественным шаманом. Все.

КАНАК И ОРЛЫ

В береговом селении Нывукак жил отважный человек, смелый и сильный охотник — Канак. Был у Канака единственный сын-подросток. В память умершего деда Канак назвал сына Таграком.

Хотел Канак женить своего сына на дочери соседа — красавице Туткан, да юноша и слышать не хотел о женитьбе.

Он хотел стать самым сильным, ловким и смелым охотником, чтобы побеждать врагов — таньгов и орлов, которые жили на вершинах гор и причиняли много горя и людям, и земным и морским зверям.

Каждый день Таграк взбирался на высокие скалы, прыгал через пропасти и ущелья, догонял в тундре убегающую лису. Сильным и смелым стал. Когда Канак состарился, Таграк стал приносить домой множество морских зверей. Канак больше не ходил на охоту и только собирал плавник для летних и зимних костров.

Наступила весна, снег почти весь стаял. Однажды, когда Таграк хотел идти за плавником, Канак сказал сыну:

— На ком ты думаешь жениться? Разве девушка Туткан не умеет хорошо шить и варить мясо? На ее лице — лучшие узоры, красивее которых нет ни у одной девушки нашего села. Ты, наверное, задумал жениться на той, которая не ходит по земле, а летает по воздуху?

Таграк молчал. Он думал об орлах, которых хотел победить. Орлы похищали детей. Орлы опустошали море, которое давало жизнь людям. Даже огромных черных китов орлы уносили как маленьких рыбок.

Таграк поехал за дровами. Но вот пришел вечер, а он не вернулся. Жена спросила Канака:

— Почему так долго нет нашего сына? Уж не случилась ли с ним беда?

Наступила ночь, наступил рассвет, а Таграк все еще не возвращался. Утром Канак сказал жене:

— Скажи людям — пусть едут на байдарках в южную и северную стороны и ищут моего сына.

Мужчины захватили гарпуны, копья и луки, взяли с собою мешки с едой и разъехались в разные стороны. К вечеру вернулись байдары с охотниками. Никто не нашел следов Таграка.

Осень пришла. Начались морозы, припай прихватил берега, а Таграка все нет. Тогда Канак сказал:

— Завтра я сам пойду на гору Кыхлявик, где живут орлы. Может быть, там узнаю что-нибудь о сыне.

Рано утром, когда все спали, Канак закинул за плечи мешок и пошел к горе Кыхлявик. Подошел к подножию. Посмотрел — высока гора! Хватит ли сил подняться на вершину? Стал Канак взбираться на гору. Много раз отдыхал, пока добрался до вершины.

Орлов не было видно. Только белели кругом кости китов, птиц и рыб.

Вдруг увидел Канак орлят. Они еще не умели летать, прижимались друг к другу и тряслись от мороза и голода.

Подумал Канак: «Замерзнут орлята... Наверное, давно уже ничего не ели. Надо дать им поесть, пусть живут!»

Отрезал Канак от своей кухлянки полы и покрыл орлят, чтобы не замерзли. Взял свой лук и подстрелил двух куропадок, чтобы накормить орлят. Орлята съели куропадок, отогрелись под шкурами. Канак хотел уже дальше идти. Тут один орленок ударил крылом о землю, мальчиком стал и говорит:

— Спасибо тебе, человек! Ты спас нас от холода и голода. Нашей матери нет уже четыре дня, она ищет добычу далеко отсюда. Скоро прилетит она. Жалости к людям у нее нет — худо тебе будет. Прячься под мое крыло!

Ударил мальчик рукой по земле и снова стал орленком. Послушался его Канак — спрятался под крылом. Тут послышался в воздухе свист и шум. Канак посмотрел потихоньку и увидел орлицу величиной со скалу.

Закричала орлица:

— Откуда человеком пахнет?

Сказал ей орленок:

— Если бы не этот человек, пропали бы мы от холода и голода. И согрел, и накормил он нас. Вот он под моим крылом сидит.

Орлица сказала:

— Выходи, не бойся, человек!

Вышел Канак из-под крыла орленка. Видит: орлица принесла с собой кита, и у ног ее кит этот кажется маленькой рыбкой. Ударила орлица клювом о землю, сбросила с себя оперение и стала женщиной-великаном. Спросила Канака:

— Зачем пришел ты сюда, человек?

Отвечает Канак:

— Сына своего ищу. Пришел тебя спросить. Ты летаешь всюду и видишь все, что делается крутом на земле: не видела сына моего?

Говорит орлица:

— Я знаю, где твой сын. Там, высоко в небесных горах, живет самый сильный и самый большой орел. Он утащил твоего сына, хотел на дочери своей женить. Да сын твой не хочет с орлом породниться. Привязал орел твоего сына к столбу — каждый день клюет его. Худо твоему сыну.

Заплакал Канак.

Говорит ему орлица:

— Сейчас ступай домой. Через четыре дня приходи сюда. Да мяса припаси побольше: дорога длинная. Полетим вместе воевать с большим орлом.

Вернулся Канак домой. Жена спрашивает:

— Ну, рассказывай скорее, что ты узнал о сыне?

Не хотел Канак пугать старуху, ответил:

— Да вот узнал кое-что. Говорят, женился он на дочери большого орла, который живет в небесных горах. Через четыре дня опять пойду — может, повидать его!

Набрал Канак мяса и опять пошел на гору Кыхлявик, к орлице. Она к тому времени запасла много оленей и кита на дорогу. Привязал Канак туши диких оленей ремнями к перьям орлицы. Очень много оленей привязал. Сам сел на спину орлицы. Взяла орлица в когти кита, и полетели они в небесные горы.

Вот земля скрылась из виду, орлица отрывает от кита куски мяса, ест, сил набирается.

Долго летели так. Вот уже кончилось китовое мясо, стал Канак кормить орлицу оленьими тушами. Вот уже и небесные горы показались, да у Канака кончились все оленьи туши, и орлица стала слабеть. Отдал Канак орлице все свои запасы. Пролетела орлица немного, вот уж совсем близко вершина горы, а сил у орлицы нет, не может дальше лететь. Отрезал Канак мясо от себя и сунул орлице. Поднялась она, а до вершины достать не может. Взял Канак нож, отрезал еще от себя мяса и отдал орлице. Долетела она до вершины небесной горы и села около большого камня.

Видит Канак впереди огромную землянку. Вокруг той землянки множество костей, словно белый снег, покрыло землю.

Сказала орлица Канаку:

— Вон там, за землянкой, привязан к столбу ремнями твой сын. Приведи его сюда!

Подошел Канак к столбу и действительно увидел привязанного за руки и за ноги сына. Быстро перерезал ножом толстые моржовые ремни. Упал сын. Спрашивает Канак:

— Сын мой, разве нет сил у тебя, чтобы ходить?

Отвечает сын:

— Совсем обессилел, не могу.

Взял Канак сына на плечи, принес к орлице.

Сказала орлица:

— Орел-богатырь спит и не знает, что ты взял у него своего сына. Давайте поскорее спускаться на землю.

Отец и сын сели на орлицу и стали спускаться на землю. Вот и земля близко уже. Вдруг услышали они позади себя шум и крик.

Догнал орел-богатырь орлицу, ударил грудью и сшиб сына Канака, ударил еще — сшиб самого Канака и мешок из-под мяса, ударил еще — подбил орлицу.

Все они упали в море, а орел улетел в небеса.

Упала орлица в море и превратилась в остров Алк. Упал Канак в море и стал островом

Имаклик, упал сын Канака в море и стал островом Укияк.

Осиротели на горе Кыхлявик два молодых орленка, два брата. Пришлось им самим добывать себе пищу. Сначала добывали они мелких тундровых зверей, потом стали ловить диких оленей и моржей на льдинах. Прошло много времени, выросли орлы и стали ловить больших китов.

Вот один раз говорит младший брат старшему:

— Где же наша мать? Не полететь ли нам в небесные горы? Ведь оттуда все видно.

Запаслись братья-орлы мясом и полетели вверх. Долго летели, все мясо съели. Прилетели на небесную гору. Увидели большую-большую землянку. Вокруг той землянки много костей, земля словно белым снегом покрыта. Ударили братья-орлы клювами о землю, сбросили с себя оперение, и старший брат сказал:

— Что же, войдем в эту землянку!

Вошли в землянку. У деревянного блюда с китовым мясом сидят орел и его жена. Орел говорит:

— Вот пришли молодые орлы-братья отомстить мне за то, что я убил их мать.

Старший из братьев сказал богатырю:

— Что же, одевайся, полетим с нами близко к земле и поборемся.

— Поборемся! — сказал орел.

Вместе с ним собралась и его жена-орлица. Надели орлы свои шкуры и стали спускаться ближе к земле. Когда земля стала близко, старший брат сказал:

— Не пора ли начать бой? Ты бейся с орлицей, а я с этим орлом буду сражаться.

Разлетелись в разные стороны: младший — на север с орлицей, а старший — на юг с орлом.

Начался бой между старым орлом и молодым.

Долго бились орлы. Вот молодой ударил грудью старого. Не вынес богатырь, упал в море и превратился в большой остров Сивукак.

А младший брат далеко на севере победил орлицу. Подшиб ее, упала она в море и превратилась в остров Кулюсик.

АМЕК

Очнулся человек и видит: сидит он один на ровном и голом месте. В одну сторону посмотрел — горы и деревья увидел, в другую посмотрел — море увидел, а на воде огромная чайка сидит. Чайка эта извечно сидит тут, ни куда не улетает. Зима придет, море скует льдом, а чайка долбит вокруг себя клювом, вода оттого в том месте и не замерзает. Смотрит человек на чайку-великана и думает: «Откуда я появился здесь? Почему я совсем один? Как мне быть без одежды и пищи? Есть ли здесь поблизости люди?» Сидел он так, сидел, потом встал. Подошел к высокому дереву. Взобрался на дерево, стал на море смотреть. Видит: в море байдары плывут, совсем недалеко от берега. Спустился он с дерева, к морю пошел. Поравнялись с ним байдары, стал он кричать сидевшим в них людям. Не услышали его люди, проплыли мимо. Сильно опечалился человек. Немного погодя другие байдары плывут. Поравнялись с ним, он опять начал кричать. Звал, звал, услышали его люди, сидевшие в байдарках. Причалили к берегу. Спросил он тех людей:

— Куда вы путь держите? И куда первые байдары уплыли?

— В ближнее селение, — отвечают ему люди. — А те, первые, в далекие края уплыли.

— Сел бы я с вами в вашу байдару, — сказал человек.

— Садись, — отвечают.

Сел человек с этими людьми в байдару, скоро приехали в селение. Все к жилищу пошли, а он за ними следом. Стал с ними разговаривать, никто ему не отвечает. Вошли в жилище. Всех приглашают поесть, а его не замечают. Снова стал он их расспрашивать, а они не слышат его. Стал он тогда по жилищам без страха ходить: все равно его никто не видит и не слышит. В одну ярангу вошел — такую красавицу увидел! Чистая вся да прозрачная. Через светлую кожу весь скелет и внутренности видно. И подумал человек: «Войду я внутрь этой прекрасной женщины!» Подумал и вошел к ней в чрево.

Через некоторое время родился у этой женщины мальчик. Мальчик был тем человеком, который вошел в чрево женщины. Был он мудр не по летам, все понимал и не плакал, хотя мать его много работала. Подрос он и подумал: «Надоело мне быть человеком, умереть бы!» И умер. Тело схоронили, а дух его пошел куда глаза глядят. Увидел он в одном селении красивую собаку-суку. Шкура с шерстью у нее прозрачные, так что весь скелет и внутренности видно. Подумал дух того человека: «Ох и красавица собака! Войду я к ней в чрево!» И вошел.

Вскоре после того родила собака щенят. Среди щенят был и тот человек. Когда отходила мать от щенков, все визжали, один он молчал, потому что был умный. Подросли щенки, стал их хозяин приучать к упряжке. И сильно бил тех, кто не хотел в упряжке ходить. Умный щенок боялся, что и его прибьют, и всегда вперед рвался. Хозяин, возвращаясь из поездки, говорил про него:

— Хороша собака будет! Так и рвется вперед, не то что другие, ленивые.

И вот вырос он и стал большим псом. Надоело ему псом быть — опять умер. Снова покинул тело. По всему свету скитался: у бурых медведей был, у волков, у лисиц, у птиц. Дошел до Кыгмика и опять человеком на свет родился. Назвали его Аmek. Тогда и остался он навсегда в Кыгмике.

ЮНОША, СТАВШИЙ СПОЛОХОМ

Так было. Жил береговой человек с женой. Детей у них не было. Человек постоянно в море выходил, нерпу, моржа и другого морского зверя промыслял. Вот один раз не убил он ничего, домой возвращался. Уже поздно было, ночь опустилась. Шел человек, шел, на небо взглянул — северное сияние увидел. Так много сполохов на небе огненными мячами играет! Один маленький сполох сорвался с неба и упал ярким огоньком возле жилища того человека. Пospешил человек домой. Вошел и увидел: жена его беременна. Обрадовался человек. Сполох ему счастье принес. Поели и спать легли.

Однажды утром снова отправился человек на охоту. Несколько нерп убил, а как вернулся, видит: жена мальчика родила. Назвал отец сына Сполохом. Рос Сполох каждый день понемножку и скоро юношей стал.

Вот раз отправился отец на промысел, далеко в море по льду ушел. Налетел сиверко, лед поломал, остался в море и погиб там. Мать Сполоха горевала, горевала, да с горя и удавилась.

Остался Сполох сиротой среди чужих людей. Раз и подумал он: «Мать с отцом мои померли. Отец в море погиб, мать себя порешила. Старые люди говорят: кто не своей смертью умрет, а в море утонет или на себя руки наложит, те все к сполохам на небо поднимутся. Вот и мой отец с матерью, верно, там уже». Вышел он ночью к морю, на небо глянул. А там сполохи огненными мячами играют. Взял он длинный охотничий ремень, вверх бросил. Ремень за северное сияние и зацепился. Взобрался юноша по ремню на небо. А сполохи еще больше разыгрались. И он с ними играть стал. В игре и веселье совсем о земле забыл. Так пришедший с неба опять на небо вернулся. И стал у тех сполохов старшиной.

СПОР ВЕТРА И СОЛНЦА

Говорят, давно это было. Жил человек, было у него пятеро детей. Все мальчики. Самый старший, как подросток, посыльным стал. Остальные маленькие были. Последыши еще и на улицу ни разу не выходили. Были у человека лук, сеть и гарпун. Но жил он бедно. Рыбу ловить сетью не мог. Море всю долгую зиму льдом было покрыто. Там, где он жил, коса в море вдавалась, и человек на этой косе промышлял: море там часто на берег зверя выбрасывало. Его жена не могла за лето собрать много съедобных корней и ягод: детишки еще малы, а оставить их дома не с кем.

Пришла зима. Земля, озера, реки замерзли. А охотник этот зимой часто щеки сильно обмораживал. Вот раз пошел он по косе, дошел до утеса. Ходил, ходил, все расщелины осмотрел. Вдруг слышит голоса. «Верно, соседи выброшенного морем зверя нашли», — думает. Порадовался он соседской удаче да и пошел на голос. Обогнул скалу, голоса слышит, а никого нет. Еще одну скалу обогнул — опять никого. Что за диво: громко так спорят, а никого не видно. Обошел кругом утес, так никого и не нашел. Взобрался на самую верхушку, стал слушать. И вот сказывают, что услышал, пока там сидел.

— Я, когда с холодом приду, — говорит один голос, — всю землю заморожу. Реки, озера льдом скую. А как со снегом приду, всю землю снегом занесу, все под снегом спрячу: травы съедобные, и всякую ягоду, которыми сиротки питаются, и плавник, что море на дрова приносит. Еще больше рассержусь и море все заморожу. А уж как совсем разъярюсь, жерди у яранг ломать стану. Всех людей выморожу. То-то повеселюсь!

— А я, наоборот, — другой голос отвечает, — приду, всю землю согрею. Растоплю лед на озерах и реках, станут люди рыбу ловить, ягоды, травы и корни собирать — вот и будет пища у бедных. Отгоню подальше в море лед от берегов, станут охотники моржей, нерп да лахтаков промышлять. Станут люди мясо есть и радоваться, меня добрым словом поминать. Если где по оврагам прошлогодний снег остался, я и его растоплю. Вот буду гордиться своими делами и радоваться!

Тогда первый и говорит:

— А ну, давай спросим вон того мужичка на скале, кто ему из нас больше люб. Эй, мужичок, кто тебе больше люб, кивни тому головой.

А мужичок думает, кому кивать-то, не видно никого. Но все-таки кивнул и говорит:

— Холод — это плохо. Весеннее солнышко хорошо. Весной моя жена не мерзнет, собирая корни. И мне на солнце тепло — одежда у меня, гляди, сильно худая. И деткам моим солнышко в радость: не мерзнут они, не дрожат от холода.

Вот и отвечает ему невидимка:

— Будет тебе впредь во всем удача, и зверя всякого будешь бить много, щек морозить не будешь. И жена за лето ягод и корней напасет вдоволь. Ступай домой, мужичок! Слышишь ты меня?

Выслушал мужик эти слова и поспешил домой. Пришел, все жене рассказал. «Теперь, — говорит, — хорошо будем жить, в тепле и достатке. И растений съедобных много будешь собирать».

И стал тот мужик хорошо жить: зимой не мерзнет, снег не отрывает, ветра студеного не боится. И тут вскоре и весна наступила, реки вскрылись, озера талой водой набухли.

Стал мужик много зверя и рыбы ловить. А дети подросли, и жена стала много съедобных корней и ягод запасать. И мерзнуть они перестали и ветра с холодом с тех пор никогда не боялись. Состарились, а все не знали нужды. Дети выросли, один стал удачливым зверобоем, другой — сметливым следопытом, а младшие хорошо диких оленей промышляли.

Умерли старики, а дети и после их смерти хорошо жили. Тьфу.

АЛИНТИТУНА И ТЫКЫВАК

Так, говорят, было. В одном селении жил юноша, который не боялся тугныгаков. Однажды все его односельчане на целое лето перекочевали в новое место, чтобы осенью возвратиться. В селении остался только один Алинтитунa Бесстрашный. Так звали юношу.

Как-то ночью он решил праздновать и по этому случаю пригласил к себе всех тугныгаков. Он вышел из жилища и на языке тугныгаков стал созывать гостей. Все тугныгаки собрались в землянку Алинтитунy. Каждого тугныгака, входящего в дом, он мазал жидкой серой, нагорающей от жира в светильнике. Размалеванные серой, тугныгаки зашурились, жидкая сера попадала им в глаза, и они не могли хорошо видеть. Ослепленных духов Алинтитунa стал колотить палкой. Так многих поубивал. Но оставшиеся в живых тугныгаки не давались ему. Тогда Алинтитунa подпер глаза пластинками от китового уса, влез на площадку надворного камня и там заснул с открытыми глазами.

— Вон этот обманщик Алинтитунa. Притворяется спящим, а глаза открыты.

На самом же деле Алинтитунa крепко спал, а расширенные пластинами глаза смотрели. Когда он проснулся, вынул пластинки-подпорки из глаз и, перешагнув с камня на берег, пошел в селение.

Так в борьбе с тугныгаками он провел все лето, а осенью возвратились его односельчане. Вскоре и зима наступила. Очень сильные морозы были. Это хозяин морозов по имени Тыкывак насылал стужу, пургу и снега. Этот дух Тыкывак каждую зиму на земле делает трещины. Придет он в селение, упадет вниз лицом позади жилища людей, и земля от этого трескается. Люди при треске должны отвечать Тыкываку стуком обо что-нибудь. Если не отвечают, он плачет, поднимается и уходит. Люди боятся Тыкывака и отвечают на треск земли стуком.

Алинтитунa не боялся Тыкывака и не отвечал на треск земли.

Однажды Алинтитунa обошел все жилища и сказал людям:

— Если Тыкывак придет, не отвечайте ему!

При этом сам Алинтитунa приготовил гарпун с поплавком, чтобы загарпунить Тыкывака. И люди послушались Алинтитунu Бесстрашного. Когда ночью пришел Тыкывак и стал падать вниз лицом позади жилищ, отчего земля трещала, люди не отвечали ему. Сильно плакал от обиды Тыкывак. И вот позади последнего жилища он упал, земля затрещала, и в это время Алинтитунa бросил в него гарпун. Загарпунил юноша духа мороза Тыкывака. Вместе с гарпуном и привязанным к нему на длинном ремне нерпичьим поплавком нырнул Тыкывак в землю, как в воду. Земля для Тыкывака как вода.

Алинтитунa вернулся домой и лег спать. На другой день пошел прогуляться в тундру. По пути увидел одну ярангу. Вошел в нее. Сидевший в яранге старик пригласил гостя поесть. Алинтитунa согласился. Ему на блюде подали рыбу. Он поел ее. Посидел немного, и вдруг нутро его сильно заболело. Старик сказал:

— Вот ты съел свой же гарпун и поплавок!

И Алинтитунa умер. Эта яранга была жилищем Тыкывака, а сам старик — хозяином трескучего мороза Тыкываком. Все.

ВИЮТКУ-ПРЕДВОДИТЕЛЬ

Жили в Нунлигране три брата: старший Виютку — силач, средний Анику — копьеносец и младший Суплякын — бегун. Все трое хорошими воинами и удачливыми охотниками были. Как-то односельчане сказали им, что в стойбище появился человек, который бежит на север. Виютку велел позвать его к себе и спросил:

— Откуда ты пришел к нам, человек? Какие вести принес из дальних краев?

Человек сказал:

— Оттуда бегу, с юга. Опять в наши береговые селения пришли танниты, грабят имущество, убивают мужчин, уводят с собой наших женщин и детей!

Виютку сказал:

— А-а, вот как! А до какого места дошли они? Далеко ли отсюда?

— Сейчас танниты еще далеко.

Виютку сказал:

— Если они далеко, оставайся с нами. Будем готовиться и ждать врага. Разве ты боишься умереть за своих?

Человек остался в Нунлигране. Не один он бежал от таннитов, многие... Всех, кто бежал от них, Виютку оставлял в Нунлигране. И когда много людей собралось, Виютку разделил всех мужчин на борцов, бегунов и копьеносцев.

Каждый день, как велел Виютку, бегуны состязались в беге, борцы — в борьбе, в поднятии тяжестей, а копьеносцы — в метании копий. Тем временем Виютку приказал всех собак держать на привязи, чтобы злее стали...

Когда дни стали длиннее, Виютку начал посылать своего младшего брата Суплякина к заливу Каниник посмотреть, не идут ли танниты.

Бегом отправлялся Суплякин в дальний путь и к заходу солнца возвращался в Нунлигран. Так было много раз, но враги все не показывались.

Однажды Суплякин снова побежал посмотреть, не идут ли враги. На гору поднялся, кругом далеко видно. Вдруг видит Суплякин: поднимается в гору человек в легких летних одеждах. Подошел человек к Суплякину. Встретились, стали расспрашивать друг друга о вестях-новостях.

Пришедший говорит:

— О, оказывается, здесь еще человек!

Суплякин отвечает:

— Да, я человек, а ты кто?

Пришелец сказал:

— Я таннитский человек, а ты чей?

Суплякин сказал:

— Я нунлигранский житель, охотник на морских зверей.

Пришелец сказал:

— Меня наш хозяин послал — посмотреть, не живут ли поблизости люди. Ведет нас хозяин на северных людей. Только куда ни приходим мы — нигде людей нет, все куда-то ушли. Женщины, старики и дети остались, а мужчин нет. Наверное, на север ушли...

Суплякин говорит:

— Они все на дальний север ушли. Далеко, к Уназику ушли.

Суплякын сказал еще:

— Вот хорошо, что встретил здесь тебя. Я ведь ищу таннитов, хочу к ним в пастухи или погонщики пойти. Здесь, рядом, нунлигранцы живут, ничего не делают, ничего не подозревают о наступлении таннитов. Я хочу к вам пойти. Далеко ли вы отсюда?

Таннитский человек сказал:

— Через полмесяца наш караван будет здесь.

Суплякын сказал:

— А-а, ну, я пока вернусь, а через несколько дней пойду к вам навстречу, не откажите взять к себе.

Затем Суплякын повернулся и пошел домой, а таннитский человек обратно по своему следу пошел.

Пришел Суплякын в Нунлигран и сказал Виютку:

— Скоро к нам придут враги. Видел я их разведчика. Он говорит, что через полмесяца придут в Нунлигран. Я ему сказал, что нунлигранцы ничего не знают, к войне не готовятся. Разведчик обратно по своему следу ушел.

На другой день Виютку собрал весь народ. Когда люди собрались, Виютку сказал им:

— Мы должны пойти навстречу таннитам. Надо их застать в пути, когда их караван через горы переваливать будет. В походе оружие таннитов к нартам привязано. Нападем на них врасплох. Приготовьте своих собак.

Стали нунлигранцы готовить свое снаряжение: луки, стрелы, копья и пращи. К нартам дорожную пищу и запасную обувь приторочили.

На следующий день вышли в поход. Много собачьих упряжек повели нунлигранцы. Много дней шли. Наконец подошли к Танниритским горам. Остановились, спрятались в ущелье за гребнем. Виютку сказал своим воинам:

— Когда поднимемся на Танниритский гребень, там станьте по двое, незаметно от врага. Собак своих не спускайте, будьте настороже! Когда я крикну вам, собак спустите, бросайтесь все на врага, кричите сильнее. А вы, бегуны и копейщики, не давайте врагам убежать, догоняйте и убивайте. Анику и Суплякын помогут вам!

Спрятались нунлигранцы, стали ждать таннитов. Хорошо научились люди пользоваться копьями, луками, пращами; камни бросали с такой силой, что разбивали китовые позвоночники. А сам Виютку, бросив камень из пращи в китовую челюсть, разбил ее вдребезги.

Однажды Суплякын, поднявшись на гребень, увидел врагов. Быстро спустился, сказал об этом Виютку.

Поднялись воины на гребень и стали по двое. Каждый впереди себя держал по две собаки. Виютку с братьями взошел на вершину. Танниты поднимались на Таннирит.

Тут Виютку бросил боевой клич. Люди с криком ринулись вперед, отпустили собак. Собаки набросились на оленей упряжки, стали рвать и давить оленей. Перепуганные олени кинулись в разные стороны. Танниты растерялись, не успели за оружие схватиться. Остались они без оленей и без оружия. Тех, кто хотел убежать, настигали бегуны и копейщики.

Всех врагов побили нунлигранцы. Оставили в живых, по старинному обычаю, только двоих вражеских воинов. Виютку сказал этим людям:

— Идите и расскажите своим, как вы воевали с береговыми людьми. Пусть запомнят, что, идя войной против нас, должны сообщить нам об этом. Скажите, что мы готовы и будем ждать таннитов!

Виютку велел дать тем людям еды в дорогу и запасную обувь. После этого они ушли.

Много добра бросили танниты: копья, котлы, ножи, табак. Виютку поделил все между своими воинами. После этого береговые люди вернулись в Нунлигран.

Всю зиму учил Виютку нунлигранцев пользоваться пращей. Учил бегать и метать копья. Когда же наступила весна, стал Виютку скликать людей от Такывака на север до Аля юга.

На больших байдарках прибыли люди из северных селений в Нунлигран.

Виютку сказал:

— Много лет не дают нам спокойно жить разбойники-танниты. Вот собрались мы все вместе. Нас много. Мы должны наказать таннитов.

Все войско Виютку на больших байдарках поплыло к таннитам. Через несколько дней причалили к таннитской земле. Здесь, не показываясь врагу, отдохнули три дня. После этого Виютку пошел показаться врагам с горы. Они увидели его, приготовились и пришли поближе к берегу. Два войска недалеко друг от друга расположились. Провели здесь ночь.

Наутро таннитский вождь с двумя луками в руках стал расхаживать взад и вперед между своим шатром и берегом.

Виютку между своим шатром и берегом стал расхаживать, тоже держа два лука в руках. Когда солнце поднялось повыше, вождь таннитов поднял вверх два лука. Виютку заметил это и сделал то же самое. Затем Виютку сказал своим товарищам:

— Война объявлена. Только вы не спешите. Когда подам вам знак, бросайте камни из пращей во вражеское войско.

Затем с холма стал спускаться с копьем таннитский вождь. Когда тот спустился, Виютку сказал своему брату Анику:

— Ну, иди ему навстречу!

Танниты стали расставлять кругом нарты. Вот Анику стал подниматься. Пришел к врагам. Таннит и Анику вошли в круг из нарт и начали драться копьями. Вдруг Виютку и его войско увидели, как взлетел в воздух человек. Когда он упал на землю, другой вонзил ему копье в грудь. Оказывается, это Анику убил своего противника.

Тут нунлигранские пращники бросили камни из своих пращей в лагерь таннитов. Послышался треск и крики в стане врага. А уназикские, яндракинотские и сиреникские лучники пустили свои меткие стрелы. Затем все ринулись в лагерь врагов. Войско таннитов было разбито. Их вождь крикнул:

— Перестаньте убивать моих воинов!

Виютку сказал:

— Уже поздно. Твои танниты почти все перебиты.

Всех, кто пытался убежать, настигал Суплякын с си-реникскими и уназикскими бегунами. Только троих таннитов оставили воины Виютку. Им сказали:

— Идите и передайте всем вашим людям, что береговые объединились и не позволят больше врагам совершать набеги на свои селения!

После этого Виютку велел погрузить в байдары военную добычу: котлы, ножи, шкуры, пушнину, медные бубенцы и табак. Байдары нагрузили, спустили на воду, и северяне отплыли домой.

В Нунлигране Виютку поделил добычу поровну между всеми воинами. Люди из северных селений вернулись домой. Это была последняя война с таннитами. С тех пор они перестали нападать на северных береговых людей.

САРТАКПАЙ

На Алтае, в устье реки Ини, жил богатырь Сартакпай. Коса у него до земли. Брови — точно густой кустарник. Мускулы узловаты, как нарост на березе, — хоть чашки из них режь.

Еще ни одна птица не пролетала мимо головы Сартакпая: он стрелял без промаха.

Копытных зверей, бегущих вдаль, всегда метко бил Сартакпай. В когтистых зверей он целился ловко. Не пустовали его арчемаки. К седлу всегда была приторочена жирная дичь. Сын Адучи-Мерген, еще издали услышав топот иноходца, выбегал навстречу отцу, чтобы расседлать коня. Сноха Оймок готовила старику восемнадцать блюд из дичи, десять напитков из молока.

Но не был счастлив, не был весел прославленный богатырь Сартакпай. Он день и ночь слышал плач зажатых камнями алтайских рек. Бросаясь с камня на камень, они рвались в клочья. Дробились в ручьи, натыкаясь на горы. Надоело Сартакпаю видеть слезы алтайских рек, надоело слушать их немолчный стон. И задумал он дать дорогу алтайским водам в Ледовитый океан. Сартакпай позвал своего сына:

— Ты, дитя, иди на юг, а я на восток пойду.

Адучи-сын пошел к горе Белухе, поднялся туда, где лежит вечный снег, стал искать пути для реки Катунь.

Сам богатырь Сартакпай отправился на восток, к жирному озеру Юлу-Коль. Указательным пальцем правой руки Сартакпай тронул берег Юлу-коля — и следом за его пальцем потекла река Чулышман. В эту реку с веселой песней устремились все попутные ручейки и речки, все звонкие ключи и подземные воды.

Но сквозь радостный звон Сартакпай услышал плач в горах Кош-Агача. Он вытянул левую руку и указательным пальцем левой руки провел по горам борозду для реки Башкаус. И когда засмеялись воды, убегая с Кош-Агача, засмеялся вместе с ними старик Сартакпай.

— Оказывается, левой рукой я тоже работать умею. Однако не годится такое дело левой рукой творить.

И Сартакпай повернул реку Башкаус к холмам Кок-баша и тут влил ее в Чулышман и повел все воды одной, правой рукой вниз, к склонам Артыбаша. Тут Сартакпай остановился.

— Где же сын мой, Адучи? Почему не идет мне навстречу? Слетай к нему, черный дятел, посмотри, как работает Адучи-Мерген.

Черный дятел полетел к горе Белухе, от Белухи река Катунь бежала на запад. Дятел устремился следом за рекой. Недалеко от Усть-Коксы догнал он силача Адучи. Тот вел Катунь все дальше к западу.

— Что ты делаешь, Адучи-Мерген? — крикнул дятел. — Отец твой уж полдня ждет тебя в Артыбаше.

Сын сейчас же повернул Катунь на северо-восток. Дятел поспешил к Сартакпаю.

— Прославленный богатырь, ваш сын ошибся: реку к западу начал вести, теперь повернул ее на восток. Через три дня он будет здесь.

— Славный дятел, — сказал Сартакпай, — ты мою просьбу уважил. За это я научу тебя, как всегда сытым быть. Ты не ищи червей в земле, не лазай за мошками по ветвям деревьев, а уцепись когтями за ствол, стукни клювом по коре и крикни: «Киук-киук! Караты-хана сын свадьбу справляет, киук! Наденьте желтую шелковую шубу, черную бобровую шапку. Скорей, скорей! Караты-хана сын вас на свадьбу зовет!» И все черви, букашки, мошки тотчас выбегут из-под коры на свет.

Вот с тех пор и доныне дятел кормится так, как научил его старик Сартакпай.

Дожидаясь своего сына, Сартакпай три дня держал указательный палец в долине Артыбаша. За это время к нему под палец натекло Телецкое озеро. Отец повел из Телецкого озера реку Бия, а сын Адучи быстро бежал, ведя за собой Катунь. Ни на шаг не отстал он от своего могучего отца. Вместе, в один миг слились обе реки, Бия и Катунь, в широкую Обь. И эта река понесла воды Алтая в далекий Ледовитый океан.

Адучи-Мерген стоял гордый и счастливый.

— Сынок, — сказал Сартакпай, — ты быстро привел Катунь, но я хочу посмотреть, хорошо ли, удобно ли для людей ты вел ее.

И старик пошел от Оби вверх по Катунь. Адучи-Мерген шагнул сзади, и колени его гнулись от страха. Вот отец перешагнул через реку Чемал и подошел к горе Согонду-Туу. Лицо его потемнело. Брови совсем закрыли глаза.

— Ой, стыд, позор, Адучи-Мерген, сынок! Зачем ты заставил Катунь сделать здесь поворот? Люди тебе за это спасибо не скажут. Плохо сделал, сынок!

— Отец, — отвечает Адучи, — я не мог расколоть Согонду-Туу. Даже борозду провести по ее хребтам не хватило сил.

Тут старик Сартакпай снял с плеча свой железный лук, натянул тетиву и пустил литую из меди трехгранную стрелу.

Согонду-Туу надвое раскололась. Один кусок упал пониже реки Чемала, на нем тут же вырос сосновый бор Бешпек. Другая половина Согонду-Туу до сих пор стоит над Катунью. И до сих пор хвалят люди старика Сартакпая за то, что провел он дорогу, прямую, как след стрелы.

Дальше идут отец и сын вверх по Катунь. Видит Сартакпай: река рушит и рвет берега. Свирепо и быстро бегут ее воды.

— Как же будут люди ездить с одного берега на другой, сынок?

У самого устья Чобы богатырь Сартакпай сел на камень и крепко задумался.

— Здесь, сын мой, — сказал он, — как раз середина реки. Надо будет выстроить тут большой мост.

Ничего не ответил молодой Адучи-Мерген. Он очень устал и стоя качался из стороны в сторону, как высокая трава.

— Пойди отдохни, милый, — позволил Сартакпай. — Только не смей спать, и жена твоя Оймок из уважения к моей работе пусть не смыкает век.

— Неужели, отец, вы всю ночь не уснете?

— Когда творишь великое дело, сон не посмеет прийти, — ответил Сартакпай.

Он стал собирать груды камней в подол своей шубы. Весь день без отдыха работал Сартакпай. И когда стемнело, он тоже не захотел отдохнуть.

Катунь бежала, как бешеная. Ветер гнул деревья. В небе дымились черные тучи. Они грозно плыли навстречу друг другу. И маленькая туча, налетев на большую, высекла яркую молнию. Сартакпай поднял руку, поймал молнию и вставил ее в расщепленный ствол пихты. При свете пойманной молнии Сартакпай стал строить мост. Он вонзал один камень в другой, и камни покорно лепились один к другому. До того берега осталось проложить не больше пятнадцати кулашей. И тут мост рухнул.

Сартакпай рывкнул, как медведь, выбросил камни из подола шубы, и они, гремя, просыпались от устья Чобы до устья Эдигана.

От страшного грохота проснулся сын Адучи, открыла глаза сноха Оймок. Испугавшись гнева Сартакпая, они обернулись серыми гусями и улетели вверх по реке Чуя. Сартакпай бросил им вслед стопудовый камень. Этот камень упал на Курайской степи и до сих пор лежит там.

Сын Адучи и сноха Оймок остались гусями навечно.

Одинокий и печальный, сел Сартакпай на своего коня и вернулся к устью Ини. Его родной аил давно рассыпался. Сартакпай расседлал коня, бросил на большой камень стопудовый токум и, чтобы он скорей высох, повернул камень к солнцу, а сам сел рядом и умер.

Тут кончается сказка про Сартакпая — строителя, про Сартакпая — хозяина молний, про Сартакпая — богатыря.

ЮСКУЗЕК И АЛТЫН-ЧАЧ

Куда ворон не залетает, на краю голубой долины, куда сорока не может долететь, на краю желтой долины, под мышкой у ледяной горы стоял маленький аил. Из него вился тонкой нитью белый дым. В аиле жил смуглый мальчик Юскузек.

Он кормился молоком бурой коровы, играл с желтой козой, ездил на буланом коне.

Вот раз проснулся Юскузек, кликнул коня, а коня-то и нет, и коровы нет, и коза пропала. На вершину ледяной горы ведут следы семи волков. Громко заплакал Юскузек:

— Оглянусь назад — кроме тени, нет ничего. Руки подниму — только за уши ухватиться можно. Нет у меня отца, который поддержал бы бы. Нет матери, что пожалела бы. Птенцу, выпавшему из гнезда, все равно, где сгнить. Пока не отомщу волкам, домой не вернусь!

И ушел Юскузек от своего круглого аила.

Идет день. Идет ночь. Вот поднялся на узкое ребро горы. Шагнул — и скатился в пропасть. Здесь ни солнца, ни луны не видно. Закричал Юскузек. Этот одинокий плач тронул сердце орла Каан-Керездэ. Сомкнул Каан-Керездэ широкие крылья, камнем упал на дно пропасти, когтистой лапой схватил Юскузека и поставил его туда, где листья на деревьях не желтеют. Кукушка там нежно кукует весь год.

Прямо против Юскузека, на розовой каменной россыпи, лежали семь серых волков, опустив свои черные морды на твердые лапы. Юскузек выхватил из-за пояса синий топор.

— Где мой буланный конь? Где бурая корова? Коза моя где?

Что дальше было, не помнит Юскузек. Очнулся он в большой пещере. На полу — медвежьи шкуры. Шелковые занавеси затканы лунным и солнечным узором. Семь волков подают Юскузеку золотую чочойку с крепким чаем, золотой поднос с жирным кушаньем. Юскузек поел.

— Не хотите ли теперь на свой скот взглянуть?

Юскузек вышел из пещеры. Сытый буланный конь опустил ему на плечо свою шелковистую гриву. Корова пришла с приплодом; коза скачет, бородой трясет.

— Что подарить вам? — спрашивают волки.

— Если не жаль, дайте щенка, что валяется у вас под порогом.

Семь серых волков, как один, спиной повернулись, тяжелую слезу уронили.

— Берите собаку.

С розовой каменной россыпи от вечно цветущей белой черемухи ушел Юскузек. Шел по зыбким болотам, поднимался на крутые горные перевалы. Шел серым степным песком. Но дороги домой не видно.

Юскузек сел на пенек и закрыл глаза.

— Приди, смерть! Меня, голодного, ты легко победишь.

Но смерть не пришла. Открыл глаза Юскузек.

Что такое? Стоит перед ним поднос. На подносе сыр и мясо. Поел Юскузек, отдохнул, накормил щенка. Встал, а перед ним голубая долина и под мышкой у ледяной горы круглый аил. Юскузек зажег в темном аиле веселый костер и видит: через край деревянной чашки льются розовые сливки, над очагом в медном котле кипит густо заваренный чай.

Кто это приготовил?

Юскузек лег на козью шкуру, закрыл глаза.

Всю ночь и все утро лежал не шевелясь. Солнце из-за гор давно вышло, а Юскузек все лежит.

В полдень желтый щенок заскулил, завозился. Взвыл раз, взвыл другой, встряхнулся, и упала собачья шкура. Девушка к очагу подошла. Ее серьги — как две луны. Брови бархатно-черные.

Золотые косы нежно сияют.

Юскузек схватил собачий мех, а красавица ударила ладонями по круглым коленям. Открытые глаза полны слез.

— Отдайте мне мою шкуру!

Юскузек на оба колена пал.

— Грязными пальцами вас тронуть нельзя. Вопросы вам задать я не смею, почему вы собакой стали.

— Караты-хан хотел меня в жены взять. Чтобы избавиться от него, мои братья обернулись волками, а я — собакой. Зовут меня Алтын-Чач — Золотые Волосы. Отдайте мою шкуру!

Юскузек спрятал собачью шкуру в золотой ящик, запер в железный сундук и все это опустил в деревянный ларь.

Вот как-то раз у Караты-хана пропал белый, как молоко, жеребец с четырьмя ушами. За жеребцом убежал табун молочно-белых кобылиц. Караты-хан сам поехал искать их. Куда только взгляд может достичь, всюду смотрел Караты-хан: белого табуна не увидел.

Уже хотел повод обратно повернуть, но вдруг заметил он на краю голубой долины, под мышкой у ледяной горы, тихий свет.

Присмотрелся Караты-хан: огонь выходит из маленького аила. Подобрал Караты-хан полы шубы, хлестнул восьмигранной плетью своего иноходца. Как стрела с тугого лука полетел бурый конь.

— Э... эй! — вскричал Караты-хан. — Чей аил горит?

Юскузек с испугу позабыл достать собачью шкуру.

Алтын-Чач выбежала, как была.

И понял Караты-хан: не луна светит, не аил горит — это волосы Алтын-Чач отражают утреннюю зарю.

Подобно низкой горе, сдвинулись брови Караты-хана. Как бурная река рвет берег, так разорвал, искусал он свои губы. Повернул коня и, не оглядываясь, забыв о белом табуне, проскакал в свой белый дворец.

Он не может на трон сесть: трон будто раскаленный камень. Он есть не может: будто кость застряла в горле. Из круглой сумки достал бумагу и, стоя, написал:

«Я, хан Караты-каан, владеющий всеми народами Алтая, бесчисленным белым и красным, рогатым и однокопытным скотом, вызываю тебя, безлошадного Юскузека, на великий подвиг.

Если ты достанешь из орлиного гнезда золотое яйцо, то мои народы, говорящие на шестидесяти разных языках, твоими будут. Мой скот шестидесяти мастей я тебе отдам.

Но если я, хан Караты-каан, тебя в аиле найду, Алтын-Чач моей станет. Твою голову отрублю — к твоим ногам приложу, твои ноги отрежу — к голове приставлю.

Эту грамоту писал я, хан Караты-каан, едущий на темно-буrom коне».

На краю дымохода во дворце всегда сидели два ястреба.

— Быстрее слов летите! — сказал им Караты-хан.

Ястребы, прихватив клювами грамоту, устремились к маленькому аилу, бросили письмо и улетели.

Алтын-Чач прочла грамоту. Лицо ее два раза потемнело, два раза побелело.

— Караты-хан велит тебе за золотым яйцом к орлиному гнезду идти.

С того дня Юскузек днем без отдыха, ночью без сна шел. Таяли дни, как снежинки. Годы, как змеи, ползли. Летом солнце ему плечи жгло. Когда снег за ворот падал, он зиму узнавал. Шел он, все шел — и вдруг растаяла черная туча. Бронзовый тополь с девяноста девятью сучьями перед Юскузекком стоит, из-под корней тополя глядят глаза змеи. На вершине тополя в большом гнезде тихо плачут два орленка.

Юскузек отвел от ледяных зрачков змеи свои теплые глаза. Натянул черный лук. Концы лука сошлись. Юскузек спустил стрелу. Три змеиные головы покатались в три конца земли.

Из змеиной крови черное море налилось. Как вечная большая гора, тело змеи на берегу лежит.

— Потухший костер кто раздул? Мертвых нас кто оживил? — крикнули орлята.

Юскузек вышел из-за тополя.

Орлята выпростили голые крылья. Юскузек ухватился за них, и орлята подняли его в гнездо.

Луна всходила — Юскузек с орлятами мясо варил, трубку курил. Луна таяла — Юскузек с орлятами песни пел. Сколько раз вставало солнце, они не считали. Только когда страшный ветер подул, замолкли орлята.

— Это наш отец и мать крыльями машут.

Густой, буйный дождь пролился.

— Это отец с матерью по нас плачут.

Над горами, над реками, над всем широким Алтаем распластались два крыла, это Каан-Кередэ — орел летит.

И еще два крыла над всей землей распахнулись от восточного конца неба до западного: это летела Каан-Кередэ — мать.

— Чем в гнезде пахнет? — крикнули птицы Каан-Кередэ.

Как спущенные с тетивы, они рванулись вверх.

— Кто в гнезде сидит?

— Отец, мать, под тополь взгляните! — просят птенцы.

Каан-Кередэ увидели под тополем труп трехглавой змеи. Они пали вниз, как сброшенные сверху мечи.

Три раза убитую змею глотнули, три раза выплюнули.

— Какой богатырь врага победил?

— Пока ваше сердце не успокоится, пока желудок не согреется, пока клювы не высохнут, не покажем, — отвечают птенцы.

— Верные наши орлята, богатыря покажите! Мы его когтем не зацепим, клювом не тронем.

Орлята медленно крылья расправили. Робкими глазами смотрел Юскузек на больших орлов. Каан-Кередэ-отец взъерошил перья. Каан-Кередэ-мать страшным клекотом заклекотала. Страшным клювом рванула шубу Юскузека, увидела на его голом плече четыре глуооких шрама. Четыре раза простонала Каан-Кередэ.

— Когда-то из глубокой пропасти я спасла тебя, Юскузек. На твоём плече след моих когтей. Теперь ты орлят наших спас. Что хочешь? Зачем пришел?

— Караты-хан велел мне из вашего гнезда золотое яйцо украсть.

— Мы с Караты-ханом друзьями не были, — отвечают Каан-Кередэ. — Разве станет он свое добро в чужом гнезде хранить! Золотого яйца у нас нет.

Тут молодые кости Юскузека окрепли. Его голос мужским стал. От гнева смуглое лицо его посинело.

— Если позволите, — сказал Каан-Кередэ-отец, — я отнесу вас к вашему стойбищу.

Сел Юскузек на широкую спину отца Каан-Кередэ. Вцепился в темные перья. Как летел, не видел. Сколько летел, не понял. Куда попал, сам не знает. На этом стойбище никогда не бывал.

В пустом поле только один развалившийся шалаш стоит. В шалаше — черный, гнилой старик. Передние зубы у старика выпали. Усы побелели. Ноги крепко спутаны тугим ремнем. Шея зажата деревянной колодкой.

— Откуда ты, милый мальчик, пришел?

Дал старик Юскузеку ломоть курута, угостил его молоком. Поздно вечером к шалашу подошла старая старуха. Хотела курут пожевать — не нашла. Хотела молока попить — чашка пуста. Подняла старуха деревянный костыль и стукнула старика по голове:

— Последний кусок проходимцу отдал! Как теперь будем жить?

— Шибко не брани меня, старуха. Жив ли, умер ли наш сын, мы не знаем. Я этого голодного накормил — может быть, и нашего сына люди не оставят.

В полночь старик уснул.

А старуха, думая о молоке и куруте, заснуть не может. Со злобой взглянула она на голую спину Юскузека. Увидела родимое пятно. Встала старуха, старика трубкой тычет. Старик проснулся, родимое пятно увидел. Холодное тело его согрелось, потускневшие глаза налились слезами.

— Э-эй, мальчик, юноша! Проснись! Ты огонь наших глаз. Ты кровь нашей груди. Ты наш единственный сын. Тебе только год был, когда мы подать Караты-хану не смогли уплатить. Нас поймали, связали, далеко увезли.

С тех пор о тебе не слышали. Свою смерть мы на девять лет оттянули. Хотели хоть перед смертью тебя увидеть.

Юскузек поцеловал горячими губами сморщенный рот отца, черные губы матери. Твердыми ладонями погладил их белые волосы.

Старики как сидели — так вечным сном спят.

Из дому Юскузек вышел дитятей. Из орлиного гнезда юношей улетел. Теперь Юскузек зубы стиснул, выпрямил плечи. Он возмужал, созрел, человеком стал.

Караты-хан ночью не спит. Днем не спит. Все время на ходу живет. Он ждет вести о гибели Юскузека, хочет скорее жениться на Алтын-Чач.

— Эй, раб! Ступай в круглый аил. Посмотри, плачет там или смеется Алтын-Чач. В тот же день обратно вернись, мне правду скажи.

Пятясь, вышел раб из дворца. Быстрее темно-бурого иноходца устремился к аилу Юскузека. В тот же день вернуться ему приказал Караты-хан. Раб спешил. Раб не останавливался. Раб

одним глазом взглянуть хотел — и обратно бежать. Но только полглазом увидал он Алтын-Чач и забыл, зачем шел. Рот широко открыл, не мигая на Алтын-Чач смотрит: волосы ее золотые как осенние березы, ресницы — густая хвоя.

День сидел и ночь сидел раб у раскрытой двери; он не знал, зачем шел. Забыл, куда должен идти.

На второй день земля и небо покачнулись. Черный вихрь ударил, как сухой лист, взлетел вверх аил Юскузека. Ездящий на темно-буром коне, Караты-хан раба за косу схватил.

— Ты как смеешь смотреть на Алтын-Чач?

Намотал Караты-хан косу раба на свою медную руку и перебросил его через две горы.

С сердцем холодным, как вечный камень, с черным сердцем вернулся домой Юскузек.

— А, это ты, Юскузек! Где золотое яйцо?

Ременной плетью ударил Юскузека Караты-хан.

— Питающийся человеческой кровью Караты-хан! — крикнул Юскузек. — Хвастаясь силой, не бей слабого. Злым языком молчаливых не оскорбляй. Под худым седлом ходит добрый конь. Под рваной шубой может оказаться богатырь непобедимый.

Схватил тут Юскузек Караты-хана за соболий ворот и стащил с темно-бурого коня.

Караты-хан обеими руками обхватил Юскузека. Началась великая борьба. Семь лет тягались. По щиколотку уходили их ноги в землю на твердом камне. По колено увязали в рыхлой почве. Ни один не упал. Ни один не коснулся земли рукой. Девять лет боролись. Земля дрожала от их борьбы. Горы прыгали, как сарлыки, а холмы, как косули. Озера вышли из берегов. Реки бросались с камня на камень в разные стороны.

Вот Юскузек уже тронул землю левой рукой и правым коленом тронул.

— Эй, братья волки! Ой, орлы Каан-Кередэ, помогите!

Раскинув крылья над горами и долинами, прилетели орлы. Серые волки, как серые вихри, в семь глотков сожрали темно-бурого иноходца, семь раз выплюнули. Орлы Каан-Кередэ железными когтями подцепили Караты-хана, унесли его в поднебесье и сбросили оттуда на вечный горный ледник. Собакам куска мяса не осталось от тела Караты-хана. Иголкой раз поддеть не осталось куска от шкуры Караты-хана. Ветер развеял прах его, словно пыль.

МАНГЫС НА ЛУНЕ

Жил однажды на этом свете огромный великан — мангыс. Он заглатывал всех зверей и всех людей и вообще ничего не щадил.

Похоже было на то, что скоро уже вообще ничего не останется, и тогда люди и другие живые существа — все обратились к Гурмусту с просьбой обуздать этого могучего мангыса.

Гурмусту Хаан велел привести его, приказал перенести его на остров на Луне и там приковать цепями.

Мангыс жив до сих пор. Раз в три месяца, всегда в пятнадцатый день, его выпускают на волю. Мангыс не успокаивается. Когда он сражается с Луной, становится темно. Называют это «затмением Луны».

По нашему обычаю, это день поста. Не умирают. Не едят мяса. Как раз поэтому.

О ТОМ, КАК ДЖЕЛБЕГЕ ПОЖИРАЕТ ЛУНУ, СОЛНЦЕ И ЗЕМЛЮ

Давным-давно жило на этом солнечном свете существо под названием джелбеге, оно пожирало все — воду, людей, деревья и даже камни. И потому-то с этого света послали гуда, наверх, письмо тридцати трем небесным Гурмусту. А каким, спросят, образом послали? Это было письмо, написанное золотыми чернилами; развели огонь и сожгли его, говорят. Ведь иначе ничто не могло полететь к Гурмусту — не было же еще самолетов! Написали на бумаге золотыми чернилами, раздули огонь и таким образом послали письмо. И так, говорят, дошло оно до тридцати трех Гурмусту.

Когда письмо дошло туда и тридцать три Гурмусту прочли его и посоветовались, Бурган Башкы послал из тридцати Гурмусту Очирвана, чтобы он навел порядок, и наказал ему:

— Управься с джелбеге из нижнего мира, да и возвращайся!

Это существо, этот бурган по имени Очирван, сжег землю верхнюю и опалил землю нижнюю. И когда он приближался таким образом, джелбеге нырнула в ядовитое озеро и залегла на его дне.

Это ядовитое озеро хлебал теперь сам бурган Очирван, он хлебал его, хлебал и, стало быть, все его выпил. А когда он выпил его, выпил до дна это ядовитое озеро, оказалось, что там лежит джелбеге. И, увидав, что там лежит джелбеге, Очирван сказал:

— Лишая весь этот свет покоя, ты пожирала скот, пожирала людей и поджигала скалы. Тридцать три Гурмусту послали меня управиться с тобой. Что ты можешь на это возразить?

— Мне нечего возразить, то, что я делала, худо! — отвечала джелбеге.

Тогда он разрубил ее золотым очуром, разрубил ее таким образом: переднюю часть отдал Ай Хааркану — Милостивому Месяцу, а заднюю часть — Хюн Хааркану — Милостивому Солнцу.

— Ты, труженик, владей этой частью! А ты, стойкий маленький муж, владей ее грудью. Вся сила теперь в ее груди!

И так как он это сказал, существо под названием «джелбеге» и теперь еще там — на Милостивом Месяце. Кровь и нечистоты джелбеге капали оттуда и стали червяками и муравьями, насекомыми — мухами и слепнями. Получилось так, что все это возникло из крови и нечистот джелбеге. Вот по какой причине все это появилось!

Это — языческое слово из давних-предавних времен.

ИСТОРИИ О САРДАКБАНЕ

Сардакбан пришел с севера — говорят одни, он пришел с запада и ушел на восток через озеро Хар-ус-нуур — говорят другие.

Сардакбан сотворил мир. Он нес землю в подоле и разбрасывал ее — и так возник мир.

Реку Хомду и земли вокруг нее Сардакбан создал в приданое своей дочери.

Рассказывают, что это Сардакбан выбил на скалах изображения разных диких животных. В Цэнгэле есть различные места, где можно еще обнаружить такие изображения, например в долине Хомду, выше впадения Ак Хема — Белой реки. На этих наскальных рисунках представлены те звери, которые были в его время: волк, олень, каменный баран и архар.

Когда мать Сардакбана жила вблизи Хара Сут — Черной воды, в местности под названием Гурван Тохой — Три луки, она заболела. Отправился тогда Сардакбан к святым ключам в район истоков реки Хомду и отвел воду для своей матери туда, где она жила.

Так возникла река Хомду.

Эжен Хаан, правитель всей империи, повелел Сардакбану отвести Хомду в Пекин. Сардакбан взялся за это. И когда он отвел Хомду к Пекину настолько, что оставалось до него лишь полдня пути, он воскликнул:

Заставив тебя ржать, как кобылица с жеребенком, Заставив тебя реветь, как верблюдица с верблюжонком, Привел я, парень, тебя сюда.

Эти слова оскорбили поток Хомду, и он повернул и потек обратно. Тогда Сардакбан проклял его:

Вкривь потекшее Озеро Булджунг — Будь это теперь твоим именем!

Иногда насмешка Сардакбана звучит иначе:

Заставив тебя реветь, как верблюдица с верблюжонком, Заставив тебя рыдать, как женщина с ребенком, Привел я, парень, тебя сюда.

Говорят, что рядом с озером Хар-ус-нуур находится высохшее русло реки — это след повернувшего обратно потока Хомду. А в аймаке Ховд даже рассказывают, что во рву была найдена большая лопата.

Когда Сардакбан трудился над тем, чтобы вывести Хомду на равнину, однажды в полдень он решил отдохнуть. А чтобы река не утекла от него, он стал копать землю своей лопатой, набросал земли и перегородил ею путь реке. Так образовалась яма. Когда перед запрудой накопилось слишком много воды, он отчерпнул немного ладонями и вылил в эту яму. Так возникло Сарыг Хел — Желтое озеро. Он продолжал отдыхать, и поэтому накопилось столько воды, что она прорвала земляную перемычку и стала вытекать, извиваясь, — так возникло ущелье Теве Мойуну — Верблюжья Шея.

Иной раз рассказывают по-другому: Сарыг Хел возник на том месте, где была вынута лопатой земля. Из отброшенной лопатой земли выросла небольшая горка у берега озера — Сарыг Хелдунг Межелиг — Холм у Желтого озера.

Когда Сардакбан менял русло Хомду, всюду — от Ак Хема и вверх до Цэнгэла — стояла вода; тогда прорвалась река, и возникло ущелье Теве Мойуну — Верблюжья Шея.

Но Сардакбан хотел, собственно говоря, вывести Хомду через Галджан Орук — Голую дорогу, на равнину.

Сардакбан отвел воду реки Хомду и сделал из нее озеро Булджунг. Рассказывают, что по ту сторону Ак Салаа — Белой балки — есть следы стремительного коня Сардакбана. Каждое копыто — размером с целый аил.

Сардакбан выпустил воду из озера Хураан Хёла — Озера ягнят.

Когда Сардакбан отвел из озера Хураан Хёл реку Хомду, он высыпал у Теве Мойуну полную лопату земли, но Хомду прорвал запруды и потек дальше. Это внизу, у зимней стоянки Аксак Шимита — Хромого Шимита. Тогда Сардакбан стал отводить Хомду все дальше и наконец

сказал:

Река Булджунг, Озеро Булджунг — Раз ты потекла по неверному пути, Стань озером Булджунг!

И стал он копать там землю. И провел палкой ровненькую черту, не так ли? Стало быть, там самой обыкновенной палкой Сардакбана проведена такая черта. Когда мы хотим вырыть канаву, даже маленькую, мы поступаем так же.

Было два бога, которые хотели вывести Хомду с гор, — Сардакбан и Мемли. Придя на равнину Цэнгэла, в местность, где сегодня находится озеро Сарыг Хёл, Мемли сказал, что здесь они и останутся. Сардакбан же хотел целиком отвести реку от гор и повести ее к Пекину, но не по тому пути, которым она течет сегодня. И сказал он тут обидные слова:

Заставив тебя ржать, как кобылица с жеребенком, Заставив тебя реветь, как верблюдица с верблюжонком, Привел я, парень, тебя сюда!

Тогда оскорбленный Хомду вырвался от него и ушел в горы. Так возникло ущелье Теве Мойуну — Верблюжья Шея. Сардакбан снова поймал Хомду и отвел его еще раз до озера Хар-ус-нуур.

Повернув, повернув, будь ты теперь Эх Аралом, Возвратившись, возвратившись, будь ты теперь Булджин Тохоем.

В сомоне Саксай на одном из горных хребтов есть пять маленьких лошин. По легенде, Сардакбан ехал на коне вниз с гребня горы и хотел на скаку поднять что-то. От этого и остались следы его пяти пальцев.

Есть в степи место, где лежит большой белый обломок скалы — это когда-то Сардакбан бросил им в волка и убил его.

В разных местах — севернее горного хребта Хара Даг — Черных гор и в центре сомона Саксай — есть углубления в почве — отпечатки конского копыта величиной с хонаш.

Сардакбан создал мир. Когда он захотел отвести с Церека реку Ак Суг — Белую воду, он поволок за собой свою мотыгу и так прорыл канаву.

Наверху, в Ак Салаа, Белой балке, и в Сарыг Догай, Желтой луке, — сохранились следы его коня. В Сарыг Догай этот след тянется на много километров вверх, до самых снежных вершин. Каждый отпечаток конского копыта — величиной с хонаш, с площадку, занимаемую одной юртой.

Наверно, тогда были все-таки и маленькие люди, так как существуют ведь большие и маленькие муравьи, а то откуда бы нам стали известны все эти истории!

ЕДИНСТВЕННОЕ ЧЕРНОЕ ДЕРЕВО МИРА

Когда я еще был молодым пареньком, лет четырнадцати-пятнадцати, звездочет Галджан видел привезенный из Гюмбю один лист «Единственного черного дерева мира», похожий на лист тополя. Под сенью этого дерева может укрыться сотня конников. Листья его — величиной с войлок, покрывающий крышу шестистенной юрты. Привез этот лист Джайсанг, который не был подданным ни одного бега, и случилось это за сто двадцать лет до нынешней власти.

ЛЕГЕНДА О БУРГАН БАШКЫ И ОЧИРВААНЕ

Оба, и Бурган Башкы, и Очирваан, хотели, чтобы их считали властителями человечества. И решили они тогда, что властителем над людьми и миром будет тот, в чьей пиале расцветет цветок.

И вот они сидели оба с закрытыми глазами, держа в руках свои пиалы. Очирваан приоткрыл однажды глаза щелочкой и увидел, что в пиале Бурган Башкы распускается цветок лотоса. Он незаметно вынул его и опустил в свою пиалу. Тут Бурган Башкы открыл глаза и сказал:

— Ну хорошо, ты будешь в этом мире властителем! Но в твоём мире будут войны.

А вот если бы Бурган Башкы стал властителем мира, он бы, так как причина войн всегда волки и покражи, он бы повесил волкам на шею колокольчики, а на голову воров поместил бы огонь, чтобы каждый сразу же мог распознать их. И тогда в его правление мир и люди не знали бы войн.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Разве не говорят, что Бурган Бодисады создал золотой мир? Он сказал:

— Пусть черноголовые черви станут такими же разными, как пять моих пальцев!

И действительно, существует такая пословица:

Не все люди одинаковы, Не все лошади — иноходцы.

ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ РЫБЫ

Что касается рыб, то Бурган Башкы сказал:

— Да станет это пищей детям моим! — Отрезал немного мякоти от своих мясистых ляжек и бросил в море.

О ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Когда-то, давным-давно, не было живых существ. Скот и люди произошли от земной коры, из земли вышли они и выросли.

И тогда пришлось Хан Гэрди, Бургану Башкы и ежу посидеть вместе и подумать, какими же быггь теперь людям.

Один спросил, мол, как же их теперь называть, другой сказал, что им нужно раздать названия. Одни хотят стать монголами, другие — халха, а третьи — бурятами; и так они роздали названия всем народам демократических государств.

Ая-яй-яй, и тогда люди, которых нарекли тувинцами, захотели получить свой язык. А эти трое как раз раздавали языки. И после того как они целых три дня раздавали языки — о голубое небо! — тувинцы остались и вовсе без языка, у них просто не было языка, как у скота. «Что же теперь будет?» — подумал Бурган Башкы и забеспокоился. Позвал он к себе ежа, и еж явился к нему.

— Ты подготовил уже поверхность земли, и мы создали из этой земной коры всех живых существ и разные народы. А вот этот тувинский народ остался теперь без языка. Все языки уже розданы другим странам.

И продолжали Хан Гэрди и Бурган Башкы:

— Ну, решай, какой им нужно дать язык, наши знания уже исчерпались!

— Ты роздал все языки народам, теперь возьми ото всех этих языков понемногу для тувинцев. Тогда и у них будет свой язык, — ответил еж.

Да, и потому-то у нас, тувинцев, такой язык, в который каждый из многих народов вложил что-то свое: якуты, узбеки, сарты, казахи, монголы, китайцы и русские. Из языков всех земных созданий что-то вошло в наш язык. Это удивительный язык. И все-таки тувинскому народу смогли таким образом хоть и с трудом, но дать свой язык. Потому-то в этой стране не умеют говорить на нашем языке.

ЛЮДОЕДЫ

В давнее время среди тувинцев, кочевавших здесь, на Алтае, встречались и такие, что ели людей. Этих существ, поедавших людей, называли людоедами.

Некая женщина, которая жила одна, без соседей, растапливала в своей юрте снег, когда увидела в воде, налитой в котел, что два людоеда пробираются по скалам и точат свои ножи.

Когда людоеды пришли, чтобы убивать и поедать, — а у женщины был маленький ребенок — она сказала:

— Мой избалованный зад не ест непосоленного мяса. Подождите, я попрошу соли у соседей!

Удивились людоеды таким речам:

— Как это ее зад стал мясоедом! Давайте поглядим. — И они отпустили ее.

И теперь людоеды сидели и ждали. Никого! Еще ждали — и опять никого! Наконец они поняли, что выпустили эту женщину из своей пасти, и горько пожалели об этом.

Есть и другие рассказы о том, что когда-то ели человеческое мясо: нет, мол, ничего вкуснее человеческого печени. Кто хоть раз попробовал ее, тот всегда будет есть людей. Один человек пришел однажды в гости в юрту своей дочери, которая стала людоедкой. Вечером он решил остаться ночевать. Но так как дочь любила отца, она не могла решиться убить его. Поэтому, когда она стала варить мясо, она намекнула ему:

Оно делает: хрой-хрой, Кто ночевать останется — с того голова долой.

И выпроводила его.

А еще в другой раз один человек пришел в юрту людоеда и отведал человеческого мяса. Попробовав в первый раз печень человека, он уже не смог устоять против ее вкуса и подумал: «Пусть попробует немного и моя жена», — и спрятал для нее маленький кусочек печени под своей косой.

Он принес его домой и отдал ей поесть; она же встала ночью, когда он спал, убила своего мужа и съела его печень.

Так и получилось, что людоедство распространялось все больше.

ЛЕГЕНДА О ЙОВГУН МЕРГЕНЕ

В нашей стране жил известный своей доблестью и знаниями человек по имени Йовгун Мерген, человек, который, стреляя, ни разу не промахнулся.

Однажды над одной стороной китайского города Пекина не взошло солнце, и все время было темно. Пробовали и то и се — ничто не помогало. Тогда попросили прийти нашего Йовгун Мергена.

Пошел туда Йовгун Мерген и сказал:

— Так вот, если вас интересует, почему здесь темно, дело в том, что птица Хан Герди, живущая выше мира и ниже неба, распростерла одно свое крыло. Оно закрывает око солнца. Если я стрельну в птицу, которая вам мешает, я ее вам достану. Правда, одно будет плохо: погибнет ваш город!

Тут сказал Эжен Хаан:

— Если городу суждено погибнуть, пусть погибает! Лишь бы только снова взошло око солнца, а там все равно!

Взял Йовгун Мерген лук и стрелы, прицелился хорошенько и выстрелил.

И тут упало вниз одно крыло Хан Герди, и город был разрушен до основания.

Но око солнца снова взошло.

Возблагодарили китайцы этого человека за доставленную им радость и устроили в его честь большой пир. Но ему они дали на этом пиру яд, так как считали: «Это большой враг! Пока он жив, он никогда не даст нам снова возвыситься!»

Йовгун Мерген ушел, отправился на запад и умер в местности под названием Менгюн Дежю. Он превратился в черный камень и так там и остался.

Но хоть он и был уже мертв, китайцы по-прежнему боялись его. Каждый год они приходили туда и обильно поливали камень ядом. Так делали они много лет. И однажды камень исчез. От него не осталось ничего, кроме жирного следа, направленного на север.

С тех пор о Йовгун Мергене ничего не слышать.

ДЖААГАЙ ШАПКАН

Говорят: «Даже когда тело человека умирает, остается его имя». Это точно подходит к Джаагай Шапкану, храброму мужу тувинцев. Имя Джаагай, что значит «красивый», было прозвищем, так называли его все люди. Что же касается его внешности и его способностей, то это был человек столь прекрасный и превосходный, что среди всех земных созданий не было ему равного. В доказательство его небывалой красоты скажем, что, когда он из земли дербетов пришел в один монастырь в нашей местности, чтобы изучать священные письмена, ламы, увидав Джаагай Шапкана, бросили свои книги и долго сидели, ничего не делая, только глядели на него.

Однажды, когда воевали с казахами, Джаагай Шапкан не заметил, что множество казахов подстерегают его на пути, и пошел прямо на них. Казахи, восхищенные его красотой, не только не стреляли, но бросили свое оружие и пошли прямо ему навстречу с поднятыми руками в знак того, что они ему сдаются.

Джаагай Шапкан умер на тридцать седьмом году жизни.

«Умер Джаагай Шапкан!» — этот крик пронесся по озерам у истока реки Хомду и отозвался в горах на все стороны.

Не прошло и времени, нужного на то, чтобы выпить пиалу чаю, как собрался весь народ, узнав эту весть.

Как выяснилось позже, Джаагай Шапкан был сном великого Гесера. Тридцать семь лет продолжалась его жизнь в этом мире. Когда Гесер проснулся, Джаагай Шапкан исчез.

В другом предании рассказывается.

Однажды поскакал Джаагай Шапкан с пятьюдесятью всадниками к монастырю Далай Хаана дёрбетов за культовыми фигурами, но там согласились дать ему только двух лам. Однако, когда он — высокий, красивый и благородный — вступил в храм, пришлось прервать служение богам, так как все глядели только на Джаагай Шапкана. Когда настоятель спросил, что ему угодно, Джаагай Шапкан сказал, что хочет получить двух лам и две культовые фигуры. Тогда настоятель предоставил ему полный выбор. Джаагай Шапкан один раз прошел по храму, следуя движению солнца, и сразу сделал свой выбор. Тут поднялись горестные крики, так как он выбрал двух лучших лам и две самые ценные культовые фигуры.

Еще одно предание.

Всякий раз, когда люди приходили почтить красоту Джаагай Шапкана, они останавливались, забыв все на свете. Даже Далай Хаан, пригласивший его к себе, чтобы полюбоваться на его красоту, так и застыл в смутении, сидя на своем месте, с бутылкой в руках. Да и все люди, пришедшие к храму сотворить свои молитвы, совершенно позабыли о своем намерении.

После Джаагай Шапкана правил муж по имени Газак Даа. При нем утвердилась религия. Принес ее человек из страны Далай Хаана. Был это старик Дюп из рода хойтов, дёрбет, которого звали Деге Бакшы.

Мальчик, вышедший из бочонка

В те далекие времена у подножья Ах-тасхыла, на берегу Кимсуга жили три рыбака. Детей у них не было.

Однажды пошли они рыбачить. Закинули сети — ничего не поймали. Закинули второй раз — опять ничего нет. Третий раз закинули, потянули — тяжело.

«Ну, — думают, — есть рыба, да, видать, и не на одну уху».

Вытянули сети, а там — бочонок.

— Кому же из нас отдать бочонок? — рассуждают рыбаки.

Самый старший сказал:

— Отдайте мне. Если отдадите, больше ничего просить у вас не стану.

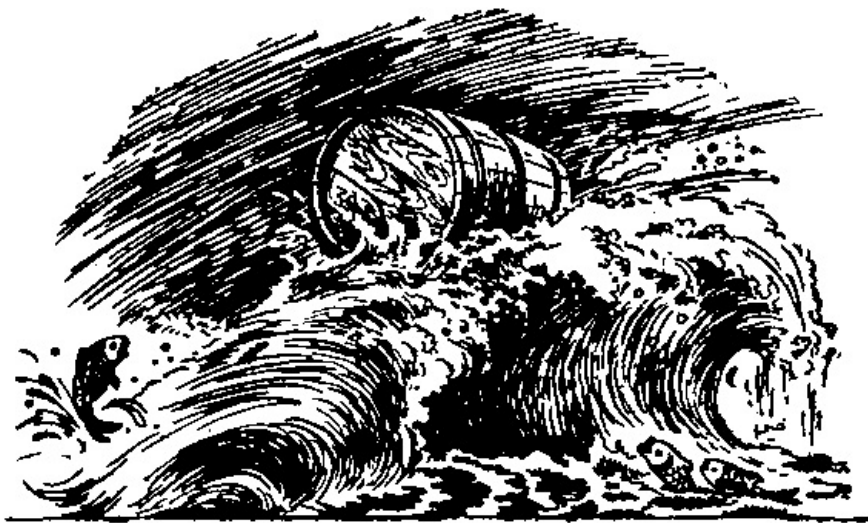
Товарищи его согласились. Принес старый рыбак бочонок домой, открыл и увидел: на дне бочонка мальчик лежит.

Удивился старик, но виду не подает.

«Как же, — думает, — зовут его? Чем же я его кормить буду?»

А мальчик не по дням, а по часам растет, ест все, что старик ему даст, песни и сказки запоминает. Вот только имени своего не знает.

Весть о мальчике, вышедшем из бочонка, облетела все ханство. Сам грозный хан Алыгбай приехал взглянуть на мальчика.

— Как зовут тебя? — спросил Алыгбай.

А мальчик молчит.

— Откуда ты взялся? — снова спрашивает хан. Мальчик снова молчит.

Тогда Алыгбай рассердился и сказал:

— Вышедший из бочонка, будешь ты отныне моим батраком с именем Чалджи.

Так получил мальчик имя Чалджи, что означает «батрак».

Расплата за правду

Мало ли, много ли утекло воды в Кимсуге, только стал Чалджи рослым, сильным пастухом.

Однажды, когда он гнал овец Алыгбая на водопой, у дороги встретились ему два человека. Один был худой и бледный, в рваном таре, в дырявых маймаках. Другой — толстый, одет в хорошую одежду и все время кричит.

— О чем вы спорите? — спросил Чалджи.

Толстый махнул рукой и, обливаясь потом, уселся на траву. А худой говорит:

— Я живу у реки, в улусе бая Казана. Поехал к баю Пиксену попросить в долг денег, да по дороге ночь застала. Решил я переночевать в степи, у березы.

— Э-э! — закричал толстый. — Это я решил ночевать у березы, у моей березы, а тебе уступил место.

— Ладно! Пусть так будет, — сказал бедняк и продолжал: — Проснулся я утром и вижу — у кобылицы моей стоит рыжий жеребенок.

— Мой жеребенок! — закричал толстый.

— Как же твой, когда кобылица моя, — отвечал бедняк. — Ну, я и сказал: хорошо, мол, что моя кобылица дала жеребенка. А он мне: «Нет, нет, это не твоя кобылица дала жеребенка, а моя береза».

— Вот, вот, моя береза! — закричал толстый. — Жеребенок мой.

— А куда вы теперь идете? — спросил Чалджи.

— Идем мы к грозному Алыгбаю, пусть он нас рассудит, — ответил толстый.

— Алыгбай за суд деньги берет. А у меня их нет, — проговорил бедняк. — Рассуди нас, Чалджи!

— Ну, что же, я вам помогу, — сказал Чалджи. — В этом году в морях и океанах я рожь посеял. Да что-то ничего не уродилось...

— Тьфу, дурак! — плюнул толстый. — Да разве в морях-океанах хлеб растет?

Чалджи отвечает:

— Тьфу, дурак! А разве береза может принести жеребенка?

— Правильно! — обрадовался бедняк. — Спасибо тебе, Чалджи. Умно ты нас рассудил. Жеребенок мой, — сказал он и поехал своей дорогой.

А толстый пожелтел, как полная луна, и завопил, брызгая слюною:

— Ах ты, безродный батрак! Думаешь, я тебя не знаю? Ты, вышедший из бочонка, смеешь судить меня, бая Мирочаха, первого гостя Алыгбая!

И он побежал жаловаться грозному хану. И в этот же день по приказу Алыгбая бросили Чалджи в темницу. Время тогда было такое, что людям, говорившим правду, разрешалось жить только за решеткой.

Ханская награда

В то время как Чалджи сидел в темнице, из дворца Алыгбая исчезла золотая шкатулка с драгоценными камнями.

Однажды Чалджи услышал, как глашатаи объявляли народу волю хана:

— Тот, кто найдет шкатулку, получит награду.

Чалджи не знал, где шкатулка, да никогда в жизни ее и не видел. Он стоял, взявшись руками за решетку, и пел:

Где ты, где ты, Харапас — Голова моя, падешь? Где ты, где ты, Чоон-кегис — Грудь алыпа, смерть найдешь?

Вдруг узкая решетчатая дверь распахнулась, и к Чалджи вбежали два перепуганных ханских казначея.

— Что ты о нас поешь? — закричали они, перебивая друг друга. — Что ты на нас смерть накликаешь?

— На вас? — удивился Чалджи.

— Я — Харапас, — закричал один.

— Я — Чоон-кегис, — сказал второй.

Чалджи засмеялся и сказал:

— Я услышал про шкатулку и запел.

— Про шкатулку? — переспросили казначеи и попятились к двери. — Так ты знаешь про шкатулку?

— Я знаю ханских казначеев, — засмеялся опять Чалджи. — Тебя зовут Харапас, а тебя — Чоон-кегис.

Казначеи упали перед ним на колени.

— Будь милостив, добрый Чалджи. Не выдавай нас. Ты получишь каждый третий камень. Слышишь?

— Нет, не надо мне драгоценных камней, — отвечал Чалджи.

— Мы дадим тебе каждый второй камень. Ты будешь богат. Слышишь?

— Не хочу я богатства. Мне нужна свобода.

— Мы дадим тебе ее. Ай, добрый Чалджи, ты спасешь нас.

— Ладно, — сказал Чалджи. — Сегодня ночью вы откроете мне решетку, и я унесу с собой тайну о шкатулке.

Казначеи пошли к хану, но по дороге начали рассуждать так:

— Если мы освободим этого батрака, он все равно нас может выдать. Так не лучше ли его погубить? Тогда вместе с ним умрет тайна, а шкатулка будет наша.

И ночью, как ни ждал Чалджи, никто не открыл ему решетку.

А казначеи, придя к хану, сказали:

— Великий Алыгбай! Вышедший из бочонка, безродный Чалджи проклинает тебя. Мы сами слышали, как он поет о тебе злобные тахпахи. Прикажи убить его.

Алыгбай велел привести Чалджи и спросил у него:

— Я посадил тебя в темницу, где даже самые сильные духом становятся немощными. А ты поешь тахпахи. Уж не думаешь ли ты словами разбить решетки?

— Да, Алыгбай, мои тахпахи делают чудеса, — отвечал Чалджи. — Хочешь, я спою тебе тахпах и, хотя в нем нет слова «шкатулка», но ты узнаешь о ней.

И он запел:

Где ты, где ты, Харапас — Голова моя, падешь? Где ты, где ты, Чоон-кегис — Грудь алыпа, смерть найдешь?

Харапас и Чоон-кегис, полумертвые от страха, повалились к ногам Алыгбая, моля о пощаде. Хан, обрадованный тем, что похитители шкатулки найдены, пообещал Чалджи награду.

Долго думал Алыгбай, как ему поступить с Чалджи. Выдать награду — значит возвеличить ненавистного пастуха. Не дать награды — значит нарушить свое слово. И тогда хитрый Мирочах посоветовал Алыгбаю послать Чалджи к Хозяину Харатаг — Черной горы.

«Черная гора далеко. Много утечет воды, пока батрак, не имеющий коня, доберется до нее. А сила у Хозяина Черной горы такая, что он одним пальцем убьет пастуха» — так рассуждал Алыгбай, довольно потирая руки.

Потом он призвал Чалджи и сказал:

— Что может быть для бедного батрака дороже ханского доверия? Так вот, я решил. Получай в награду мое доверие. Иди к Хозяину Харатаг и возьми у него семь медвежьих шкур, которые он мне должен. Я тебе доверяю. Такова моя награда.

Чалджи вышел от хана, а Алыгбай и Мирочах громко смеялись вслед ему.

— Ничего! — прошептал Чалджи сквозь зубы. — Теперь я знаю цену ханской награды и заплачу за нее двойной ценой.

Девушка Чибек

Много дней и ночей шел Чалджи по сухой степи. Ни одного озера, ни одного ручейка не встретил он. Солнце и горячий ветер раскалили землю.

Чалджи упал на желтую траву и прошептал:

— Ни березки, ни ручейка не вижу я. Кто же даст прохладу мне? — И закрыл глаза.

Вдруг с неба опустился над ним белый лебедь, начал бесшумно махать крыльями, и прохлада освежила лицо Чалджи. Он уснул самым легким и самым сладким сном. А когда проснулся и поднял голову, увидел: рядом сидит девушка — спину закрыли шестьдесят кос, грудь прикрыли пятьдесят кос.

Чалджи удивленно глядит на нее, Ясного взгляда не сводит с нее, Слово боится одно проронить... Наконец решился ее спросить: — На какой земле тебя мать родила? Из какой реки ты воду пила? Кто были твои отец и мать? Как повелели тебя называть? Кем ты на родине милой была? Зачем же взяла себе два крыла? Белые перья надела зачем? Птицей крылатой летела зачем?

И так ему девушка отвечает:

— С надеждой летела я в эти края. Молодца увижу, — думала я. — В отцовской солнечной стороне. Тоскуют родимые обо мне. Ирек — мой отец, Арыг — моя мать. Чибек повелели меня называть. Далеко отсюда моя сторона, Под солнцем легла широко она. В привольной степи мы пасли стада, Была в Тибек-суге светла вода, Но враг чистоту воды замутил, Сжег юрты и кровью траву оросил...

Девушка заплакала, и там, куда упали ее крупные блестящие слезы, зазвенел ручей.

Они напились и умылись из ручья, а потом Чибек рассказала, что живет она в краю, где мучит людей страшный Хозяин Черной горы. Чибек не выдержала тиранства злодея.

Вскинула руки, как крылья, она, Белым лебедем стала она, И полетела в небо она, Туда, где бледнела вдали луна...

— И куда ты спешишь сейчас? — спросил Чалджи.

— Мне некуда больше спешить, — отвечала Чибек. — Хозяин Черной горы сжег мой родной край. Теперь я нашла тебя и хочу одного — возьми меня с собой!

«Так вот он какой, Хозяин Харатаг?! — подумал Чалджи. — Как мне осилить его?»

И, не сказав ни слова, он взял Чибек за руку и они пошли.

...Зори на небе огни свои жгут. Чалджи и Чибек молча идут. При звездном сиянии ночью идут. Тропинками волчьими тихо бредут, Идут через синий степной простор, Ползут по отрогам невиданных гор...

У бая Мултыгана

— Ой, Чалджи! — остановилась Чибек. — Много дней и ночей мы идем с тобой. А родимого края все не видать. Не могу я идти. Не потому, что ноги устали, а потому, что душа у меня болит.

— Ничего, Чибек! — воскликнул Чалджи. — Мы отомстим Хозяину Харатаг.

— У нас даже нет меча, — грустно проговорила Чибек. — Вот почему глаза мои слезами обливаются, руки мои сами опускаются. Тяжело мне...

— Я вижу впереди отару бая Мултыгана, — с надеждой проговорил Чалджи, — я заработаю у него денег, куплю богатырского коня, золотой меч и убью проклятого Хозяина Черной горы.

А в улусе бая Мултыгана был в это время большой той.

Со всех концов степи сюда собрались знатные гости. Они пили арагу, заедая ее бараниной, пели песни и громко смеялись.

Чалджи узнал у народа, что бай Мултыган — жадный, злой старик.

— Не дело ты надумал, парень, — говорили люди. — Наш бай охотно дает работу, да не любит платить за нее.

Но Чалджи не послушал этих советов и нанялся к баю в чабаны. Прошло несколько дней. Как-то раз к отаре подошел седой старик.

— Э-э, сколько у бая жирных баранов, — сказал он, мигая слезящимися глазами, — один бай и столько баранов! А у нас столько бедных людей и ни одного барана.

— Откуда ты, дедушка? — спросила Чибек.

— Я бежал из родного края, от Хозяина Черной горы.

И старик горько заплакал.

— Чалджи! — вскрикнула Чибек. — Дай ему одного барана. Ведь он пришел оттуда, где стояла юрта моего отца!

Чалджи выбрал самого жирного барана и отдал старику. А вечером приехал бай. Он слез с коня и долго считал своих овец.

Чалджи и Чибек стояли в стороне.

— Ах вы, не имеющие крова! — закричал бай, подбегая к ним. — Знал я, что вам нельзя доверять отару! Где мой самый жирный баран? Вы съели его?!

Чалджи и Чибек молчали.

— Я повешу вас! — кричал бай, топая ногами.

Чалджи оттолкнул его и сказал:

— Пошли, Чибек. Безрогий баран на овцу похож, а жадный Мултыган на волка похож. У него, кроме петли, ничего не заслужишь.

— Я же говорила тебе, что не здесь наше счастье, — отвечала Чибек, — у меня душа болит, а сердце мое окаменело.

— Окаменело?! — воскликнул Мултыган, услышавший последние слова.

И он долго смотрел им вслед, хитро прищутив глаза.

Завистливый Майдох и жадный Мултыган

В степи за могильным курганом повстречались им люди из улуса Мултыгана.

— Э-к-кей! Добрый Чалджи, — говорили они, — помоги нам. Бай Майдох — продавец товара обокрал нас.

И бедняки, перебивая друг друга, рассказали о том, что друг Мултыгана бай Майдох отобрал у них последние деньги, а товару не дал.

— А где он сейчас? — спросил Чалджи.

— Вон он едет, — показали люди туда, где на дороге клубилась пыль.

— Чибек, подожди меня здесь, а вы, — обратился Чалджи к беднякам, — идите в улус. Сейчас у вас будет товар.

Сказал, а сам подумал: «Как же заставить бая расплатиться с бедняками?»

Догнав едущего в телеге Майдоха, пастух заговорил:

— Ты, Майдох, все едешь по жаре, а вот Мултыган...

— Что Мултыган? — живо перебил его бай. — Он опять что-нибудь придумал? Почему я три раза был в улусе и ни разу не застал его? Где он?

— Он у себя в отаре.

— А что он там делает?

— Считает баранов.

— Ха! — презрительно воскликнул Майдох. — Это и я делать умею.

— Нет, Майдох, — возразил Чалджи, — так, как он считает, не всякий сумеет. Он пересчитывает отару каждый час.

— Гм... — хмыкнул Майдох. — Каждый час, говоришь? А зачем?

Некоторое время бай сосредоточенно думал. Потом пухлое лицо его просияло. Он стукнул себя кулаком по узкому лбу и воскликнул:

— Ай-яй-яй! Как же мне раньше не пришла в голову эта пословица: «Больше считаешь — скорее богатеешь!»

Бай прыгнул с телеги и начал, тяжело отдуваясь, быстро распрягать коня.

— Что ты делаешь? — спросил Чалджи.

— Не-ет! — шептал Майдох. — Ты, Мултыган, не обскачешь меня. Теперь я знаю, почему твоя отара растет не по дням, а по часам. Я тоже каждый час буду пересчитывать свой товар. И тогда посмотрим, кто будет богаче.

Взбираясь на лошадь, он сказал:

— Товар, что в телеге, я оставляю тебе. Сейчас мне некогда с ним возиться! Стереги его. Через час я приеду за ним.

И, уже удаляясь, бай кричал:

— Я буду пересчитывать свой товар чаще, чем Мултыган отару, через каждые полчаса! У меня будет много парчи и шелка.

Посмеявшись над завистливым Майдохом, Чалджи впрягся в телегу и с песней покатил ее в улус.

На песню сбежался народ.

— Чалджи раздает товар беднякам, — говорили люди, — спасибо ему!

Бай Мултыган, расталкивая толпу, подошел к телеге, и глаза у него заблестели от жадности.

— Что у тебя в телеге ?

— Товар, — сказал Чалджи. — Смотри, какие шелка, какая парча!

— А где ты все это взял? Где Чибек? Она окаменела? Так?

Чалджи с недоумением смотрел на бая.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказал он.

— Врешь! — зашипел бай. — Я слышал, как Чибек сказала, что она окаменеет. За ее каменное тело ты и получил все это богатство. Кто послал тебя сюда?

— Меня послал Алыгбай, — отвечал Чалджи.

— Как?! — воскликнул бай. — Так это грозный Алыгбай скупает каменных женщин?

— Ну да, о нем я и говорю, — улыбаясь, отвечал Чалджи.

— Где же мне взять каменную женщину? — кусая ногти, шептал Мултыган. — Где?

— Как где? — смеясь, говорили люди. — Ведь у тебя есть жена Тыртыс-хат, а у нее каменное сердце...

— Верно! — закричал Мултыган, схватил нож и, ни слова не говоря, скрылся в своей юрте.

И те, кому удалось заглянуть вовнутрь, закричали так, чтобы слышали все:

— Бай убил свою жену — зловредную Тыртыс-хат. Теперь нашим женам легче будет дышать, она больше не будет щипать их и таскать за волосы.

Мултыган взвалил тело Тыртыс-хат на телегу и усакал, нещадно погоняя лошадь. Приехав к Алыгбаю, он закричал:

— Грозный Алыгбай, выходи смотреть покупку! Я привез тебе мертвую женщину с каменным сердцем. Сколько за нее дашь?

Алыгбай вышел, посмотрел на Мултыгана и ответил:

— За такие шутки я тебе дам сто плетей!

Тут же Мултыгана схватили, повалили на землю и стали избивать плетями. Он визжал и кусался, как пес, а про себя думал: «Если не выбьют из меня душу, отомщу же я тебе, коварный Чалджи!»

Что было на дне реки

...Чадджи, раздав весь товар бедному народу, опять взял Чибек за руку, и они пошли дальше по пыльной дороге.

— Скоро ли увижу я родимый край?.. — с тоской спрашивала Чибек.

А Чадджи, задумчиво глядя вдаль, проговорил:

— Тяжелая у меня судьба! С детства нет у меня ни имени, ни лошади, ни юрты. Где отец и мать мои? Где мой родной улус? На каких лугах пасется мой быстроногий богатырский конь? Чадджи, батрак, вышедший из бочонка, — вот кличка, которой наградил меня злой хан... — И он печально склонил голову.

Вдруг сзади послышался такой топот, что земля мелко задрожала. Чадджи оглянулся и увидел пыльный вихрь, приближающийся к ним.

— Стой! Стой! — слышались грозные голоса.

Всадники на разгоряченных потных конях окружили Чадджи и Чибек.

— А-а, проклятый пастух! — кричал Мултыган, размахивая хамчой. — Наконец-то я догнал тебя. Теперь ты мне ответишь за каменную бабу!

— Где моя тележка с товарами? — вопил Майдох. — Разве твоя батрацкая шкура заменит мне парчу?

Чадджи повалили на землю, скрутили веревками и посадили в мешок.

— А эту, — закричал Мултыган, указывая крючковатым пальцем на Чибек, — я возьму себе в жены вместо убитой Тыртыс-хат.

Но гордая Чибек ответила старику:

Пока голова у меня на плечах, Пока не померкло солнце в глазах, Я одолею любую беду И за тебя никогда не пойду!

— Связать ее! Приторочить к седлу! — завизжал Мултыган.

Чадджи рвал веревки, силился сбросить мешок, но все было напрасно. А Чибек кричала ему:

— Брат мой! Слышишь ли ты меня? Я — Чибек, сестра твоя. Это Хозяин Черной горы бросил тебя в бочонок. Слышишь ли ты меня?!

Чадджи рванулся, но голос дорогой сестры замер в отдалении, заглушенный топотом коней.

— Что мы будем делать с ним? — спросил Майдох у Мултыгана и изо всех сил начал колотить кулаками по мешку. — Пустая кишка! Куда ты запрятал мои товары?!

— Надо утопить его! — решил Мултыган.

Они подъехали к реке, сбросили мешок на берег и начали совещаться: как лучше утопить Чадджи.

— Надо найти такой камень, — сказал Мултыган, — чтобы он был тяжелее каменной бабы.

— Нет, нет, — кричал Майдох, — мы найдем такой камень, чтобы он был тяжелее воза с товаром.

И они разъехались в разные стороны, и каждый искал камень побольше.

Только они отъехали, как до Чадджи донесся приближающийся цокот копыт.

— Э-к-кей! — услышал он вдруг знакомый голос. — Кажется, я вижу мешок?

— Нет, — отвечал Чадджи. — Ты видишь меня.

— Почему ты залез в мешок? Кто ты?

— А кто ты? — переспросил Чадджи.

— Я — бай Мирочах. Разве ты не слыхал обо мне? Это ведь я засадил в темницу пастуха Чалджи. Сейчас я еду к шаману лечить глаза, которые мне закрывает злая болезнь.

— А я только что излечился от этой болезни, — проговорил Чалджи, изменив голос.

— Так вылечи меня! — закричал бай.

— Если будешь слушать — вылечу.

— Почему не буду слушать? Вылечи.

— Тогда слезай с коня, развяжи мне руки и ноги, надень мою одежду. Только не смотри мне в лицо. Иначе ты совсем ослепнешь.

— Нет, нет, я не буду смотреть, — взмолился Мирочах. — Я и так боюсь проклятой болезни. Лучше я завяжу глаза платком. Но что потом со мной будет?

— Я тебя свяжу и положу в мешок. Ты недолго лежишь, придут два человека, окунут твою голову в воду, и глаза твои прозреют.

— А ты?

— А я сяду на твоего коня и уеду, чтобы мои друзья не отказались тебя лечить.

Мирочах согласился. Сначала он завязал себе глаза платком, затем ощупью освободил Чалджи, а сам залез в мешок. Нарядившись в одежду бая и садясь на его лошадь, Чалджи сказал:

— Только молчи. А то тебя узнают по голосу.

— Ладно, — отвечал Мирочах из мешка.

Чалджи, довольный тем, что Мирочах не узнал его, тронул повод и ускакал.

Вскоре подъехали Мултыган и Майдох с огромным камнем. Они привязали его к мешку и подтащили мешок к обрыву.

— Вот сейчас я оженю тебя на каменной бабе! — злорадствовал Мултыган.

— А калымом тебе будет мой шелк и парча, ненавистный Чалджи! — шипел Майдох.

Мирочах, услышав последние слова, начал кричать:

— Я не Чалджи! Я не Чалджи! Я лечиться хочу!

— Сейчас вылечим! — отвечал Мултыган.

— Теперь тебе не удастся нас провести, — добавил Майдох.

Баи столкнули мешок с привязанным к нему камнем в реку и, сев на лошадей, направились к улусу. Не успели они отъехать далеко, как услышали сзади топот. Их нагонял Чалджи — на хорошем коне, в богатой одежде, он ехал и улыбался.

— Как! — вскричал Мултыган. — Ведь мы только что утопили тебя!

— Откуда ты взялся? — прошептал ошеломленный Майдох.

— Оказывается, на дне реки можно жить так же, как и здесь, — отвечал Чалджи. — Только вначале немного захлебываешься.

— Где ты взял эту одежду и такого хорошего коня? — в один голос спросили баи.

— Я познакомился с хозяином воды Суг-таем. Он мне подарил эту лошадь с серебряной уздечкой и всю одежду. На дне реки все дешево. Только Суг-тай скучает там один — ему нужен умный человек, с которым можно было бы разговаривать. Он оставлял меня, да я не согласился. Мне, батраку, нечем его угощать, если он вдруг приедет ко мне в гости.

У баев загорелись глаза.

— А если я пойду к Суг-таю, что мне ему говорить? — спросил Мултыган. — Научи меня!

— Нет, нет, — закричал Майдох. — Лучше меня научи. Ведь ты у меня увез товар!

— Ладно, — сказал Чалджи, — я вас обоих научу. Вы оба богачи, вам есть чем отпотчевать Суг-тая. Когда я опущу вас в воду, кричите: «Хозяин воды, дедушка Суг-тай, возьми нас!» Он развяжет вам руки и ноги, даст коней, хорошую одежду, а там уж познакомитесь, поговорите. А сейчас раздевайтесь.

Чалджи связал раздетым баям руки и ноги, привязал к ним тяжелые камни и сбросил обоих в воду — только пузыри пошли.

Потом он взял коней и одежду баев и поскакал догонять всадников, которые увезли Чибек. За курганом он догнал их.

— Чибек! — позвал Чалджи. — Сестра моя, я освобожу тебя!

Всадники в страхе глядели в небо.

— Сестра твоя, — сказали они, — стала лебедем и улетела.

Чалджи бросил байскую одежду, повернул лошадь, стегнул ее хамчой и, рыдая, поскакал прочь.

Добро за добро

...Плачет, рыдает несчастный Чалджи:

Где ты, родная моя сестра? В какие отправилась ты места? Разлука написана нам на роду. Где я тебя, моя радость, найду?

И плачет опять безутешный Чалджи:

Ты жизнь мне вернула в диком краю, Крылом разогнала усталость мою, Из ручья напоила холодной водой. Зачем же, сестра, мы расстались с тобой?!

Долго ехал Чалджи по степи. Уже село солнце за далекими бархатными тасхылами. Уже загорелась вечерняя заря. А он, бросив поводья, медленно покачивался в седле.

— Остановись, Чалджи! — послышался вдруг голос за его спиной.

Чалджи поднял голову и увидел того старика, которому он, по совету Чибек, дал барана. В руках у старика был хомс.

— Слезы твои услышало мое сердце... — сказал старик, — твою грустную песню услышал мой хомс. Сердце мое и хомс мой откликнулись, как эхо в горах.

Чалджи молчал, глядя на старика грустными глазами.

— Ты дал мне барана, — продолжал старик. — Ты помог мне высушить слезы. А чем я помогу тебе?

— Я сестру свою потерял, — прошептал Чалджи, — как мне найти ее?

— Долог и труден будет твой путь, — проговорил старик. — Ничего у меня нет, чем бы я мог помочь тебе. Вот только этот хомс... Возьми его. С песнею легче жить, легче переносить невзгоды.

Чалджи взял хомс и тронул струны. Они запели:

Много на свете бедных живет. Злые болезни косят народ, Холод покою ему не дает. Горе за бедными следом идет. Если ты честен и смел душой, За счастье народа иди на бой!

Так пел хомс, а Чалджи и старик слушали его, затаив дыхание. Потом, когда песня замолкла, Чалджи сказал:

— Правду говорит хомс. Я видел и знаю людское горе, я видел и знаю тех, кто горе приносит. И всю жизнь я буду бороться за счастье бедных людей.

Он снова тронул струны, и теперь хомс зазвенел с новой силой, а слова загремели как поток, падающий с тасхыла:

...Я вижу: Чалджи, Алыгбаем гонимый, Что люди простые тобою любимы. Я вижу: ты хочешь помочь им в беде, Да будет с тобою удача везде! И я обещаю помочь тебе в том, Чтоб жеребенка ты вырастил скакуном, Пешему — лошадь лихую дал, Раздетому — кров и одежду дал...

— Спасибо тебе, волшебный хомс, — сказал Чалджи, просветлев лицом, — теперь у меня есть верный друг! Спасибо тебе, добрый старик! Знай, что твой хомс попал в надежные руки.

...Старик долго смотрел вслед удаляющемуся Чалджи. И на глазах у него блестели слезы, но это были слезы радости.

Зло за зло

...В тайге, через которую лежал путь Чалджи, жила в одном улусе, в богатой юрте красавица Тарынчах. Была она так красива, что даже таежная весна завидовала ей. У нее были такие длинные косички, как степные тропинки. У нее было так много нарядов, что в них можно было нарядить девушек семи улусов. И все же никто не завидовал ее красоте. Никто не называл ее цветком потому, что цветок не только поражает красотой, но и дает пчелам мед. Никто не называл ее кудрявой березкой потому, что березкой не только можно любоваться, но и строить из нее юрты. Тарынчах же была красива, но красота ее не радовала людей.

Тарынчах всегда жила одна и никого не любила. По утрам никого не приветствовала добрым словом, а по вечерам никому не желала спокойного сна.

В грозу, когда в небе грохотали грома, сверкали стрелы молний, когда люди прятались в юртах, Тарынчах одна уходила в лес. Страшно стонала тайга, могучие кедры, раскачиваясь по ветру, прижимались друг к другу. Вершины тасхылов закрывались тучами. Звери и птицы прятались в своих норах и гнездах. И в это время слышался звонкий смех. Это был смех Тарынчах.

А Чалджи ехал через тайгу на коне бая и пел:

Где нет, скажите мне, тайги,Чтоб не замучила коня?!И где нет баев-богачейИ батраков таких, как я?!Кто видел, чтобы, расступись,Тайга открыла светлый путь?!Кто видел, чтоб богач-хитрецДал вольной грудью мне вздохнуть?!

Вдруг конь его, измученный длинным переходом, зашатался и повалился на бок. Чалджи едва успел спрыгнуть с него.

— Прости, друг! — сказал Чалджи. — Не рожден ты богатырским конем, не суждено тебе скакать без усталости с тасхыла на тасхыл.

— Устал твой конь... — сказал подошедший бедняк. — Что будешь делать?

— Я отдам тебе коня, — проговорил Чалджи, — а сам пойду пешком.

Обрадованный бедняк не знал, чем отблагодарить Чалджи.

— Ничего у меня нет, — говорил он. — Только одним я могу помочь тебе — в нашем улусе живет красавица Тарынчах. Не ходи к ней! Она спаивает своих гостей шаманским зельем, и, выпив его, они становятся волками. У Тарынчах каменное сердце. Даже богатырского коня Хара-Курена вот уже несколько лет она держит на цепи, как бешеного пса.

— Спасибо за добрый совет, — сказал Чалджи. — Но теперь я непременно пойду к Тарынчах. Мне нужен богатырский конь.

Тарынчах приветливо встретила нежданного гостя. Чалджи был поражен ее богатым нарядом, ее красотой, ее черными косичками, закрывавшими спину и грудь. Но в голосе и во взгляде хозяйки он почувствовал холод и затаенную злобу.

Когда они сели за богато убранный стол, Чалджи сказал:

— Глаза видят столько еды, а желудок не хочет кушать... Почему так?

Тарынчах ответила:

— Выпей араги, и желудок запросит пищи.

Тогда Чалджи сказал:

— У тебя много араги и мало гостей... Почему так?

— Гости — это люди с улыбками на лицах. А я не люблю улыбок, — проговорила Тарынчах и засмеялась так, что у Чалджи по спине забегали мурашки.

Он видел, как Тарынчах налила в серебряную чашу густую арагу и поставила перед собой. Его чашу она наполнила из другой посуды.

— Улыбка на лице человека — это то же, что зорька на небе, — сказал Чалджи.

— Если много будет улыбок, — ответила Тарынчах, — то, значит, много будет и зорек. Что же тогда делать настоящей заре? Пей, мой гость. После этой араги ты совсем будешь мне по душе.

— Я выпью, — сказал Чалджи, — только сначала отгадай загадку: «Сын огня, а не красный, скакун, а не быстрый, но как ни лови — не поймает».

Тарынчах не могла отгадать загадку. Тогда Чалджи сказал:

— Посмотри на тунюк.

Тарынчах обернулась, а Чалджи быстро переставил чаши.

— Видишь, дым идет из юрты. Вот это и есть отгадка. А теперь выпьем! — И Чалджи поднес чашу к губам...

Ничего не подозревающая Тарынчах начала пить из своей чаши медленными глотками.

Тогда Чалджи встал и проговорил:

— Людей ненавидящая, зло людям приносящая, становись волчицей.

Тарынчах выронила чашу, но было уже поздно. Серой волчицей выскочила она из юрты. А Чалджи кричал ей вслед:

— Броди по чащобам, злая волчица! Теперь ты стала тем, кем тебе надо было родиться.

Потом он пошел туда, где стоял Хара-Курен, и увидел:

Конь быстроногий Хара-Курен
Стоит в грязи до самых колен.
Цепями опутан со всех сторон,
Не может с места сдвинуться он.
Тяжкие цепи Чалджи разбил,
И, радуясь другу, проговорил: —
Отныне мне ты будешь служить,
Со мною и горе и счастье делить!

Несколько дней кормил и холил Чалджи своего нового друга, и когда тот окреп, он оседлал его.

— Теперь у меня есть волшебный хомс и богатырский конь Хара-Курен. Нет у меня меча и щита. Но я добуду их. И тогда берегись Хозяин Черной горы!

Чиста ли у тебя душа?

Все люди улуса видели, как от юрты Тарынчах бежала к тайге матерая волчица. Она делала огромные прыжки, и при этом ее оскаленные зубы глухо лязгали. За рвом, у перелеска волчица остановилась и, подняв свою рыжую морду к небу, страшно завывала.

Заслышав ее протяжный, тоскливый вой, люди умолкали, матери прижимали к себе детей, лошади сбивались в кучу, испуганно прядая ушами, овцы шарахались из стороны в сторону.

Когда люди узнали, что это воет Тарынчах, ставшая волчицей, они пришли к Чалджи узнать, как это ему удалось перехитрить коварную красавицу.

— Спасибо тебе, добрый человек, — говорил они. — Много зла нам принесла Тарынчах, когда была человеком. Теперь, когда она стала волчицей, с ней справиться легче. У нас немало хороших охотников, которые сумеют угостить ее меткой стрелой.

— У нас есть более страшный враг — Хозяин Черной горы, — сказал Чалджи. — Для битвы с ним мне нужен меч и щит. Скажите, где достать мне их?

Долго думали люди. Потом самый старый из рода — дедушка Постой сказал:

— Давно, давно у Хозяина Черной горы был недруг — богатырь Ах-молат. Хозяин Черной горы одолел его в бою, отрубил богатырскую голову, а меч его спрятал в кремневом тасхыле и охранять его поставил двуликого шамана. Этот двуликий и давал Тарынчах зелье, от которого люди становились волками.

— Расскажите мне, где кремневый тасхыл, — попросил Чалджи.

— Рассказать-то нетрудно, — отвечал старик. — Только вот беда: меч Ах-молата никто поднять не может. Был, говорят, один мальчик, который смог бы поднять этот меч, да Хозяин Черной горы посадил младенца в бочонок, а бочонок бросил в Кимсуг.

— Я подниму этот меч! — сказал Чалджи.

— Что же, попробуй, — отвечал старик, — если у тебя душа чиста, как горный ручей, — поднимешь. Но если есть в ней хоть единое пятнышко, то даже не оторвешь меч от земли.

— И все же я попробую! — снова повторил Чалджи.

— Раз решил — поступай, как велит сердце, — проговорил старик. — Мы всем народом будем делать тебе шлем и грудной панцирь. Если вернешься с мечом — мы дадим тебе свою верность и защиту.

Меч Ах-молата

И пусть дорога Чалджи далека, У Хара-Курена поступь легка. Всадник доволен крылатым конем: Скачет без отдыха ночью и днем. Ступит конь на тасхыла гранит — Искры сыплются из-под копыт. Прыгнет через зубцы хребтов — Грива взвихрится до облаков.

В горах, где нет ни леса, ни трав, ни звонких ручьев, ни птичьих песен, Чалджи остановил богатырского коня.

— Э-к-кей, — крикнул он, и эхо трижды ответило ему, а с самого крутого тасхыла посыпались гремя камни. Вдруг скалы повернулись, как огромные жернова, а в просвете между ними сверкнул огонь, и клубы дыма поднялись к небу.

— Кто нарушил тишину кремневых скал? — раздался сердитый голос, и Чалджи увидел в расщелине страшного шамана:

Правый бок белой шерстью украшен, Левый бок — черный, как сажа. Одна половина лица светла, Другая — с ночью сравниться могла. На правой руке — золотые ногти, На левой руке звериные когти.

Чалджи, разглядев шамана, не испугался.

— Это я крикнул, — сказал он.

— А кто ты? — спросил шаман.

— Я Чалджи, бедный пастух. Приехал к кремневому тасхылу за мечом Ах-молата.

— Ха-ха-ха-ха! — раскатисто засмеялся шаман. — Пастух приехал за мечом! Да знаешь ли ты, что вот уже много лет я сторожу этот меч дни и ночи?! И никому до сих пор не удавалось оторвать его от земли.

— Неужели и ты не мог поднять его? — удивился Чалджи. — Ведь ты такой сильный!

— Я могу поднять любой тасхыл, — самодовольно произнес шаман, — а вот меч не пробовал.

— А где он лежит?

— Он запрятан вот в этих скалах, — отвечал шаман.

— А ну, дай, я попробую поднять его!

Шаман снова захохотал.

— Сначала тебе придется померяться силой со мной, — проревел он.

— Ну, что ж, давай, — согласился Чалджи и соскочил с коня. — Можешь ли ты кулаком выбить вот из этого камня огонь?

Шаман покосился на камень и, прищулив правый глаз, сказал:

— Могу!

Он подошел к камню и начал яростно колотить его когтистыми кулаками. Камень крошился, но огня не было.

— Отойди, я попробую, — сказал Чалджи и, зажав между пальцами кресало, ударил по камню. Искры брызнули во все стороны.

Шаман удивленно вытаращил глаза и молчал.

— А теперь, — сказал Чалджи, — можешь ли ты разбросать эти камни? — И он показал на скалу, где был запрятан меч.

— Ну, это-то я сразу сделаю! — пробормотал шаман. — Тут ты меня не осилишь!

И он начал швырять в разные стороны огромные камни. А Чалджи подзадоривал его. Вдруг из-за спины шамана блеснул меч. Двумикий отпрянул назад, закрыв лицо руками.

— Ладно! — проговорил Чалджи. — Вижу, что ты силен. Теперь давай попробуем, кто из нас поднимет меч.

— Его блеск мне режет глаза, — ответил шаман. — Начинай ты.

Чалджи нагнулся, протянул руку к резной рукоятке и легко поднял меч. Шаман в испуге присел.

— А остроту меча, — сказал Чалджи, — я попробую на твоей шее.

И, широко размахнувшись, он отрубил золотым мечом голову шамана. Черная кровь широким ручьем потекла по камням.

Верность и защита

С радостью встречал народ возвращавшегося Чалджи. Старые и малые, женщины и девушки — все приходили посмотреть на меч, ярко горящий на солнце.

— Слава Чалджи, поднявшему меч Ах-молата! — восклицали люди.

Толпа расступилась, и к Чалджи подошел дедушка Постой.

— Я узнал этот золотой меч, — сказал он. — Ты поднял его, значит, душа твоя чиста, как у погибшего Ах-молата. Только не повторяй ошибки, стоившей ему жизни. Он надеялся только на свою силу и не взял с собой щита, который ему давал народ.

Старик вручил Чалджи щит, шлем и панцирь.

— Вот тебе наша верность и защита. Надевай шлем и панцирь, бери щит и помни, что они сделаны нашими руками, руками твоего народа. Они не подведут тебя в бою.

И Чалджи счастливыми глазами смотрел на людей, а сердце в его груди билось гулко и радостно.

Предсказания Лунного камня

...А в это время народа враг, Страшный Хозяин горы Харатаг, Который не сделал добра за свой век, Который ни зверь и ни человек, Глаза, как у жабы, косые имеет, Над ними косы вьются, как змеи, И дикой злобой сверкает взгляд, А вместо ушей камни висят. Когтистую руку опутав бичом, Он сладко дремал на ложе своем.

Вдруг к нему вбежал перепуганный хранитель Лунного камня.

— Хозяин Черной горы! Проснись! — почтительно прошептал он.

Но раскосый даже не пошевелил пальцем.

— Проснись, Хозяин! — уже громче закричал хранитель.

Змеинокоосый не поднял головы. Тогда хранитель взял бубен и начал колотить по нему. Каменные уши Хозяина Черной горы не слышали ни звона бубна, ни крика.

Хранитель схватил огромную суковатую дубину и, размахнувшись, ударил Хозяина Черной горы по лбу. Только тогда раскосые глаза открылись.

— Крепко же я спал, — сказал Хозяин.

Хранитель, пряча за спиной дубину, подошел к самому его уху и закричал:

— Могучий Хозяин Харатаг! Беда!

— Что-о? — спросил тот.

— Беда, говорю. Лунный камень почернел.

Хозяин повернул головой так, что ухом чуть не свалил с ног хранителя.

— Как он мог почернеть?!

— Могучий Хозяин! — опять закричал хранитель. — Сквозь камни просочилась черная кровь.

— А что это значит?

— Это значит, что хранитель меча Ах-молата двуликий шаман убит.

— Да как он мог дать себя убить?!

Рассвирепевший Хозяин Харатаг долго метался, потрясая кулаками. Потом он сел и начал ковырять пальцами в ушах.

— Сейчас я прочищу уши, и ты мне скажешь, что надо делать. Ну, говори! — приказал наконец он. — Теперь я кое-что слышу.

— Надо позвать шаманов. Они тебе все расскажут.

Вскоре пришли шаманы.

— Великий Хозяин Черной горы! — сказали они. — Лунный камень почернел потому, что над тобой нависла грозная опасность. Двуликий шаман лежит с отрубленной головой. Он потерял голову потому, что не сумел уберечь меча Ах-молата.

— Кто мог поднять этот проклятый меч? — заревел Хозяин. — Ведь вы говорили, что, кроме младенца, которого я заколотил в бочонок и бросил в Кимсуг, никто не может этого сделать?!

— Да, великий Хозяин. Никто! — отвечали шаманы. — Но младенца в бочонке поймал рыбак. Мальчик вырос, получил имя Чалджи и теперь с мечом Ах-молата идет на тебя.

Хозяин от страха не мог вымолвить ни слова. Он схватился за голову и сидел, вытаращив жабы глаза.

— Зачем я прочищал уши? — вдруг закричал он. — Если бы я этого не сделал, я бы не слышал ваших речей. Что мне делать? Что мне делать?

Вперед выдвинулся самый старый и хитрый шаман.

— Я знаю, в чем сила Чалджи, — сказал он. — У него есть хомс.

— Хомс? — переспросил Хозяин. — Это тот, на котором играют? Ну, он мне не страшен — я могу заткнуть уши.

— Этот хомс не простой, — сказал шаман. — Он умеет созывать народ, он умеет говорить правду. А правда — страшнее меча.

— Так что же делать?

— Надо лишить Чалджи хомса.

— Но как?

...Долго думали шаманы. Потом старый засмеялся:

— Я придумал!

— Говори! — приказал Хозяин и притянул его к себе.

Шаман начал, захлебываясь, что-то шептать ему. Хозяин Черной горы слушал, переспрашивал и опять слушал, а потом вдруг приподнялся и захохотал.

Каменный град

А Чалджи с песней ехал, думая о битве с Хозяином Черной горы. Небо было безоблачно. Травы в степях ложились под ноги Хара-Курену зеленым ковром, а в тайге могучие деревья расступались, открывая дорогу.

Вдруг земля покачнулась, а по небу прокатился гром. Это был хохот Хозяина Харатаг.

И Чалджи увидел:

Тасхылы дрожат, деревья сплелись, Полноводные реки в степях разлились, На небе туча, как ночь, темна, Гибель живому сулит она. Ярые громы вокруг гремят. Падает наземь каменный град.

— Вперед, Хара-Курен, — крикнул Чалджи, дергая поводья.

Хара-Курен мой, лети скорей! Глумится над нами враг-лиходеи, Но знаю я: время расплаты придет. Вперед, мой товарищ, быстрее вперед!

По шлему, по панцирю гулко стучал каменный град. Но хомс был цел, пастух прижал его к груди и прикрыл щитом.

У огромной скалы Хара-Курен остановился и так надавил на гранитную стену, что она подалась, образуя выемку. Как раз в это время с неба полетели камни величиной с баранью голову.

Наконец страшный грохот утих, только мелкие камешки долго еще стучали о шлем Чалджи. С трудом выскочил Хара-Курен из засыпавшей его груды камней. И тут Чалджи увидел страшную картину: где шумел лес — торчали расщепленные пни, где зеленела трава — лежали мертвые камни, а где была долина — возвышались горы.

Хара-Курен заржал, и его тоскливое ржанье подхватило и понесло по камням гулкое эхо.

— Проклятый Хозяин Черной горы! — проговорил Чалджи. — Твоих злодеяний не перечесать. Ты рвешь у рыбаков сети, ты насылаешь суховеи на степи, где пасется скот, ты поднимаешь землю в небо и несешь ее пылью, ты каменным градом хотел преградить мне дорогу, но я уничтожу тебя и вместе с тобой умрут суховеи, сгинет град и не страшны станут людям громы.

Он поправил хомс, крепко зажал щит в руке и тронул коня.

Черные зерна

— Безумный старый шаман! — закричал Хозяин Черной горы, когда ему рассказали, что каменный град не убил пастуха. — Чем набита твоя голова? Твои глупые выдумки не приносят мне никакой пользы!

Шаманы стояли перед каменноухим и тряслись от страха.

— Думайте! — кричал он. — А то разорву вас в клочья.

И опять долго думали шаманы. Теперь вперед выдвинулся шаман, стоявший в середине.

— Каменный град не убил пастуха потому, что тот ездит на быстроногом Хара-Курене, — проговорил он вкрадчивым голосом.

— А кто такой Хара-Курен? — спросил Хозяин.

— Это конь. Богатырский конь с крылатыми ногами, но... — и тут шаман хитро сверкнул глазами, — но с обыкновенным желудком...

— Что ты придумал? — закричал Хозяин, — Говори скорее, я уже устал слушать твой змеиный голос.

Шаман быстро сунул руку за пазуху и приблизил к лицу Хозяина сжатый кулак.

— Вот где смерть пастуха, — прошептал он, дико оскалившись.

На ладони лежали черные зерна.

Хозяин схватил зерна, долго их рассматривал на свету и засмеялся.

А Чалджи в это время ехал по каменной долине. Гулко цокали копыта Хара-Курена. Нигде не было видно живой травы, кругом только огромные камни, обросшие сухим, как лишай, мхом.

Хара-Курен остановился, низко склонил голову, и грива его волной скатилась на камни.

Чалджи повел коня в поводу, а сам глазами искал ручей или зеленый лужок, чтобы напоить и накормить друга. Но старания его были напрасны. Он прилег у ног коня и в забытьи закрыл глаза.

И в это время Хара-Курен радостно заржал: между камней из сухой земли поднимались зеленые стебли сочной травы. В одно мгновение вся долина покрылась травяным ковром, затрещали кузнечики, запели шмели, запорхали бабочки. Конь принялся жадно щипать траву.

...Когда Чалджи очнулся, он не поверил своим глазам — вместо мертвых камней было зеленое раздолье нетронутого пастбища. Чалджи радостно вскочил на ноги и... замер от ужаса. Он увидел, что Хара-Курен лежит в траве с распухшим животом и закрытыми глазами.

В тоске и печали сидел Чалджи над Хара-Куреном.

Вдруг засияла вдали заря, Вершины тасхылов ярко горят. Кто-то негромко зовет Чалджи: — Брат мой любимый, не плачь, не тужи!.. Поднялся Чалджи, в небеса глядит. Лебедь — вещая птица летит, Воду живую с собою несет. К коню опустилась она и вот: Уснуть скакуну вечным сном не дает, Крыльями машет над головой, Брызжет в морду коня водой.

Оживший Хара-Курен легко поднялся на ноги, высоко вскинул голову и призывно заржал, неторопливо переступая копытами. А лебедь встряхнулась и превратилась в девушку.

— Сестра моя! — закричал Чалджи, бросаясь навстречу Чибек.

Как овцы, что ходят в отаре одной, Как речки, сливающиеся весной, Встретились радостно брат с сестрой.

Но не долгой была эта встреча.

— Брат мой! — сказала Чибек. — Не теряй ни минуты. Скорее скачи навстречу Хозяину Черной горы. Он новые беды готовит на твоём пути. Страшен Хозяин Харатаг! Он сеет на нашей земле черные зерна несчастий, горя и болезней. Не слышит он каменными ушами слезы и стон народа. Убей его! Помни, что в трудную минуту я всегда буду рядом с тобой.

Чалджи крепко обнял сестру и вскочил в седло. Чибек долго махала ему рукой.

Злое семя

— Откуда взялась эта Чибек? — твердил Хозяин Черной горы, свирепо вращая жабыми глазами. — Я устал слушать и думать, я устал смотреть на ваши гнусные рожи!

Шаманы, как и прежде, стояли перед ним, низко опустив головы. На этот раз никто из них не мог произнести ни слова. Но вот вперед вышел самый молодой и самый злой шаман.

— Черные зерна, — сказал он, — бессильны в борьбе с пастухом. Они дают свои ядовитые ростки только в земле. А я зароню злое семя в душу пастуха. И тогда меч сам упадет из его рук.

И вот Чалджи увидел на пути своем груды золота, алмазов, драгоценных камней. В расщелинах текли реки густой араги. На таганах повсюду висели котлы с жареной бараниной. То и дело на дороге попадались кованые сундуки, набитые шелками и парчой. Но Чалджи не замечал всех этих сладостей и богатств. Он рукой отгонял манящий дух баранины и аромат араги.

— Ничего, — шипел самый злой шаман, — ты не хочешь золота и араги. Тогда я куплю твою молодую душу другим...

...Когда Хара-Курен поднялся на вершину тасхыла, Чалджи радостно вскрикнул: навстречу ему, вытянув вперед руки, бежала Чибек. Она была одета в такой богатый наряд, какого Чалджи никогда не видел.

— Брат мой! — крикнула она каким-то странным, своим и не своим голосом. — Смотри, какая я нарядная! Наконец-то я высушила слезы. Теперь я стала самой красивой и самой богатой на земле! Ты не завидуешь мне?

— Что случилось с тобой, сестра моя? — спросил удивленный Чалджи.

— Я нашла то, что искала всю жизнь. Я нашла золото.

— А мать и отец, которых угнал Хозяин Черной горы?

— Зачем мне они — теперь мне ничего не надо. У меня есть все: почет, слава и доброе имя. У меня теперь столько нарядов и столько женихов, что даже туч в небе меньше в ненастную погоду! Пойдем со мной, — говорила она, нежно обнимая Чалджи. — Зачем тебе рисковать в битве с Хозяином Черной горы! Я приведу тебя в мой улус, ты привяжешь Хара-Курена у золотого столба и будешь жить в золотой юрте. Я позову много красивых, самых красивых девушек. Они будут петь тебе тахпахи, и любая из них станет твоей женой.

— Прочь, гадина, взявшая образ Чибек! — закричал Чалджи, поднимая меч. — Я не верю тебе, твоим подлым словам, твоим ласкам и твоему наряду. Если бы ты была моей настоящей сестрой, ты не забыла бы матери и отца, ты не сменяла бы людей на золото, я отсеку твою голову, змея!

С этими словами он замахнулся мечом, и та, что стояла перед ним в образе Чибек, вдруг стала сама собой — пестрой гадюкой. Она зашипела и, извиваясь, уползла под камень.

Так был посрамлен самый злой шаман.

Первая битва

Издалека увидел Чалджи высокую гору Харатаг. В лицо ему пахнуло болотным туманом, могильной сыростью и ядовитым смрадом.

Хара-Курен, предчувствуя битву, нетерпеливо кусал удила и прядал ушами. Чалджи тронул его хамчой, и конь единым махом выскочил на вершину Харатаг и начал бить копытами так, что из-под них полетели искры. А Чалджи, подняв щит, ударил по нему кулаком и закричал:

— Выходи, Хозяин Черной горы! Я приехал к тебе за медвежьими шкурами, которые ты взял у Алыгбая!

Так он долго кричал и бил в щит, и гулкие звуки плыли над землей. Птицы стаями поднялись в небо и кружились в вышине, не смея спуститься на скалы. В чащобах завывали волки, а на могильных курганах тревожно заклекотали орлы.

Хозяин метался в глубине горы, сжимая свои каменные уши.

— Где мой змеиный бич? — кричал он. — Я сам сломаю кости этому проклятому пастуху! Я убью его так же, как убил когда-то Ах-молата!

Схватив бич, он широко размахнулся и щелкнул им. Скалы раздвинулись. Хозяин размахнулся второй раз, и бич, засвистев, трижды опоясал грудь Чалджи.

— Ха-ха-ха-ха, — заревел Хозяин. — Теперь ты не уйдешь от меня, пастух!

Он с силой дернул бич, но Хара-Курен уперся упругими ногами и даже не покачнулся.

— Ого-го! — кричал Хозяин. — Твой конь крепко стоит на земле. Но это тебя не спасет! Мой бич раздавит твою костлявую грудь!

— Нет, — отвечал Чалджи, — моя грудь прикрыта панцирем, который мне дал народ: твой бич для меня не страшнее паутины.

С этими словами он разрубил натянутый, как струна, змеиный бич. Хозяин упал, задрав кверху короткие ноги. Хара-Курен рванулся вниз на Хозяина Харатаг. Чалджи уже занес меч, чтобы отрубить голову с раскосыми глазами. И вдруг Хозяин подпрыгнул и... там, где он стоял, взвилось облако сажи. Чалджи не удержал руку с мечом и рубанул по черному облаку. Оно рассеялось, только два огромных каменных уха упали на землю и гремя покатались в ущелье.

Чалджи растерянно смотрел, как таяло облако сажи в голубом небе. Вдруг Хара-Курен тревожно заржал и начал пятиться, осторожно перебирая ногами.

Чалджи взглянул вниз и увидел, как огромный вал мутной воды, нарастая, катится из ущелья. Волна с шумом подкатилась к ногам коня. В лицо ударили холодные брызги.

Конь вздыбился и, поворачиваясь, хотел сделать прыжок, но вторая волна ударила с новой силой и вышибла Чалджи из седла.

Он глотнул соленой воды, захлебнулся. Силился устоять на ногах, но волны одна за другой били его в грудь...

...Очнулся Чалджи ночью. Сначала он увидел звезды, потом яркое пламя костра. Невдалеке слышалось фыркание пасущегося Хара-Курена. Трава, камни и земля были мокрыми, как после длительного ливня.

Чалджи повернул голову и увидел: у костра сидит незнакомый голубоглазый человек с русыми волосами.

— Кто ты? — спросил Чалджи, с трудом разжав запекшиеся губы.

— Я — Орыс Кизи, — ответил человек, протягивая руку. — Я — твой друг.

— Это ты спас меня? — снова спросил пастух.

— Я вытащил тебя на камни. А когда поток схлынул, я разжег костер.

— Откуда взялась эта вода?

— Это слезы и пот, которые выжал Хозяин Черной горы из народа.

— Ты знаешь Хозяина Черной горы? — с удивлением воскликнул Чалджи.

— О-о! Его-то я очень хорошо знаю, — отвечал Орыс Кизи. — Я пришел помочь тебе. Двоим нам легче справиться с ним.

Чалджи встал и протянул новому другу руку. Так они долго стояли — один черноголовый, другой светлоголовый — рука одного крепко пожимала руку другого.

Победа

На заре, когда из-за гор сверкнули первые золотые стрелы солнца, Чалджи с тоской оглянулся вокруг и проговорил:

— Как же нам найти проклятого Хозяина?

— Не унывай, друг! — сказал Орыс Кизи. — Черной горы недалеко — вон ты видишь снежные тасхылы. Там последнее пристанище врага.

Они сели вдвоем на Хара-Курена и помчались быстрее ветра. На вершину снежных тасхылов вела узкая извилистая тропинка. Она петляла среди ущелий.

Когда Хара-Курен мчался между двух скал, раздался страшный грохот. Это обвалилась, преградив дорогу, огромная гора.

Чалджи спрыгнул с коня и горестно покачал головой. Орыс Кизи сказал:

— Нас всего двое... Если бы у нас была тысяча рук, мы бы по камешку быстро раскидали гору.

Глаза Чалджи загорелись радостным огнем.

— У меня есть хомс, — сказал он. — Волшебный хомс!

Он сел на камень и тронул струны. Хомс запел звучным, ясным голосом:

Я знаю, Чалджи и Орыс Кизи, Какой бы вам лютый враг ни грозил, Как труден бы ни был невзгоды час, Народ в беде не оставит вас!

Так пел хомс, и тысячи людей шли на его призыв. Вскоре ущелье огласилось говором, смехом, громкими возгласами. Едва солнце глянуло из-за горы, дорога была расчищена.

— Спасибо, друзья! — говорили людям Чалджи и Орыс Кизи. — Теперь до вершины тасхыла рукой подать.

И снова мчался Хара-Курен, неся на себе двух друзей. А хозяин Харатаг в это время, наточив длинные стрелы, натягивал тетиву лука. Прицелившись, он пустил первую стрелу в Хара-Курена. Но Чалджи подставил щит, и стрела отскочила, как от скалы. Вторую стрелу Хозяин пустил в Орыс Кизи. Но и тут Чалджи успел прикрыть друга щитом. Третья стрела, направленная прямо в сердце Чалджи, ударилась о панцирь и переломилась.

— Стой, друг! — сказал Орыс Кизи, вглядываясь в вершину. — Чтобы Хозяин опять не превратился в облако сажи, мы должны взять его хитростью. Видишь два выступа — поезжай между ними.

Чалджи направил Хара-Курена туда, куда показывал друг. Просвистела четвертая стрела, и Орыс Кизи, притворившись раненым, громко застонал и упал с коня на камни.

Хозяин Харатаг от радости захохотал, притопывая кривыми ногами.

— Проклятый пастух! — кричал он. — Я убил твоего друга, а ты удираешь от меня за каменный выступ. Но и там моя стрела найдет тебя.

Чалджи, скрывшись за выступом, сразу же повернул коня назад. Хозяин Черной горы спускался к Орыс Кизи и хрипел:

— Давно я не пил теплой человеческой крови. Сейчас я утолю свою жажду, еще больше окрепну и тогда — берегись, дерзкий пастух!

Он протянул руку, чтобы схватить Орыс Кизи, и в это мгновение Чалджи гикнул, Хара-Курен рванулся вперед. Молнией сверкнул меч Ах-молата в руке Чалджи. Свистнул воздух, и голова Хозяина Черной горы покатилась на камни, из перерубленной шеи хлынула кровь, похожая на густую липкую грязь.

— Мы победили! — вскричал Чалджи, подавая руку поднявшемуся другу.

— Теперь надо освободить плененный народ! — сказал Орыс Кизи.

Друзья подошли к огромной медной скале и начали расшатывать ее.

Скала не двигалась с места. Тогда Чалджи подsunул под нее меч, друзья налегли на рукоятку, Хара-Курен нажал могучей грудью, и скала начала медленно опрокидываться.

— Наша победа! — воскликнул Чалджи. — Да будет отныне радостной жизнь для бедных, иссохших в неволе людей, которых держал под скалой лиходей! Выходите, друзья, из проклятой тюрьмы — Чудовище в битве сразили мы. Идите в просторы степи родной, живите счастливой и дружной семьей! — И люди сырой покидали провал... И каждый спасибо героям сказал.

Из толпы вперед протиснулись старик со старухой.

— Пропустите Арыг, пропустите Ирека, — кричал народ, — они спешат обнять своего сына.

Чалджи от неожиданности не мог произнести ни слова. Он впервые увидел родного отца, он впервые припал головой к материнской груди...

На медной скале написал Чалджи:

Кто хочет идти к нам, как хищник и вор, Пусть знает, что меч наш всегда остер. Того, кто придет к нам с открытой душой, Как первого гостя, зовем мы на той.

— Теперь можно и отдохнуть, — сказал Чалджи, радостным взглядом окинув просторы родной земли.

— Нет, друг, — возразил Орыс Кизи, — пока жив Алыгбай, простому народу нет на земле счастья.

— Ты прав! — ответил Чалджи. — Это он засадил меня в темницу за то, что я сказал правду. Это он послал меня за семью медвежьими шкурами.

— Алыгбай наш заклятый враг! — подхватил народ.

И друзья снова сели на коня и отправились в путь. Издалека слышал Алыгбай страшный топот копыт и звон богатырского щита. Блеск меча резал ему глаза, как вспышки коротких молний.

— Эгей! Алыгбай! — закричал Чалджи. — Я привез медвежьи шкуры. Только на них тебе не придется спать.

Чувствуя свою гибель, Алыгбай спрятался в золотой юрте, а охранять ее заставил казначеев, прислужников и баев, которые так тряслись от страха, что никак не могли натянуть тетиву упругих луков.

Со всех сторон на подмогу Чалджи и Орыс Кизи бежал народ. Ханские прислужники и баи были перебиты, а жирную тушу Алыгбая разрубил своим мечом сам Чалджи.

Грозный хан Алыгбай наградил богатыря презрительной кличкой Чалджи — батрак. Когда не стало Алыгбая, народ решил, что негоже по-прежнему именовать героя кличкой, и назвал его Победитель. Он заслужил это звание.

И с тех пор не стало Чалджи, теперь живет в народе Чинисчи, что означает Победитель.

ТЫВГУНАЙ-МОЛОДЕЦ И ЧОЛБОН-ЧОКУЛДАЙ

Давным-давно, много лет тому назад, на устье пяти глубоководных рек с широкими долинами и горящими мысами, под деревом с густыми ветвями жил-был Тывгунай-молодец. Этот молодец не знал ни отца, ни матери, не знал — грозой ли, женщиной ли рожден или сам из колыбели вышел, — был сиротой. Перегрыз он зубами тальник и, свив тетиву, сделал себе маленький охотничий лук из лыка тальника. И жил, добывая им разную мелкую живность.

Живя так, однажды подумал: «Пойду-ка я вверх по реке, посмотрю — что там», — и отправился. В дороге устал. Вдруг смотрит — стойбище показалось. Подходит и видит, как вдоль берега плавают две утки. Подкравшись к ним, захотел стрелу пустить, а утки все продолжают нырять и плавать. Натянул он тетиву, но не выстрелил, опасаясь убить чью-нибудь птицу.

Тогда он спросил:

— Может быть, вы принадлежите кому-нибудь из местных? Давайте побеседуем, вы расскажите мне все и не говорите потом, что убил вас, не предупредив! — говорит Тывгунай-молодец.

Утки взлетели. Взлетая, запели:

— Вот, родившийся под развесистым деревом Тывгунай-молодец чуть не погубил нас. Наверно, он добрый человек, потому пожалел. Мы же, став утками, чуть не дали себя погубить. На кочке, где мы сидели перед купанием, остался наперсток. Возьми его и береги, он тебе добро сделает!

Тывгунай-молодец смотрит — лежит золотой наперсток, взял его и положил в карман. Потом пришел в стойбище. Там собралось очень много людей, и богатырей было немало. Среди них и богатый хозяин стойбища.

Этот хозяин сказал:

— Вот там видна дуга вонзившегося в землю лука. Богатырю, сумевшему вытащить этот лук, отдам свою дочь в жены.

Каждый день богатыри пытались вытащить этот лук, но никто не смог вытащить. Тывгунай-молодец походил-походил, посмотрел и отправился домой. Возвратившись, видит — под развесистым деревом сидит богатырь. Заметив его, Тывгунай испугался. А тот говорит ему:

— Ты не бойся меня, я — твой старший брат. С тех пор как ищу тебя, прошло много лет. Откуда ты пришел?

— Я ходил вверх по течению реки, там есть одно стойбище, где богатыри пытаются вытащить вонзившийся в землю лук, чтобы жениться на дочери богача, но никто не может его вытащить, я посмотрел на это и вернулся, — говорит Тывгунай.

— Вот мой конь, войди в его левое ухо — найдешь пищу, войди в его правое ухо — найдешь одежду, — говорит старший брат Чолбон-Чокулдай.

Тывгунай-молодец все сделал, как велел брат, и стал богатырем. Верхом на коне они поехали вверх по реке. Приехали, а лук торчит, как торчал, никто не смог его вытащить. Тогда Чолбон-Чокулдай спрыгнул с коня и потянул лук, дуга лука сломалась и отскочила вверх, немного погодя что-то сверкнуло, словно молния; когда же дуга достигла Верхнего мира, будто гром прогремел.

Потом Чолбон-Чокулдай с братом сели на коней и полетели в Верхний мир посмотреть, что случилось.

Добрались до Верхнего мира. Он оказался землей, людей там было так много, как комаров, а скота — как оводов. Когда шли по ней, увидели: из-под земли дымок пробивается. Наклонились к тому месту, где дымит, и видят — сидят полуобгоревшие старик со старухой.

— Старушка, у меня печень болит, дала бы кусочек печени, — говорит старик.

Старуха отвечает:

— Э-э, вот мои хозяйки дали мне кусочек печени, сказав: «Смажь печенью шкуру, чтобы

мягкой стала». Если печень отдам, они опять будут долбить мою бедную голову своими серебряными щипцами.

— Старушка, у меня голова болит, нет ли у тебя немного головного мозга? — просит старик.

— О-о, ты ведь уже съел тот кусочек мозга, что дали вчера, опять будут долбить мою бедную голову. Ноет моя грудь, но в этом мире некому обо мне вспомнить. Вот когда ты был молод и бился с богатырями и когда они, победив тебя, полетели в этот мир, взяв нас с собой, я оставила под большой лиственницей, укрыв корьем, двухлетнего мальчика, сказав: «Если он останется жив, пусть называется Чолбон-Чокулдаем». Под ветвистым деревом оставила я шестимесячного мальчика, покрыла его старой оленьей дошкой, сказав: «Если останешься жив, будешь называться Тывгунаем-молодцем». Но они, наверное, не выжили. Как могут они попасть в этот мир? Ноет моя грудь, — говорит старуха.

Услышав эти слова, братья вошли в чум.

— Вы, ребята, откуда прибыли? — спрашивает старуха.

— Мы прибыли из Среднего мира, меня зовут Чолбон-Чокулдай, а это мой младший брат Тывгунай-молодец, — говорит старший.

— Мы в этот мир попали, когда богатыри нас одолели. Вас на родине оставили. Здесь есть богатыри, против которых никто устоять не может. Теперь они лежат: из Среднего мира пришла их смерть и оторвала от каждого по половине тела. Они нас на огне поджаривают, спрашивая: «Кто у вас на родине остался?» А шаманов своих колдовать заставляют: пусть, мол, узнают, откуда смерть к ним пришла. Если шаманы не могут узнать, отсекают им головы, — сказала мать.

Тогда братья вышли вон, забили несколько голов скота и дали родителям поесть. Потом отправились в большой дом богатырей. Дом был полон людей; парни спрятались, сели и стали наблюдать, как богатыри отсекают головы шаманам. Вот привели одну шаманку, она стала предсказывать:

— Люди, пославшие смерть из Среднего мира, пришли и сидят здесь, среди вас.

— Эй, отсеки ей голову, пусть не обманывает, как они могут быть среди нас! — приказал старший богатырь.

Тогда шаманка сказала:

— Добрые молодцы, не давайте отсечь мне голову, предстаньте перед нами. — И опустила вниз бубен.

Чолбон-Чокулдай и Тывгунай-молодец предстали перед богатырями. Оба раненых богатыря приподнялись, устались на парней. Одного богатыря звали Сингколтукон-Эден, другого Бегалтукон-Эден.

— Мы были главами рода, лучшими из Эден, великими из великих, а теперь вот калеками стали, сидим тут. Вы победили, так вылечите нас!

Парни поплевали на свои ладони, натерли богатырей, и те, став такими, какими были прежде, встали на ноги. Встав, они пошли на площадку для поединков, отправились биться. Братья за ними. Сев на коней, стали биться старший со старшим, младший с младшим. Так бились они, взлетая на конях к самому краю Верхнего мира. Вдруг Чолбон-Чокулдай перестал видеть. А Сингколтукон, наскакивая то с одной, то с другой стороны, начал рубить его своей пальмой. В это время запел конь Чолбон-Чокулдая:

— Над левым моим ухом, под гривой, есть серебряный топорик, быстро возьми его и ударь поперек моей морды. После этого посмотри вниз! Когда наклонишься, увидишь маленький плот, привязанный с четырех углов к коню Сингколтукона. На нем одна старушка развела дымокур и окуривает нас дымом. Убей ее. Кровь, стекающая из моего носа, потушит ее дымокур. Когда потухнет дымокур, опять станешь хорошо видеть.

Чолбон-Чокулдай, как велел ему конь, схватил топорик, с размаху ударил коня по носу, кровь хлынула ручьем, и стало светло. Посмотрел вниз — оказалось, сидит старушка на плотике, привязанном к коню Сингколтукона, и окуривает его дымом. Чолбон-Чокулдай убил ее одним выстрелом.

Снова стали биться. Немного погодя Сингколтукон говорит:

— Ну, видно, никто из нас не сможет одолеть друг друга, перестанем биться и поедем к нам.

Поехали. Доехав, вошли в дом. Дом был очень хороший. Сингколтукон говорит:

— Ну, садись вот здесь!

Сиденье тоже было хорошее, крепкое с виду. Только сказал Чолбон-Чокулдай «присяду-ка!», как сиденье под ним прорвалось, и он полетел вниз. Летел он долгопредолго и вдруг слышит:

— Храброго человека я, Сингколтукон, в Нижний мир спустил.

— Если бы он впереди себя и позади себя гнал скот, мы бы подождали его есть, — снова слышит Чолбон-Чокулдай.

У нашего человека ничего нет, с досады набрал он в ладони глины и сказал: «Превратись, иди впереди меня», — и бросил глину вперед. Глина превратилась в скот. Схватил он другой рукой глину, говоря: «Превратившись в скот, следуй позади меня», — и бросил ее назад, та превратилась в скот.

Вот идет дальше. Снова слышит:

— Храбрый человек: впереди и сзади у него скот. Ну, введите его в дом, трое суток окуривайте, пусть привыкает к запаху этой страны.

Когда он вошел в дом, одна старушка, сидя у костра, опаливала человечью голову, бросая ее в огонь и вынимая оттуда. Там лежало множество человеческих костей. Старуха говорит:

— Человек, попавший в эту страну, на родину не возвращается, я тоже жила на Средней земле. Если ты человек, то трое суток не вдыхай носом воздуха этой страны, если вдохнешь — не уйдешь отсюда.

Трое суток палили в огне человеческие кости те людоеды. Наш человек сидел, не вдыхая

воздуха этой страны, ждал, когда уснет главный людоед, следил за ним, но разве уснет он! Тридцать суток тот не смыкал глаз. Когда прошел месяц, закрыл один глаз, через трое суток закрыл второй. Вот и оба глаза закрыл.

Над тем местом, где сидел Чолбон-Чокулдай, висел огромный, как чум, колокол, у колокола был язык. Наш человек, превратившись в паука, протянул паутину к языку колокола. Паутина, дойдя до языка, сразу прилипла. Чолбон-Чокулдай пошел по ней. Подойдя, увидел: сквозь небо, с игольное ушко, едва виднеется отверстие Верхней земли.

Наш человек стал подниматься по языку колокола, а поднявшись, сразу полетел вверх, превращаясь то в овода, то в птичку. И вот стал он приближаться к отверстию. Когда до него осталось расстояние, равное длине большой лиственницы, превратился он в человека и прыгнул. Когда прыгнул, внизу прозвенел колокол и послышался крик людоеда:

— Ох! Убежал-таки Чолбон-Чокулдай!

И тут же послышался шум погони. Чолбон-Чокулдай едва убежал. В том месте, где он вышел, высунулся по грудь людоед. Чуть не схватил его, но не посмел идти дальше, вернулся, говоря:

— И впредь приезжайте, имея скот спереди и сзади, тогда только вернетесь обратно.

С тех пор, говорят, шаманы стали брать за камлание скот.

Вернулся Чолбон-Чокулдай и видит — Сингколтукон-Эден смотрит, как бьются кони. Чолбон-Чокулдай сказал тогда:

— Собака ты, пока еще раз не обманул меня, я с тобой посчитаюсь! Пойдем к скале, где сходится земля с небом, там рассудят, кто из нас прав, а кто виноват.

Тот согласился, пошел за Чолбон-Чокулдаем. Наконец пришли к тому месту. Чолбон-Чокулдай первым сел на коня и прыгнул в промежутки, когда отодвинулось небо. Лишь кончик конского хвоста срезало. Когда прыгнул на коне Сингколтукон — его рассекло надвое. Так и погиб он.

Чолбон-Чокулдай отправился искать своего брата. По следам битвы пошел. Наконец увидел коней, вцепившихся друг в друга зубами. Еще поискал, видит — его брат и брат Сингколтукона, впившись ногтями в лица друг друга, обессилив, лежат уже при смерти.

Чолбон-Чокулай поплевал на ладони, и как только погладил брата, тот сразу стал таким, как прежде.

— Ну а как ты? Можешь еще биться или нет?

И Тывгунай потянул за руку Бегалтукона-богатыря, помог ему сесть.

Тот сказал:

— Сейчас не могу, тебе брат помог, мне тоже помогите. Убив меня, обессиленного, не обретете славы.

Его тоже лечат, и он стал таким, каким был раньше. Теперь души друг друга поищем, приведем, — пусть договариваются.

Бегалтукон и говорит:

— Когда спустишься на Среднюю землю, на устье пяти глубоководных рек есть большой плес, спустись в самую середину его, в самую глубину, там плавают множество гальянов. Там есть самый маленький серебряный гальян, догони, поймай его и принеси.

Подумав пятеро суток, прицеливаясь десятеро суток, пустил стрелу, сказав:

— Вернись с вестью на тетиве, с гостинцем на кончике острия.

Когда выстрелил, внизу раздался плеск воды, зашумевшей, как сильный гром. Тывгунай потерял сознание. Та стрела быстро вернулась, неся душу Тывгунай. Тывгунай-молодец попытался ее отнять, но стрела разве уступит ему, отдала своему хозяину.

Потом запел Тывгунай:

— Когда поднимешься по течению трех глубоководных рек, пройдеши истоки и придвинутся к ним горы, на самой середине вершины найдешь огромную лиственницу с девяноста девятью

отверстиями. Ее расщепи, как труху, из тех девяноста девяти отверстий вылетят девяносто девять ласточек, из них выше всех полетит маленькая ласточка, поймай и приведи ее.

Десять суток целился прочным луком, сделанным из сердцевины дерева, пять суток думал и, сказав: «С вестью на тетиве, с гостинцем на кончике остря вернись», пустил стрелу. Та сорвалась с шумом, словно сверкнула яркая молния. Спустя некоторое время стрела прогремела подобно сильному грому, попала в лиственницу с девяноста девятью отверстиями и пронзила ее, расщепив, как трухлявое дерево. Бегалтукон тоже несколько раз терял сознание.

Вдруг видят, как далеко-далеко, под самой нижней кромкой неба, летит ласточка, за ней прямо летит стрела. Уже приближаются к отверстию Верхней земли, вот-вот улетит ласточка. Тывгунай-молодец вспомнил о наперстке, бросил его в сторону отверстия, и отверстие плотно закрылось. Ласточка влетела в наперсток, стрела поймала ее и принесла.

Бегалтукон попытался отобрать свою душу, но стрела хозяину своему отдала.

— Ну, теперь никто из нас не победит, помиримся, не будем биться, поменяемся своими душами, вы езжайте домой, — говорит Бегалтукон.

Парни взяли с собой мать с отцом, вернулись на Среднюю землю, славно зажили, говорят. Тывгунай-молодец женился на девушке, отдавшей ему свой наперсток, а Чолбон-Чокулдай взял в жены дочь хозяина богатого стойбища, и они очень хорошо жили.

ТОРГАНАЙ

Давным-давно, когда мать-земля с маленький коврик была, а небо — с глазок бурундука, чуть поблескивало, два паренька жили. Старшего звали Торганай, младший был Чаныкой. Так жили да жили, день с минуту, год с ночь казался. Так постепенно один из ребят подрастал. Игрушки себе делал, лучки делал. Лучком чип-чип делал — стрелу спускал, вскрикивая «кук-кук», не давал кукше пролететь мимо. Всех птиц убивал.

Младший же паренек совсем не оберегался, совсем не чистился. Всюду прилипал своей грязью — и к бревну и к жерди чума. Торганай стал промышлять. Промышлял да зверей убивал. Убьет зверя, привяжет на вязку кафтана и домой притащит. Однажды, придя домой, посмотрел на брата, а тот чистым-чист. Торганай Чаныкою спросил:

— Как это ты гладким да белым стал?

Чаныкой сказал:

— О, я корой березовой да снегом выглажен, вычищен и побелен.

Торганай продолжал промышлять. Промышлял, зверей убивал да домой таскал. Чаныкой с чего-то уж очень гладок да бел! Торганай спросил:

— Что ты делаешь, что так побелел, вымылся да гладким стал, щепки и грязь с волос, с одежды снял? Расскажи хорошенько. Если не расскажешь, побью я тебя.

Чаныкой сказал:

— Братец, не бей, расскажу. Со стороны восхода солнца две лебедь-девицы придя меня причесали, меня намыли, поэтому я чистым стал.

Торганай сказал:

— Ну, ты одну из двух поймай!

Чаныкой сказал:

— Поймаю!

Торганай спрятался за чум. Когда спрятался и полдень настал, две лебедь-девицы прилетели. Там, на месте, где Чаныкой дрова рубил, спустились, вошли в чум. Войдя, причесали и намыли Чаныкою. Когда мыли, Чаныкой, старшую поймав, закричал:

— Торганай! Скорее иди!

Торганай бегом прибежал, повесил на вершинку жерди оперение лебедь-девицы. Так Торганай получил жену. Женившись, Торганай три дня прожил с женой. Потом промышлять отправился. Пришел Торганай домой, а дома никого нет — ни брата, ни жены. Посмотрел на жердь-дерево — дерево упало, опрокинутый котел брата нашел заржавленным.

Ну и остался Торганай один. Оставшись, Торганай призадумался: «Что же я, одинокий, должен делать?» Пошел тогда Торганай на запад. В пути встретил трехголового орла, запел:

Генге! Генге! Генге-коен! Орлище, здоров будь! Я с горя-несчастья Бродить пошел. Трехголовый орел, Что же ты знаешь? Расскажи мне.

Трехголовый орел запел:

Дынгды! Дынгды! Дынгды-коен! Таежному человеку здорово! Две лебедь-девицы На восток улетели, Уже три дня прошло.

Торганай говорит:

— Ну, ты помог бы мне!

Трехголовый орел говорит:

— Я тебе расскажу. Вот ты иди на запад. В пути три реки будут. Если ты хитер, реки перейдешь. Потом за третьей рекой десять диких оленей встретишь. Из них десятый зверь половину рога сломал, он с серебряным седлом и с трехсаженной серебряной уздой. Если

поймаешь его, станешь очень счастливым.

Торганай пошел на запад, дошел до реки. Посмотрел, а река широченная. Не на чем Торганая переехать. Торганай вниз и вверх посмотрел, во все стороны тонким голосом прокричал. Побежал, взял кору березы, к подошвам прилепил и перебрел через реку. Так он перешел через все три реки. За третьей рекой увидал он следы зверей. Потихоньку подкрался Торганай к зверям. Звери его почуяли. Заметив его, звери побежали. Торганай погнался за ними. Гнался, гнался, зверя нагнал. Схватившись за рога, Торганай перевернулся. И показалась ему тогда равнина вместо гор и холмы вместо ям. Перевернулся. Три дня стоял вверх ногами, пять дней приходил в себя. Встав, сказал:

— С серебряной уздой зверь! Устали мои жилы, устали от бега мои легкие. Ты, однако, спасешь меня?

Так у Торганая появился верховой зверь. На звере этом гонялся за другими зверьми. Догнав зверей, убил теленка для еды в дороге. Поехал опять Торганай на запад. Доехал до серебряной горы. Доехав до горы, он своему верховому оленю сказал: «Стань ты колодиной!» Пнул его, и зверь превратился в колоду. Сам же он маленьким ребенком сделался и заплакал у подножия горы.

Когда он плакал, орел спустился на вершину горы, услышав плач, обрадовался. «Кто-то мне сына послал?!» — сказал и, подлетев, взял его в сыновья. Принес его домой. Дома оставил его, сам улетел на промысел. Оставшись один, Торганай из костей зверей сделал себе игрушки, бубен сделал. Устав от охоты, орел прилетел домой и лег отдыхать. Когда он спал, Торганай тихонько привязал себя к его ноге. Привязав, ударил в бубен. Орел взлетел вверх. Долетел он до вершины горы, а Торганай упал. Упав, Торганай спустился. Спускаясь, услышал плач. Пошел он на плач. Подойдя, посмотрел а в высохшем озерке у Чиркумая новорожденный ребенок плачет. Чиркумай поет:

Чивер! Чивер! Чивер-коен!Баю-баюшки-баю.Ты не плачь, не плачь!

Торганай подошел к Чиркумаю, спросил:

— Это чей ребенок?

Чиркумай сказал:

— Это оставленного сына лебедь-девицы я нянчу.

Торганай опять спросил:

— А сами-то лебедь-девицы куда улетели?

Чиркумай сказал:

— Лебедь-девицы к себе ушли-улетели, в полдень вернутся.

Торганай подумал, сказал:

— Это мой сын. Ну-ка, заставь его плакать, чтобы лебедь-девицы скорее пришли.

Чиркумай заставил ребенка сильно заплакать. Торганай же сам в чаще запрятался. Заметив, как подходили лебедь-девицы, Торганай, подойдя к боковой стороне дома, спрятался. Спрятавшись, услышал пение лебедь-девицы.

У старшей было имя Гелтангачан-Кувульгат, старшая говорит:

— Скорее спустимся! Сын заплакал. Чиркумай, наверно, забыл покормить его.

Младшая девица, напевая, сказала:

Генге! Генге! Генге-коен!Не будем спускаться,Торганай подошел,Где-то здесь находится!

Старшая лебедь-девица, Гелтангачан-Кувульгат, спустилась на сухое озерко. Бегом пришла к сыну. Взяв сына от Чиркумая, стала его кормить. Только начала кормить, Торганай, подбежав, оперение лебедь-девицы изрубил шестипудовым топором. Другая девица, Гелтангачан-Кувульгат сестра, запела:

Ну, теперь прощай!Если ты не слушала меня и спустилась,Оставайся с зятем!

Пропела и полетела на запад.

Ну, теперь Торганай, найдя свою жену, стал с ней жить. Сын-то их с каждой ночью подрастал. Отец делал ему игрушки, сделал и лучок. Ребенок, сделав лучком чип-чип, не давал пролететь над собой ни одной птичке. Так и промышленником стал. Промышлял, встречал разных птиц и зверей. Те спрашивали: «Как имя-то твое?»

Паренек же без имени. Нечего ответить, если имени нет. Пришел паренек домой, спросил у матери:

— Вот я промышляю, птиц встречаю, они меня о моем имени спрашивают, смеются, что у меня имени нет. Как же я так буду без имени? Дайте мне имя! — так сказав, стал он просить отца и мать.

Мать мужу сказала:

— Ну, муженек, давай дадим сыну имя! Дам-ка я ему имя: Хуругучон пусть будет его имя.

— Ну, хорошо! — сказал Торганай.

Паренек, получив имя, обрадовался, взял лук, пошел промышлять. Промышлял, опять встретил птиц. Птицы его спросили:

— Как тебя звать?

— Мое имя — Хуругучон.

Хуругучон на охоте бил зверей. Убьет десяток, десятого домой принесет. Однажды, промышляя, увидел бурундука. «Бурундучок — что это за зверь? С чего такой красивый? Ну-ка, я его живым поймаю», — сказал Хуругучон, погнался и поймал его. Поймав, обрадовался, побежал домой, расталкивая ельник, стряхивая почки ольхи. Через марник пролетел, домой пришел, у отца спросил:

— Какой это зверь — съедобный или нет?

Отец сказал:

— Это работник бога. Его нельзя есть!

Пошел опять промышлять Хуругучон. Когда он шел, промышлял, вдруг поднялся сильный вихрь. И вихрь неожиданно заговорил:

— Ну, ты, сильный парень, чего ты ждешь? Где твоя мать? Расскажи! Если не расскажешь, я отниму от тебя добычу.

Хуругучон посмотрел — нет никого. Подумал: «Что же это говорило?» Подумав, опять кругом посмотрел — ничего нигде нет. Ничего не понимая, пошел он вперед — домой. Идучи, видит следы зверей, а звери-то еще перед ним были прогнаны. Так, ничего не убив, Хуругучон вернулся домой. Придя домой, спросил у матери:

— Когда я шел на промысел, сильный вихрь поднялся, потом кто-то заговорил: «Это ты чего, сильный парень, ждешь? Где твоя мать?» — спросил.

Мать сказала:

— А! Это дочь Солнца, сильная девица Секакчан-Кувульгат, вероятно.

Хуругучон спросил у матери:

— Где же эта дочь Солнца Секакчан-Кувульгат? Расскажи мне, я пойду к ней. Она мне сильно досадила и промыслу помешала: моих зверей передо мной разогнала.

Мать Хуругучона сказала:

— Ну, хорошо, я тебе расскажу. Иди ты на юг, там, когда пойдешь, будет серебряный дом со столбом, доходящим до неба. В этом доме живет дочь Солнца по имени Секакчан. Одноногий, однурукий Аvasи-богатырь там будет. Еда его — пол-ягоды, а ложка — пол-ложки. Если победишь его, возьмешь девицу в жены.

Хуругучон в доме матери с двух сторон от входа поставил десятипудовые железные балки.

— Вот если эти балки заржавеют, ты считай меня мертвым, — сказал он.

Распрощался он с отцом-матерью и отправился. Шел, шел Хуругучон, и день и ночь шел. Идя, сам про себя думал: «Если я с Нижней земли пришел, на пятке у меня земля бы прилипла». Сказал так, посмотрел на свои пятки. Нет там земли. Потом сказал: «Если я со Средней земли пришел, кожаный кафтан мой сносился бы». Сказал так, посмотрел — кафтан его кожаный стерся. Так пройдя, подошел к серебряному дому. Пришел, попробовал открыть дверь, никак не открывается.

Хуругучон превратился в птичку, сел на дерево, стал рассматривать. Аваси-богатырь дрова несет, дрова в дом вносит. Аваси открыл дверь. Только он собрался открыть дверь, Хуругучон превратился в муху и в дом влетел. Войдя, в середине дома остался...

ЗАЯЦ

В давно-давние времена заяц всех боялся: летающих по небу птиц, ходящих по земле зверей, даже перед серыми мышами дрожал в страхе. Заплакал с горя заяц:

— Нет на свете зверя пугливее меня. Пойду утоплюсь в быстрой реке или сгорю в белом огне...

Побежал заяц умирать. Выскочил из кустов, слышит, кто-то испугался его и бросился в сторону. Зашумели сухие листья.

Видит заяц: бегут от него перепутанные овцы. Обрадовался:

— Ага, есть звери пугливее меня!

И от радости так расхохотался, что верхняя губа у него лопнула. Вот и стал заяц с раздвоенной губой.

КОМАР И СТРЕКОЗА

После зимних холодов комар оживает раньше стрекозы. Растаял снег, пригрело солнце, и ожил комар. Живет комар, радуется, никто ему не мешает. Подросла трава, солнце стало греть жарче, ожила стрекоза. Увидела она, что комар лучшие места занял, на высокой траве сидит, поет, радуется. Ей тоже захотелось сидеть на высокой траве. Стали они спорить, кто хозяин высокой травы. Комар пищит:

— Я хозяин, я вперед тебя родился.

— Нет, я хозяйка, — затрещала стрекоза. — Я крупное насекомое, а ты малыш...

Комар обиделся. Пошли они к судье-оводу за правдой. Овод слушал, слушал и рассудил:

— Не кричите, разделите день пополам: стрекоза будет хозяйничать, когда солнце высоко — в полдень, а комар, когда солнце низко — вечером.

МЫШЬ И ВЕРБЛЮД

Поспорили мышь и верблюд.

— Я вперед увижу солнце, — сказал верблюд.

— Нет, я вперед увижу солнце, — ответила мышь.

— Ты не больше моей ресницы, а я — гора, зачем берешься спорить?

Всю ночь верблюд смотрел в степь, на восток, чтобы солнце вперед мыши увидеть.

Мышь сидела на спине верблюда и смотрела на запад. Хитрая мышь знала: когда настанет рассвет, солнце вперед осветит высокие западные горы.

Начался рассвет, засияли западные горы, а верблюд все смотрит на восток, ждет солнце.

Мышь ему кричит:

— Я вперед увидела солнце, оглянись!

Оглянулся верблюд, видит: правда, горы на западе сияют. Маленькая мышь оказалась умнее большого верблюда. Поэтому первый месяц в году у бурят и называется месяцем мыши. Верблюд обиделся и навсегда ушел в далекие степи.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ И КУРИЦА

Курица к летучей мыши пришла. Она захотела с ней навсегда подружиться. Взлетела курица на поленницу и закудаhtала:

— Где ты, летучая мышь, я пришла с тобой подружиться!

Летучая мышь ответила из темной щели:

— Я днем не могу выйти, от жары мои крылья высохнут, я к тебе вечером приду.

Опечалилась курица и ушла домой. Ночью курица услышала шелканье крыльев, это летучая мышь прилетела.

— Курочка, я к тебе в гости пришла.

Курица ответила жалобно:

— Я ночью ничего не вижу, тебя угостить не могу. Летучая мышь улетела в лес. С тех пор не могут курица и летучая мышь подружиться.

Курице мешает ночь, а летучей мыши — день.

ЖУРАВЛЬ

Собрал журавль птиц со всего мира. Захотел стать их царем. Собрались все птицы, кроме самой маленькой, звали ее Буксэргинэ. Красивая птичка, певунья, как соловей.

Долго ожидали ее птицы. Журавль свою длинную шею вытягивал, смотрел: скоро ли прилетит красивая птичка, величиной с палец. Не вытерпел журавль и пошел искать Буксэргинэ. Встретил ее, сердито спросил:

— Почему так долго не летишь? Все птицы тебя ждут.

— Я из далекого края летела, устала. Вот, видишь, сажу, отдыхаю, кормлюсь.

Журавль совсем рассердился:

— Из-за тебя я до сих пор царем не стал!.. — И начал топтать Буксэргинэ. Правое крыло ей сломал.

Заплакала Буксэргинэ, слетелись птицы, спрашивают:

— Что с тобой случилось?

— Вот журавль на меня рассердился, крыло мне сломал, лететь не могу.

Тогда птицы зашумели:

— О! Такой злой царь нам не нужен. Он нам всем крылья переломает.

Птицы стали судить журавля и решили его наказать. Они сказали:

— Когда журавль будет лететь в теплые края и обратно, он должен нести на своей спине и Буксэргинэ.

И теперь можно видеть: летит журавль, а маленькая птичка всегда сидит у него на спине.

СНЕГ И ЗАЯЦ

Снег говорит зайцу:

— Что-то мне нехорошо.

— Наверное, ты таешь, оттого тебе и плохо, — ответил заяц. Сел на пенек и горько заплакал: — Жалко, жалко мне тебя, снег. Я все по снегу бегал, круглые дырки делал. От лисицы, от волка, от охотника в снег зарывался, прятался. Как без тебя жить буду? Любая ворона, любая сова меня увидит, заклюет. Пойду я к хозяину леса, попрошу его, пусть он тебя, снег, сохранит для меня.

Стал заяц плакать, хозяина леса просить. А солнце уже высоко ходит, жарко припекает, снег тает, ручьями бежит с гор. Затосковал заяц, еще громче заплакал. Услышал зайца хозяин леса. Просьбу его выслушал и сказал:

— С солнцем спорить не берусь, снег сохранить не могу. Шубу твою белую сменю на серенькую, будешь ты летом легко прятаться среди сухих листьев, кустарника и травы, никто тебя не заметит.

Обрадовался заяц. С тех пор всегда меняет зимнюю шубу на летнюю.

АЙОГА

В роду Самар жил один нанаец — Ла. Была у него дочка Айога. Красивая девочка. Все ее любили. И все говорили, что красивее девочки Ла никого нет ни на этом, ни на каком другом стойбище. Айога загордилась. Стала разглядывать себя. И понравилась сама себе. Смотрит — не может оторваться. Глядит — не наглядится. То в медный таз начищенный смотрится, то на свое отражение в воде.

Совсем ленивая стала Айога. Все любит себя.

Вот однажды говорит ей мать:

— Принеси воды, дочка!

Айога отвечает:

— Я в воду упаду.

— А ты за куст держись, — говорит ей мать.

— Куст оборвется, — отвечает Айога.

— А ты за крепкий куст возмись.

— Руки поцарапаю.

Говорит Айоге мать:

— Рукавицы надень.

— Изорвутся, — говорит Айога. А сама все в медный таз смотрится — какая она красивая!

— Так зашей рукавицы иголкой.

— Иголка сломается.

— Возьми толстую иголку, — говорит отец, которому надоело слушать, как дочь его с матерью спорит.

— Палец уколую, — отвечает дочка.

— Наперсток возьми из крепкой ровдуги.

— Наперсток прорвется.

Тут соседская девочка говорит матери Айоги:

— Давай я за водой схожу, мать!

Пошла и принесла воды, сколько надо. Замесила мать тесто. Сделала лепешки. На раскаленном очаге испекла.

Увидела Айога лепешки, кричит:

— Дай мне лепешку, мать!

— Горячая она, руки обожжешь, — отвечает мать.

— Рукавицы надену.

— Рукавицы мокрые...

— Я их на солнце высушу...

— Покоробятся.

— Я их мялкой разомну.

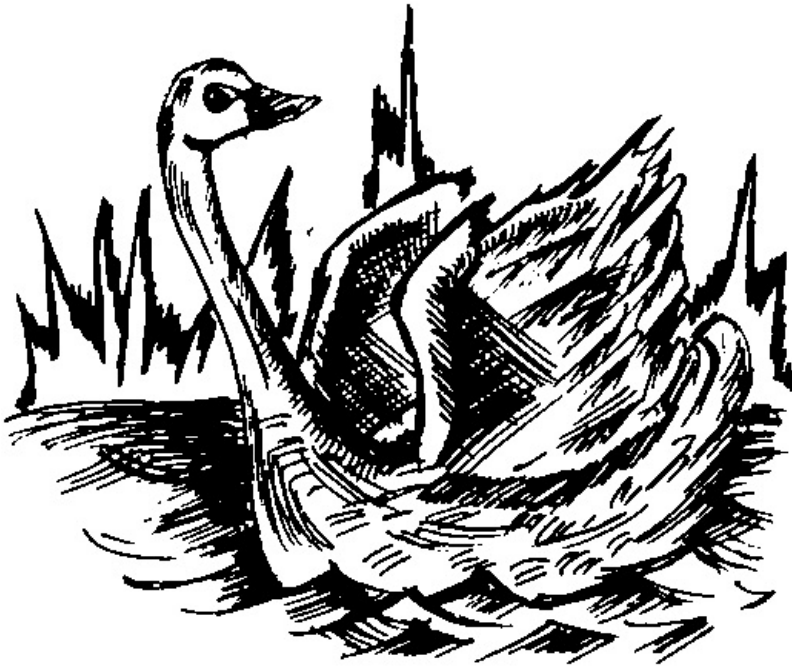
— Руки заболят, — отвечает мать. — Зачем тебе, дочка, трудиться, красоту твою портить? Лучше я лепешку той девочке отдам, которая рук своих не жалеет.

Взяла мать лепешку и отдала соседской девочке. Рассердилась Айога. Пошла за дверь. На реку. Смотрит на свое отражение в воде. А соседская девочка лепешку жует. Потекли слюнки у Айоги. Стала она на девочку оглядываться. Шея у нее вытянулась — длинная стала. Говорит девочка Айоге:

— Возьми лепешку, мне не жалко.

Разозлилась Айога на девочку. Зашипела. Замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости. Так замахала, что руки в крылья превратились.

— Не надо мне ничего-го-го!.. — кричит.

Не удержалась на берегу. Бултыхнулась в воду и обратилась в гуся. Плавает и кричит:

— Ах, какая я красивая! Го-го-го... Ах, какая я красивая... Плавала, плакала, пока по-нанайски говорить не разучилась. Все слова забыла. Только имя свое не забыла, чтобы с кем-нибудь ее, красавицу, не спутали. Кричит, чуть людей завидит:

— Айо-га-га-га-га!.. Айо-га-га-га!

КТО СИЛЬНЕЕ ВСЕХ?

Один мальчик жил. Так жил. Однажды на улицу вышел, скользя по льду, к берегу спустился, играть начал. Так играя, мальчик упал на затылок. Упав, говорит:

— Лед, что за сила у тебя, что ты меня на затылок повалил?

Лед говорит:

— Стало быть, я сильный, если тебя на затылок повалил. Мальчик говорит:

— Хотя ты очень силен, но как только солнце хорошо станет светить — ты весь растаешь!

Лед говорит:

— Солнце, пожалуй, сильнее.

Мальчик спрашивает солнце:

— В чем твоя сила?

Солнце говорит:

— Стало быть, сильное, если лед растопить могу! Мальчик говорит:

— Если ты сильное, то почему тебя может закрыть даже кусочек тучи?

Солнце говорит:

— Значит, туча сильнее.

Мальчик говорит:

— Туча, что у тебя за сила?

Туча говорит:

— Стало быть, есть сила, если солнце закрываю! Мальчик говорит:

— Если ты сильна, то почему же, когда ветер подует, ты в разные стороны расходишься?

Туча говорит:

— Значит, ветер сильнее.

Мальчик говорит:

— Ветер, что у тебя за сила?

Ветер говорит:

— Стало быть, я сильнее, если тучи разгоняю в разные стороны!

Мальчик говорит:

— Если ты силен, почему же не можешь сдвинуть горы? Ветер говорит:

— Горы, пожалуй, сильнее меня.

Мальчик говорит:

— Если вы, горы, сильнее, почему же вы позволяете деревьям расти на ваших вершинах?

Гора говорит:

— Дерево сильнее.

Мальчик говорит:

— Дерево, если ты сильное, почему же, когда человек рубит, ты падаешь?

Дерево говорит:

— Человек сильнее.

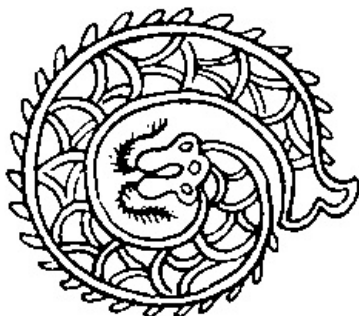
Мальчик говорит:

— Человек, что у тебя за сила?

Человек говорит:

— Стало быть, я сильнее, если дерево, растущее на вершине горы, сваливаю.

Затем человек, оказавшийся сильнее всех, кончил сказ.

ТИГР И ЧЕЛОВЕК

Давно Кутэ (тигр) жил в тайге. Думал тигр: «Сильнее меня нет никого на свете. Я самый сильный». Так ходил, ходил, всех зверей пугал, кругом все боялись. Один раз, поймав добычу, тигр наелся и отдыхал под деревом. Слышит, кто-то позвал его. На ветке сидела птица Куа.

Говорит ему:

— Ты и в самом деле думаешь, что самый сильный? Сильнее тебя есть!

Тигр сразу вскочил на ноги, вверх поглядел.

— Кто сильнее меня? Говори!

Птица говорит:

— Человек сильнее тебя, вот кто!

Так сказала и улетела.

Тот тигр, никогда не выдавши человека, захотел увидеть его. Искать пошел. Ходил, ходил — навстречу сохатый попался.

— Ты человек, что ли? — спрашивает тигр.

— Нет, — говорит сохатый, — человек совсем другой, ты его зачем ищешь?

Тигр говорит:

— Хочу посмотреть немножко...

Тот сохатый ему говорит:

— Зря ты хочешь его посмотреть. Человек сильнее тебя, он может убить...

Тот тигр смеяться стал. Пошел дальше. Навстречу изюбрь попался.

— Ты человек, что ли? — спрашивает опять.

— Нет, я изюбрь. Зачем ты ищешь человека? Он сильнее тебя...

Тигр не поверил, дальше пошел. Ходил, ходил. Смотрит — кто-то на двух ногах стоит, дерево рубит. Тот тигр, притаившись, разглядывать стал. Потом ближе подкрался.

Человек заметил тигра. Спрашивает:

— Что тебе нужно?

Тигр говорит:

— Хочу посмотреть человека.

— Вот как плохо ты задумал! — говорит человек. — Ты разве не знаешь, что он сильнее тебя? Смотреть на него опасно.

Тот тигр не поверил опять. Тогда человек говорит:

— Ладно. Я тебе помогу. Только надо привязать тебя к дереву, сейчас человека увидишь.

Так и сделал, привязал того тигра к дереву, сам пошел, взял ружье, выстрелил тигру прямо в глаз. Тот тигр реветь стал, просить стал:

— Отпусти меня, теперь вижу — ты, человек, сильнее меня.

Человек отпустил его, говоря:

— Теперь беги в тайгу, беги подальше и человеку не попадайся.

С тех пор все звери человека боятся.

БРАТ И СЕСТРА

Давным-давно брат и сестра жили. Сестра была старше. Брат мальчик совсем. Хорошо охотился. Ходил, ходил. Вот однажды сестра говорит:

— Ну, ты все охотишься, а мяса нет...

Он говорит:

— Как же нет мяса? Все время добычу приношу. Зачем врешь?

Сестра голову вниз опустила. Думает. Потом опять упрекает его:

— Есть сушеное мясо. Надоело оно. Давай свежего!

Вот утром брат встал, собрался на охоту. Но не пошел, а спрятался в дровах. Хочет посмотреть, что сестра будет делать. Не верил, что мяса нет. Она стала шалаш прибирать. Взяла ведро, за водой ходила. Потом пошла в амбар, оттуда мясо свежее несет. Видит брат, костер горит, на огне мясо жарится. Сестра нарядилась, выбежала на улицу, стала кричать:

— Иди скорее сюда! Мой брат ушел на охоту. Иди гулять со мной!

Пришел великан какой-то. Она его угощает. Обнимает его. А к вечеру, когда брату подходит время вернуться с охоты, великана нет: ушел. Сестра опять за свое:

— Одна юкола у нас. ничего нету, что варить буду?..

На следующее утро брат пошел на охоту. Сохатого убил. Домой не принес, там оставил. Пришел и говорит сестре:

— Я убил сохатого. Ты встань рано утром, возьми нарты, привезешь мясо.

Она так и сделала. А брат в это время нарядился, как сестра, косы распустил, щеки нарумянил, еду приготовил и кричит:

— Иди скорее сюда! Мой брат ушел на охоту. Иди гулять со мной!

Слышит, кто-то отвечает ему:

— Почему голос другой?

Брат говорит:

— Я болею. Иди сюда.

А сам взял самострел. Только великан в двери дома показался, стрела полетела ему в грудь. Он не упал. Повернулся назад. Ходил, ходил раненный. Кровь по следу текла. Так и ушел.

Брат съел все, что было. Опять свой халат надел, косу заплел и спать лег. Когда ложился, дунул на огонь, чтобы пепел на нем был, как будто давно спит. Приходит сестра, видит кровь около дома. Пошла по следу и узнала следы великана.

Вот приходит она домой, будит брата. Говорит ему:

— Ты зачем убил моего мужа?

— Я не знаю, — говорит он, — я сплю все время.

— Нет, ты убил моего мужа, своего зятя. Живи теперь один, я уйду.

Сестра ушла по следу великана. Тогда брат достал все необходимое из амбара. Думает: «Что буду делать?» Жил один. Плохо стало ему, скучно, не понравилось. Пошел искать сестру. Нашел следы. Шел, шел. Видит след великана, а рядом след сестры. Потом и она большими шагами пошла. «Как же так? — думает. — Почему сестра Кямани так широко, как медведь, шагает?» Когда вошел в лес, увидел двух медвежат. Играют. Он к ним подкрался и поймал.

— Вы чьи, — спрашивает, — как мать зовут?

— Кямани.

— А отца как звать?

— Бяту.

— Значит, вы мои племянники. Знаете что? Вы возьмите одну мою рукавицу и скажите матери, что вы нашли дядину рукавицу.

Они так и сделали. Мать не поверила, говорит:

— Ах, черти! Наверно, это отцова рукавица! Зачем врете?

Медвежата опять в лесок спустились.

— Ну, что? — спрашивает дядя.

— Она сказала, что нет у нас дяди.

— А что она делает?

— Шьет.

— Идите к ней. Если она не поверит еще, возьмите у нее нитки и принесите мне. А вот вам моя шапочка. Спросите у нее: «Ты шила эту шапочку или нет?»

Вот они побежали.

— Дядину шапочку нашли, — говорят ей.

— Врете, — она говорит, — это отцова шапка.

Тогда они схватили у нее нитки и побежали в лес. Она за ними с кочергой. Бежала, бежала. Видит, брат сидит на пне. Очень удивилась.

— Я думала, ты умер с голоду, — сказала и взяла его руку. — Идем к нам.

Там она покормила его, а вечером говорит ему:

— Сейчас придет муж. Он, наверно, убьет тебя за то, что ты его ранил. Спрячься.

Брат спрятался около двери, шкурами накрылся. Стоит. Пришел муж-великан. Совсем не похож на человека, а говорит, как человек:

— Слышу запах твоего брата.

Сестра испугалась:

— Не знаю. Давно его не видела.

— Зачем врать? — он говорит. — Давай его сюда!

Сам пошел, шарит везде, ищет. Увидел брата. Но не стал его убивать.

— Э-э! Вот он. Когда ты пришел? Вот и хорошо. Не надо бояться меня. Живи с нами.

Так стали жить все вместе. Один раз хозяин говорит:

— Я сегодня нашел берлогу медведя. Жена! Ты нашей мне на грудь белое полотно, пойду на охоту.

— Возьми меня с собой, — попросился брат.

— Ладно, — говорит великан. — Только ты запомни. Я полезу в берлогу, буду драться. Если увидишь белое пятно внизу, значит, медведь меня давит, если белое пятно будет сверху, значит, я давлю медведя.

Когда пришли к берлоге, хозяин превратился в медведя. Брат проделал сверху берлоги дыру и следит. Видит, борьба пошла. Белое пятно внизу. Брат с копьем стоит.

Как же выручить зятя? Белое пятно опять внизу. Тогда он взял и метнул копьё. В это время зять наверху оказался. Копьё попало ему прямо в грудь. «Эх, убил зря», — думает. Ударил копьём и другого медведя. Пошел домой. Чуть не плачет. Надо просить прощенья у сестры.

Говорит ей:

— Сестра! Я нечаянно убил твоего мужа. И медведя убил.

— Что же делать? — она говорит. — Сними шкуры, все мясо разделай, ешь, если хочешь, я не буду.

Он так и сделал. Потом она говорит:

— Вот что. Оставайся тут. Живи с племянниками. А я уйду. Пойду искать себе мужа.

И ушла. Он остался с медвежатами. Опять решил ее проследить. Пошел за ней. Видит, след сестры опять превратился в медвежий. Ему стало страшно, и он вернулся назад. Стал жить с племянниками. Сделал им берлогу и говорит:

— Если вас охотники найдут здесь, не бойтесь. Бросайтесь на них, сразу копыа ломайте. Хуже всего — беу (разбойники). Они всегда всемером ходят. Если увидите сразу семерых, это беу. Тогда берегитесь.

Брат остался жить в шалаше. Жил, жил. Зимой дело было. Один раз ушел далеко на охоту. В то время на медвежат напали разбойники. У них было семь копий. Племянники узнали, что это беу. Сломали копыа. Беу испугались и убежали. Потом опять пришли и убили медвежат.

Прошло время. Дядя идет племянников своих повидать. Подходит к берлоге и видит: нет медвежат. Что такое? «Однако беу сюда приходили». Стал искать их по следу. Смотрит, сидят люди в шалаше. Едят медвежатину.

— Зачем вы моих племянников убили? — говорит им.

Они захохотали.

— Как так? Человек разве может быть дядей зверенышей?

— Человеки разные бывают, — он говорит. — Эти медвежата родились от моей сестры и медведя-великана. Вы сделали большой грех. Теперь давайте мне выкуп за них. Выкуп такой: давайте мне двух женщин, семь котлов и семь халатов.

Беу стали думать, как быть. Потом согласились. Дали ему все, что просил.

Парень пошел в свой шалаш. Стал жить. Две жены у него было. Прошло сколько-то лет. Родились дети: сын и дочь. Когда сын первый раз пошел на охоту, отец наказ давал:

— Если убьешь медведя, не давай сестре своей есть мясо. Пусть никогда и не спит она на шкуре медвежьей.

Так еще раньше, раньше было. Старинные законы тогда соблюдали. Двух жен имели. Женщине спать на медвежьей шкуре не позволяли. Если брат, убив медведя, своей сестре мясо давал, плохо считалось, худо было, грех.

ЭШ-ТЭРЕК

В давние времена жил среди удмуртов великий батыр Эш-Тэрек. В молодые годы пахал он землю, валил лес — был простым крестьянином.

На войны он не ходил. А велась в ту пору бесконечная вражда с татарами и разными тушмонами, которых теперь уже никто не упомнит.

Жители сел хотели, чтобы Эш-Тэрек был торо, но он отказался.

— Молод я еще, — сказал он, — есть люди подостойней меня. И опыт у них есть, и заслуги перед народом, и мудрость, которой я пока не нажил.

Но годам к сорока его все-таки сделали торо.

Стал Эш-Тэрек подумывать о боевом снаряжении. Лук он изготовил себе из молодого клена, который вырвал из земли вместе с корнем. Стрел наготовил березовых, а вот конь для него так и не находился. Ни один не выдерживал батыра, подкашивались у него ноги, ломался хребет. Где было разыскать коня под стать такому великану?

Пришел Эш-Тэрек на берег Камы, сидит и печалится. Пешим худо воевать против быстроногих татарских всадников, а где добыть коня — не знает.

Вздохнул глубоко могучий воин, и заволновалась, будто от его вздоха, широкая Кама. Грохнулись волны о берег, а когда отступили, увидел Эш-Тэрек седовласого Вумурта. Он стоял по пояс в воде у скалистого берега и глядел на хмурого торо.

— О чем горюешь, Эш-Тэрек? — спросил владыка.

— Не твое это дело, зеленая борода. Проваливай!

— Я — Вумурт, владелец вод и старинный друг твоих отцов. Службу тебе хочу сослужить. В чем у тебя нужда, говори!

— Конь мне нужен боевой. Чтоб не гнулся подо мной и обгонял татарских скакунов. Где тебе найти такого коня, зеленая борода! Тебе только девок пугать да сети рвать. Сгинь!

— Зря поносишь меня, Эш-Тэрек! Будет конь тебе под стать. Вот мой совет: засядь сегодня ночью в камыши у реки и жди. Придет на водопой табун Керемета. Хорош там вожак — вороной жеребец. Когда станут кони воду пить, ты и поймай жожака. Но не забудь условие: первую красавицу татарку мне в дар принесешь...

— Согласен, коли конь стоит того.

— Помни же: тебе конь, мне — красавица.

В полночь подстерег Эш-Тэрек табун и поймал жеребца.

Лихой оказался конь, понес он Эш-Тэрека по полям и лугам, сбросить норовил, на дыбы вставал, землю копытами рыл, зубы скалил на седока. Потом смирился, видя, что достойного хозяина обрел. И стал верным другом знаменитого торо.

Много побед одержал Эш-Тэрек над врагами. Прогремела о нем молва вдоль рек Камы и Вотки, по горам и деревням.

Однажды захватил он в плен дивной красоты татарку, посадил ее перед собой на коня и едет в родной дом. «Будет у меня жена всем на зависть», — думает он, проезжая берегом Камы.

Собрался он реку переплывать, а она разбушевалась, водоворотами закрутилась, как во время половодья.

Видит: Вумурт из воды по пояс высунулся.

— Не забыл ли уговор, славный Эш-Тэрек? — спрашивает водяной хозяин. — Отдавай красавицу!

— Полно шутки шутить, старый бес, — отвечает торо. — Зачем тебе, старому, красавица жена? Хочешь, привезу тебе беззубую старуху. Вот парочка будет! Ха-ха-ха... — рассмеялся Эш-Тэрек.

Посерел Вумурт от злости и скрылся в пучине реки. Слез Эш-Тэрек со своего коня, ухватился рукой за его гриву, а другой рукой красавицу в седле поддерживает. Так и поплыл через бушующую Каму.

А на середине настиг его страшный водоворот, закрутил, захлестнул с головой... Не помог молодцу ни лихой конь, ни собственная силушка богатырская.

Не в кровавом бою, не в ратных делах нашел он свою погибель, а в водяной пучине вместе с прекрасной татаркой и верным конем.

А молва о нем не умирает.

ТОПОР-САМОРУБ

Жил в одном лесном краю бедный крестьянин. Радости в жизни он знал мало, а счастья и в глаза не видел. Единственной его отрадой были три сына: Петыр, Павел и Иван. Были они на удивление разные. Старший, Петыр, — высок ростом, статен и самолюбив. Средний сын отличался хитростью и ленью, а младший был так себе: невысок ростом, прост характером и безотказен в работе.

Когда пришло бедняку время умирать, позвал он своих сыновей и говорит:

— Прожил я свой век в нищете, ничего не нажил, кроме мозолей да скорби. Нечего мне вам завещать. Походите по свету, поищите сами свое счастье, может, и сыщете.

Вот и пошли три брата из родного дома хорошую жизнь искать. Идут по дороге куда глаза глядят. Смотрят: гора высокая, склоны крутые сплошь деревьями поросли. Притомились парни и решили отдохнуть в тени старого дуба.

Только легли на траву, слышат: рубит кто-то топором на горе, часто так, споро постукивает.

— Надо бы пойти взглянуть, может, и нам работа найдется, — говорит Иван.

— У меня ноги не казенные, — отвечает Петыр. — Да и дело это не по мне. Поищу что-нибудь под стать.

— Я бы пошел, братец, — говорит Павел, — да обессилел совсем. Дай вот отдохну сперва. — Прилег он поудобнее и захрапел.

— Под лежащий камень вода не течет, — не унимался Иван. — Охота мне разузнать, кто так весело работает.

Полез Иван на гору. Долго карабкался, колючими кустами руки ободрал, лапти о коряги разбил. Зато добрался до порубки. Смотрит — нет никого, топор-то один работает. Да так лихо это у него получается, что парень рот разинул.

— Эи, топор, ты чей же будешь? — изумился Иван.

— А я сам по себе. Кто работу любит, тому и служу.

— Что же мне и любить, если не работу! — обрадовался бедняк. — Пойдешь со мной?

— Отчего не пойти, ты, вижу, не лодырь.

Взял Иван топор, сунул его в мешок и вернулся к братьям. А те выпалились, сидят, глаза продирают.

— Ну что, вскарабкался на гору? — смеется хитрый Павел.

— Без головы-то ногам туго приходится, — говорит Петыр.

— Я на свою голову не жалуюсь, — ответил Иван и не стал рассказывать братьям о замечательном топоре. Все равно не поверят.

Пошли братья дальше и наткнулись на другую гору. Поужинали хлебом с луком да прилегли у подножия горы заночевать. А на горе будто камни кто-то долбит. Даже искры в небо вздымаются.

— Эх, здорово работает! — похвалил Иван. — Вот бы у кого поучиться.

— Иди, поучись, коли не умаялся, — говорит Петыр. — А я вздремну. Мне нужна работа по плечу.

— Сбегай, сбегай, Иван, ты у нас молодой, шустрый! — подзадоривал Павел.

— Пойду. А то мне не уснуть, пока не разузнаю.

Поднялся Иван на гору, измучился, еле ноги волочит.

Видит: стальное кайло камень высекает, здоровенные глыбы выворачивает. А кругом ни души. Само кайло трудится.

— Эй, кайло, ты чье, кто тебя так работать обучил? — крикнул парень.

— А хоть бы и твое, если трудностей не боишься.

— Трудностей неженки боятся, а я крестьянский сын, — отвечает Иван. — Пошли со мной хорошую жизнь искать.

Взял он стальное кайло и положил в мешок вместе с топором. А внизу под деревом братцы храпят, будто гром по ясну небу перекачивается. Прилег и Иван отдохнуть, а утром чуть свет уже на ногах.

— Пора вставать, лежебоки, счастье проспите.

— Счастье к сытым в окно стучится, а у нас и избенки заваливающей нет, — отвечает Петыр, потягиваясь.

— Счастье, оно хитрое, его голыми руками не возьмешь! — лукаво ухмыльнулся Павел. — Ну, что ты там в горах увидел? Что нашел, кроме мозолей?

Обидно стало Ивану, что братья его такие байбаки, и решил он до поры до времени скрыть от них свои находки.

Пошли дальше. Захотелось им пить, а кругом ни родничка, ни речки. Болото прошли, да не будешь же пить из гнилой трясины! Дождь покрал, но и он жажду не утолил. Отчаялись вконец братья, едва из лужи не напились. Тут смотрят — ручеек бежит, звонкий, прозрачный. А водица такая вкусная, что уходить от ручейка не хочется.

— Надобно разведать секрет воды, — говорит Иван, — чтоб никогда от жажды не страдать.

— Болтунишка ты, — говорит Петыр, — да разве у воды есть секрет! Течет и течет себе, как ей вздумается.

— В чем в город-то пойдешь? — подшутил Павел. — Смотри, уж пальцы из лаптей выглядывают.

— Лапти другие сплести можно, — ответил Иван. — А случай второй раз может и не подвернуться.

— Ну, иди, коли ног не жалко, да к обеду возвращайся, — решили братья.

Иван и пошел. Сквозь кусты продирался — топор ему помог, в гору лез — кайло подсобило. Так и добрался до истоков ручья. Выходил ручей из-под могучей скалы.

— Я хозяйка воды, — сказала скала, — захочу, вовсе ее замурую, и люди погибнут от жажды.

Улыбнулся Иван, не стал спорить с упрямой скалой, а только место приметил. Взял на память камешек из родника и пошел к старшим братьям.

— Ну что, чудачок, открыл ли секрет воды? — усмехнулся Петыр.

— А вот он, — Иван показал отшлифованный водой кругляшок.

— Эй, братец, — говорит Павел, — спать тебе побольше надо, не то совсем свихнешься. Ишь чего придумал! Камушки собирать начал.

— Это камушек не простой, — возразил Иван, — он ключевой.

Братья-то ничего не поняли, махнули рукой: мол, ну его, чудака. Что с него возьмешь, коли он тронулся. И отправились дальше.

Долго шли братья и наконец пришли в Царьград. На улицах толпы народу: оборванные, голодные, покалеченные войнами и бедами.

— Что это тут творится? — спрашивают братья.

— А вот собрался народ у царя милостей просить. Замучил нас голод лютой да войны бесконечные, кровавые, — отвечают им люди. — А царь-то и сам не ведает, как быть. Кличет из народа умельца, что беду мог бы отвести. Многие уж пытались, да все плохо кончили.

Посмотрели братья вокруг: у одного горемыки уха нет, у другого нос отрезан... Это им худая

награда вышла за неудачу.

— Эх, надо и нам попробовать! — расправил плечи Иван. — Не может быть счастлив человек, если рядом с ним несчастье обитает.

— Да ты рехнулся! — испугались братья. — И нас в беду втянешь, без ушей и без глаз отсюда уйдем.

— Нет, родимые, с горем надо сообща воевать, поодиночке оно с каждым сладит, — возразил Иван.

Подслушали царские слуги разговор братьев и отвели их к своему владыке. «Хвастали, мол, эти люди, что общему горю пособить могут».

— Хорошо, — говорит царь, — коли справитесь, награжу, а за самого удалого дочь свою замуж отдам. Не справитесь — носы, уши пообрубаю и в дремучий лес сошлю. А сделать нужно вот что: установили мои мудрецы, что всему виной дуб тысячелетний: загородил он от нас небо, спрятал солнце, нагнал тучи. Срубите его под корень, молодцы.

Дали братьям топоры, и принялись они рубить вековый дуб. Срубит ветку Петыр, а на ее место двадцать новых ветвей вырастает. Умаялся детина и лег на землю в изнеможении.

За ним взялся за дело Павел. И так хитрил и эдак. С непривычки и лени руки в кровь содрал, а дуб целехонек стоит.

Вынул свой трудовой топор Иван и давай дуб валить. Не только рубит, а на дрова колет и в поленицы складывает. Живо управился.

Небо прояснилось, выглянуло солнце, но только жизнь в стране не очень-то улучшилась.

Снова позвал царь братьев во дворец и говорит:

— С дубом справились, значит, и с бедой совладеете. А нет, прикажу глаза вам выколоть. Дураки мои мудрецы — зря дуб загубили. Не в нем, видно, загвоздка. Ну, да вы сами сообразите.

— Накликал ты на нас погибель, Иван, — заскулил Петыр. Жалко ему стало своего носа.

— Ничего такого и не придумаешь, чтобы целым остаться, — задумался Павел.

— Живем мы в дремучих лесах, — сказал Иван, — нужно расширить поля. Тогда больше будет раздолья крестьянам, богаче жить будем.

— Разве нам с лесом управиться! — заробел Петыр. — Не видать нам наших ушей.

— Может, поджечь его, лес-то? — сказал хитрый Павел.

— Зачем же добро изводить! — удивился младший брат. — Нарубим дров и бревен.

Принялись братья лес валить. Одно дерево повалят, вместо него новое вырастает. А Иван достал топор-саморуб да как взялся сечь деревья налево и направо — мигом разделался с чащобой. Взмолился тогда лес: «Не губи ты меня, Иван, без леса худо людям придется. Где дровишек добудут, куда от зноя спрячутся? Да и обнажатся поля для суховея, иссохнут беззащитные реки...»

— Ишь ты! — восхитился Иван. — А ведь дело говорит лес-то, без него и впрямь пропадем.

Пощадили братья лес. А вырубленные поляны под пашни пустили. Принялись пни выкорчевывать, целину поднимать.

Тут царь снова кликнул братьев во дворец. А сам уже побаиваться их начал, видит: великая сила в их руках.

— Освободили вы поля, работнички, и полагается вам награда, — сказал царь. — Да что проку от полей, если засуха надвигается. Колодцы в стране повысыхали. Людям неоткуда напиться, не то что животине. Смута идет великая. Недоволен народ моим правлением. Надобно вырыть колодцы глубокие. Да такие, чтобы никогда не иссякли. Выполните это повеление — озолочу, не выполните — в яме сгною.

Выслушали царя братья и головы повесили.

— Твоя, Иван, во всем вина, — говорят. — Не по силам мы дело себе сыскали. Не докопаться нам до глубокой воды, чтоб хватило всем людям и животным. Выроем только себе яму.

— А секрет ручья, — смеется Иван, — забыли, что ли? — И достал он из кармана гладкий кругляшок. — Вот он, секрет воды. Пойдем к ручью и попросим его утолить людскую жажду.

— Хорошая водица в том ручье, — говорят братья, — да ее разве что на один царский дворец и хватит.

— Не горюйте, хватит на всех.

Пришли братья к грозной скале, поклонились роднику. А скала как загудит: «Не дам вам больше воды. Я хозяйка, что хочу, то и творю. Захочу, уморю вас всех».

— Ну-ка, кайло, покажи нам, на что ты способно. Разбей, разметай скупую скалу, — воскликнул младший брат, — освободи из вечного плена полноводную реку.

Как начало кайло долбить, крошить неприступную скалу, только щебень и искры посыпались. А когда, наконец, рухнула каменная глыба — выбился на свободу бурный поток, потекла полноводная река. Иж — назвали ее братья.

Иж-река напоила и людей, и животных, и поля вокруг. Тогда пошли братья вместе с другими работниками получать с царя старые долги. Испугался царь такой неслыханной силищи и удрал. С той поры царствует в том краю честный труд. И братья нашли себе дело по плечу.

АКЪЯЛ-БАТЫР

Это было очень давно.

На отрогах старой горы Урал был один башкирский аул. Жили в этом ауле муж с женой; бедна была их жизнь — ни скота, ни птицы у них не было, а хлеб тогда сеяли только богатые, и то очень мало. Трудно жилось беднякам, питались тем, что украдкой ловили рыбу и собирали ягоды.

Однажды, когда наступила холодная зима, у них не было дров. В самую полночь муж с женой пошли в лес и нарубили себе дров. Наутро баи узнали об этом и наказали мужа плетью, а потом связали его вместе с женой и отправили далеко-далеко, в глушь Урала. На новом месте жизнь была еще тяжелее, но вот пришла радость: у них родился сын, мальчик с длинными русыми волосами. Дали они сыну своему имя Акъял-батыр. Рос ребенок не по дням, а по часам. Прошло несколько лет, и Акъял-батыр стал рослым молодцем, охотился на птиц и зверей. Зажила семья сытно. Отец с матерью не налюбуются на сына.

Когда Акъял-батыру исполнилось пятнадцать лет, родители его умерли. Сильно горевал батыр, но делать нечего, надо пойти посмотреть, как люди живут (ведь в лесу людей совсем не было), — может быть, они дадут ему хороший совет и научат жить.

И вот взял Акъял-батыр лук и стрелы, привязал к поясу острый булатный нож и отправился в путь.

Долго шел Акъял-батыр, много пересек он гор, лесов и рек и остановился на отдых у подножья высокой горы.

Лежит Акъял-батыр и видит человека, который выбивается из сил и делает что-то, поднимая клубы пыли.

Встал Акъял-батыр, подошел к человеку и спрашивает:

— Эй, человек! Кто ты и что делаешь?

А человек отвечает:

— Видишь, горы переставляю, а зовут меня Тау-батыр. Долгие годы живу в этих горах и не видел ни одного человека. А кто ты сам будешь?

— Я Акъял-батыр. Покинул родной очаг, хочу посмотреть, что делается на белом свете.

— Возьми и меня с собой, — сказал Тау-батыр.

— Что же, идем! Вдвоем веселее идти.

Долго-долго шли они по горам и не встретили никого, кроме зверей.

Идут они по дремучему лесу и слышат шум и треск.

Недолго пришлось им идти: видят человека, который выкапывает деревья с одного места и пересаживает на другое.

Подошли батыры к человеку и спрашивают его:

— Егет, что ты делаешь?

А тот и говорит в ответ:

— Я Урман-батыр. Видите, пересаживаю деревья. Уж очень тут лес густой. А вы сами кто такие?

— Я пошел посмотреть на белый свет и встретил Тау-батыра, — ответил Акъял-батыр.

— Возьмите и меня с собой, — говорит им Урман-батыр.

И вот три богатыря вместе отправились в путь. Дни сменялись ночами, за ночами наступали дни.

Однажды, когда три богатыря прошли уже многие горы, леса и реки, увидели они избушку. Но

ни в избушке, ни около никого не было. Поблизости паслись большие табуны диких коней. Недалеко была деревня, в которой тоже не было ни одного человека.

Тогда Акъял-батыр и говорит:

— Долго думать нечего. Ты, Урман-батыр, поймай одну кобылицу, заколи ее и свари мясо, а мы с Тау-батыром пойдем посмотрим, что есть в окрестности.

Когда друзья ушли, Урман-батыр наточил нож и отправился к табуну; там он выбрал жирную кобылицу, зарезал ее и стал варить мясо в огромном котле.

Вдруг слышит — кто-то стучится в дверь.

— Кто там? — спрашивает Урман-батыр.

— Я, гость, — слышится голос из-за двери.

— Если гость, то входи, — сказал Урман-батыр и открыл дверь.

Перед ним стоял старик карлик, сам ростом в четверть, а борода в тысячу четвертей.

— Внеси меня в избу, — говорит старик.

Урман-батыр внес старика на руках в избу.

— Посади меня на почетное место, — говорит старик.

Урман-батыр усадил его на почетное место.

— У тебя варится полный котел мяса, дай-ка мне поесть, — говорит старик.

Урман-батыр достает из котла огромный кусок мяса и дает старику.

Старик карлик сразу съел мясо и говорит:

— Дай еще!

— У меня есть товарищи, они ушли в лес, это мясо варится к их приходу.

— Не хочу я ничего слушать, давай мне скорее мяса! — сердито крикнул старик.

Видит старик, что Урман-батыр не слушает его, соскочил с места, вцепился батыру в палец, защемил его между бревен избы, а сам поскорее съел все мясо и скрылся.

Урман-батыр выдернул палец из щели, содрал себе кожу до крови и задумался:

«Что теперь делать? Что я отвечу товарищам? Нет, одним пустым ответом их не накормишь, а они вернутся голодные...»

Недолго думая поймал он вторую лошадь, заколол ее и опять принялся варить мясо.

Вскоре возвратились и его товарищи.

— Мясо сварилось? — спросил Акъял-батыр.

— Сварилось, — ответил Урман-батыр.

Уселись богатыри и стали есть. Тут увидел Акъял-батыр перевязанный палец Урман-батыра и спрашивает:

— Что это с твоей рукой?

Досадно было Урман-батыру сознаться; он подумал и говорит:

— Задел ножом, когда резал мясо.

Досыта наелись они жирного мяса и легли спать.

Наутро говорит Акъял-батыр Тау-батыру:

— Мы с Урман-батыром пойдем в лес, а ты сегодня оставайся дома и приготовь нам чего-нибудь поесть.

Ушли товарищи в лес. Тау-батыр поймал из табуна лошадь, заколол ее и начал варить мясо. Вдруг слышит он — кто-то сильно стучится в дверь.

— Кто там? — спрашивает Тау-батыр.

— Я, гость. Открой! — послышался голос из-за двери.

Открыл Тау-батыр дверь и видит старика: сам ростом в четверть, а борода в тысячу четвертей.

— Заходи, бабай, будешь гостем, — говорит Тау-батыр.

— Сам не могу войти, внеси меня на руках, — сказал старик.

Тау-батыр вносит старика на руках и усаживает на почетное место.

— Дай мне есть, — говорит старик.

Тау-батыр дает старику большой кусок мяса, и старик тут же съедает мясо и требует еще.

— Не могу я дать тебе еще: у меня есть товарищи, скоро они, голодные, вернутся домой, — ответил Тау-батыр.

При этих словах старик вскочил с места, бросился на Тау-батыра, приподнял его и повесил за ухо на крючок, а сам с жадностью проглотил все мясо и скрылся.

Тогда у Тау-батыра разорвалось ухо, и он упал с крючка. Потом он вспомнил о товарищах и начал варить мясо второй раз.

Когда вернулись Акъял-батыр и Урман-батыр, мясо уже сварилось, и все сели за еду.

Когда поели, Акъял-батыр рассказал о тех местах, где они были, о том, что видели, а потом и спрашивает Тау-батыра:

— Что случилось с твоим ухом?

— Когда ловил лошадь, она лягнула и задела мне ухо копытом, — сказал Тау-батыр.

— Что это с вами? Один палец себе ободрал, а другой ухо оборвал! Ладно, завтра я сам останусь дома и все узнаю. Посмотрим, что случится со мной, — сказал Акъял-батыр.

Наутро товарищи ушли в лес, а Акъял-батыр остался дома. Он поймал лошадь, содрал с нее шкуру и начал варить мясо.

В это время слышится сильный стук в дверь.

— Кто там? — спросил Акъял-батыр.

— Я, гость, — послышался голос.

Открыл Акъял-батыр дверь и видит: стоит старик, сам в четверть ростом, а борода у него в тысячу четвертей. Долго стояли они и смотрели один на другого.

— Внеси меня в избу, — сказал наконец старик.

— Шел же сюда сам, заходи сам и садись, — ответил Акъял-батыр.

Вошел старик сам в избу и уселся на почетном месте.

— Дай мне мяса! — крикнул старик, как только сел.

— У нас гости не требуют кушанья. Руки есть у тебя, доставай сам и ешь, — спокойно ответил Акъял-батыр.

— А, ты еще вздумал со мной спорить! — грозно крикнул старик и бросился было на Акъял-батыра, но тот быстро схватил его и привязал за бороду.

Старик стал рваться и метаться и наконец оборвал бороду и убежал.

В это время вернулись Урман-батыр с Тау-батыром. Акъял-батыр догадался, что это старик разодрал одному из товарищей палец, а другому ухо. Он показал им на бороду и спрашивает:

— Верно, что он вас поборол?

— Да, так это, батыр, и было.

— Раз так, то нам нужно разыскать этого старика и наказать. Должно быть, он многим приносит вред, — сказал Акъял-батыр.

Батыры наелись, напились, взяли оружие, сунули в мешок бороду старика и отправились в путь. Долго шли богатыри, прошли много рек и лесов. Когда поднялись на высокую гору, то увидели, что впереди кто-то быстро убегает от них.

Тут же Акъял-батыр закричал:

— Друзья, вон тот старик карлик! Он убегает от нас — скорее за ним!

И все три богатыря побежали за стариком. Но на самой вершине горы старик пропал, будто сквозь землю провалился.

Прибежали они к тому месту, где исчез старик, и увидели большую дыру.

— Ну, вот что, — сказал Акъял-батыр, — вы стерегите вход в эту пропасть, а я спущусь вниз и разыщу этого старика.

Свили они из дедовой бороды длинную веревку, ухватился Акъял-батыр за один конец — а

другой в руках у богатырей остался — и начал спускаться вниз.

Спустился батыр на самое дно, огляделся и видит дорогу. Шел-шел по дороге, дошел до какого-то города. На самом краю города стоит старая, ветхая избушка. Вошел он в избу, а там сидят старик со старухой, худые, страшные.

Стал батыр расспрашивать их о житье-бытье.

Старик вздохнул глубоко и говорит:

— Сынок, сходи за водой! Не дают нам здесь воды. У нас даже нет воды, чтобы приготовить тебе пищу. Ты — гость, поэтому тебе разрешат взять ведро воды.

Акъял-батыр взял ведро и пошел за водой на другой конец города, где холодный ручей впадал в большой пруд.

Только собрался батыр зачерпнуть воды, как услышал громкий голос:

— Ты зачем пришел сюда? Кто ты?

— Я — гость, — ответил Акъял-батыр.

— А, раз гость, можешь взять ведро воды...

Зачерпнул Акъял-батыр полное ведро и пошел домой.

А прохожие завидуют ему, удивляются, как это он ухитрился в такую пору воды достать.

Принес батыр воды. Не успел поставить ведро, как старик со старухой кинулись к воде, да так и выпили всю без остатка.

И тут понял Акъял-батыр, что народ в этих местах день и ночь томится без воды.

Взял он свой острый меч, взял ведро и вышел из избы.

— Куда ты, сынок? Он тебе не даст больше ни капли! — закричали старики.

Но Акъял-батыр сказал:

— Я достану людям воду! Я прогоню злого хозяина воды!

Пришел он к реке, опустил ведро в воду, а сам держит меч наготове. Только хотел было вытащить ведро, как на него набросился безбородый старик.

— Вот где ты! — сказал Акъял-батыр. — Тебя-то мне и нужно.

И он своим острым мечом отсек деду голову по самые плечи.

Идет Акъял-батыр по дороге, несет воду и всем встречным говорит:

— Идите по воду без страха! Я победил старика — жадного хозяина воды.

Народ обрадовался, побежал за водой. Все напились, наварили еды, затопили бани. И слава о храбре Акъял-батыре пошла по всему подземному царству.

А храбрый Акъял-батыр распрощался со стариками и отправился дальше.

Идет он по городу и видит — собралось много народу на городской площади. Ходят по улицам глашатаи и кричат:

— Кто выстрелит из лука и попадет в царский перстень, тому царь обещает все свое богатство, а кто промахнется — того накажут ударами плети!

— Дай попытаю счастья, — сказал Акъял-батыр и пошел на площадь.

Везиры и другие знатные люди стали смеяться над батыром, потому что одежда на нем была старая. Но он не слушал, что говорят о нем, а взял свой богатырский лук, натянул тетиву и выстрелил. Стрела со свистом прохватила перстень и вонзилась в стену царского дворца.

Все зашумели, закричали, затопали ногами, а царь сказал:

— Этот егет получит все мое богатство.

И он привел Акъял-батыра в свой дворец. Много ли, мало ли времени прошло, а услышал Акъял-батыр, что в соседнем царстве тоже готовится состязание, и пошел туда.

Пришел Акъял-батыр в самый главный город и слышит, как глашатаи объявляют:

— Кто сумеет выстрелить из лука так, что попадет в ушко иголки, тому царь отдаст все свои владения, а кто не попадет, тому отсекут руки по самые плечи!

— Дай попытаю счастья, — сказал Акъял-батыр и пошел на царский двор.

Пришел он на царский двор, а везиры и другие знатные люди смеются над ним.

Акъял-батыр был в своем стареньком платье: богатство-то свое он роздал беднякам.

Но богатырь не стал даже слушать, что говорят баи, натянул тетиву, выстрелил и попал в игольное ушко.

Весь народ закричал, зашумел, затопал ногами.

А царь сказал:

— Этот егет получит все мои владения.

И он отдал ему свои владения.

Прошел какой-то срок, и Акъял-батыр прослышал о новом состязании в соседнем царстве.

Собрался он и пошел туда.

Пришел в город, а там глашатаи ходят по улицам и кричат:

— Наш царь вызывает богатырей на борьбу! Кто его одолеет, тому царство; кого он одолеет — тому голову с плеч!

Пошел Акъял-батыр в третий раз попытать счастья и попал на городскую площадь. Там опять везиры и знатные люди стали над ним смеяться, но он их не слушает, идет к царю и говорит:

— Вызываешь ты богатырей на борьбу — хочу и я побороться с тобой!

— Смотри, егет, — говорит царь, — плохо тебе будет: у многих уже голова с плеч слетела!

— Я не страшусь, — отвечает Акъял-батыр.

Они сошлись и стали бороться. Обхватил царь молодого батыра обеими руками и хотел ударить его оземь. Но Акъял-батыр вывернулся, приподнял царя, подбросил его кверху высоко-высоко, а потом подхватил на лету и поставил на землю. Тут царь крикнул громким голосом:

— Не одеждою силен богатырь, а удалью! Отныне я побежден. Отныне наследником моего богатства будет Акъял-батыр.

И Акъял-батыр опять получил огромное богатство. Прошло сколько-то времени. Охотился Акъял-батыр в лесу и вспомнил о своих товарищах, которые остались ждать его у входа в пропасть. Недолго думая взял он, сколько мог, золота и всякого добра и отправился в путь-дорогу.

Шел он, шел и пришел к тому месту, где спустился в пропасть. Глядит — веревка цела. Привязал он к веревке много золота и драгоценных камней и велел богатырям тащить все это наверх. Они потащили, а как увидели столько добра, глаза у них разгорелись, сердца почернели от зависти, руки затряслись.

— Зачем делить на троих то, что можно разделить на двоих! — сказал Урман-батыр.

— А и то правда, — сказал Тау-батыр.

Они обрезали веревку, на которой Акъял-батыр поднялся почти до самого верха, и он камнем полетел вниз.

Сидит батыр на дне пропасти и думает: «Что же теперь я делать буду?» Но делать нечего, надо придумать выход. Посидел, посидел, погоревал и пошел куда глаза глядят.

Шел-шел и пришел в густой темный лес. Идет он этим лесом и вдруг слышит над собой жалобные крики и шум крыльев. Смотрит — вьется над деревом птица Самруг-кош, громко кричит, будто плачет.

— Что такое тут делается? — сказал батыр и полез на дерево.

Долез до вершины, смотрит, а там аждаха к птенцам Самруг-кош подобралась и вот-вот их проглотит. Вытащил Акъял-батыр свой острый меч, размахнулся и разрубил аждаху на мелкие куски.

— Храбрый и добрый егет, — сказала птица Самруг-кош, — скажи, чем я могу отплатить тебе за то, что ты спас моих детей?

— Вынеси меня на белый свет, — сказал батыр.

— Это я могу, только мне на дорогу нужно много пищи. Ты налови мешок скворцов и мешок воробьев.

Акъял-батыр наловил мешок скворцов, мешок воробьев, сел на спину Самруг-кош, и они полетели. Летят они, летят... Самруг-кош повернет голову направо — богатырь сунет ей в клюв скворца, налево повернет голову — сунет ей воробья.

Чем выше они поднимались, тем труднее было лететь. А зато вслед за ними рушились скалы и в подземное царство пробивался свет.

Вот наконец они вылетели из пропасти, и птица опустилась на вершину горы.

Акъял-батыр поблагодарил Самруг-кош, и они расстались: он пошел своей дорогой, а она полетела своей.

Идет богатырь по дороге и видит: сидят его товарищи под деревом и делят добычу.

— Эй, изменники! — крикнул Акъял-батыр. — От меня никуда не уйдете!

Тау-батыр и Урман-батыр вначале испугались, а потом поцеловали конец меча у Акъял-батыра и сказали так:

— Ты говоришь правду! Казни нас!

Но Акъял-батыр сказал:

— Вы сами себя казнили завистью и злобой. Богатство, которое вы забрали у меня, я не для себя добывал — я хотел раздать его бедным. Отдайте его мне!

Отдали они Акъял-батыру все добро и сказали:

— Мы не останемся в долгу перед людьми: Тау-батыр будет добывать и отдавать людям все богатства гор, Урман-батыр не пожалеет своих сил и будет растить леса, разводить сады.

Тогда Акъял-батыр отпустил их, а сам отправился в деревню своих родителей, чтобы помогать беднякам.

СКАЗКА О КУРАЕ

В давние времена жил один хан. Хан этот был очень злой и жадный. Он жестоко угнетал народ.

Каждую неделю он брил себе голову; для этого хан призывал каждый раз нового человека и домой его не отпускал. Народ был в постоянном страхе и так запуган, что люди не знали, как спастись от хана, послушаться которого никто не смел.

Однажды хан позвал к себе сына одних бедных стариков. У них было три сына. Пошел к хану старший сын и не вернулся. Через неделю хан позвал другого сына. Пошел к хану средний сын и тоже не вернулся домой. Старик со старухой были в отчаянии. Через неделю пришли от хана звать и последнего сына.

Жили старики очень бедно. Все, что у них было съестного, мать уже отдала на дорогу старшему и среднему сыновьям, а младшему нечего было и дать. Старик со старухой были очень этим опечалены. Но мать все же придумала, чего дать на дорогу сыну. Она замесила на своем молоке тесто из лебеды и напекла сыну лепешек. Взял егет эти лепешки, распростился с родителями и отправился в путь.

Вышел он на пригорок, оглянулся в последний раз на родные места, где он родился и вырос, и с великой тоской на сердце запел, прощаясь с родным Ирандеком, с журчащими ручьями, душистыми лужками и кустарниками, с тенистым лесом и родными горами.

Через несколько дней дошел егет до ханского дворца. Как только его привели к хану, хан дал ему свою остро отточенную бритву и приказал обрить ему голову.

Хан снял корону, и егет замер от удивления: на голове у хана торчал рог. Но удивляться было некогда.

Когда егет обрил хану голову, то хан сказал: «Посиди тут», — и вышел. А егету очень захотелось есть. Он вынул последнюю домашнюю лепешку и начал ее есть. В это время вернулся хан. Он увидел, что егет жадно ест что-то такое, чего он сам еще никогда не видел и

не пробовал.

Хан сказал егету:

— Что ты ешь? Отломи-ка и дай мне попробовать.

Егет отломил хану кусочек лепешки. Хан съел и говорит:

— Как вкусно! Из чего это испечено?

— Моя мать замесила на своем молоке тесто из лебеды и испекла эти лепешки, — ответил егет.

Хан был поражен и не знал, что и думать.

«Я съел лепешки, испеченные на молоке его матери! Теперь, выходит, я стал его молочным братом, и его кровь мне проливать нельзя. Если же я не убью его, он расскажет всем, что на голове у меня рог, — думал хан. — Чтобы избавиться от этого егета, пожалуй, лучше будет отвезти его туда, где не ступала нога человеческая, и оставить там», — решил хан.

Хан позвал своих палачей и приказал им отвезти егета в дремучий лес.

Ханские палачи связали егета по рукам и ногам, завязали ему глаза и повезли. Потом они ссадили его с коня и бросили в непроходимом лесу, где бродят одни дикие звери.

Долго жил там егет, питаясь кореньями и ягодами. Он смастерил лук и стрелы и охотился на зверей, а из шкур он сшил себе одежду, потому что старая одежда на нем вся износилась. Все время тосковал он по своим родителям — по отцу и матери — и всем сердцем стремился к родному Ирандеку, да не знал, как туда дойти.

Однажды, скитаясь по лесу, он устал и прилег под дерево отдохнуть. Поднялся сильный ветер.

Вдруг до слуха егета стали доноситься дивные звуки. Егет вскочил на ноги и пошел в ту сторону. Шел он долго, сам не зная куда; наконец поднялся на вершину горы. Тут он увидел высокое растение с мохнатой головкой. Оно покачивалось на ветру и издавало приятный звук. Егет сорвал это растение, сделал длинную дудку, подул в нее и вновь услышал приятные звуки, которые шли из стебля растения.

Егет обрадовался, что нашел себе друга. Каждый день он подолгу учился играть на этой дудке. Наконец он научился наигрывать разные песни, какие знал еще дома и какие приходили ему в голову. На сердце у него стало легче и спокойнее.

Вот как-то раз шел он, шел и дошел до родных мест. Устал егет с дороги и сел на пригорок, а потом начал играть. Услышал приятные звуки окрестный народ, что жил на яйлау, и пришел к егету.

Егет рассказал обо всем виденном народу: о том, как хан убивает молодых егетов, о том, как он сам спасся от смерти.

Тогда весь народ поднялся на хана и расправился с ним по заслугам.

И с той поры в башкирском народе курай переходит из поколения в поколение и играют на нем хорошие, душевные песни.

АБЗАЛИЛ

Жили в старину в одном ауле старик со старухой, и у них был единственный сын Абзалил. Старик со старухой были очень бедными. У них не было ни скота, ни другого богатства. Вскоре старики умерли. Маленький Абзалил остался один. От отца ему досталась только охапка лыка.

Однажды Абзалил взял охапку лыка и пошел к большому озеру. Погрузил охапку лыка в озеро, намочил его, сделал мочало и стал его вить: он хотел свить длинную веревку. Пока он ее вил, из воды вышел хозяин озера и спрашивает:

— Что ты делаешь, егет?

Абзалил ответил:

— А вот кончу вить веревку и утащу озеро к себе домой.

Испугался хозяин озера и говорит:

— Оставь, егет! Не трогай озеро. Дам тебе все, чего ты захочешь.

Задумался Абзалил. Чего же просить ему у страшного хозяина воды? И решил попросить то, чего ему давно хотелось. А хотелось ему добыть хорошего коня. А это место славилось хорошими конями.

— Дай мне самого лучшего коня, тогда я и озеро оставлю на месте, — сказал Абзалил.

— Нет, егет! Не могу дать коня. Конь уйдет — славы не будет у меня, — сказал хозяин озера.

— Как хочешь, дело твое. А озеро я утащу, — сказал Абзалил и продолжал вить веревку.

Хозяин озера призадумался. Подумал немного и говорит Абзалилу:

— Эх, егет, если уж ты такой богатырь и можешь утащить мое озеро, давай будем состязаться! Если ты победишь, я исполню твое желание. Будем бегать наперегонки вокруг озера. Перегонишь меня — твоя и победа!

— Хорошо, — сказал Абзалил. — Только у меня есть младший брат; если ты обгонишь его, тогда я буду состязаться с тобой.

— Где же твой младший брат? — спросил хозяин озера.

— Мой младший брат спит в кустах. Пойди туда, пошурши хворостом — он сразу и побежит, — сказал Абзалил.

Хозяин озера пошел в кустарник, пошуршал хворостом, и оттуда выбежал заяц. Хозяин озера бросился бежать за ним, но никак не мог догнать его.

Подошел хозяин озера к Абзалилу и сказал:

— Ну, егет, давай состязаться до трех раз! Теперь будем бороться.

Абзалил согласился. Он сказал:

— У меня есть дедушка восьмидесяти лет. Если ты собьешь его с ног, то озеро останется за тобой. Мой дедушка лежит в тальнике. Поди ударь его палкой, тогда он будет бороться с тобой.

Пошел хозяин озера в тальник и ударил палкой спящего дедушку. А это был медведь. Вскочил разъяренный медведь, схватил могучими лапами хозяина озера и тут же повалил его.

Хозяин озера еле вырвался из медвежьих лап. Он прибежал к Абзалилу и говорит:

— Силен же твой дедушка! А с тобой и бороться не стану!

После этого хозяин озера сказал Абзалилу:

— У меня есть шестидесятиаршинная пегая кобыла. Обнесем-ка ее вокруг озера на своих плечах.

— Обноси ты первый, а потом и я попробую, — сказал Абзалил.

Хозяин озера поднял на плечи шестидесятиаршинную пегую кобылу и обнес ее вокруг озера. Потом он сказал Абзалилу:

— Ну, егет, обнеси теперь ты.

Абзалил бросил вить веревку, подошел к огромной кобыле и сказал хозяину озера:

— Я вижу, ты не так силен. Ты ее на плечи поднимаешь, а я вот протащу ее, обхватив ногами.

Сел Абзалил на лошадь и поскакал вокруг озера.

Хозяин озера видит, что теперь ему придется исполнить свое обещание.

Он привел самого лучшего коня и отдал его Абзалилу.

Хорош был конь: саврасый, резвый, норовистый, с твердыми копытами, мохнатой челкой и короткой гривой. Бабки у него были высокие, ляжки — как у зайца, грудь — как у коршуна, круп узкий, холка высокая, хребет — как у щуки, уши острые, глаза медные, щеки впалые, подбородок заостренный.

Сел Абзалил на саврасого коня-красавца и поскакал домой.

С тех пор, говорят, в Абзалилове водятся хорошие кони, а все егеты там храбрые молодцы.

ПОЧЕМУ ГОРОД НАЗВАЛИ ЗАИНСКОМ

Давным-давно из далеких восточных степей пришли на берег речки кочевники со своими кибитками. Утомленные долгими скитаниями по безводным просторам, они с радостью заметили серебристую струю прохладной реки, и кто-то первым восторженно закричал: «Сай! Сай!» А слово «сай» с тюркского языка переводится на русский язык так: «Река!»

Так и стали безымянную реку называть рекой — Сай. И уж после буква «с» заменилась на «з», и стала река — Зай.

В те времена, когда булгары поселились на берегах Камы и Волги, появился на богатых землях реки Зай большой город. Трудолюбивые горожане разводили скот, обрабатывали землю, много ремесленников выделяли шкуры, тачали сапоги, мастерили мебель, шили одежды, ткали полотна... Мирно и счастливо жили они на берегах красивых рек.

Но внезапно на их город обрушилась беда: появился в окрестностях города страшный дракон Барадж, пожиривший скот и людей. Много храбрецов отваживалось на бой с драконом, но ни одному богатырю не удавалось справиться с громадным чудовищем, все они погибали в могучих лапах Бараджа. Страх и уныние охватили булгар. И решили они покинуть свой любимый город Заинек.

На новом месте построили другой город и зажили по-прежнему — привольно и спокойно. Так прошло много лет.

И опять беда прикочевала вслед за булгарами: враги разрушили и разграбили их новый город, многих поубивали, а кого в плен увели, на чужбину. И тогда один смелый богатырь по имени Йсхан-бек сказал: «Пойду-ка я на реку Зай, родину моих предков, убью дракона, и тогда мы снова поселимся там».

Так он и сделал. Вернулся он в родные места, смотрит: а дракона-пожирателя давным-давно нет. Обрадовался он, позвал своих соплеменников, и закипела здесь снова жизнь, возродился старинный город Заинек.

ПРЕДАНИЯ О КАЗАНИ

Однажды один богач велел своему работнику натаскать воды в бочки, для полива огорода. Работник схватил в руки медный котел (а по-татарски котел называется «казан») и побежал на речку, берег которой был очень крутым и неудобным. Попытался работник зачерпнуть воду котлом, да не тут-то было: выскользнул котел из его рук, упал в воду и утонул. Вот после этого и стали называть ту речку Казанкой, а город, построенный на ее берегу, — Казанью.

А другие, знающие люди, утверждают, что все было совсем не так. А как? Вот послушайте.

Хан Аксак Тимер решил захватить один болгарский город. Долго воевал он с горожанами, осажденными в крепости, однако победить мужественных защитников так и не смог. Решил хитрый хан тогда: узнаю-ка я секрет, почему мои бесстрашные воины не могут одолеть этой крепости.

Переоделся хан нищим, пробрался в город и попросился переночевать у одной старушки. Не зная, кто ее гость, та и проговорила:

— Аксак Тимер никогда не захватит наш город силой, а сможет одолеть болгар только хитростью. Вот, например, если он догадается сманить из города всех голубей, да привяжет к их лапкам тряпки, подожжет их и отпустит, тогда голуби прилетят к своим домам, возвращаясь в свои гнезда, — вот тогда и сгорит город, и тогда сможет хан Аксак Тимер победить болгар.

Обрадовался Аксак Тимер и решил послушаться совета старухи. Старушку же пожалел, велел ей взять свои вещи и следовать за ним. Вывел ее из крепости и приказал:

— Поселись там, где под казаном сам собой зажжется огонь.

Догадалась тут женщина, какая беда по ее вине случится, но уж поздно было. Ничего ей не оставалось, как повиноваться хану. Забрала она свой казан, собрала пожитки и отправилась в путь. Долго шла она, устала и остановилась передохнуть. Поставила казан на землю, и тут под ним вдруг сам по себе вспыхнул огонь. Осталась она жить на этом месте, как велел ей хан Аксак Тимер. Рядом с нею вскоре поселились другие люди из разоренного города, и мало-помалу вырос целый город, который и называли Казанью.

Так ли было, не так, — а рассказывают предания. А славный город Казань вот уже много веков отражается в зеркале великой реки — Идели-Волги.

ПОЧЕМУ КАЗАНЬ ПЕРЕЕХАЛА?

Через сто четыре года Казань переехала со своего первоначального места. Почему? Предание так говорит об этом.

Один богатый житель древней Казани или Иски-Казани, как ее звали, держал пчел в лесу на Джелан-тау (Змеиной горе), где стоит нынешняя Казань. Отправляясь осматривать улья, он часто брал с собою свою красавицу дочку, которой сильно полюбилась эта гористая лесная местность на берегу Волги. Татарочка выросла, вышла замуж, и вот что с нею раз случилось: по обычаю всех восточных женщин она ходила сама на реку за водою; как-то раз поднимается она с тяжелым кувшином на плече на крутой берег Казанки и принимается бранить того хана, которому пришло в голову построить город на такой крутизне. Слова ее были кем-то подслушаны и донесены царствовавшему тогда хану, одному из потомков основателя древней Казани. Он потребовал к ответу дерзкую молодую женщину, но она не растерялась.

— Что говорила, то говорила, — моя вина, — отвечала она. — А что правда, то правда: дед-то твой ведь небось не сам по воду ходил, так и не знал он, каково нам, грешным, тяжелые кувшины на такую кручу таскать.

— Ну а где же, по-твоему, город надо было выстроить? — спросил хан, смягченный красотою и смелостью молодой татарки.

— Да хоть бы там, где пчельник моего отца, на Джелан-тау, — отвечала она.

— А кабаны да змеи, которых между Казанкою и Булаком (реки, при слиянии которых находится Джелан-тау) столько водится? — возразил хан.

— А наши колдуны на что? Не справиться им разве с этими гнусными тварями? — с уверенностью отвечала татарка.

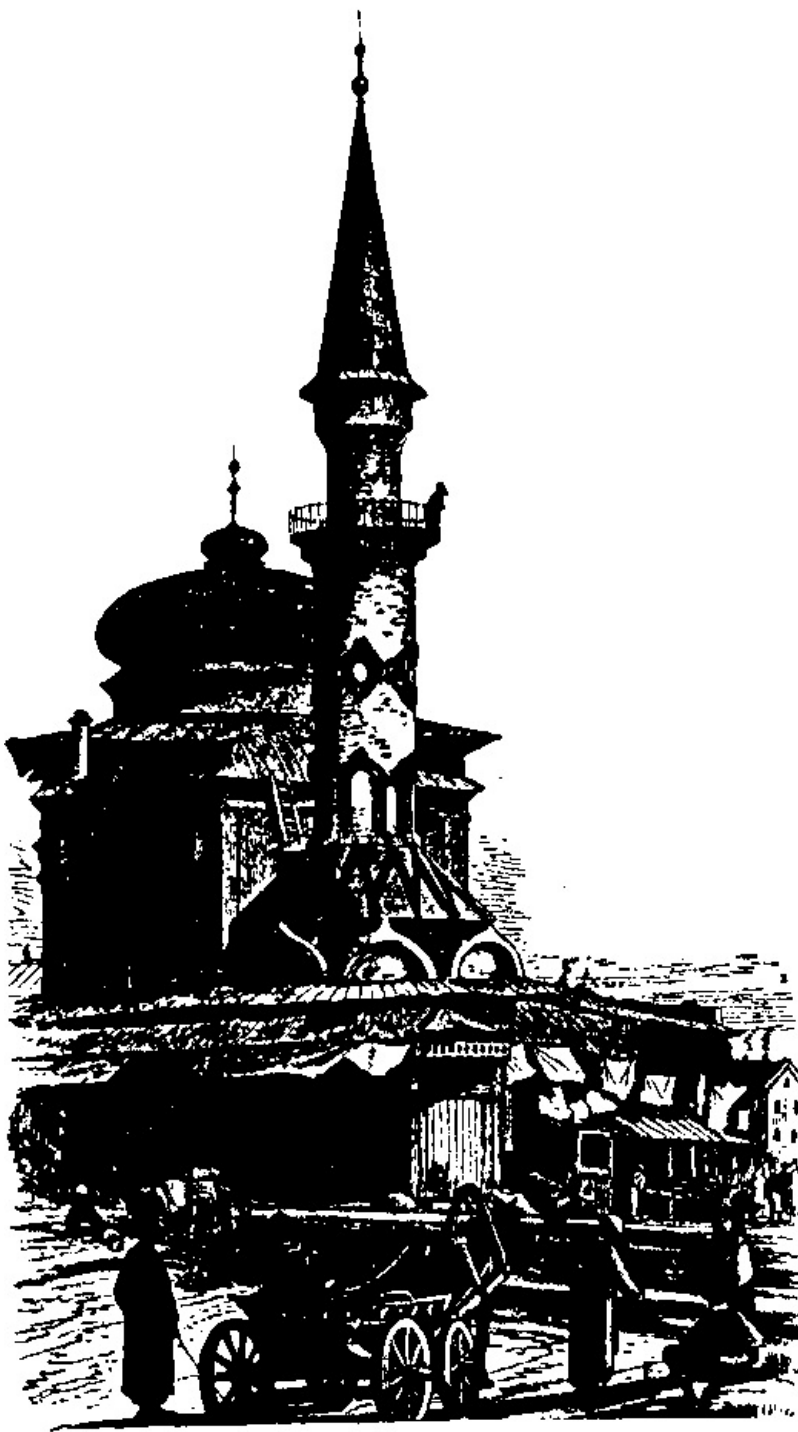
(По понятиям мусульман, нет твари гнуснее кабана или дикой свиньи, мясо которой признано Магометом поганым и вредным.)

Хан и сам недолюбливал своего города; поэтому он решил послушаться совета молодой татарки и послал своего сына-наследника с двумя вельможами и отрядами всадников к устью Казанки, чтоб отыскать там место для построения города. Посланным вручен был запечатанный конверт, который они должны были вскрыть на выбранном для города месте и тотчас исполнить то, что там написано. Выбор посланных остановился на том месте, где стоит нынешняя Казань. Распечатав конверт, они с ужасом узнали волю хана, состоящую в том, чтоб один из трех посланных, по жребию, был закопан в землю живым, чтобы новый город «крепче стоял». Жребий пал на ханского сына. Вельможам стало жаль молодого царевича, и они спрятали его от хана, а в землю зарыли живую собаку.

Вскоре хан стал сильно горевать о сыне. Послы признались ему тогда в обмане и привезли царевича к отцу. Хан очень обрадовался, но старый мулла отнесся к этому неудовлетворительно и предсказал, что новый город, в основание которого лег обман, перейдет со временем в руки гяуров (христиан), врагов мусульманской веры, считаемых мусульманами наравне с собаками.

Истребление змей поручено было колдуну, который отлично справился с этим делом. Он с осени приготовил огромный костер из дров, хворосту и соломы, а кругом костра тоже уложил хворост в виде ограды. Змеи со всех сторон поползли сюда, чтобы зимовать в готовом помещении из хвороста и соломы. С наступлением весны колдун прибавил к кучам сухого сена, полил все смолою и серою и зажег. Змеи все сгорели. Чтобы выгнать кабанов, зажгли леса около озера Кабана, находящегося и по сие время в окрестностях Казани, отчего все эти звери, любящие леса, удалились от города.

Однако один, большой крылатый змей, Зелант, о двух головах, улетел и поселился на горе, недалеко от города, отчего эта гора и названа Джелан-тау (Змеиная гора) или Зелантова гора. На ней находился Успенский монастырь, основанный в 1552 году в память воинов, убиенных при взятии Казани. Он тоже назывался чаще всего Зелантовым монастырем.

Зелант, по преданию, был о двух головах, из которых одной, змеиной, он пожирал животных, а другою, воловьею, — растения. Зелант жил припеваючи: ежедневно в полдень он летал на озеро Кабан пить воду; тогда все жители падали ниц перед ним, и он в таком случае не причинял им вреда. Впрочем, Зелант мог и не летать в город для утоления жажды, а пить из своего озера, которое было в нескольких шагах от его жилища; это озеро и до сих пор называется Змеиным.

Долго наводил Зелант ужас на окрестности, но, наконец, искусством волшебников он был умерщвлен. В память этого события хан внес его изображение в герб города Казани.

Предание о Зеланте объясняется также в смысле аллегорическом, то есть иносказательном: Зелант является, по татарским сказаниям, олицетворением древнего идолопоклонства, побежденного магометанством.

С АМУРА-БАТЮШКИ НА ВОЛГУ-МАТУШКУ

Волга — самая большая река Европы. Амур — самая большая река азиатской части России. Предание болгарского народа сохранило смутное воспоминание о том, что предки волжан XV века когда-то жили неподалеку от Тихого океана.

Еще в глубокой древности на землях возле Амура-реки кочевало среди других племен племя тюрков по названию та-тань, татары. Тюркские племена тогда враждовали между собой, и в конце концов племя татар подчинило себе окрестные племена. Тех, кого завоевывали, тоже стали звать татарами, а их земли татарскими. Некоторые татарские племена перекочевали на север и на запад.

Племя та-тань, смешавшись с другими тюркскими племенами, стало называться татарами.

Прошли века, и в тех же местах на севере Китая, где кочевали тюркско-татарские племена, сложились племена монголов. Между татарами и монголами начались войны. Закончились они тем, что монголы завоевали все татарские племена и заняли их земли.

Завоеванные земли назывались татарскими, поэтому и монголы, поселившиеся здесь, стали звать себя также татарами. А потом Чингисхан — монгольский вождь — полностью уничтожил татарские племена на севере Китая, их не осталось совсем. А имя их осталось, и татарами стали называть себя монголы.

Монголы двинулись из Китая на запад, завоевали земли половцев, болгар, хазар, подошли к границам русских княжеств. В древности принято было называть побежденный народ именем победителя. Поэтому монголы, которые называли себя татарами, стали так называть и все покоренные тюркские племена. А их было много, и они занимали земли возле Черного и Каспийского морей, в Сибири, Поволжье, в Крыму. Таким образом, татарами стали называть все покоренное монголами тюркское население.

Прошло много лет, монголов не стало совсем на завоеванных ими землях, не стало и государства Золотая Орда. А в России еще много столетий всех тюрков называли татарами. Даже в документах писали: кавказские татары, казанские татары, узбекские татары. Считали татарами азербайджанцев, черкесов, хакасов, дагестанцев и многие другие народы.

А в наши дни татары — это тюркское население бывшей Булгарии, Крыма, Поволжья, Урала, Западной Сибири, Литвы, Польши, Белоруссии. Есть у татар и своя республика на Волге — Татарстан, — там, где в X-XIII веках было государство Волжская Булгария.

ЗЕМЛЯ УЛЫПА

По рассказам древних стариков, в те далекие времена, когда людей на нашей чувашской земле еще не было, а лишь шумели сплошные дремучие леса, — с южных Арамазейских гор спустился Улып-великан. Его послал на нашу землю бог-громовержец Аслати, чтобы творить добро. Улып был огромного роста и обладал богатырской силой. Ему ничего не стоило перешагнуть большую реку. Высокие сосны были ему только по пояс.

Спустившись с гор, Улып увидел в долинах многочисленные стада. Их пасли очень маленькие, по его понятиям, люди. Скот, за которым они ухаживали, давал им пищу и одежду.

Улып забыл наказ отца Аслати, отобрал у людей скот и разорил их жилища. Выбрав самую красивую девушку, женился на ней и стал жить хозяином всех богатств здешней земли. Жена родила ему двух сыновей. Сыновья от отца-великана росли тоже богатырями-великанами. Они пасли стада и ходили на охоту. Их стрелы поражали любого зверя за семь верст.

В весенний праздник Калама умерла их мать. Улып погоревал-погоревал и пошел искать себе жену на родных горах Арамази.

День прошел, два прошло, три минуло, нет Улып. Сыновья забеспокоились и отправились на поиски отца. Поднялись на самую высокую гору и нашли своего отца прикованным к скале. Увидев сыновей, он сказал:

— За то, что я послушался Аслати и вместо добра сеял зло, боги приковали меня здесь на вечные времена. Так что вы, дети мои, не сейте злые семена, не делайте людям вреда, а поселитесь среди них и живите в мире и согласии. Идите отсюда прямо на север. Через три дня вы дойдете до большой реки, впадающей в море, и продолжите ваш путь вдоль этой реки. Через семь лет вы придете в такое место, где река соединяется с другой такой же большой рекой. Здесь вы жертвоприношением умиложите богов и попросите их, чтобы они помогали вам в дальнейшей жизни. А после этого — поселитесь: младший — между реками, а старший — по правую сторону той реки, которая впадает в море. Это будет родиной вашего племени. И если вы посеете на этой земле семена добра, ваши потомки будут помнить и почитать вас во веки веков.

Сыновья обещали выполнить наказы отца, попрощались и ушли. Зная, что больше он никогда уже не увидит своих сыновей, Улып заплакал горючими слезами. Его слезы растопили горные льды, и с гор потекли в долины ручьи, заливая зеленые луга. Луга покрылись красными и белыми цветами.

Сыновья Улып пошли со своими стадами на север. Вскоре им преградили путь горные люди, но они отбились от них и через три дня пришли к большой реке, впадающей в море. Они назвали эту реку Адыл — Волга и ее берегом пошли дальше. Здесь им пришлось защищаться от нападений степных людей. Добралась она до горного кряжа, который рассекала река и за которым начинались густые непроходимые леса. Лесные люди тоже пытались остановить их, но они, при своей богатырской силе, легко справились с ними и продолжили свой путь.

Ровно через семь лет они пришли в то место, о котором говорил отец: здесь в Адыл вливалась другая столь же великая река. Братья остановились, в ближайшую среду зарезали утку и принесли ее в жертву богу-громовержцу Аслати.

— Грозный Аслати! — обратились братья с молитвой к богу. — От всего сердца приносим тебе эту жертву и просим сделать так, чтобы наше племя росло и крепло. Сохрани нас, о великий Аслати, от всех зол и бед, от врагов и недругов, от злых духов, от мора, от огня, от голода. Пусть наш скот плодится и наши стада увеличиваются. Пусть наши желания сбываются. Помыслы наши чисты, и мы надеемся, верим, ждем, что все так и будет!

После этого младший сын Улып поселился между реками, а старший занял правый берег Адыла вплоть до того места, где впадает в нее тихоструйная Сура.

Однажды старший сын охотился и забрел на другой берег Суры. Там он увидел поле, сплошь покрытое желтыми стеблями с колосьями. Он спросил у людей, которые работали на этом поле, кто они и что делают.

— Мы — русские, убираем созревший хлеб, — ответили ему.

С тех пор сын Улып сам начал корчевать леса и очищенные места засевать рожью.

Когда во время пашни в лапти набивалось много земли, великан снимал их и вытряхивал. На

этих местах образовались большие холмы, которые и по сей день зовутся Землей Улыба.

И весь наш народ ведет свое происхождение от племени Улыба.

ГОРА ЧАБЫРЛЫ

В седую незапамятную старину на берегах Свияги жил Улып. Тогда там и леса росли гуще, и деревья были выше. Трава и та была такая, что в ней всадник с конем мог скрыться. Звери, водившиеся в степях и лесах, тоже были крупнее. Однако же крупнее и сильнее Улыпа-великана не было никого.

Однажды Улып решил отдохнуть после охоты. Остановился он на берегу Волги, вытряхнул пыль из одежды, начал умываться. Одной рукой он черпал воду из Волги, а по другой руке, по шее и по спине вода стекала в Свиягу. Да так много воды натекло, что Свияга разлилась. Захотел Улып прилечь, глядит — кругом сыро. Тогда он поднялся на гору Пушчу, что возвышалась между Волгой и Свиягой. Гора была покрыта дремучим лесом, и, когда на нее лег великан, ему показалось, что спину то тут, то там покалывает.

— На какую-то колючую траву, что ли, угодил, — проворчал Улып, поднялся и стал выдергивать с корнем деревья.

Из этих деревьев он сделал себе шалаш на берегу Свияги. «Только, пока я буду спать в шалаше, — подумал великан, — как бы вода из речки не затопила его». И взял да и русло, по которому текла Свияга, повернул в сторону горы Путчи. Текущая до этого места прямо, река пошла кружным путем.

Покончив с этими хлопотами, Улып, наконец, лег отдыхать. Как и все великаны, спал он долго. За это время разлив на Свияге кончился, река вошла в свое русло, и в том месте, где Улып вытряхивал пыль из одежды, глинистые прежде берега Свияги покрылись толстым слоем чернозема.

Богатырь еще спал, как на него напали пришедшие из южных степей враги. Окружили великана, колют пиками, секут мечами.

— То ли плохо я умылся — потом лицо щиплет, то ли комары кусают, — ворчит во сне Улып, проводит ладонью по лицу и смахивает врагов, как обыкновенную мошкарку.

Отмахивался он так во сне раз да два, потом проснулся. Видит — со всех сторон лезут на него полчища врагов.

— Вон какие это окаянные слепни мне спать не дают! — сказал рассерженный великан.

Поднялся он во весь свой рост, махнул правой рукой — смахнул половину вражеского войска в Волгу, махнул левой — вторая половина в Свияге оказалась. В одном месте, в долине, какая-то часть войск уцелела. Так туда рассерженный Улып бросил горсть земли. Врагов земля похоронила, из нее образовалась целая гора. Гору эту потом называли горой Чабырлы. Она и по сей день видна издалека.

МОСТ АЗАМАТА

В очень давние времена жил спустившийся с гор Арамази Улып-богатырь. У него было много скота, и жил он в полном достатке и довольстве. Всякие беды и несчастья обходили его стороной.

Но однажды кто-то из богов, видно, разгневался, горы Арамази затряслись, загремел гром, засверкала молния, и полились нескончаемые потоки воды. Горные озера и реки вышли из берегов, и потоки воды устремились в долины и начали заливать луга, на которых Улып пас свои стада. Такого еще никогда не бывало, и Улып не знал, что делать, чтобы спасти свои стада. А луга с каждым днем затопляло все больше. Тогда Улып, при своей богатырской силе, начал перебрасывать своих коров, овец, лошадей на более высокие, незатопленные места.

Три дня и три ночи трудился великан, но скота у него было так много, что до окончания дела было еще далеко.

По соседству с Улыпом жил кузнец-богатырь Азамат. Решил Азамат помочь своему соседу. За семь дней и ночей он сковал узорчатый, сверкающий семью цветами мост. Один конец моста упирался в горы Арамази, другой опускался на волжские луга.

Улып со своей женой перегнал свои стада по этому мосту на волжский берег. И как только все стада перешли через мост, он исчез, стал невидим.

Теперь этот семицветный мост можно видеть только в ясную погоду после дождя. Вот почему чуваши возникающую после дождя радугу называют Мостом Азамата.

ЛЕГЕНДА О НАЧАЛЕ ХЛЕБОПАШЕСТВА

Давным-давно, когда еще леса покрывали все берега Свияги и Суры и весь тот край, где они текут, подобно тучам, закрывающим небо во время грозы; когда еще люди кормились, убивая по лесам диких зверей, добывая из дуплистых деревьев мед диких пчел; когда бог богов могучий и великий Тора помогал людям добывать пищу, — тогда жили на земле два брата.

Старший назывался Якишем, а младший — Велюком.

Якиш был злой, жестокий, коварный.

Велюк был очень добрый, как малое дитя.

Якиш убивал зверей и кормился мясом. Велюк собирал мед и кормился им.

Однажды Якиш пошел на охоту, но не убил ни одного зверя. Голодный и поэтому еще более злой, он пришел к брату. Тот в это время ел мед, собранный им в дуплах, где жили пчелы.

Старший брат попросил меду, и младший по доброте своей охотно поделился с ним. Якишу захотелось узнать, где находятся те пчелы, которые собрали такую сладкую пищу.

— Скажи мне, где гнезда пчел? — спросил Якиш.

Простодушный Велюк повел брата в лес и указал все дупла, которые знал.

Через несколько дней Якиш вздумал украсть меду из одного дупла и уже отломил кусок сотов и стал есть. Но он не отнес первый кусок сотов к священному дереву Киремети в жертву богам, и Тора рассердился и приказал пчелам умертвить Якиша. Пчелы собрались из всех дупел, и каждая ужалила вора.

Якиш умер, и пчелы также умерли, потому что оставили в нем свои жала.

Когда Велюк увидел мертвого брата и мертвых пчел, то стал плакать: ему было жаль брата и своих кормилиц.

В слезах он уснул и вдруг слышит во сне голос Торы. Тора велит ему взять теленка и облить водой; что будет с водой, то надо сделать и с мертвыми пчелами.

Проснулся Велюк, поймал теленка и облил его. Теленок отряхнулся, и вода светлыми каплями попадала на землю и ушла в нее.

Тогда Велюк, следуя повелению Торы, разбросал мертвых пчел и закопал их в землю.

Это были первая пашня и первый посев.

Скоро из земли появилась травка, на которой потом выросли колосья. Одни были покрыты точь-в-точь такими жадами, какими пчелы убили Якиша; на других зерна висели так, как висят на дереве рои пчел. К тому времени, когда Велюк обычно собирал мед, колосья поспели. Велюк выбил из них зерна, растер между двумя камнями, смешал с водой и стал есть вместо меда.

Так появился сюгур — хлеб.

А Якиш был унесен злым духом в преисподнюю. Там злой дух сделал из его злого сердца червей, убивающих теперь молодых пчел, а из тела сделал мышей, поедающих воровски тот хлеб, который добывается человеком.

ДЕВУШКА НА ЛУНЕ

Давным-давно, в незапамятные времена, жила на земле злая-презлая колдунья. У колдуньи была падчерица — тихая, работающая и собой писаная красавица.

Не любила колдунья свою падчерицу, постоянно ругала, изводила непосильной работой. А та, хоть бы ей что, все такая же красивая да пригожая. Заговорит — словно жаворонок запоем, улыбнется — будто ясным солнышком все кругом осветит. Всем нравилась красавица, все ее любили. Но это только еще больше злило мачеху, и задумала она во что бы то ни стало погубить падчерицу.

Однажды, в глухую полночь, колдунья примчалась невесть откуда на своей железной мялке, разбудила спящую девушку и говорит:

— Сбегай-ка на речку, свежей водицы испить захотелось!

Девушка встала с постели, взяла ведра с коромыслом и пошла на реку.

«Пойти-то ты, красавица, пошла, а вот поглядим, вернешься ли», — думает про себя колдунья.

Ночь была ясная, морозная. С неба светила полная луна, под ногой снег похрустывал.

Любуясь лунным сиянием, девушка спустилась к проруби. Сняла с коромысла ведро, наклонилась, чтобы зачерпнуть воды, а когда выпрямилась — в ужасе отшатнулась: со всех сторон ее окружали страшные ведьмы. Они носились вокруг нее на помелах и мялках, протягивали костлявые руки, щелкали железными зубами.

В страхе девушка зажмурилась, взяла ведра на коромысло и заспешила домой. Не тут-то было! Ведьмы не отстают от нее ни на шаг, загораживают дорогу, со всех сторон тянут страшные руки, вот-вот растерзают.

Девушка в отчаянье озирается, но кругом — ни души, только одна-одинешенька луна с неба светит.

— Не дай погибнуть, ясный месяц! — взмолилась девушка.

Луна услышала мольбу девушки, засияла еще сильнее и на своих лучах подняла девушку с ведрами с коромыслом к себе. Теперь ведьмам до нее было уже не дотянуться.

С тех пор в ясные ночи на полной луне и видится девушка с коромыслом на плечах. Приглядитесь получше — обязательно увидите.

КАК У ЧУВАШЕЙ ПОСЕЛИЛИСЬ ДЕНЬГИ

Когда-то, в старопрежние времена, плыла вниз по Волге лодка. В одном месте она пристала к берегу. В лодке находились семь разного достоинства монет: копейка, семишник, пятак, гривенник, двугривенный, полтинник и целковый. Они, говорят, ездили по белу свету и искали для себя новые места.

Лодка пристала к правому, крутому берегу. На горе виднелось большое чувашское село. Целковый, как самый старший, приказал полтиннику:

— Поднимись-ка на гору, в село, и узнай, что за люди там живут и есть ли у них деньги.

Полтинник хоть и был в подчинении у целкового, но считал себя тоже старшим над остальными монетами и послал в село двугривенного. Тот, в свою очередь, перепоручил дело гривеннику, гривенник — пятаку, пятак — семишнику, семишник — копейке. Копеечке уже некому было приказывать, пришлось идти самой. Покатилась она в сторону села, а вскоре и из глаз исчезла.

Ждут-пождут копейку, а ее нет и нет. Рубль опять велит полтиннику сходить в село, поглядеть, что за народ там живет и имеет ли деньги. Полтинник опять посылает вместо себя двугривенного, тот гривенника, гривенник — пятака, пятак — семишника. Семишник остался младшим, перепоручать дело некому, пришлось самому идти. Покатился он в сторону села и из глаз простыл.

Ждут-пождут остальные деньги — нет ни копейки, ни семишника. Целковый опять берет за бока полтинника, тот — двугривенного, двугривенный — гривенника, гривенник — пятака. Пятаку посылать некого, покатился сам.

Ждут-пождут — нет и пятака, как в воду канул. Целковый посылает полтинника, полтинник — двугривенного, двугривенный — гривенника.

Один за другим укатились в село и гривенник, и двугривенный, и полтинник. Укатились, и от них тоже ни слуху ни духу.

Целковый остался один. Посылать уже некого. Подождал он еще немного да и думает: «Что такое, куда они все подевались? Видно, придется самому на ту гору подняться и все разузнать».

И хоть был он от природы важным и ленивым, зашагал той же дорогой, по которой исчезли остальные монеты.

Пришел целковый в село, видит — в середине села большущий базар шумит. Пригляделся получше — тут копейка с семишником, пятак с гривенником и двугривенный с полтинником туда-сюда снуют, катаются меж людей, за какую-нибудь минуту по нескольку раз меняются местами. Да так-то весело, с разными шутками-прибаутками, что глядеть любо-дорого.

Пришелся базар по душе и целковому. Он тоже решил остаться тут навсегда.

Правда, целковый, не в пример юркой мелочи, по-прежнему не вертелся и не суетился меж людей, а больше лежал спокойно по карманам богатых людей. Издавна такой порядок ведется: крупные деньги лежат в кармане одного хозяина, а мелкие, работая вместо крупных, постоянно переходят из рук в руки, из кармана в карман.

МАКРАЗЬ

Это было очень давно. Вскоре после того, как Вере паз землю создал, небо, светила на небе развесил, сотворил людей и всякую живность. Одному Вере пазу трудно стало управлять огромным миром, он породил себе помощников сыновей: Нишке паза, которому поручил все земное владение, а потом Пурьгине паза — ему отдал он небо. Два родных брата и лицом и нравом не были похожи друг на друга — они отличались, как небо от земли. Нишке был сильным, по-мужицки красивым и добрым; Пурьгине же родился раздражительным, завистливым, может, оттого, что росточком не удался, да от рождения у него правая нога была немного короче левой. Он всегда вставал с левой ноги и целый день хмурился, гремел, метал огни и молнии. Отец Вере паз, зная о хромоте сына, подарил ему золотую колесницу и тройку быстрых коней.

— Катайся, Пурьгине, по небу, поливай землю благодатными дождями, громами пугай ослушников, великих грешников поражай огненными стрелами.

Сначала Пурьгине делал то, что было ему велено, но потом возгордился, по своему усмотрению и судил и наказывал и неправых и правых. Метал свои огненные стрелы не только в грешных, а и для остротки, для убожения своих прихотей. Он смотрел с высоты, как, слышав его громовой голос, поджав хвосты, прячутся в укрытия собаки, крестятся и дрожат люди, перестают петь беззаботные птицы.

Взмолились люди, попросили они своего заступника Нишке паза: уйми, мол, своего брата, безобразничает, спасу нет. Нишке по-братски уговаривал буйного Пурьгине паза. Прямо сказал ему:

— Я, брат, живу на земле среди людей, слышу, как плохо они о тебе говорят, шепотом осуждают твои деяния... Не любят тебя люди.

— Пусть не любят, лишь бы боялись.

Так говорила в Пурьгине его гордость. Но в глубине души горько ему было оттого, что никто его не любит.

Катаясь по небу, Пурьгине не раз видел, как с наступлением сумерек выходит из Суры молодая красавица Ведява, садится на белый камень и золотым гребнем расчесывает свои шелковые волосы. Захотел Пурьгине паз, чтобы она стала его женой. И уговаривал и угрожал Ведяве, но она и слушать не хотела. Только завидит Пурьгине, сразу же прячется в омут.

Понял Пурьгине, что добром не пойдет за него Ведява. Стал кружить над Сурой. Бешено понеслись небесные кони, завертелось небо, поднялся сильный ветер. Крутясь волчком, он опустился в омут, где жила Ведява, и закружил ее вместе с водой, рыбами, раками и травой придонной, поднял в небо к Пурьгине пазу.

После того, говорят, был чудной дождь. С небес падали на землю живые лягушки, раки, рыба всякая: мелочь там, и сомы, и стерлядь сурская. Люди ходили под струями ливня и мешками собирали живую рыбу и раков. Потом все лето Пурьгине в небе и не показывался, прятался в густых тучах.

А на земле настала великая засуха. Не было дождей, обмелели реки и озера, высохли ручьи и колодцы. Увяли травы и цветы, сгорели хлеба. Плакали-плакали люди, пожаловались Нишке пазу:

— Что это ты, наш великий покровитель, разгневался на нас, лишил воды?

— Как? — удивился Нишке. — Почему нет воды? Где Ведява?

— Нет ее на земле, Пурьгине утащил в небо.

Оставил на время Нишке землю, взвился в небо к Вере пазу и сказал ему:

— На земле засуха, голод, умирают люди,дохнет скот, травы и цветы сгорели, на земле не стало воды! А все потому, что Пурьгине Ведяву на небо утащил.

Вере паз ничего не знал о делах земных, полностью доверился Пурьгине и царствовал, лежа на боку. Тотчас же повелел он непослушному сыну вернуть Ведяву на землю и все хорошенько полить дождем.

Не хотелось Пурьгине расставаться с красивой Ведявой, но перечить отцу он не посмел: чего доброго — золотую колесницу отнимет. Разразился он ливнями и возвратил с ними на землю Ведяву.

Прошло время, и у Ведявы родилась дочь, которую она назвала Макразь.

Шли дни, годы, Макразь росла, расцветала, стала красавицей несказанной, умницей, все понимала, только одно было горе: говорила слишком тихо — как рыба, рот разевает, а не слышно, о чем говорит, — чтобы услышать ее, нужен был тонкий слух.

Пришла золотая пора и для Макрази, весна ее — молодость. Она стала стройной девушкой и с тоской посматривала в сторону села, где с утра до вечера работают люди, бегают девушки и парни. По ночам она стала выходить из воды. Как мать, садилась на белый камень, распускала свои косы и расчесывала волосы золотым гребнем. Иногда уходила в глухой лес и слушала песни деревьев.

Однажды вечером сельские парни и девушки пришли водить хороводы к реке. Макразь бесшумно вышла из воды, спряталась за березами и смотрела на праздник молодых. И тут от хоровода отделился высокий кудрявый парень и подошел к ней. У Макрази голова закружилась: таким красивым показался он ей.

Юноша склонился к земле, сорвал красный цветок и протянул его Макрази.

— Здравствуй, девица-красавица. Что стоишь в одиночестве? Идем с нами хороводы водить.

Макразь улыбнулась ему, смутилась, убежала в прибрежные кусты и бесшумно исчезла в реке. Юноша ходил по берегу, искал ее, думал: «Вот чудо! Как в воду канула».

— Может, привиделось? А? Такая красавица, будто сам Нишке паз создал ее, как цветок счастья.

После этой встречи Макразь вовсе лишилась покоя. Все ночи проводила на берегу, ходила по лесу, все надеялась, что парень придет и опять подарит ей красный цветок.

Парень тоже думал о ней и вот снова пришел к омуту.

Тут они и встретились во второй раз.

— Здравствуй, душа-девица, красота ненаглядная. Пойдем на луг зеленый, там цветов много, там мятой и цяпором пахнет.

Он протянул руку девушке, и она послушно пошла с ним. До самой зари гуляли они по лесным тропинкам, по бархатным лугам. Парень рассказал ей, что он единственный сын старейшины села Вечкузы. А село это за Давол-горой, на берегу тихой речки. Зовут его Дуваром.

Макразь кивала, подтверждая, что она все понимает, иногда произносила слово, как умела: тихо, почти шепотом. Парень плохо понимал ее, зато он хорошо видел красоту Макрази.

На следующий вечер Дувар опять пришел к омуту. Макразь ждала его, и они, взявшись за руки, опять ушли в лес. Так продолжалось недолго. Дувару хотелось, чтобы девушка разговаривала с ним и пела ему песни. И тогда Дувар сказал:

— Макразь, я не могу целыми ночами говорить с тобой и в ответ слышать шепот. Мне нужно, чтобы ты говорила, чтобы пела мне песни о великой любви. Я приду снова, когда услышу твою песню.

— Песни любви не слушают, — прошептала Макразь, — ее сердцем чувствуют.

Не расслышал ее слов Дувар. Не простившись, быстро зашагал к Давол-горе.

Макразь прыгнула в омут, темные круги побежали по воде. Взмолновалась Сура, подули озерные ветры.

Целый день проплакала Макразь в своей светелке. Мать ее, Ведява, обо всем знала, но не докучала ей. Только наставляла, мол, не надо давать сердцу воли, можно любить, но не сгорать в огне. По-своему она была права, ведь она была владычицей холодной воды, и сердце у нее было холодное.

Вечером Макразь опять вышла на берег ждать Дувара. Она не верила, что он не придет. Но

проходил час за часом, уже меркли и гасли звезды на синем небе, а Дувара все не было.

Когда румяная зорька повесила на краешке неба свою красную фату, услышала Макразь песню. Песня звучала издали, плыла над Сурой, над прибрежными лесами, песня завораживала. Застыла Макразь на месте. А песня все звенела и приближалась к ней.

Подошли к омуту парень с девушкой. Парень высокий, красивый, а девушка и росточком мала, и лицом неказиста. Они встали у дерева, и Макразь слышала, как парень сыпал упреки девушке:

— Поешь ты, Дана, что соловушка. Приятно с тобою быть, сладко тебя слушать, но ходить с тобой можно только темной ночью, чтобы не видеть лица. Мне хочется выйти с тобою в люди, да боюсь осмеют меня.

— Где же взять красоту, если бог не дал?

— А мне по моей красоте нужна красивая девушка. Я больше не приду. Вот и весь мой сказ.

Парень резко повернулся и побежал, будто боялся, что девушка побежит за ним. Но девушка стояла как окаменевшая, только слезинки одна за другой скатывались по лицу, падали на омытую росой траву.

— Боже мой! — с ужасом простонала Дана. — Зачем создал Ты меня несчастной, некрасивой? Зачем мне мой прекрасный голос, нежная душа, если он меня не любит? Где мне взять красоту? Чем так жить, лучше в омут!

Девушка уже готова была броситься в омут. Но чья-то рука легла ей на плечо, и едва слышный голос сказал:

— Не надо в омут. Там вечно темно и холодно. Я сделаю тебя красивой, твой парень полюбит тебя. Но ты за это должна отдать мне свой чудесный голос.

— Значит, — сказала Дана, — ты мне свою красоту, а я тебе свой голос.

— Да, да, — закивала Макразь.

— Пусть будет так. Я согласна!

Макразь взяла Дану за руку, подвела к берегу реки. Она стала шептать заклинания. Вздогнуло, загрохотало небо, огромной волной выплеснулась вода из Суры, окатила девушек и обратно сползла в реку. Успокоилась зыбь, вода стала зеркально чистой.

— Посмотри на себя, красавица Дана! — крикнула Макразь. — Теперь ты будешь счастливой.

Дана увидела свое отражение в Суре, ахнула, но и сама не услышала своего вздоха: с зеркала воды смотрела на нее девушка красоты небесной. Девушки поцеловались и разошлись довольные.

Макразь так же после ухода Даны долго смотрела в зеркало реки, но не жалела о своей былой красоте. Она кричала, она пела, она восторгалась своим серебряным голосом и думала: «Вот теперь-то Дувар вернется. Надо только сложить песню о любви».

Песня была в ее душе и теперь рвалась в широкий мир. Макразь спела ее сама себе. Потом спела рыбам, вышла на берег, запела громко, нежно, призывно. Умолкли птицы, тесным кольцом окружили ее деревья, наклонились вершинами, чтобы не пропустить ни единого звука; травы встали на цыпочки, тянули вверх свои головки, чтобы лучше расслышать песню о великой любви.

Чудесной, воистину самой лучшей песней была эта песня. Рассказывают, что древние певцы не знали ее слова и музыку, а теперь никто из людей не знает этой песни, а деревья, цветы и травы поют, но поют на своем языке. Говорят, влюбленные слышат ее.

Буйные ветры подхватили песню Макрази и принесли в село Вечкузы. Дувар услышал в ней свое имя, встала перед ним во всем величии своей красоты Макразь. Он не мог не пойти к ней.

Он запел песню и пошел к омуту. Быстро сгущались сумерки, небо покрылось тучами, ночь черным пологом накрыла землю. Темным-темно в лесу. Дувар шел по знакомой тропе, песня Макрази звала и указывала ему путь. Они встретились... И долго, долго, до самой осени, слышалась над Сурой эта великая песня любви. Но в это же время не было ни одной лунной

ночи, висели тучи в темном небе, нигде и малая звезда не блеснула.

Холодно стало в осеннем лесу, деревья сбросили свои нарядные платья, птицы покинули свои гнезда, улеглись на землю травы — все готовилось к долгой зиме.

— Мерзну я, — прижимаясь к Дувару, говорила Макразь. — Пойдем ко мне. У моей матери в хрустальном дворце тепло. Проведем там холодную зиму и вернемся сюда летом. Я буду тебе женой, я рожу тебе сына.

Призадумался Дувар и, помедлив, сказал:

— Пойдем!

Макразь взяла его за руку.

— Ты иди за мной, только я знаю дорогу в этот подводный дворец. Мы очень скоро будем там. Там очень, очень тепло!

Идет Дувар за Макразью, они вошли в воду, шаг... второй, уже по колено в воде парень. Будто острым ножом колола холодная вода. Он остановился:

— Подожди, Макразь. Дай дух переведу. Я... Я, пожалуй, не пойду в твой хрустальный дворец. Перед матерью твоей я должен появиться настоящим женихом, нарядным. Рубаха на мне не новая, лапти поношенные. Пойду наряжусь, да и родительское благословение для жизни нам нужно. Матери надо сказать, она умрет от горя, если я вдруг уйду из мира.

— Смотри, Дувар, воля твоя, речи твои умные, родительское благословение нам нужно, без него счастья не будет. Иди и возвращайся вечером. Вернешься?

— Как же, Макразь. Я вернусь. Порази меня гром, если я не сдержу своего слова.

Макразь вывела его из воды. Они простились.

Но не пошел Дувар вечером, и на следующий день не пришел, сколько ни звала его Макразь песней о любви. Она ходила по берегу, вокруг нее резвился ветер, тербил косы, шелестел ее платьем. Она крикнула ветру:

— Не вертись подле меня! Слетай на Давол-гору в Вечкуз веле, донеси мою песню Дувару.

Ветер распростер свои невидимые крылья и улетел. Он очень скоро вернулся и прошумел над Макразью:

— Не пой, Макразь, песню о любви, нет ее, любви, у людей. Дувар твой сейчас сидит за столом с невестой, он обманул тебя. Он больше никогда не придет к омуту.

— О! Великий Вере паз, и отец мой заступник Пурьгине! Помогите мне в моем горе. Верните мне мою любовь! — воскликнула Макразь.

Вздогнуло небо. Над Сурой пронеслись черные тучи, гремел гром. Тучи обогнули Давол-гору, закружились над Вечкузом. И тут, привстав на край черной тучи, хромоногий Пурьгине метнул на землю огненную стрелу...

Стрела угодила в дом старейшины, где гремела-шумела свадьба Дувара. Одни черные головешки остались.

Туча повернула обратно, поплыла над Сурой и остановилась над омутом, сверху донесся громовой голос Пурьгине:

— Я исполнил веление Вере паз, я поразил стрелой неверного, он сам избрал себе судьбу, поклявшись тебе.

Улетела туча. С воплями отчаянья нырнула Макразь в омут и больше никогда не показывалась людям. А люди помнили ее песню о великой любви. Девушки бросали в омут венки живых цветов. Молились ей, просили у нее красоты и счастья. Все мордовские племена чтили ее, и потом, когда в наши края пришли славяне, они тоже поклонялись Макрази, только имя немного по-своему переделали, Мокрошью называли.

ВОЛГА-РАВ И КАСПИЙ

Очень давно это было, никто не помнит. Наверное, на самой заре жизни. Жил тогда в стране Высокого Солнца могучий богатырь Каспий. Роста огромного, грудь и плечи широкие, красивым был Каспий: волосы густые, черные, кольцами вьются, глаза карие — насквозь пронзают, нос как клюв орлицы, а лицо смуглое. Он ездил на огромном вороном коне.

Недалеко от Каспия, в сторону Белой Ночи, жил другой богатырь — Рав. Он был тоже очень высокого роста, пожалуй, выше Каспия, тоже красивый: станом стройный, как сосна, беловолосый, нос прямой и тонкий, а глаза голубые-голубые, как ясное весеннее небо. Рав был таким могучим и тяжелым, что ни один конь не мог удержать его. Он ходил пешком, и когда шел — земля под ним содрогалась.

Сначала мирно, по-добрососедски жили эти богатыри, но потом... Пришла и поселилась неподалеку девушка, тоже высокая, сильная, а уж красивая — и описать не опишешь, и нарисовать не нарисуешь: такая же красивая, как утренняя заря. Звали ее Волгой. Увидел ее Каспий и сказал:

— Эта девушка моя. Я женюсь на ней.

Встретил ее могучий Рав, улыбнулся и тоже сказал:

— Это моя половина, я должен жениться на ней.

Долго спорили богатыри, но ни о чем так и не договорились. Тогда Рав сказал Каспию:

— Пойдем спросим у самой девушки, за кого она замуж пойдет.

Пошли. Каспий — впереди, на коне, Рав — немного поодаль, пешим.

Встали они рядом перед Волгой и спросили:

— Свет-красавица Волга! За кого выйдешь замуж?

— За самого сильного, — ответила девушка. — Мне нужен сильный муж, чтобы дети были здоровыми и сильными.

— Я сильнее! — закричал Каспий.

— Это еще проверим, — сказал Рав.

Сцепились два могучих богатыря. Земля дрожая дрожала, тучи на небе покачивались, солнце прикрывало лицо, как бы камушком не ударило.

Сильным был Каспий, но Рав еще сильнее. Он победил смуглого богатыря Каспия.

Волга встала рядом с Равом, прижалась к груди, а печальный, хмурый Каспий вскочил на своего вороного коня и ускакал в свою страну Высокого Солнца.

Счастливо зажили Рав и Волга. На первом же году Волга родила Раву двух дочерей-близнецов, Оку и Каму. А потом пошли сыновья и дочери, дочки и сыновья. Родился Большой Иргиз, Сок, Сура. Родилась дочка, капелька в капельку на отца похожая. О ней говорили: «Это сама Ра» — и имя ей дали Самара. За долгую жизнь они много-много детей народили, дети, в свою очередь, тоже нарожали. В роду Рава и Волги сыновей-дочерей, внуков и правнуков было более четырехсот.

А смуглый красавец Каспий жил бобылем. Ни жены, ни детей у него не было. Он завидовал Раву, клял свою судьбу, что тогда не улыбнулась она ему и не помогла победить Рава. Он думал: «За это время я стал более богатым, более сильным, чем Рав. Теперь я имею право владеть самой красивой женщиной, Волгой». Собрал Каспий вокруг себя множество помощников: бури песчаные, ветры-суховеи, зной, жара — все пришли к нему. Повел свою рать Каспий на земли Рава. Далеко зашел.

А Рав не стал дожидаться, пока злой Каспий иссушит суховеями его земли, переломает бурями леса, сам вышел навстречу Каспию. Долго сражались богатыри, ни на шаг не отступил Рав.

А Каспий пядь за пядью все пятился, и наконец загнал его Рав в огромную глубокую впадину. Вокруг горы каменные — больше некуда Каспию деваться. Тут-то Рав и ранил в грудь Каспия.

Полилась оттуда не кровь, а иссиня-зеленая вода. Набралось столько воды, что она заполнила всю впадину. Подул ветер, забегали крутые волны — бунтовал, негодовал Каспий. Это огромное скопление воды называли люди морем Каспия, то есть Каспийским морем. Оно во всем похоже на своего прародителя: хмурое, суровое, а начнет буйствовать — волны из стороны в сторону мечутся. Оно вечно нелюдимо, никто к нему в гости не ходит, и само оно дороги к другим морям не знает.

Недолго после богатыря Каспия жил и Рав. То ли от ран умер, то ли старость подошла. Как только перестало биться его сердце, сразу же упала и умерла и Волга. Она была его половиной, у них была на двоих одна душа.

Весть о смерти Рава и Волги разлетелась по всей земле, от Каспия до страны Заходящего Солнца. Горькими слезами заплакали дети, внуки, правнуки и праправнуки Волги и Рава. Они все пошли к родительскому дому, и вслед за ними тянулись реки, речки и ручейки. Когда они подошли к усопшим, за ними катилась широкая величавая река. Она взяла в свои объятия останки Рава и Волги и стала могучей, как Рав, и красивой, как Волга.

С радостью смотрели люди на эту реку, и каждый по-своему выражал свой восторг. Одни говорили: величавая и красивая, как сама Волга, и называли реку Волгой; другие видели в ней силу и благородство Рава и говорили: ну точно как Рав, и называли Равом. Наши предки, мордва, Волгу называли (и теперь называют) Равом. И древние греки оставили записи, что у скифов и сарматов есть река Ра.

КАЧЕЛ

Давным-давно, во времена царствования инязора Тюшти, было одно небольшое эрзянское село, называлось оно Кансть. Стояло оно посреди леса, на широкой поляне. Рядом озеро, очень глубокое и холодное, вода в нем казалась черной, потому и называли озеро Черным.

В этом селе и жил парень-богатырь Качел. Он был у матери семнадцатым сыном. Из всех силачей села никто не мог осилить его. За что он ни брался — поднимал, что поднимал — уносил. И сам он не знал, что не по силам ему.

Жили они вдвоем с матерью, было у них много гусей. Гуси с утра уходили на озеро. Возвращались вечером с прилипшей на перьях ряской, в багровом зареве заката казались зелеными. За ночь ряска отпадала, и утром они опять белой стаей уходили на озеро. Взглянет Качел в окно на Черное озеро и увидит своих гусей: вода от берега до берега — белым бела от них.

Однажды он посмотрел на озеро и удивился: там нет ни одного гуся. Пошел искать — нигде поблизости не нашел. Прошелся по лесу — и там нет.

— Гуси куда-то ушли, — сказал он матери, возвратившись домой. — Искал, нигде не нашел, как в воду канули.

— Не печалься, — успокоила мать, — гусь — птица умная, мимо дома не пройдет, придут сами.

И правда, вечером гуси пришли. Увидел их Качел — удивился: все они были белее снега, как серебром облиты, а лапы в золотистый цвет покрашены. И все такие чистые. Долго удивлялся Качел, потом сосчитал — одного гуся не хватает.

И на другое утро гуси куда-то пропали с Черного озера. Вечером опять одного недосчитался Качел.

На третий день Качел сам погнал гусей на Черное озеро, посидел на берегу и ушел завтракать. Только сел за стол, посмотрел в окно на Черное озеро: там ни одного гуся уже нет. Вечером вернулись гуси домой — одного опять недостает. Так дней пять продолжалось. Как ни стерег Качел, но убереечь гусей не мог. И тогда-то решил парень: «А посмотрю-ка я, куда они ходят».

Утром выпустил гусей. Они вышли за ворота — и прямо в лес. Качел крадучись — за ними. Гуси долго шли по лесу, потом поднялись и полетели над деревьями. Качел побежал за ними: гуси — под облаками, он — по лесу. Качел быстро бежал, коня опережал, зайца догонял и от гусей не отстал.

Опустились гуси на широкой поляне. Вся поляна в цветах, посередине ее ключ, вода из него бьет фонтаном, сверкает под яркими лучами солнца и кажется серебряной. Из ключа вытекает коротенький серебристый ручеек, через сто сажений он впадает в небольшое озеро. Вода в озере тоже серебристая, а по бережкам трава шелковая. В этом озере гуси стали купаться. Уж так купались, так резвились, будто плясали под сказочную музыку.

Качел залюбовался, вся душа его наполнилась радостью. И хотелось ему припасть к ключу, освежить пылающую от быстрого бега грудь, успокоить сердце сладкой прохладой чистой воды. Но он побоялся спугнуть гусей, улетят — так и не узнаешь, кто же крадет их. Качел сидел под густым кустом и все ждал.

Гуси вышли на берег, пощипали зеленой травки на мягком лужке, погоготали, погоготали и заснули. Спят гуси. Только один гусак, приподняв голову, караулит.

Тут откуда-то подул жаркий ветер, стало душно. Заснул и гусак-сторож.

Теперь можно было напиться из ключа. Только наклонился Качел, откуда-то вновь дунул на него горячий ветер. Он поднял голову и видит: стоит под дубом страшное семиглавое чудовище, из семи глоток изрыгает обжигающий ветер.

— Кто пьет мою воду?! — громовым голосом спросило чудовище. — Этот ключ мой! И озеро мое. Кто придет пить мою воду — не жить тому на свете. — Эти слова произнесли сразу семь ртов, из четырнадцати ноздрей сверкнули молнии, повалил дым и огонь.

— Земля — всем людям мать! Вода из земли выходит! Земля ее всем дарует. А уж кому жить или не жить на белом свете, это еще на озере вилами написано, — ответил Качел чудовищу.

И задрожала тогда земля, солнце покрылось тьмою. И набросилось чудовище на Качела. Не дрогнул богатырь, ножа не обнажив, стал против дива лесного.

Сцепились чудище и молодой богатырь: поляна превратилась в пашню, столетние дубы попадали, и тучи над ними колыхались.

Ударит Качел, катится голова чудовища с плеч, но тут же вместо нее вырастает новая, и опять палит чудовище огнем и дымом. На Качеле истлела одежда. Жарко и самому чудищу. Прыгнут они в озеро, выйдут оттуда и снова идут друг на друга.

До обеда бились — никто не побеждает. Сообразил Качел, что голыми руками не одолеть ему чудище. Тогда он выдернул с корнем сосну и стал бить ею чудовище. Бил, пока не искрошилось дерево. Шесть голов отбил. Теперь у змея только одна голова, и силы иссякли.

— Свет-солнышко, добрый молодец, — взмолилось чудище. — Пощади меня, добро твое я не забуду. Дозволь глнуть воды из ключа. Потом уж что хочешь проси, все дам.

Качел отпустил его. Чудовище, хромая, потащилось к ключу. И только глотнуло воды, как тут же выросли все его головы, и тело стало сильнее и больше, чем прежде. И раны зарубцевались, будто их и не было.

— А теперь посмотрим, чья возьмет! — семью ртами засвистало чудовище и набросилось на Качела.

И они снова начали биться... Тут-то обнажил Качел свой охотничий нож и сказал чудовищу:

— Богатыри бьются честно, ты схитрил, хитрость — не сила, жизни твоей не спасет, доброй молвы о тебе не останется. Умирай, вор и разбойник. Это ты моих гусей крал.

Качел ножом пронзил чудовище насквозь и пригвоздил к земле. Взмолился змей перед смертью:

— Знаю, теперь ты, парень, не пощадишь меня. Но исполни мою последнюю волю, похорони меня вон под теми старыми дубами. Копая мне могилу, найдешь свое счастье.

Испустило дух чудовище, Качел начал было уж ему могилу копать, но в это время прилетел дятел и сказал:

— Не хорони его тут, добрый молодец: лес и ключ высохнут, и трава расти не будет, и птицы оставят свои гнезда. Ты сожги его, а пепел развеи по ветру.

Качел так и сделал. Тотчас же тучи рассеялись, засветлел небосвод, весело зашумел лес, поляна покрылась яркими цветами, запел ключ, вода стала еще прозрачней. Качел попил воды и почувствовал прилив новых сил, усталость как рукой сняло, ни ссадин, ни ран на теле не осталось.

Скоро о целебном ключе узнали все жители села Кансть. Они оставили старое место и переселились на красивую поляну, Качела избрали старшим, женили на самой красивой девушке. Он прожил на свете сто пять лет. И до смерти был самым сильным, никто его не мог победить. А смерть все же взяла. Его давно уже нет, а село, названное именем Качелай, до сих пор стоит у животворного ключа.

АЛАТЫРЬ И ИНСАР

Все это было очень давно, во времена царствования мордовского инязора Тюшти. Алатырь и Инсар — это, как сказывали, были богатыри, сыновья эрзянки красавицы Суры. Она родила их от мокшанского богатыря Пензы, за которого вышла замуж по любви.

А Пенза, говорят, был главой всех богатырей Тюшти.

В то время, когда Алатырю и Инсару было по пять лет, напали жестокие половцы. Предводителем их был Бурумбай. Они долго сражались с войсками Пензы. Но победить их так и не удалось. Тогда Бурумбай решил Пензу обмануть — приехал в его дом и предложил мир.

Здесь он увидел Суру. Воспылал страстью к ней и надумал похитить ее себе в жены.

— Война никому из нас добра не принесет, — угодливо говорил Бурумбай Пензе. — Незачем нам жить в ссоре. Будем хорошими друзьями. Сегодня я у тебя в гостях, завтра ты приходи ко мне. Я тебе помогаю, ты мне поможешь. И мне хорошо, и тебе хорошо. Завтра же приезжай ко мне в гости. Встречу как настоящего друга.

Поверил ему Пенза. Приехал к нему в гости. Действительно, его встретили как хорошего гостя. Угостили, спать положили. Коня, быстрого, как ветер, подарил ему сам Бурумбай. А когда стали провожать его домой, подарили еще двух красивых девушек, чтобы нянчили детей. Проводили — лучше уж некуда. Бурумбай дал ему десять провожатых.

Но домой Пенза не вернулся, не встретился он с женой и своими любимыми сыновьями: по дороге напали на него два больших отряда, посланных Бурумбаем. Долго отбивался Пенза, много врагов убил, но и сам от множества ран ослаб. Его схватили, связали и посадили в каменный подвал, который был в глубине леса на склоне крутой горы.

Девушки-рабыни пришли к Суре и рассказали, что случилось с ее мужем.

Сура долго плакала о Пензе. Со временем Бурумбай прислал к ней сватать своего старшего брата.

— Пусть сам приедет, — ответила Сура.

Немного погодя приехал сам половецкий хан. Богатые дары привез с собою. Поклонился жене Пензы и все сложил перед нею. Сура в ответ даже не поклонилась ему.

— Зачем ты приглашал Пензу? — спросила она гостя.

— Аллах знает зачем, — бросил взгляд на небо хан. — Как хорошего гостя приглашал я его. По-хорошему и проводил. Охрану дал.

— Куда ты дел Пензу? — спрашивает Сура.

— Я хорошо проводил твоего мужа, он поехал, а куда делся, об этом только Аллах знает. Я ни в чем не повинен, — оправдывался хан. — А ты все равно будешь моей. Хочешь не хочешь — сама придешь.

— Петля обнимет твою шею вместо моих рук! — крикнула Сура. — Убирайся прочь!

Бурумбай сверкнул очами, выскочил во двор, схватил игравших там Алатыря и Инсара, вскочил на коня и усакал с ними.

Велико было горе Суры. На мгновение даже пожалела, что не дала согласия хану. За один день волосы ее поседел, стали белее первого снега.

Примерно через полгода Бурумбай опять прислал сватов. Те сказали Суре, если она выйдет замуж за хана, дети будут жить и блаженствовать, не выйдет — Бурумбай их убьет.

Сура и вправду заколебалась. Стала думать: не лучше ли будет, если она выйдет за хана замуж. Хоть дети живыми останутся... Долго думала и послала хану такой ответ:

«Если убьешь моих детей, то и тебе не жить на свете. Мое сердце ни за что не купить. Пусть ты убил моего мужа, но не сможешь умертвить моих детей. Их охраняет Нишке паз».

Бурумбай задумался: а может быть, и вправду Нишке паз — покровитель детей? Растут они не по дням, а по часам. И решил избавиться от них: одного швырнул на восток — в медвежью

берлогу; другого — на запад — в волчью нору. А сам собрал войска и повел их на мордовские земли.

Долго тянулась война, не один, не два года...

За это время Алатырь и Инсар выросли, превратились в могучих богатырей и пошли искать друг друга. Прошли через леса, топи, болота, наконец встретились у села Ичалки, на опушке соснового бора.

Встретились братья и пошли искать свою мать. Тогда Бурумбай оборотился горой, встал на их пути. Алатырь и Инсар разрезали пополам эту гору, прошли через нее.

Пришли они к своей матери в ту пору, когда в разгаре было жестокое сражение. Набросились они на врагов и стали гнать их прочь. Где гнали их, там от пота и крови образовалась бурная река.

Алатырь и Инсар схватили Бурумбая и привели к Суре.

— Где Пенза? — спросила его Сура. — Скажешь — будешь жить, не скажешь — голова с плеч долой.

Затрясся Бурумбай, взмолился:

— Знаю я, где Пенза, покажу каменный подвал, куда посадили его злоумышленники.

Пришлось Бурумбаю вести Суру и ее детей к каменному подвалу. Пенза был еще жив, но очень ослаб, вынесли его на свет, и он умер...

Похоронили его со всяческими почестями. Со временем здесь был заложен город — Пенза. И, говорят, реки наши мордовские: Инсар, Алатырь и Сура — носят имена некогда живших людей.

КАДАДА

По красивым местам протекает река Кадада. Мимо лесистых холмов, через широкие поля несет она свои воды. Много эрзянских и мокшанских сел вокруг нее красуется. Только раньше эта река называлась иначе. А как? Никто этого сейчас уже не помнит.

Одно эрзянское село на берегу этой реки называлось Поляж. Оно далеко протянулось вдоль реки, по холмам, покрытым лесом. Леса тогда здесь были такие густые, что по ним не только верхом не проехать, но и пешком не пройти. А уж если в них забредал незнакомец, считай — пропал, заплутается, сгинет в дебрях. Для мордвы же лес был и домом, и местом, где можно было укрыться; он кормил и одевал.

В Поляже жил со своей красавицей женой мужик-богатырь Тумай. Была у них одна-единственная дочь — Валда.

Уродилась она красотой в мать, силой в отца. Была словно только что раскрывшийся цветок, который с радостью встречает восход солнца. Стройная, словно березка, волосы кудрявые, а глаза такие синие, будто небесная лазурь потонула в них. Поэтому и звали ее Валдой.

Не было в селе парня, который не таил надежду жениться на Валде. Многие посылали к Тумаю сватов. Не сосватали: никто из парней Поляжа не тронул сердце девушки. Приходили сватать Валду и из других сел, и те ушли, не добившись своего. Отец не неволил свою единственную дочь. Даже ногайский мурза хотел жениться на ней. Вот как это вышло.

В Поляже бывали базары, где собирались эрзяне и ногайские купцы. Однажды там Валду увидел ногайский мурза и пристал к ее отцу: отдай мне ее в жены. Хвалился своим богатством. Чего только не обещал за девушку, и золото, и серебро, и коней, и много другого добра. Валда тогда и говорит жениху:

— Пойду я, мурза, за тебя замуж, только давай сначала поборемся. Победишь — буду твоей, не сдюжишь — уплатишь обещанное.

О силе Валды мурза не знал, но односельчане видели, как во время корчевки леса она вырывала с корнями такие пни, которые двум-трем мужчинам не по силам, а на току в шутку одним ударом цепа, как топором, разрубала сноп.

Мурза рассмеялся:

— Если так, тогда недолго моим губам ждать меда!

Все, кто был на базаре, собрались вокруг них. Где бывало такое, чтобы девушка боролась с мужчиной, да с таким, как мурза?! Ногаец — косяя сажень в плечах, лицо шире самовара.

Схватились. Ногаец хотел поднять девушку и осторожно положить на землю. Но... даже с места не сдвинул, будто корни она в землю пустила. Попытался второй раз, третий — опять не вышло. А Валда подняла мурзу за пояс, и он ахнуть не успел, как распластался на земле. Очухался. Уплатил обещанное да оплеванный уехал с базара.

Шло время. Тут неожиданно-негаданно и жених Валде нашелся. Так дело было: Валда собирала грибы и набрела на медвежью берлогу, в ней было два медвежонка. Бросилась молодая мать-медведица, разодрала бы девушку, но выручил ее молодой охотник, пришлось убить медведицу. Они познакомились. Звали охотника Вандолом. Вот этот парень понравился Валде! И в самом деле — стоили они друг друга: если она — березка, то он — дуб могучий, если он — солнце, то она — луна белоликая. И по силе, и по красоте были они парой. Поэтому никто не удивился, когда Валда ушла с Вандолом в село Куз, которое было от Поляжа верстах в десяти. Счастливо и дружно жили они. Только недолго.

Тяжелые были тогда времена. Ногайцы часто нападали на мордовские села. По оврагам, лесам, словно волки, кралась они к селам, набрасывались внезапно. Кто сопротивлялся, того убивали, девушек угоняли в полон, дома и посевы сжигали.

У эрзян села Куз поля располагались по ту сторону реки, где меньше было лесов и не было гор. Хорошие земли, только близки к ногайцам. Селяне, когда работали на полях, ставили караульных. В одиночку немногие ходили. Здесь, в заречье, Вандол и Валда стали расчищать себе участок под поле. Лес свалили, сожгли, стали корчевать пни.

В этот день они за рекой работали одни, и набросились на них ногайцы. Человек семь схватили Вандола. Тот даже руки не успел поднять. Двое набросились на Валду, хотели связать ее, но та

так их стукнула лбами, что они как подкошенные рухнули перед нею.

А Валда бросилась на помощь мужу. Ногайцы не ожидали этого, растерялись. Вырвался от них Вандол, схватил топор. Не успели ногайцы понять в чем дело, как трое были изрублены.

Победили бы Вандол и Валда тех ногайцев, которые напали на них, но из леса прискакала подмога — человек пятьдесят.

— Беги, Валда, в село! — крикнул Вандол, отбиваясь от ногайцев. — Беги, говорю! — крикнул он опять, когда увидел, что жена замешкалась. — Видишь, сколько их. Предупреди наших, беги-и!

Стрелой полетела Валда к селу. Восемь верховых ногайцев погнались за ней. Бежит Валда, текут ее слезы, вытереть некогда. Вот и лес кончается, скоро до реки добежит. Вот и село видно. Слышит — ногайцы нагоняют ее. Собрала все силы и закричала:

— Ногайть! Кекшеде! Кадодо кудонк! Кадодо! (Ногайцы! Прячьтесь! Оставляйте дома! Оставляйте!)

Бежит и кричит. Вот и река. Но в это время настигла погоня, трое схватили ее. Она вырывается и кричит громко, громко:

— Кадодо, кадодо веленть! (Оставляйте, оставляйте село!)

Посмотрела Валда в сторону села, увидела, как забежали в нем эрзяне: они услышали ее. Обрадовалась, собрала остатки сил, руками и зубами вцепилась в ногайцев и вместе с врагами бросилась с крутого берега в реку...

Старый мурза долго стоял и смотрел на то место, где исчезла женщина с его нукерами. Только ничего, кроме волн, не увидел. Скоро и волны успокоились.

— Ай да Кадада! Ай да Кадада! — дивясь, повторял мурза. — Джигит, Кадада! Джигит!

Кто знает, что хотел сказать старый мурза словом «кадада». Возможно, он думал, что так зовут эту сильную женщину. Возможно, удивлялся героической ее смерти и вспомнил ее последние слова. Кто знает. Только после этого стали называть эту реку Кададой.

Очень давно это было.

Тихо, плавно течет Кадада. Глядя друг на друга, на двух берегах ее стоят эрзянские села Валдалей и Вандол.

ЛЕГЕНДА О ВОЗНИКНОВЕНИИ МАРИЙСКОГО НАРОДА

У Юлы-бога была дочь, молодая и прекрасная, а женихов на небе не было. Там были одни только ангелы.

Юла-бог был работающий, а потому на небе работников не держал. Он делал все сам, а дочь свою посылал пасти скот.

На небе травы нет, а потому скоту надо было спускаться на землю. Бог и спускал его каждый день с неба, а вместе со скотиной спускал и свою дочь. Растворит небо, раскинет войлок, чтобы он доставал до самой земли, и спускает по нему дочь свою и стадо прямо на землю.

Однажды, будучи на земле, небесная девушка встретила с мужчиной. Его звали Мари. Он жил на земле и никак не соглашался идти к Юле-богу. Девушка же не могла подняться на небо и осталась на земле. Она вышла за Мари замуж, и от них и появились люди. Это и был народ Мари Эл.

ОНАР-БОГАТЫРЬ

Когда-то в далекие незапамятные времена возле Волги-реки жил могучий великан. Звали его Онар. Был он так велик, что встанет, бывало, на крутом волжском откосе и только чуть-чуть не достает головой до поднявшейся над лесами цветка-радуги. Потому-то и называют марийцы радугу — Воротами Онара.

Сияет радуга всеми цветами, она так красива, что глаз не отвести, а одежда у Онара была еще краше: белая рубаха расшита на груди алым, зеленым и желтым шелком, подпоясан Онар поясом из голубого бисера, а на шапке — серебряные украшения.

У богатыря Онара и шаг был богатырский: раз шагнет — семь верст позади оставит. Дорога ему была не нужна, он шел прямо через леса — могучие дубы и сосны перешагивал, словно мелкий кустарник. Не останавливали его и болота: самая большая топь для него была что лужа-калужинка. Был Онар охотником, добывал зверя, собирал мед диких пчел. В поисках зверя и бортей, полных душистого меда, он уходил далеко от своего жилища-кудо, которое стояло на берегу Волги. В один день Онар успевал побывать и на Волге, и на Пижме с Неидой, впадающих в светлую Виче, как по-марийски называется река Вятка.

Однажды шел Онар по берегу Волги, и ему в лапти набился песок. Разулся он, вытряхнул песок — с той поры остались на берегу Волги курганы и песчаные холмы.

Попалась Онару на пути речка, и пришла великану на ум озорная мысль: набрал он земли в горсть и кинул ее в речку. Легла богатырская пригоршня поперек течения, запрудила речку, и тотчас разлилось перед запрудой большое озеро.

Про многие холмы и озера в Мари Эл народ говорит, что это следы древнего великана. И потому-то марийцы называют свой край землей богатыря Онара.

ЧАЧАВИЙ И ЭПАНАЙ

Жил когда-то в деревне отчаянный парень по имени Эпанай. Не было во всей округе человека озорнее его. Покуда он тайком забирался в чужие огороды и погреба, мужики еще терпели. Но вот его уличили в краже лошади, это уже было настоящим преступлением.

Вора судили всем селом. Мужики, разъярившись, кричали:

— Побить его, на кол посадить, чтоб не повадно было красть!

Что и говорить, вина Эпаная велика: без лошади крестьянин что без рук: ни вспахать, ни посеять, даже дров из лесу не привезти. Нет лошади — бери суму и ступай по миру.

В ярости мужики насмерть забили бы конокрада, но, на его счастье, нашелся среди сельчан незлобивый старик Акрей, который пожалел парня за молодость. Хотя Эпанай и непутевый парень, но все же свой человек, деревенский, отец его всю жизнь честно трудился.

— Земляки! — поднял руку Акрей. — Не порочьте добрую славу деревни злым делом! Накажите его крепко, но не доводите себя до душегубства. Все-таки он вам сосед.

Мужики то ли действительно пожалели парня, то ли отнеслись с уважением к сединам Акрея, но только перестали бить парня.

Однако решили твердо:

— В деревне нашей ему не жить! Пусть убирается куда хочет.

Эпаная с позором изгнали из деревни, наказав, чтобы впредь он глаз не казал, иначе будет ему худо. Ни слова не сказал Эпанай, посмотрел, словно загнанный волк, повернулся спиной к односельчанам и зашагал прочь.

Вскоре народ узнал, что в лесах появилась разбойничья шайка, во главе которой стоял Эпанай. Грабил он всех прохожих, ни за что убивал людей. Не знал Эпанай жалости ни к старому, ни к малому. А разбогател он как! Ходил в зеленом шелковом кафтане, обшитом золотыми позументами, алые сафьяновые сапоги на его ногах сверкали серебряными узорами, подпоясывался атаман кушаком из парчи. Немало награбленного добра скопилось у него в лесных тайниках.

И вот задумал Эпанай бросить разбой, перевестись в купцы, а там — ищи его след! Золото и серебро все прикроют, из душегуба сделают человека именитого, почитаемого...

И быть бы Эпаная купцом, да, на свою беду, он увидел как-то раз на базаре дочь Акрея — Чачавий. Полюбилась ему красавица Чачавий, и решил он увести ее силком в свое лесное разбойничье логово.

Глубокой осенней ночью нагрянули лихие люди к старику Акрею. Не успел хозяин и глазом моргнуть, как его избу заполнила толпа разбойников. За поясом у каждого из незваных гостей — пистолеты и кистени.

Эпанай объявил старику, что он сегодня женится на его дочери. Перепуганную девушку отослали в амбар, чтобы она там принарядилась к свадьбе, хозяйке велели нести из погреба угощение, а сами разбойники достали с печи бочонок с медовщиной, выпили, загорланили песню:

Не свадьба пришла, А само горе-беда, Не торговцы мы, А разбойники лесные, — Поклонись, хозяин, атаману, Угощай гостей лихих!..

Но Акрей ухитрился увести со двора тайком дочь и жену.

Когда Эпанай обнаружил, что хозяина нет в избе, сразу побежал в амбар, а там — пусто. Тут-то он смекнул, что провел его старик. В гневе взмахнул он саблей и закричал:

— Догнать! Зарубить их всех!

И в этот миг дрогнула изба, закачались стены, затрещал потолок. Провалился дом вниз, под землю, хлынули струи холодной воды. Разбойники, воя от ужаса, копошатся кучей, давят друг друга, но ни одному не удалось выбраться.

Прибежал народ со всей деревни к избе Акрея, а на том месте, где только что стояли изба с

сенями, амбар и сарай, теперь виднелась большая яма, и в яме зловеще плескалась невесть откуда прибывающая вода.

Так на месте бывлой усадьбы Акрея появилось большое озеро.

Долго еще старики, пугая легковерных, говорили, что иногда осенними ночами со дна озера слышатся топот ног и заунывный вой, — это, дескать, пляшут и поют люди Эпаная, злые дела которых земля не стерпела и расступилась, чтобы покарать их за все содеянное...

ДА БУДЕТ С ВАМИ ПЭРКЕ!

Загадывая об урожае, мари́йцы говорят: «Хорошо бы и нынче быть нам с пэ́рке...

Когда сосед заходит к соседу и застаёт его за едой, то приветствует хозяина словами: «Да будет с вами пэ́рке!»

Народ издавна считает, что пэ́рке посещает только хлебосольного, трудолюбивого хозяина.

Рассказывают, что в старину в одной деревне жил богатый мари́ец по имени Саран. Был он очень жаден и скуп. Амбары и погреба у него ломились от припасов, на гумне стояли скирды немолоченного хлеба. Так долго стояли, что на них успевали вырасти березки.

Но никто не помнил, чтобы Саран когда-нибудь с кем-нибудь поделился хлебом. Бывало, Саран обедает, а в это время заходит к нему сосед. Услышит богач скрип ворот и всю еду скорее прятать: одно в печь, другое в угол, и через минуту на столе хоть шаром покати. Сосед в избу, а Саран говорит ему, вздыхая:

— Ох, не вовремя ты зашел, соседушка. Маленько опоздал, мы только что отобедали и котел вымыли... Уж прямо не знаю, чем бы тебя угостить...

Но соседу давно известна скупость Сарана, он только рукой махнет:

— Не беспокойся, дядя Саран, я сыт по горло, так плотно пообедал, что, пожалуй, неделю есть не захочу.

— Ну ладно, — говорит Саран, — а то я уж хотел было тебя угостить...

Уйдет сосед — Саран снова тащит на стол еду. Сам Саран в поле не работал. На него дни и ночи работали батраки... А кормил их Саран впроголодь: даст кусочек черствого хлеба и при этом еще оговорит:

— Дармоеды все, только объедают меня... Как бы хорошо было, если б никого не надо было кормить...

Прослышал про Сарана бог достатка Пэ́рке.

И вот однажды в жаркий летний день в избу к Сарану постучался старик нищий.

Саран в это время как раз обедал.

Нищий был стар, слаб. Жена Сарана пожалела его и, когда муж отвернулся, тайком подала ему корку хлеба.

Но Саран все-таки углядел, коршуном набросился на старика, вырвал у него из рук эту корку:

— Всем подавать — сами по миру пойдем! Чем бродяге, лучше своей свинье скормить!

Старик посмотрел на богача и спрашивает:

— Хочешь, я сделаю так, что никто никогда не будет у тебя просить хлеба?

Обрадовался Саран:

— Хочу! хочу! Небось свой-то хлеб всегда жалко давать людям.

— Возьми лук со стрелой, выйди во двор и пусти стрелу в сторону своего гумна, — говорит старик. — Если сделаешь так, то тебе никого никогда не придется больше угощать.

Саран схватил лук со стрелой и, даже забыв надеть шапочку, выскочил во двор.

Натянул тетиву и пустил стрелу в сторону гумна, где, словно избы, возвышались скирды немолоченного хлеба.

Упала стрела посреди гумна, и в тот же миг крытое гумно и все скирды вспыхнули жарким пламенем.

А старик нищий говорит:

— Теперь исполнилось твое желание, жадная душа. Никто больше не придет к тебе просить

хлеба. Это я, Пэрке, тебе говорю.

Так сказал старик и исчез, как будто сквозь землю провалился.

Понял тогда скупец Саран, что он обидел самого Парке, дающего людям достаток за труд и хлебосольство.

Дотла сгорели и гумно, и все сирды. Никто из односельчан не прибежал тушить пожар. Сгорел и дом Сарана, и двор.

Остался жадный Саран нищим, теперь он сам пошел по миру просить у людей хлеба.

Сейчас уже никто не верит в старика Пэрке; слово «пэрке» теперь обозначает просто «урожай, обилие».

НЕПОБЕЖДЕННАЯ ВЕТЛУГА

Нам не дорого злато-серебро, Дорога нам наша родина.

Это случилось в те далекие годы, когда в наши края вторглись дикие орды хана Батыя-Глухой, темной ночью враги налетели на одну спавшую мирным сном марийскую деревню.

Громкие воинственные крики и звон оружия наполняли улицы. Разбуженные люди выбегали из домов и в страхе смотрели на озаренное багровым пламенем небо. Яркие языки огня лизали небо и, извиваясь, стохвостой змеей ползли по деревне — это враги подожгли крайние избы...

С диким гиканьем врывались в избы воины-нукеры в пестрых шароварах и косматых шапках, жадно набивали грабленным добром свои большие мешки, недрогнувшей рукой убивали малых и седых стариков.

Рыдания и стоны, звон железа и гневные проклятия слышались по всей деревне.

Но никто не поднял против врагов ни меча, ни лука, не было в деревне людей, способных носить ратное оружие. Сильные мужчины, подобные дубам, и парни, смелые, как соколы, ушли на смертельную битву с врагами. Далеко-далеко, к голубым водам реки Волги, улетели могучие орлы. Среди приволжских холмов стали они заставой, ожидая вражеское войско, а в деревне остались лишь их седые отцы и матери, милые жены и невесты да дети, похожие на нежные лесные цветы.

Без крепкой защиты они были обречены на смерть или рабство.

Опьяненная кровью и легкой добычей, бесчинствовала и радовалась вражья орда. И вдруг в дверях одной избы вражеских воинов встретила блеснувшая, как молния, сабля. Нукеры отступили.

— Воин!

— Ай, яман! Ай, беда!

— Батыр! Богатырь!

Ханские нукеры настороженными взглядами следили за каждым движением молодого воина, преградившего им путь в избу, и оглядывались друг на друга: кто отважный, кто осмелится первым вступить в схватку со смельчаком?

Черные, горящие огнем ненависти глаза отважного воина в упор смотрели на чужеземцев. Ни один взмах его сабли не был напрасен: он сразил уже восемь нукеров.

Враги грозили ему издали, злобно ругались, но ни один из них не решался приблизиться.

Пухлолицый, с отвислым подбородком военачальник — менгечи мурза Церелен — с высокого белого аргмака следил за происходящим. Его косые щелки-глаза замутились от гнева, он до крови искусал свои губы.

— Воины, вы забыли, что вы потомки волков? Вы забыли повеления великого джасака?

Менгече говорил еще что-то, но его слова потонули в криках нукеров и в многоголосом шуме хангулов.

Нукеры бросились на приступ и снова, словно опаленные огнем, отпрянули назад.

Молодой воин по-прежнему твердо стоял на своем месте, как будто он был вытесан из того же крепкого дуба, что и стены дома.

Тогда нукеры достали из налучей луки и осыпали воина стрелами. Менгечи наблюдал за неравным поединком, готовый в любую минуту соскочить с коня и наступить ногой в узорном сапоге на грудь поверженного врага.

Но вдруг мурза заметил, что два нукера с широкой холстиной забрались на крышу дома. Он довольно усмехнулся: догадались! Мурза громко крикнул:

— Взять парня живым!

И в тот же миг юного воина покрыл брошенный сверху холщовый полог. Воин забился, как птица в силке, но на него уже насели двое дюжих нукеров.

Дружно бросились вперед остальные. Тучный мурза не утерпел, слез с коня и поспешил к месту схватки.

Подойдя, он, изумленный, остановился: перед ним стоял не воин, а девушка, подобная цветку шиповника.

Она тяжело дышала, а за руки ее держали восемь нукеров.

Блестящие черные глаза девушки горели гневом.

Седой, морщинистый мурза-менгечи оглядел ее с ног до головы и самодовольно сказал нукерам:

— Женщина всегда есть женщина. Ее мы победили без сабли. Среди рабынь Церелена-богатура как раз недостает такого цветка.

Гордый своей властью и умением красиво говорить, мурза взобрался на коня и поехал со

двора, приказав вести за собой пленницу.

Огонь пожара, вихрем пронесшийся по деревне, затихал. На месте изб дымился горячий пепел и, чадая, догорали последние головешки. В дорожной пыли, в подзаборных лопухах остывали тела убитых, а оставшиеся в живых с петлей на шее брели, подгоняемые нукерами, по дороге прочь от родных мест в проклятое рабство.

Через утихший лес полоняников привели на берег Ветлуги-реки.

Погрузив на плоты невольников и награбленное добро, нукеры начали переправляться через реку.

Церелен-богатур с двумя воинами в железных кольчугах сел в длинную остроносую лодку. Пленную девушку-воина посадили в ту же лодку.

Девушка сидела, глубоко задумавшись. Хоть бы заплакала, зарыдала, как другие женщины, уводимые на чужбину! Нет ни слезинки в ее глазах, только лицо бело, как первый снег, и печально, как осенняя ночь.

А вдали, за лесом, подымалась заря. Заалели свинцовые волны на Ветлуге, потом засверкали золотом и серебром. Легкий ветер пробежал по вершинам деревьев, словно тронул струны на гуслях, и послышалась тихая песня. Живительные лучи солнца озарили все вокруг, и все вспыхнуло несчетными красками. Запели птицы, как бы возвещая, что есть еще жизнь в лесном краю, что нельзя убить его красоту, что вечно будет стоять он, гордясь и красуясь.

Белых берез верхушки, Кудрявясь, в лесах остаются. Серебряные черемухи в цвету, Листовою блестя, остаются. Медные сосны в бору, На ветру качаясь, остаются. И Ветлуга — светлая река, Плеща в берега, остается...

Неожиданно девушка поднялась, улыбнулась, как утреннее солнце, и запела.

Один нукер схватился за меч, но мурза Церелен лениво остановил его:

— Пусть поет. Хотя эта марийская девка поет не так красиво, как наши девушки, но пусть поет. Я не люблю печальных людей...

А девушка пела старинную песню своего народа:

Ой, черная стерлядь, Ой, черная стерлядь
Плывет по реке, Нигде не стоит. А в омуте темном, В
глубоком-глубоком, В омуте тихом Она отдохнет. Никто не поможет мне — Ни родня, ни
соседи, Только светлые волны Помогут мне.

Девушка поставила ногу на край лодки:

— Знай, черный опкын, ты можешь заковать нас в цепи, но никогда не покорить тебе наши сердца, горящие ненавистью.

С этими словами девушка прыгнула в реку, а лодка, покачнувшись, перевернулась вверх днищем.

Белой рыбой мелькнула девушка под водой, чистая струя заиграла вокруг нее. А мурза и его телохранители в тяжелых доспехах камнем пошли ко дну и там, на дне чужой реки, нашли себе могилу.

С удивлением и страхом смотрели остальные нукеры.

— Непонятный здесь живет народ. Непокорная у него душа. Трудно его одолеть, — говорили они между собой.

А пленники на плотях говорили о богатырях, которые придут с этих берегов и освободят их.

— Как имя этой девушки? — спросил один нукер.

— Ветлуга, — ответили ему пленники.

— А как зовется эта река?

— Тоже Ветлуга.

Побледнели нукеры и молча смотрели в воду. Текла река Ветлуга, сверкая, как стальная

сабля, — вольная река непокорного народа.

О СИРОТЕ БОШ-КЮБЮНЕ И ЗЛОМ ХАНЕ

Когда-то, в давнее время, жил в кочевьях одного хана сирота, по имени Бош-кюбюн. Ничего у него не было — ни своей юрты, ни скота, ни хорошего халата, был только черный бычок-двухлетка, лук да стрелы. А среди стрел была одна особенная: свистун-стрела; она со свистом летела, никогда мимо цели не попадала.

Отправился раз сирота Бош-кюбюн к озеру на охоту. Залез в камыши и стал ждать, когда слетятся птицы.

Долго ли, недолго ли он ждал, только слетелись на озеро птицы, большие и маленькие, — журавли, дрофы, гуси, кулики... Прицелился Бош-кюбюн и пустил свою свистун-стрелу. Полетела стрела и задела пятьдесят птиц по крыльям, семьдесят птиц по шеям, сто птиц по спинам... Вот сколько птиц за один раз подстрелил сирота Бош!

«Что мне делать с этой дичью? — думает Бош-кюбюн. — Отвезу-ка я их к хану да посватаюсь к его младшей дочке!»

Оседлал Бош-кюбюн своего черного бычка-двухлетку, навьючил на него всех птиц, а сам сверху уселся. Ударил он бычка по лопаткам — съехался бычок, ударил по копытам — завертел бычок хвостом, ударил по хребту — побежал бычок, да так быстро, что и удержать нельзя.

Приехал Бош-кюбюн к ханской ставке, развьючился, стал носить птиц в ханскую юрту. Направо кладет и налево кладет, наполнилась юрта доверху. Спрашивает хан Бош-кюбюна:

— Кто ты и зачем привез мне столько дичи?

Отвечает Бош-кюбюн:

— Я сирота, великий хан, зовут меня Бош-кюбюн. Нет у меня ни юрты, ни скота, сам я живу в твоих кочевьях, возле круглого озера. На этом озере я и настрелял столько дичи. А привез я тебе ее в подарок: она пригодится на свадебном пиру, ведь я хочу жениться на твоей младшей дочке!

Услышал хан такие слова — рассердился, затопал ногами, закричал:

— Эй, слуги! Схватите этого оборвыша, негодяя! Он осмелился свататься к моей дочери! Избейте его жестоко, а потом отвезите подальше в степь, в безлюдное место и бросьте там!

По ханскому приказу набросились слуги на сироту Боша, избили до полусмерти — еле дыхание в нем осталось — и отвезли в голую степь.

Лежит Бош-кюбюн, мечется, стонет, разум у него помутился — совсем недалеко смерть... Вдруг видит он — идет какой-то старик, совсем старый, с белой бородой, на палку опирается. Подошел он, осмотрел Бош-кюбюна и стал его лечить — какое-то питье ему дал, синяки растер, переломанные кости вправил. Совсем здоровым стал Бош-кюбюн.

— Ну, кюбюн, — говорит старик, — теперь ты здоровый и крепкий. Ступай в свои кочевья. А чтобы тебя больше не обижали, я научу, что надо делать. Если захочешь наказать кого-нибудь, скажи только: «Приклейся!» И тогда твоему обидчику не встать, пока ты не скажешь: «Поднимись!»

Обрадовался Бош-кюбюн, поблагодарил старика и поспешил в свои кочевья.

Бежит он и видит — ханский пастух пасет стадо телят. Захотел Бош-кюбюн посмотреть: правду ли сказал ему старик. Закричал он:

— Приклейся, ханский пастух, вместе со всеми телятами к земле!

И тотчас и пастух, и все телята прилипли к земле — лежат и кричат от страха.

«Правду сказал мне старик», — подумал Бош-кюбюн и крикнул:

— Поднимитесь!

Только произнес это слово — поднялись разом и пастух и телята.

«Теперь, — думает Бош-кюбюн, — проучу я хана! Так проучу, что он навсегда запомнит!»

Дождлся он вечера, пробрался к ханской юрте и сказал:

— Приклейтесь к земле, хан и ханша, вместе с подушками и постелями!

Сказал и ушел.

На другой день поутру проснулись хан и ханша, хотели встать, а встать не могут. Закричали они слугам:

— Поднимайте нас!

Сбежались слуги поднимать хана и ханшу, а поднять не смогли. Кругом крик, шум:

— Хан и ханша к земле приклеились! Поднять их невозможно! Кто их поднимет?..

Чиновники, сановники, старшины кочевий бегают с места на место, кричат, руками машут. А сделать ничего не могут. Приказали читать молитвы. Молились, молились — никакого толку нет! Созвали тогда удгун-бе — гадалок и эмчи — лекарей. Удгун-бе гадают, эмчи лечат, а все никакого толку нет... Стали дергать хана и ханшу за руки и за ноги — никак оторвать от земли не могут. Собрались все знатные люди, все старики, стали держать совет: как помочь хану и ханше, как их поднять?.. Долго говорили, весь день говорили, всю ночь говорили — ничего не могли придумать...

В ту пору проходил мимо человек из дальних кочевий и сказал:

— Слышал я, что в кочевьях Могойту-хана живет прославленный эмчи. Он всякую болезнь как рукой снимает! Его привезите!

Стали чиновники, сановники и старшины думать: кого послать в кочевья Могойту-хана за эмчи? Место дальнее, путь опасный, врагов на пути немало. Говорят:

— Надо, видно, целый отряд послать!

Вдруг вошел Бош-кюбюн и говорит:

— Я поеду в кочевья Могойту-хана за эмчи!

Все обрадовались.

— Поезжай поскорее! — кричат.

Сел Бош-кюбюн на своего черного бычка-двухлетку. Ударил бычка по лопаткам — съезжился бычок; ударил по копытам — завертел бычок хвостом; ударил по хребту — побежал бычок так быстро, что удержатъ нельзя.

Ехал Бош-кюбюн долго и приехал наконец в кочевья Могойту-хана. Разыскал эмчи и говорит:

— Приклеились к земле наши хан и ханша, вот и прислали меня за вами, премудрый и преславный эмчи, — не сможете ли вы помочь им в такой беде?

Эмчи важно говорит:

— Кроме меня кто же поможет? Разве есть второй такой эмчи, как я? Только я и могу помочь!

Надел эмчи свою белую шапку, надел белый халат, сел на белую лошадь и поехал вместе с Бош-кюбюном.

Ехали они, ехали, и когда завидели вдали ханскую ставку в степи, тогда стал эмчи бурчать, бормотать, на губах у него пена выступила.

— Сейчас все узнаю! — кричит. — Сейчас все расскажу! Сейчас подниму хана и ханшу!..

Бош-кюбюн слушает это, а сам думает: «А вдруг этот эмчи и в самом деле такой всемогущий? Надо будет проверить», — и сказал тихонько:

— Приклейся, эмчи, к земле вместе со своей белой лошадейю!

Только сказал — прилип эмчи к своей лошади, а лошадь к земле. Испугался эмчи, закричал не своим голосом:

— Эй, кюбюн, стащи меня с лошади, я и сам прилип, как ваш хан!

Стал Бош-кюбюн помогать эмчи — еле смех удерживает.

— Нет, — говорит, — не могу я помочь вам, премудрый и преславный эмчи!

— Тогда беги скорее в ханскую ставку, зови сюда людей, пусть хоть стащат меня с лошади! — вопит эмчи.

Прискакал Бош-кюбюн на своем черном бычке к ханской юрте.

— Где же эмчи? — спрашивают его.

— Эмчи недалеко. Только с ним беда случилась: он сам к земле приклеился, — отвечает Бош-кюбюн. — Прислал он меня за вами, просит, чтобы спешили к нему на помощь!

Прибежали к эмчи ханские сановники и старшины. Стали его дергать. Дергали, дергали — не могли стащить с лошади, так крепко он приклеился к ней.

— Как нам помочь нашему хану, скажи, мудрый эмчи? — спрашивают его сановники и старшины.

— Не до вашего хана мне! — кричит эмчи. — Я и себе-то не могу помочь!..

Вернулись сановники и старшины к хану и доложили о том, что и сам эмчи приклеился к земле. Хан от страха и от злости последний ум потерял.

— Что хотите, то и делайте! — кричит. — Только поднимите меня!

Тогда ханские чиновники, сановники и старшины кочевий собрались опять на совет, подумали, потолковали и говорят:

— Надо кликнуть клич: кто избавит от беды хана и ханшу, выдать за того ханскую дочку и отдать половину всех богатств хана.

Спросили хана — согласен ли он? Хан вопит:

— На все согласен!

Кликнули клич, только никто не вызвался избавить хана и ханшу. Кликнули клич во второй раз — опять никто не вызвался. Кликнули клич в третий раз — вышел Бош-кюбюн и говорит:

— Я не удгун-бе и не эмчи, а все-таки попробую! Только сдержит ли хан свое слово?

Хан говорит:

— Сдержу, сдержу! Только помоги мне!

Бош-кюбюн говорит:

— Приведите сюда младшую ханскую дочку!

Как он велел, так и сделали. Тогда Бош-кюбюн сказал:

— Хан и ханша, поднимитесь!

Тотчас хан и ханша поднялись. Глянул хан на Бошкюбюна и закричал:

— Это тот негодяй, оборвыш, которого я за дерзость приказал избить до полусмерти и бросить в голую степь, чтобы он там погиб от голода! Как он здесь появился? Видно, плохо его избили! Эй, слуги, схватите его, отрубите ему руки и ноги!..

Кинулись было ханские слуги к Бош-кюбюну, а он сказал:

— Приклейтесь к земле, хан и ханша! Приклейтесь к земле, ханские слуги!

Только сказал — все тотчас и прилипли к земле. А Бошкюбюн с младшей ханской дочкой сели на черного бычка. Ударил Бош-кюбюн бычка по лопаткам — съежился бычок; ударил по копытам — завертел бычок хвостом; ударил по хребту — побежал бычок, да так быстро, что самому лучшему скакуну не догнать. Унес он Бошкюбюна и девушку далеко-далеко, и стали они жить дружно, весело и счастливо.

ЛОТОС

Да, идут годы, текут седые века, и никто никогда не удержит их могучего бега. Будто недавно мои сморщенные руки были сильными и молодыми. Была молодой и та, лежащая в храме Тюменя.

Молодой и прекрасной, как ранняя весна, была Эрле, дочь Сагендже. И у многих сердца бились, видя ее, и не забывались ее глаза, темные, как ночь.

Эрле была красива, как первый проблеск весенней зари. В высокой траве у задумчивых ильменей проводила она знойные дни, веселая, здоровая, гибкая. Подражала крику птиц, перепрыгивала с кочки на кочку, жила жизнью степных болот и знала самые сокровенные их тайны.

Эрле росла. А Сагендже кочевал то близ широкой Волги, то по тихой Ахтубе. Летело время, множились табуны. Немало приезжало и купцов из Персии и из Индии, много добра накопил у них богатый Сагендже для своей дочери.

Часто длинные караваны сытых верблюдов отдыхали у его кибитки, и руки рабов то и дело передавали в руки Сагендже переливающиеся на солнце, дорогие цветные шелка.

Знатные сваты в богатых, ярких одеждах слезали с коней за пятнадцать шагов, бросались на землю и ползли к Сагендже.

Лунная летняя ночь дышала испарениями влажной, покрытой тысячью цветов земли, в тишине вздыхали верблюды, кашляли овцы, пели комары, трещали сверчки, стонали луны, спросонья вскрикивала какая-то птица. Жила и радовалась волшебница степь, навевала красавице Эрле дивные девичьи сны. Улыбаясь, раскинув смуглые руки, лежала она на дорогих бухарских коврах. А ее мать, старая Болтун, сидела у ее изголовья, с глазами, полными слез, в глубоком горе.

«И зачем это так раскричался ночной кулик, — думала она, — зачем так печально шумят над ериком ветлы и о чем вполголоса говорит Сагендже в соседней кибитке с богатым сватом?.. Милая моя Эрле. Когда я носила тебя под своим сердцем, я была счастливей, чем сейчас, ведь никто не мог тебя отнять у меня».

А в то время Сагендже говорил знатному свату:

— Ничего мне не надо за мою Эрле потому, что она дороже всего на свете. Разреши мне поговорить с женихом, я хочу узнать, сколь он разумен, и пусть Эрле сама скажет ему свои условия.

Обрадовался сват, вскочил в седло, поскакал к нойону (знатному феодалу) Тюменю и рассказал о том, что, видно, положат скоро Эрле поперек седла и привезут к молодому Бембе.

Старая Болтун плакала у изголовья дочери. Поджав ноги, сидел Сагендже и печально глядел на Эрле.

— И зачем она так быстро выросла, — шептал Сагендже, — и почему какой-то сын нойона Тюменя должен отнять у нас Эрле, веселую, как весенний ручеек, как первый луч солнца?

Шли дни, бродили табуны по сочной траве Ахтубинской долины. Накапливался жир в верблюжьих горбах и в овечьих курдюках. Печальны были мать и отец, только Эрле по-прежнему веселилась в цветущей степи. Вечерами дочь обвивала руками седую голову матери и шептала ласково о том, что не скоро уйдет от нее, что еще рано ей покидать стариков и что не страшит ее гнев свирепого нойона Тюмени.

У слияния двух рек догнали сваты нойона Тюмени и сына его Бембе.

Бембе не решился беспокоить Эрле, приказал раскинуть палатки на другом берегу сухого ерика и заночевать.

Не спал Бембе, не спал и Сагендже. Красны были от слез глаза Болгун.

Богатые цветные наряды сватов играли радугой на утреннем солнце. Впереди всех ехал Бембе, сын беспощадного, свирепого нойона Тюмени, чье имя приводило в трепет всю степь.

— Пусть сама Эрле скажет тебе условия, — промолвил Сагендже, когда Бембе заявил о том,

что Эрле нужна ему, как сурепка верблюду, как ильмень утке, как земле солнце.

Громче заговорила степь и запели в реке волны, выше подняли голову камыши и приветливо смотрели верблюды, когда вышла к гостям красавица Эрле.

От великих гор до долины реки Или и глубокого озера Балхаш ездил Бембе, видел он тысячи прекрасных женщин, но такой, как Эрле, нигде не видал.

— Все, что хочешь, проси, — сказал он ей, — только согласись.

Улыбнулась Эрле и сказала:

— Бембе, сын знатного нойона, я рада видеть тебя и вечно останусь с тобой, если ты найдешь мне цветок, прекраснее которого нет не только в нашей степи, но во всем мире. Я буду его ждать до следующей весны. Ты найдешь меня на этом же месте, и, если принесешь цветок, я стану твоей женой. Прощай.

Собрал нойон Тюмень нойонов и родовых старейшин и сказал им:

— Объявите всему народу, чтобы тот, кто знает о таком цветке, пришел без страха и сказал мне об этом за большую награду.

Быстрее ветра облетел степь приказ Тюменя. Однажды ночью к кибитке нойона подъехал запыленный всадник. А когда впустили его в кибитку, он сказал нойону:

— Я знаю, где растет желанный твоей красавице Эрле прекрасный цветок.

И он рассказал о своей чудесной стране, которая называется Индией и раскинулась далеко за высокими горами. Там есть цветок, люди зовут его священным лотосом и поклоняются ему, как богу. Если нойон даст несколько человек, он привезет лотос, и прекрасная Эрле станет женой Бембе.

На другой день шесть всадников пустились в дальний путь.

Скучно рассказывать о том, как жил Сагендже холодной зимой.

Северо-восточные ветры загнали скот в крепь, а сам он целыми днями лежал и слушал, как за землянкой пели невеселые песни степные бури. Даже веселая Эрле тосковала о солнце и ждала весны. Она мало думала о том, что когда-нибудь возвратится страшный Бембе. А тем временем шесть всадников держали путь на восток и уже достигли долины реки Или. Они спали и ели в седле. Бембе торопил их, и задерживались они только для того, чтобы добыть охотой еду.

Много лишений пришлось перенести им, пока они не достигли таинственной Индии. Дикие степи, высоченные горы и бурные реки встречались им на пути, но всадники упорно ехали и ехали вперед.

Наконец они прибыли в Индию и увидели чудный цветок — лотос. Но никто не решался его сорвать, все боялись навлечь на себя гнев богов. Тогда на помощь им пришел старый жрец. Он сорвал лотос и отдал Бембе, сказав:

— Помни, человек, ты получил прекрасный цветок, но потеряешь нечто еще более прекрасное.

Не слушал его Бембе, схватил лотос и велел немедленно седлать коней, чтобы пуститься в обратный путь.

Все реже и реже дул свирепый ветер, а солнце все дольше оставалось в небе. Близилась весна, а ее так ждала бледная, исхудавшая Эрле.

Напрасно ходили в землянку отца знахари, напрасно поили ее разными травами, с каждым днем таяла Эрле, как снег под солнцем. Не могла больше плакать Болтун. Безумными глазами она смотрела на свою дочь, уходившую от нее навсегда.

А когда запели птицы и зацвела степь, Эрле не могла уже встать. Худой рукой она гладила обезумевшую от горя мать, а глаза ее по-прежнему смеялись тихо и ласково.

Если бы птицы могли говорить, они сказали бы Бембе, чтоб торопил он своих коней, потому что скоро, скоро перестанет биться сердце Эрле. Но и без того торопился Бембе. Оставалось уже немного пути. Усталые кони, с налитыми кровью глазами, спотыкались и чуть не падали

от изнеможения.

Знатные сваты неслись навстречу Бембе.

— Торопись, Бембе! — кричали они. — Твоя прекрасная Эрле умирает.

И когда уже показалась кибитка Сагендже, все увидели, как из нее, пятась, выходят мать и отец. Всадники поняли, что Эрле умерла. Печально опустил поводья Бембе. Он не увидел живой прекрасной Эрле, не увидела и Эрле цветка, прекрасного, как она сама.

Схоронили ее на берегу Волги, а в память Эрле выстроил Бембе храм.

Темной ночью Бембе ушел в камышовые заросли устья и посадил там чудный лотос.

И до сей поры растет там прекрасный этот цветок.

СКАЗКА О РОДНОМ КРАЕ

Нет человеку дороже места, где он родился, края, где он вырос, неба, под которым он жил. Да и не только человек — звери и птицы, все живое под солнцем тоскует по родной земле.

Давным-давно, когда калмыки жили еще в Китае, привезли китайскому императору в подарок необыкновенную птицу. Она так пела, что солнце в высшей точке неба замедляло свой ход, заслушиваясь ее песней.

Приказал император сделать для птицы золотую клетку, постелить ей пух молодого лебедя, кормить ее из императорской кухни. Первого своего министра император назначил главным по уходу за птицей. Он сказал своему первому министру:

— Пусть птица здесь чувствует себя так хорошо, как нигде и никогда не чувствовала. И пусть она улаживает наш слух, жаждущий прекрасного.

Все было сделано согласно приказу грозного повелителя.

Каждое утро император ждал пения птицы. Но она молчала. «Видимо, птице, привыкшей к вольному воздуху, душно во дворце», — подумал император и велел вынести клетку в сад.

Сад императора был единственным в мире по красоте. Могучие деревья шелестели прозрачно-зелеными резными листьями, живоительно благоухали редчайшие цветы, земля играла всеми своими красками. Но птица по-прежнему молчала. «Чего же теперь ей недостает? — думал император. — Разве ей плохо у меня? Отчего же она не поет?»

Император пригласил всех своих мудрецов, чтобы выслушать их высокоученное суждение. Одни говорили, что, может быть, птица заболела и лишилась голоса, другие — что пища не та, третьи — что, вероятно, она вообще не пела. Самый почтенный столетний мудрец предположил, что воздух, выдыхаемый людьми, угнетает птицу и поэтому она не поет. Внимательно выслушав всех, император повелел вывезти клетку в девственный лес.

Однако и в лесу птица продолжала молчать. Крылья опущены до самого пола, из глаз катятся жемчужинки слез.

Тогда император приказал привести пленного мудреца, взятого вместе с воинами соседней враждебной державы.

— Если ты нам дашь хороший совет и птица запоет, получишь свободу, — сказал ему император.

Неделю думал пленный мудрец и доложил:

— Возите птицу по стране... Может быть, запоет.

Три года кочевал император с птицей по своим владениям. Наконец достигли они одного болотца. Вокруг него рос чахлый кустарник, а дальше простирались унылые желтые пески. Смрадные испарения поднимались из болот, роем летала назойливая мошкара. Повесили клетку на сухую ветвь саксаула. Поставили караульного, и все легли спать.

Когда загорелась на небе ясная утренняя заря и багрянец ее стал разливаться все шире и шире, птица вдруг встрепенулась, расправила крылья, торопливо стала чистить клювом каждое перышко.

Заметив необычное поведение птицы, караульный разбудил императора.

А когда вековечное светило показало свой алый гребень — птица стремительно взлетела, ударилась о золотые прутья клетки и упала на пол. Она грустно огляделась вокруг и тихо запела. Сто восемь песен печали пропела она, а когда начала песню радости, тысячи таких же птиц, как она, слетелись со всех сторон и подхватили ее песню. Показалось людям, что это не птицы поют под струны лучей восходящего солнца, а поют их души, тоскующие по прекрасному.

— Вот откуда наша птица, это ее родной край, — задумчиво промолвил император и вспомнил свой несравненный Пекин, где он не был три года.

— Откройте дверцы клетки и выпустите птицу, — повелел он.

И тогда запели все птицы тысячу песен хвалы родному краю, тысячу и одну песню хвалы свободе.

Вот что значит родная земля и свобода, петь можно лишь там, где ты обрел жизнь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛАГОДАТИ

Некто проснулся утром, вышел во двор и увидел, что по свежему снегу следы ведут из его дома. Но во дворе следов не было. Стал он думать: «Что это могло значить, кто же ушел из дому?» Решив это разузнать, он отправился по следу, который привел его к пещере. Человек вошел в нее и крикнул:

— В мой дом следов нет, а только из дома. Что это означает? Кто ушел от меня?

Голос ему ответил:

— Я, благодать, которая рассердилась на тебя и покинула твой дом. Зря ты трудился и пришел за мной.

Тогда человек стал умолять благодать вернуться, говоря, что он без благодати пропадет.

Благодать ответила:

— За то, что ты потрудился и пришел ко мне, я дам тебе что-нибудь одно. Хочешь — проси золото или большое хозяйство, хочешь — проси здоровье или что-нибудь другое, но не проси меня вернуться к тебе.

Подумал человек и сказал:

— У меня ума мало. Если ты позволишь, я посоветуюсь дома.

Благодать согласилась. Он вернулся домой и обо всем рассказал своим. Ему стали советовать: кто попросить золото, кто — зерно. Жена же сказала:

— Попроси для нашей семьи согласие. Там, где оно есть, ничего другого не надо.

Согласился он с ней; пошел в пещеру и попросил дать его семье согласие. И тогда благодать сказала:

— Перехитрили вы меня. Даю вам согласие. А там, где согласие, должна быть и я. Поэтому возвращаюсь к вам, Благодати не бывает там, где нет согласия.

МЯЛХИСТИНЦЫ И У-НАНА

До проникновения ислама мялхистинцы поклонялись Тушоли и Цуву. У Тушоли раз в год собирались люди, от каждого двора резали барана и клали два абаза (это были тогда большие деньги), веселились, молили о хорошем урожае.

Поклонялись Цуву, приносили дорогие вещи: пулю, порох, кольца, серьги, пояса.

На моей памяти эти вещи лежали в чаше перед Цувом; люди не дотрагивались до них. Эти вещи приносили, желая удачи при отправлении в дорогу. Укравший эти вещи сходил с ума, занимался самоистязанием.

Села Сата — дочь Дялы.

У-Нана распространяла болезни. Мялхистинцы молились в местечке Доге. Там собирались для молитвы люди из пяти сел.

Однажды люди собрались, приготовили много еды-питья и молились о дожде. Когда они сидели за трапезой, к ним подошла одна высокая женщина с сумкой, перекинутой через плечо. Люди не знали, кто она такая. Поставили перед ней жирное мясо.

— Мясо слишком жирное, я не могу его есть, — сказала пришелица.

Поставили перед ней тощее мясо.

— Это мясо тощее и кажется испорченным, я не могу его есть.

Смешали жирное с тощим и поставили перед ней. Она начала с аппетитом есть и после еды произнесла три молитвы. Трижды пошел дождь. Затем она стала в середине Доге. Это была У-Нана. Опустила руку в сумку, взяла пригоршни болезней и бросила. Все люди в Доге, там, куда упали болезни, умерли. На моей памяти село Доге стало безлюдным, пустовало. У-Нана решила, что молящиеся не очень хорошо ее приняли, и потому наслала на них болезни.

КАМЕНЬ-КРЕСТ

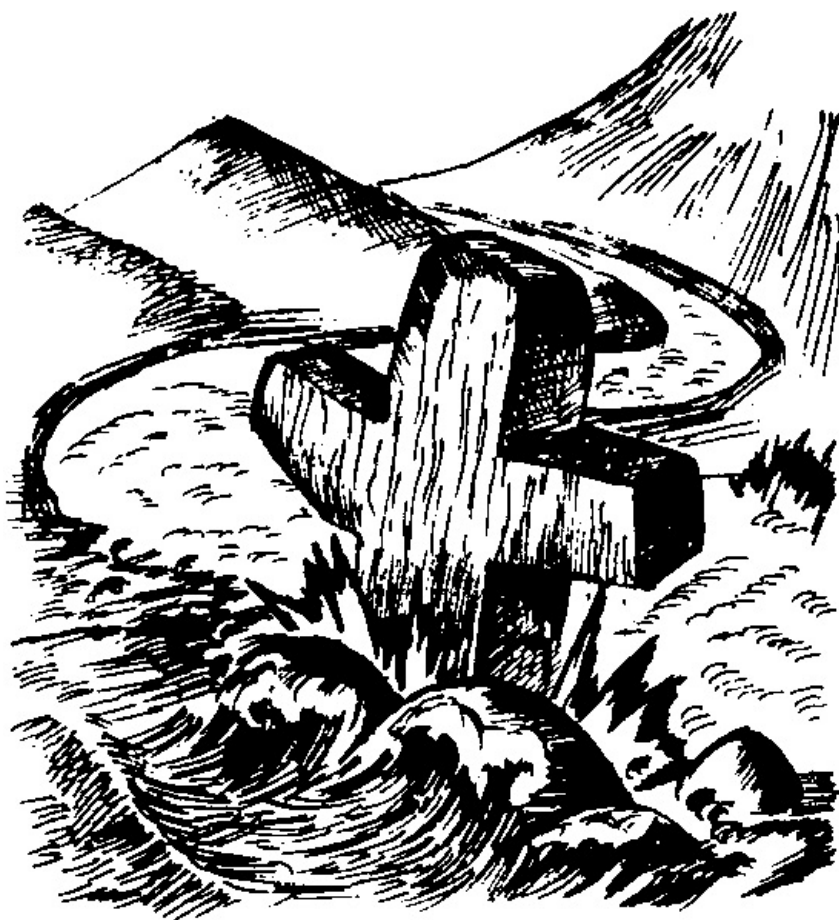
Если идти из Нихалоя в Итум-Кале, справа от дороги стоит каменный крест. Появился, говорят, он давно.

Одна девушка каждый день стирала у реки шерсть. Она любила одного молодого человека, который ухаживал за ней и любезничал, когда она стирала шерсть.

После проливных дождей река Аргун сильно вздувалась. Однажды в такое время молодой человек переходил реку, и она понесла его. Девушка сидела у реки и возилась с шерстью. Вдруг она услышала крик любимого, вызывавшего о помощи. Девушка не вынесла этого крика и взмолилась:

— Да превращусь я в холодный камень!

Тут же девушка превратилась в камень. Она стояла с распростертыми руками и стала камнем, который похож на крест.

СКЛОН МАЖКИ

Дудур из Гелдагана пошел однажды в Бердыкель повидать свою возлюбленную Мажку. Очутился он на вечеринке, где находилась Мажка. На этой вечеринке за Мажкой ухаживал ее аульчанин. Остановил он дробь барабана и сказал:

— Есть ли здесь кант, который отважится пойти со мной в лес убить сармака?

Никто не ответил ему.

Второй раз остановил аульчанин дробь барабана и снова крикнул:

— Неужели здесь нет канта, который отважится пойти со мной в лес убить сармака?

Никто не ответил ему.

Третий раз спросил об этом же аульчанин Мажки, и опять никто не ответил.

После вечеринки Дудур подошел к аульчанину Мажки и спросил:

— Ты и вправду отважился бы пойти убить сармака?

— Отважился бы, — ответил тот.

— Тогда никому не говори, приходи ко мне завтра, — сказал Дудур.

На второй день чуть свет аульчанин Мажки прошел по всему аулу, громко объявляя:

— Я и Дудур из Гелдагана идем убить сармака.

А Дудур из Гелдагана у своего друга готовил оружие для убийства сармака. Утром, когда Дудур и аульчанин Мажки шли по аулу, все жители села шли следом за ними, зная, что они идут убить сармака.

— Сармак, наверно, находится здесь, — сказал аульчанин через некоторое время. — Дудур, если нам не удастся одолеть сармака, лучше остаться с людьми.

— Я просил тебя, чтобы ты об этом никому не говорил, — сказал Дудур. — Теперь же мы оба должны или умереть, или убить сармака.

После этого Дудур сделал из липы рог и закричал в него, как сармак.

Из-за серебряного тополя, находившегося неподалеку, высоко подпрыгнул сармак и ответил криком. Увидел аульчанин Мажки сармака, подскочившего над тополем, и испуганно сказал Дудуру:

— Побежали с тобой к людям.

Но, не добежав до них, он умер от разрыва сердца.

Кинулся Дудур на сармака и ударом шашки отрубил ему хвост размером в человеческий рост. Сармак ударился о землю обрубленным концом и приготовился к прыжку на Дудура.

Дудур уклонился от прыжка сармака и отрубил ему еще кусок хвоста. Второй раз ударился сармак о землю и прыгнул на Дудура. Дудур опять отскочил в сторону и отрубил еще кусок. Сармак стал величиной с человека. В последний раз кинулся сармак на Дудура. Дудур воткнул ему в рот шашку и крепко сжал его голову. Жители Бердыкеля бросились на сармака и добились его.

После этого долго лежал Дудур у Мажки, лечился от тяжких ран молоком и сывороткой. Через год он выздоровел, и Мажка вышла за него замуж.

С тех пор жители Бердыкеля называют это место Склоном Мажки.

СОЛСА

В давние времена в ущелье реки Аргун жил князь Солса. Этот князь проводил первую ночь с невестой каждого подвластного ему человека. Только переночевав с ним, невеста могла пойти к своему мужу.

Однажды к князю пришел бедный человек и попросил князя не позорить его.

Солса обругал бедняка, прогнал его, а напоследок крикнул:

— Чем ты лучше других?

Тогда разгневанный бедняк пошел к сыну Солсы и попросил у него за золотой абаз шашку отца. Шашкой Солсы можно было обвить руку, словно нитку намотать на катушку. Стоило нажать ручку шашки, и она сразу же выпрямлялась.

За золотой абаз сын Солсы отдал бедняку шашку. Этой шашкой бедняк снес голову Солсы. Голова Солсы трижды перекатилась через Аргун и прокричала:

— Пусть власть князей перейдет к рабам, а власть рабов — к князьям.

И волны Аргуна унесли голову Солсы. А бедняк пришел с невестой к себе в дом и стал жить счастливо.

С тех пор князей в том краю не бывало.

ДВА КНЯЗЯ

Выше Датыха, в ущелье Эг, между двумя склонами протекала река Фарта. На этих склонах стояли две башни — в них жили два князя. Они враждовали между собой.

Как-то один из князей отправился на охоту, а другой в это время захватил его жену, детей и заперся в своей башне.

Возвратился князь с охоты и, не обнаружив в башне жены и детей, узнал, что их украл князь — его недруг.

Сидит он у окна башни и горюет. А князь-похититель с издевкой кричит:

— Ты, кажется, грустишь по своей семье? Нужна ли она тебе?

Так повторялось много раз.

Тогда князь взял шерстяную пряжу, сделал из нее нитку и ночью измерил этой ниткой расстояние от своей башни до башни князя-похитителя.

Отправился он в лес, отмерил по нитке точное расстояние, установил мишень и до тех пор стрелял в цель из кремневого ружья, пока не стал попадать точно.

Пришел он домой, сел у окна, рядом поставил ружье.

Вечером крикнул князь с противоположного склона:

— Ты, кажется, грустишь по своей семье? Нужна ли она тебе?

В этот момент князь выстрелил из ружья, попал князю-похитителю прямо в рот и убил его. Забрал он свою жену и детей, и стали они жить счастливо.

ОКИ-АКИ

Из Итум-Кале шли майистинцы и увидели у родника княжескую дочь. Она им понравилась, и майистинцы сказали девушке:

— Тебе бы в мужья Оки-Аки, у которого ночью во лбу светит солнце, а днем между лопаток луна.

Дочь князя поспешила домой. Пришла она и сказала отцу:

— Пригласи к нам в дом прохожих путников.

Отец пригласил майистинцев к себе в дом. Испугались майистинцы и спросили:

— Почему ты нас остановил, что мы тебе сделали?

— Говорили ли вы о ком-нибудь кому-нибудь? — спросил князь.

Майистинцы рассказали, что видели у родника девушку и, пораженные ее красотой, пожелали ей стать женой Оки-Аки, у которого ночью во лбу светит солнце, а днем между лопаток луна.

Князь дал майистинцам слово, что отдаст им свою дочь, если они принесут ему три вещи: двух быков с санями, маслобойку и медный котел.

Майистинцы быстро исполнили желание князя, и он выдал дочь за Оки-Аки, у которого ночью во лбу светит солнце, а днем между лопаток луна.

Приехали майистинцы к себе, и невеста видит: дом без потолка и пола, а между голых стен сидит Оки-Аки. У него было несметное количество овец и больше ничего. Забеспокоилась княжеская дочь:

— Как мне здесь жить? Не останусь я, отправьте меня домой!

Тогда майистинцы, боясь, что она может убежать, связали девушку. Так, связанной, она стала матерью трех сыновей. Попросила она развязать ее и обещала спокойно жить с тремя сыновьями. Через некоторое время обратилась она к мужу с просьбой отпустить ее навестить родителей. Муж разрешил ей поехать с тремя сыновьями и наказал, чтобы у родителей она дала сыновьям неслыханные имена.

Пожив у отца, стала она собираться домой. Отец спрашивает ее:

— Чем тебя одарить?

Дочь ответила, что муж наказал ей дать трем сыновьям имена, которых нет на свете.

— Пусть отсохнет язык у тебя и у того, кто тебя этому научил, — сказал князь, дал дочери трех слуг и отправил ее к мужу.

Сыновей этого Оки-Аки прозвали: Жархо, Кошатхо, Саханхо».

КАК ЧЕЧЕНЦЫ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ К РОССИИ

Еще до Шамиля во Владикавказ прибыл русский падчых со своими солдатами. Недалеко от станции Беслан падчых и его приближенные разбили на равнине шатры. Здесь они веселились, прогуливались по лесу и стреляли дичь. Русский падчых не знал чеченцев, но ему рассказывали, что они дикий народ, и поэтому он не считался с ними.

О прибытии падчыха узнали все кавказские народы.

Леча, сын Алха, из селения Гехи пошел по селам и стал просить, чтобы каждое село выставило по снаряженному всаднику. Он обошел пятьдесят селений. Уважая его как гостя, эти села выставили по всаднику. И тогда сел Леца Алхапов на белого коня, сам оделся во все белое, а за ним выстроились пятьдесят всадников на гнедых конях, одетые в черное.

Леча договорился с ними, как надо себя вести. Десятерых он поставил рядом с собой, остальных по пяти выставил впереди и сзади себя. Они не приближались к падчыху, а строем ехали вдалеке, чтобы их было видно издали в подзорную трубу.

Падчых увидел в подзорную трубу одинаково одетых всадников. Ему они понравились, и он послал своего всадника узнать про них. Вместе с этим посланным Леца подъехал к падчыху и сказал:

— Мы — чеченцы.

Удивленный красотой и статностью всадников, падчых спросил:

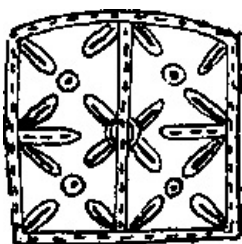
— Я не знаю вашего народа, кто вы такие?

Тогда Леца Алханов сказал:

— Невезучий мы народ. Когда охотники устраивают засаду на зверей, одни их гонят с одной стороны, другие — стреляют в них с другой. Один зверь из всех, когда охотники уже уверены, что убили его, вдруг выскакивает из окружения и скрывается. Соберутся вечером охотники и начинают превозносить свои доблести: такого-то зверя убили, такого-то зверя изломали. Но ни один из них не говорит об убежавшем звере, ибо он оказался смышленнее охотников. На него похож наш народ. У нас нет князей, и ни один не склоняет голову перед другим. Такой мы народ, и поэтому ты не знаешь о нас. Каждый из моих всадников одолеет любого твоего солдата.

Затем всадники и солдаты падчыха стали состязаться, и всадники во всем одолели солдат. Падчыху очень понравились всадники и их одежда. Он попросил для своей свиты двенадцать всадников и присоединил чеченцев к России.

С тех пор, говорят, при дворе падчыха стали носить черкесскую форму.

КАК ВОЗНИКЛИ СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ И ЗВЕЗДЫ

Все это неправда, но в старину рассказывали следующее.

Жил молодой человек неопиcуемой красоты. Он был искусным кузнецом. От искр его кузни, казалось, молнии сверкали.

В это же время жила одна девушка. Она безвыходно сидела в высокой башне без окон и дверей. От ее красоты исходило сияние, которое было видно издали.

— Я женюсь на ней, — решил молодой человек и послал сватов.

Девушка была его сестрой; он не знал об этом, а девушка знала.

— От огня и золы его кузни исчезнет мое лучезарное сияние — я не пойду за него замуж, — придумала причину девушка, чтобы отказать юноше.

Она не смела признаться в том, что она его сестра.

Отказ девушки очень огорчил молодого человека. Темной ночью он взял золотую головешку, которая неделю калилась в его кузне, и отправился к девушке.

Увидев его, девушка бросилась бежать, он — за ней. Долго-долго бежал он за ней, до тех пор пока оба не погибли.

Искры от золотой головешки превратились в звезды. От девушки осталось лучезарное сияние, от молодого человека — головешка. Они превратились в солнце и луну. До сего времени солнце не может догнать луну.

СПОР О СОЛНЦЕ И ЛУНЕ

Жили два брата. Однажды они повздорили между собой.

— Солнце мое, а луна — твоя, — говорил один.

— Нет, твоя луна, а солнце — мое, — говорил другой.

Долго они спорили, но к согласию не пришли и пошли по свету разрешить этот спор.

Долго они шли и сильно устали. Сели отдохнуть в тени чинары. С чинары упала большая змея, обвилась вокруг старшего и стала сдавливать его горло.

Тогда младший брат взял змею за голову и потянул. Змея оставила старшего брата и обвила младшего. Старший ударом шашки убил ее и случайно перерезал горло младшему. Младший брат испустил дух. С горя старший брат размотал с тела младшего змею и бросил ее в трясины. Змея сразу ожила.

Старший брат понял, в чем дело. Отрубил он мизинец левой руки и ткнул палец в трясины. Палец тут же прирос обратно. Взял он из трясины воду и побрызгал ею брата. Тот сразу ожил. Поняли братья, что это за трясина.

— Мы можем из этой трясины добыть много золота, — сказал младший брат.

— Что нам надо делать? — спросил старший брат.

— Ты будешь врачевать. Я распушу слух, что ты оживляешь мертвых.

Младший брат приносил из трясины воду, а старший оживлял ею мертвых и врачевал больных.

Прошло пять лет. Сильно разбогатели братья. С каждым днем младшему брату становилось все труднее, так как вода в трясины стала кончаться.

Однажды, когда он пошел за водой, из трясины поднялся сармак и сказал:

— Ты хочешь лишить меня покоя? Что ты делаешь с водой? Как много ты ее уносишь!

Испугался младший брат и бросился бежать.

— Остановись! — крикнул сармак. — Если ты сделаешь еще шаг, я убью тебя. Подойди и отвечай на мои вопросы.

Подождал младший брат и все рассказал: как упала с чинары змея, как старший брат убил ее, как она ожила, как брат оживил его, как они излечивали людей...

— В этой трясине вода кончилась не потому, что ты ее уносишь. Когда люди на земле не умирают — вода в трясине уменьшается. Если вода в трясине кончится, весь мир погибнет. Поклянись своим отцом, что придешь сюда со своим старшим братом.

— Я не могу дать тебе такую клятву, потому что, поклявшись за него (а он может и не прийти), я могу стать клятвопреступником. Я передам ему твои слова. Сам же, клянусь отцом, завтра приду к тебе.

— Ты прав. Иди, а завтра придешь вместе с братом.

И сармак скрылся под водой.

Понурый пришел младший брат домой, передал старшему весь разговор с сармаком и добавил:

— Завтра мы должны пойти к нему.

— Я не такой глупец, как ты, чтобы встречаться с сармаком. Если хочешь, сам иди к нему.

На второй день младший брат пошел к сармаку.

— Ну, где твой брат? — спросил сармак.

— Он не захотел прийти, — ответил младший.

— Если бы он пришел, я бы отпустил вас невредимыми и освободил бы вас от врачевания. Вы

вышли из дому со спором о луне и солнце. Этот спор разрешу я. Ты человек честный, и солнце твое. Ты будешь славным соколом с зорким взглядом и будешь летать днем. Твой брат бесчестный человек — луна его. С этого дня он будет лупоглазой совой и будет летать только ночью.

Только сармак произнес молитву, как младший брат превратился в славного сокола, а старший — в лупоглазую сову.

Увидит сокол днем сову и бросается на нее. Это младший брат недоволен старшим, а старший, вспоминая, как лишился солнца, прячется от дневного света.

СЫН МЕСЯЦА

В далекие времена жили муж с женой. У них было семеро сыновей. Они молили бога, чтобы он даровал им девочку. Через некоторое время родилась девочка — все ее любили и лелеяли. Не исполнилось ей и нескольких месяцев, как у этих людей стали пропадать с яблонь яблоки. Стали они сторожить, и выстрелом из ружья ранили одного вора в палец. Но вор убежал. Тогда собрали всех жителей села, чтобы опознать вора. У всех пальцы были целы.

— Остался ли кто-нибудь в селе непроверенным? — спросили.

— Остался один ребенок в люльке, — ответили.

Осмотрели ребенка, и у него действительно не хватало мизинца. Это была недавно родившаяся девочка.

— Эта девочка станет ведьмой, — сказали люди и решили, что ее надо убить.

Но мать упросила людей не убивать девочку, и они оставили ее в живых. На ее смерти настаивал младший брат:

— Если вы ее не убьете, я покину дом.

И через некоторое время он уехал. После этого прошло много лет, и он решил провести своих отца-мать и братьев. Возвратился он в село и не увидел ни одного живого человека. Подъехал к своему дому, спешился, но никого в доме не обнаружил.

Сидит он в комнате, а из-под пола выскочила мышка, из-за двери вышла кошка, из-под подоконника выполз муравей.

— Кто ты и откуда? — спросили они.

Тогда младший брат рассказал им, почему он ушел из дому, и о своем решении повидать родителей и братьев.

— Хорошо, что ты ушел отсюда, потому что твоя сестра, как только начала ходить, сразу съела мать, отца, потом братьев, всех односельчан и все живое. Только мы трое от нее спаслись. Сейчас она придет. Она предложит тебе есть, но ты скажи, что сыт, и попроси ее, чтобы она принесла тебе в решете воды. Так ты сможешь от нее спастись. — И мышка, кошка и муравей быстро спрятались.

В это время вернулась сестра-ведьма.

— С добрым приходом, гость из нашего края! Как долго ты не возвращался к своей сестре, — сказала она.

— Пусть долго ты не проживешь! — сказал брат.

Видит брат: выскочила его сестра-ведьма и съела одну ногу у коня. Вбежала она в дом и спросила:

— На скольких ногах ты прибыл? Да умрет твоей матерью рожденная!

— На трех ногах прибыл, чтобы моей матерью рожденная умерла! — ответил брат.

Опять выскочила ведьма во двор и съела вторую ногу коня. Зашла и спрашивает:

— На скольких ногах ты прибыл?

— На двух ногах прибыл.

Съела еще одну ногу и спрашивает:

— На скольких ногах ты прибыл?

— На одной ноге приехал, да умрет моей матерью рожденная! — ответил брат.

Съела сестра-ведьма последнюю ногу коня и спрашивает:

— На чем ты приехал, моей матерью рожденный?

— Ползком на животе приехал.

Съела сестра-ведьма всего коня, оставила одни кости и спрашивает:

— А теперь ты на чем приехал, мой братик?

— Пришел пешком, — ответил брат.

— А что бы ты поел, братик?

— Я сыт, — ответил младший брат, — но хотел бы выпить водицы, принесенной в отцовском решете.

Схватила сестра-ведьма решето и бросилась за водой. В это время из-под пола появилась мышка, через дверь вошла кошка, из-под подоконника вылез муравей. Они сказали:

— Возьми с печки брусок и точило, потри ими кости своего коня и произнеси: «Стань прежним, мой конь», — и конь твой оживет. Потом возьми гребенку матери, купорос и уголь из очага. Как только почувствуешь за собой погоню, бросишь — они тебе помогут. — И они попрятались по своим местам.

Младший брат исполнил их советы и бросился бежать. Только он стал скрываться из глаз, сестра-ведьма бросила решето и пустилась за ним. К полудню она стала догонять брата. Брат бросил гребенку и пожелал, чтобы между ними оказался лес. И вырос лес, густой, как зубья этого гребешка. Брат дал отдохнуть коню и поскакал дальше.

Через некоторое время он услышал за собой погоню. Тогда он бросил купорос, и между ним и сестрой-ведьмой раскинулось большое купоросное поле.

Ведьма преодолела купоросное поле и стала его догонять. Бросил брат уголь, и между ними возник туман, черный как уголь.

Уже наступил вечер, потом ночь, и брат подумал, что спасся, но в это время он вновь услышал шум погони. Во всю прыть пустил он своего коня.

— Не убегай, все равно не спасешься! — услышал он за собой крики сестры-ведьмы.

Младший брат уже не знал, что ему делать, как спастись. Посмотрел на небо. Увидел в небе Месяц и обратился к нему с просьбой:

— Ва, Месяц, возьми меня к себе!

И Месяц стал поднимать его к себе. Ведьма бросилась вслед и успела оторвать одну ногу коню.

Старики говорят, что Месяц и брат будут находиться вместе до наступления абаде.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ БЛАГОДАТИ ЗЕМНОЙ

На всей земле, на которой мы сейчас живем, когда-то была засуха. На всей земле не было ни капли воды, ни растений.

Прилетела огромная белая птица и опустилась на землю. Своим телом птица покрыла всю землю — такой огромной она была. От помета этой птицы возникли вода и семена. От этих семян, говорят, выросли на земле лес, трава, сады, зерновые. А из воды разлились моря, озера, реки.

Вода уничтожила засуху, а семена удобрили землю. От воды и семян пошла благодать земная.

О ВЕРШИНЕ КАЗБЕКА

На вершине Казбека жила Дарза-Наналг. У нее было восемь сыновей. По какой-то причине один из них ушел на небо. Оставшиеся семь братьев отправились на его поиски. Сели они, выпили расплавленную медь и с вершины Казбека поднялись на небо. Когда сыновья ушли, Дарза-Наналг бросила на эту вершину свои шаровары.

Если сейчас взглянуть на вершину Казбека, то заметно место, куда она бросила свои шаровары, — там никогда не бывает снега и льда.

Семеро же братьев ходят по небу в поисках своего восьмого брата. Если они его найдут, во Вселенной произойдут большие перемены.

У-НАНА

Недовольная всем на свете, носится У-Нана. Она ни разу в жизни не улыбнулась. У-Нана насылает заразу на всех, кто доставит ей хоть маленькую неприятность.

Как-то рассердилась она на ингушей и решила их всех уничтожить. Наслала она на них холеру и уничтожила всех, оставив только мальчика в одном доме и девочку — в другом.

От них и ведут свое происхождение современные ингуши.

ХИ-НАНА

Хи-Нана живет в воде. До пояса она женщина, а ниже пояса — рыба. Днем и ночью она приводит в движение воды. За полчаса перед рассветом Хи-Нана на мгновение засыпает, а все остальное время занята делами. Когда Хи-Нана засыпает, вода перестает течь — на это время и вода засыпает.

На такую застывшую воду и наткнулись два брата. Видят они уснувшую воду и удивляются.

— Я хочу искупаться в этой воде, — сказал старший брат.

— Не надо, может случиться беда, — просит младший.

Но старший брат начал купаться, а младший сидел у берега. Сидит он и видит, что вода всколыхнулась.

«Не случилось бы с ним чего», — подумал младший брат. Только он так подумал, как старшего брата выбросило на берег, и из воды вышла Хи-Нана.

— Я не оставляю в покое человека, который входит в застывшую воду, а желания других людей я исполняю. Если бы ты не попросил за своего брата, плохо ему пришлось бы, — сказала Хи-Нана и исчезла под водой.

Братья отправились домой.

ВЫБОР ДЕВУШКИ

В давние времена в Ассинском ущелье жила-была девушка изумительной красоты. Много молодых людей сватались к ней, но она всем отказывала.

Однажды к ней приехали двое молодых людей. Девушка пригласила их в саклю, а сама вышла приготовить угощение. Они были ровесники, оба красивые, происходили из хороших семей и ни в чем не уступали друг другу: ни в силе, ни в ловкости, ни в храбрости. Оставшись наедине, поведали они друг другу о цели своего приезда, и тут обнаружилось, что оба приехали сватать девушку.

Поговорили они и решили предоставить ей выбор.

Когда девушка вошла в саклю, они сообщили ей, зачем приехали. Девушка была в нерешительности и не знала, на ком остановить выбор: оба были красивы, стройны и мужественны. Кроме того, она не хотела обидеть отказом ни того ни другого.

Наконец после некоторого раздумья она предложила разрешить спор следующим образом: молодые люди должны были выкосить по полосе травы равной длины — выкосивший полосу первым получит ее руку.

На другой день все трое собрались в условленном месте. Это была долина, простиравшаяся от речки Богурали до селения Галашки по левую сторону реки Ассы. Девушка пришла первой, затем подошли и молодые люди с наточенными косами. Поставив их рядом, она встала в отдалении (где ныне находятся памятники) и подала знак начать косьбу.

Молодые люди сильными взмахами кос начали косьбу. Было лето. Стоял ясный день. Солнце ярко светило. Жара усиливалась, а полосы были длинные, но молодые люди не чувствовали ни жары, ни усталости. Любовь к девушке вливала в них новые силы и бодрость.

Косы, сверкая на солнце, все чаще взлетали в воздух. Срезая сочную траву, молодые люди укладывали ее в ряд. К полудню, выбившись из сил, молодые люди, не отставая друг от друга, одновременно сделали косами последние взмахи и оба упали в изнеможении у ног девушки. Она протянула к обоим руки, и тут же все трое окаменели: девушка с распростертыми руками в виде креста, молодые люди — в виде каменных плит по ее сторонам.

КАК ОБРАЗОВАЛАСЬ РЕКА АССА

Река Асса, говорят, появилась, чтобы разъединить людей, приготовившихся к смертельной схватке.

Произошло это так.

У одного молодого человека было много овец. Кроме них, у него ничего не было. Пас он овец в горах. Как только наступал вечер, его овцы исчезали. Грабители задумали во что бы то ни стало узнать, где он прячет своих овец. Они подослали к нему девушку с едой, которой хватило на один раз. Ничего не говоря, молодой человек съел еду и ушел.

Так продолжалось неделю, вторую, третью. Грабителям это надоело. Поручили они девушке приласкать молодого человека и заставить его заговорить. Девушка так и поступила. Молодой человек заговорил и назвал ей место, где прячет овец.

Среди ночи молодой человек решил проверить овец. Увидел он, как грабители гнали овец, и вступил с ними в схватку.

В это время с гор хлынула вода — черная, как туча, большая, как страна, холодная, как родник.

Молодой человек, девушка и половина овец остались по эту сторону реки, а грабители со второй половиной овец — по ту сторону. Когда схватка прекратилась, вода в реке стала чистой — был виден каждый камень на дне ее.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ ОЗЕРА В ГАЛАН-ЧОЖЕ

Раньше в Ялхарое, в местечке Алка, было озеро. Сохранились его следы: большое, широкое углубление с берегами вокруг. Мать и дочь из Алки пошли на озеро стирать грязные пеленки. Они превратились в два камня. Люди говорили, что эти камни стояли до недавнего времени. Озеро превратилось в быка. Он спустился вниз по ущелью, взошел на гору и потер об нее рога. Отсек скалу, прошел Ахкабасе и прибыл в Алку.

Там, в низине, пахали землю отец и два сына. Увидели они быка, и отец говорит сыновьям:

— Вспашите на быке землю.

Один из сыновей сказал, что этого нельзя делать, бык, мол, чужой. Но отец и другой сын пропахали все-таки две борозды. Когда стали пахать третью борозду, хлынула вода. Сына и отца она унесла, а того, кто не согласился пахать на быке, выбросило на берег.

Так возникло это озеро.

МЕСТО ПАДЕНИЯ БАЙТМАРА

Вверху по ущелью, где протекает река Арамхи, за селением Олгеты, лежит маленький аул — домов в двадцать. Между этим селом и аулом Тарш есть опасный обрыв. Голова кружится, если посмотреть с него вниз. Этот обрыв высотой триста-четыре метра тянется вдоль реки Арамхи. Горцы считают этот обрыв «местом падения Байтмара».

По рассказам, это случилось очень давно, когда люди жили бедно, когда потомки враждовали из-за каждого клочка земли отцов, а между отцами и между братьями не было согласия.

Давным-давно в Шанском ущелье, близ Арамхи, на горном склоне два брата пасли овец. Одного звали Байтмар, другого — Гета. Они были из аула Шан. В полдень братья согнали овец на отдых, подоили их и решили вскипятить молоко.

Поблизости не было ничего, чем можно было разжечь костер. Братья бросили жребий, кому идти за дровами. Жребий пал на Байтмара, и он пошел на противоположный теневой склон, где рос лес. Набрал Байтмар большую охапку сухих дров и наподобие коромысла свесил их со своих плеч.

А тем временем Гета собрал кизяк, вскипятил молоко и все выпил.

Вернувшийся Байтмар увидел затухающий огонь и пустую посудину и понял в чем дело. Вместе с грузом он направился в сторону обрыва, чтобы сбросить ненужный груз. Он думал, что охапка дров легко упадет с его плеч, но от сильного взмаха вместе с дровами упал в пропасть и сам.

Погиб он, и ничего от него не осталось. Услышав крик брата, Гета от радости заплясал на месте и стал приговаривать: «С носка на пятку, с носка на пятку, все наследство мне досталось!»

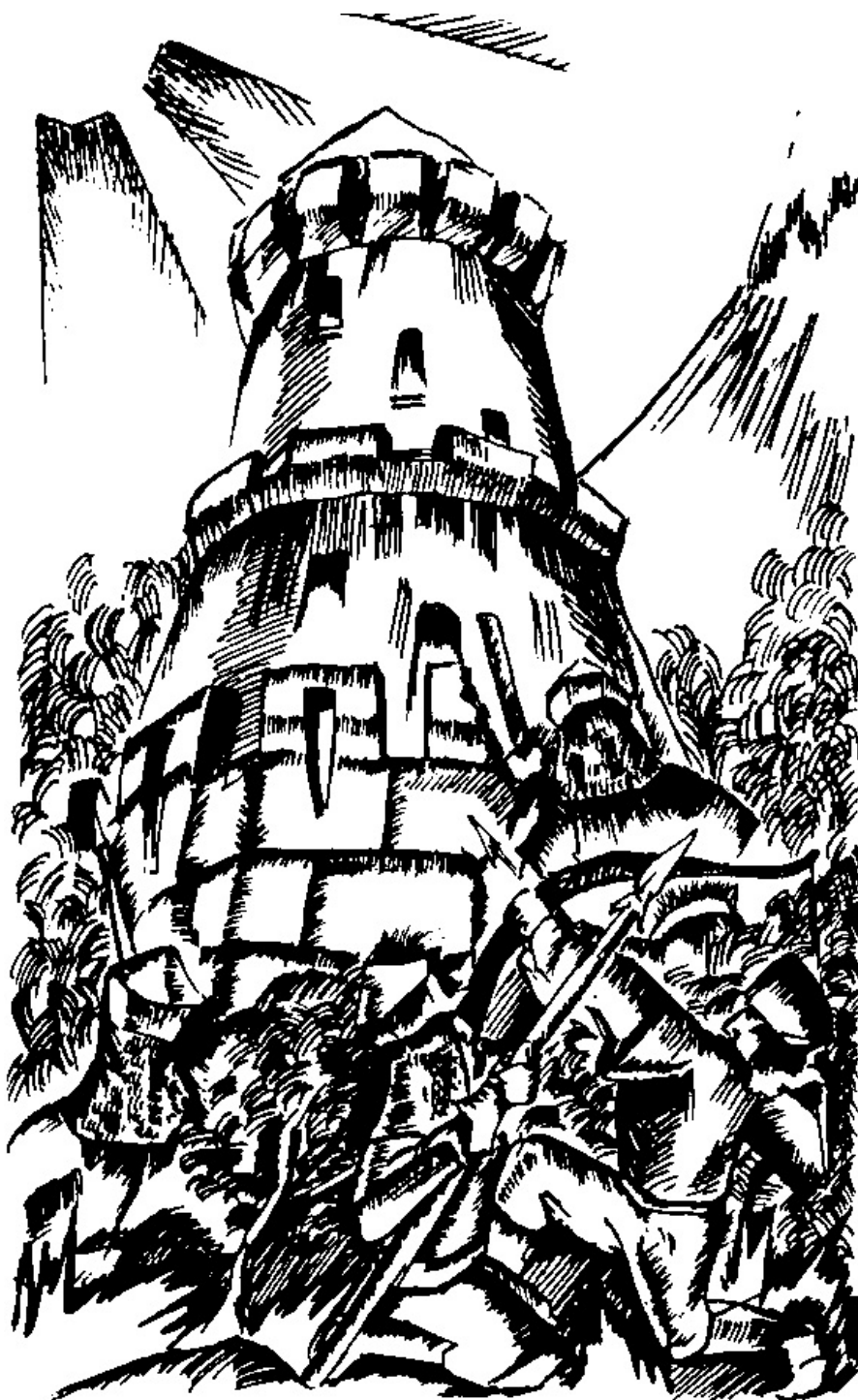
Байтмар был единственным братом Геты, других братьев у него не было. Отсюда пошла пословица: «Лучше сидеть на вороне, чем иметь брата на спине».

СТРОИТЕЛИ БАШЕН

Тысячи лет назад в горах по ущелью Терека жил маленький народ, который пас овец и коров. Соседние племена часто беспокоили этот народ. Пришельцы с востока уводили людей в плен, продавали в неволю. Поэтому этот народ стал строить башни из камней. Каждый род жил в отдельной башне. Они называли себя жителями башен, или галгаями.

Гордыми, смелыми, мужественными и искусными умельцами были жители башен. Они первыми начали строить башни из камней, поэтому их башни были выше и прочнее других.

Эти башни были двух типов: боевые и жилые. В боевых можно было надежно обороняться от врагов.

В период вражеских нашествий они отсиживались в башнях. Иногда они сами большими группами совершали набеги и привозили богатую добычу.

Эти набеги вызвали ярость врагов. Они решили наказать галгаев — разрушить их башни, а их самих всех до одного утопить в Тереке. Днем враги прятались в лесах, а ночью продвигались вперед. На рассвете враги напали на башню, стоявшую на склоне горы. Другие башни стояли вдали, и никто не пришел на помощь. Жители башни — мужчины и женщины — оказали упорное сопротивление, но все-таки потерпели поражение — слишком велики были силы врагов. Ручьем лилась кровь из башни. Враги хотели сбросить башню в пропасть. Но это им не удалось, так как они не могли поднять даже один камень. Поэтому они не стали продвигаться в глубь гор, зная, что галгаи не сдадутся живыми и готовы умереть в бою.

Через некоторое время соседи прослышали о нападении, прибыли на помощь и увидели страшную картину.

Враги истребили всех. Прибывшие на помощь заметили недалеко от башни женщину. В крови, которая из нее текла, лежал грудной ребенок. На другом краю откоса лежала убитая женщина, а рядом с ней тоже маленький мальчик. Галгаи очень обрадовались, что род, разгромленный в башне, не прервался. Сидевшего на склоне горы называли Мяхи, а лежавшего в крови — Цечо.

От этих двух мальчиков и ведут свою родословную мяхистинцы и Цечоевы.

ХАНОЙ ХИНГ

Ханой был искусным строителем боевых башен, Хинг перенял это искусство от своего отца.

Однажды при укладке башни Хинг сказал отцу:

— Этот камень следовало положить не так, а иначе. — И показал, как нужно положить.

— Ты начал и мне советовать? — сказал отец. — Неужели ты считаешь себя столь искусным?

И они поспорили.

— Хорошо, — сказал отец. — Жители аула Ляжг Хутиевы просят нас построить боевую башню. Они все приготовили и обещают уплатить за работу шестьдесят голов скота. Пойди возведи для них боевую башню, а я здесь, в Хани, возведу другую. После строительства этих башен узнаем, кто из нас искуснее.

Хинг отправился в Ляжг. Он решил возвести самую лучшую башню из всех виденных им. Он хорошо готовил известь. На краю речки была мельница, на которой дробили щебень и превращали его в песок. В раствор он иногда добавлял молоко, яйца, ослиный волос.

После приготовления раствора он брал его на лопату и, качая, переворачивал. Если раствор с лопаты не падал, он считал его готовым. Камни подносили одни люди, а укладывали другие.

С двойным потолочным сводом выстроил башню Хинг.

Когда Хинг положил на верх башни последний камень, отец пришел взглянуть на его работу. Посмотрел отец башню внутри и снаружи, поскреб раствор и крикнул сыну:

— Ты победил меня, нет мастера искуснее тебя!

От радости Хинг станцевал на острие камня, установленного на вершине башни.

ХАНОЙ ХИНГ И БОГ

Богу нравился характер Ханой Хинга. Опустил бог золотую цепь и говорит:

— Вzbирайся ко мне.

Поднялся Хинг и уселся на небесных сводах.

— Посмотри вокруг, — сказал бог. — Отсюда видно все, что происходит в мире.

Удивленно озирался Ханой Хинг по сторонам.

Посмотрел он в Ханн, хотел узнать, как поживает его семья, и видит, что жена его вместе с пастухом зашли в сарай.

— Дома может случиться плохое, отпусти меня, — стал просить бога Ханой Хинг.

— Иди, — сказал бог. — Как только опустишься на землю, ударом шашки отсеки для себя кусок золотой цепи от меня в подарок.

Опустился Ханой Хинг на землю и захотел отсечь от золотой цепи кусок побольше. Подпрыгнул Ханой Хинг и шашкой отсек большой кусок золотой цепи.

За жадность бог проклял его до седьмого колена:

— Пусть потомство твое будет малочисленным и пусть оно будет тщедушным!

Проклятие, говорят, сбылось. Каждое последующее поколение становится все хуже.

АБРЕК СУЛУМБЕК

Жил, говорят, храбрый абрек Сулумбек Горовожев. Рассказывают, что он был другом абрека Зелимхана из Харачоя.

Как-то брат Сулумбека решил украсть у бедного человека быков. Ночь была темная, но хозяин видел, что уводят быков, и выстрелил вслед похитителю. Пуля попала точно в цель, и брат Сулумбека был убит.

Сулумбек не раз устраивал засаду, чтобы отомстить за брата. Он потерял не одну ночь, чтобы расквитаться с кровником.

Однажды ночью Сулумбек поджидал его у моста близ села Сагопши. Среди ночи он услышал топот коня. Сулумбек приготовил оружие, вышел из-под моста и поехал вслед за кровником. Через некоторое время он окликнул его:

— Ты убил моего брата, я — Сулумбек Горовожев, приготовь свое оружие, я буду мстить за кровь брата.

Всадник продолжал путь, будто ничего не слышит. Сулумбек вновь прокричал то же самое. Молчание. И в третий раз крикнул ему Сулумбек. Тогда всадник спешил, бросил оземь оружие, пистолет, кинжал и сказал:

— Ты прав, Сулумбек, это я убил твоего брата. Но знай же, здесь нет никакой моей вины. Я не убил его подло, из корысти. Выслушай меня. — Кровник рассказал все, как было, и добавил: — Теперь же объявляю тебя безвинным за мою кровь, совершай свою месть. Надоело мне скрываться от тебя, постоянно устраиваешь ты мне засады!

Сулумбек понял, что кровник не виновен.

Будучи настоящим мужчиной, он сказал:

— Объявляю тебя безвинным в крови моего брата. С сегодняшнего дня живи спокойно и ничего не бойся. Никто не посмеет тебя в чем-либо упрекнуть, так как ты ни в чем не виноват.

На второй день во двор Сулумбека пригнали много скота и коней. Это был откуп за кровь. Сулумбек созвал родственников и, объявив, что простил кровь брата, добавил:

— Человеческую кровь не продают за деньги и скот. Я простил кровь не для того, чтобы получить плату. Гоните обратно скот и коней!

Так он простил безвинного человека, и люди были ему благодарны за это.

Но однажды на сельском сходе один человек укорил Сулумбека:

— Ты не мужчина! На тебе лежит позор! Почему ты не мстишь за кровь своего брата?

Сулумбек сказал:

— Знал я, что хоть один человек да обвинит меня в моем поступке. Однако не думай, что твои слова разозлят меня и я пойду убивать невинного человека. Мое слово нерушимо!

Люди на сходе проклинали этого человека, а Сулумбек и позднее не изменял своему слову. Так же поступали и его родственники.

Рождение Ахсара и Ахсартага

К старости родились у нарта Уархага два сына-близнеца. В час, когда поют первые петухи, родился первый сын, и в ту же ночь, когда утренняя звезда Бонварнон еще не взошла на небо, в час, когда поют вторые петухи, родился второй сын. Заглянули лучи утреннего солнца в сердца Уархага и жены его Сайнагон, и почувствовали родители, как дороги им дети, порожденные ими. Чтобы счастье принес новорожденным день их рождения, Уархаг устроил пир, и, как водилось у нартов, только дичиной, добытой на охоте, потчевали на этом пиру.

Позвал Уархаг на пир небесного кузнеца Курдалагона, повелителя бездны морской Донбеттыра и тестя своего Сайнаг-алдара. Много почтенных нартов, и во главе их Бора и Алыбег, приглашены были на этот богатый пир. Курдалагон полюбил сыновей Уархага и дал им имена. Старшего назвал он Ахсар, младшего — Ахсартаг.

А почему названы они были Ахсар и Ахсартаг?

Про отважного говорят — ахсар. Таким был первый брат. И так его называли. Но еще отважнее был второй брат, и называли его Ахсартаг, что значит «отважнейший».

И в честь наречения новорожденных подарил Курдалагон Уархагу чудесную свирель, которую сам сковал из небесной стали фатыг в небесной своей кузнице. На стол положили нарты эту чудесную свирель, и она звонко и весело запела:

Возьми чашу ронга!Подыми чашу ронга!И выпей ееНа здоровье!

Семь дней и семь ночей пировали гости Уархага, а когда кончился пир, вскочил Курдалагон на гребень огненной бури и, словно крылатый Пакундза, умчался в небеса. Перламутровой огненной рыбой обернулся Донбеттыр и скрылся в морской бездне. Ушел и Сайнаг-алдар в свою крепость. Нарты же, как подобает тем, кто проводит всю свою жизнь в походах, отправились в опасный путь.

Не по дням, а по часам росли Ахсар и Ахсартаг. За день вырастали они на вершок, а за ночь — на целую пядь. Озорными мальчишками были Ахсар и Ахсартаг. Сделали они себе луки и стрелы, и не стало птицы, которая могла бы пролететь над ними: тотчас подбивали они ее, и камнем падала она на землю. Весь мир скоро узнал, что у нарта Уархага подросли отважные сыновья-близнецы — Ахсар и Ахсартаг.

Меч Ахсара

Выросли Ахсар и Ахсартаг, и настал день, когда решили они на один год отправиться в поход. Снарядились. Двинулись в путь. Дошли до места, где расходились три дороги, и условились так: «Пойдем по двум крайним дорогам, а средняя пусть будет местом нашей встречи. Пусть каждый из нас положит под этот придорожный камень стрелу, им самим выделанную. Кто первый вернется, пусть проверит, на месте ли стрела, положенная братом».

Разошлись Ахсар и Ахсартаг по разным дорогам. Прошел год, вернулся Ахсартаг в условленное место, поднял камень и увидел, что лежит там стрела Ахсара и что покрылась она темной плесенью. Испугался Ахсартаг за брата и пошел по его дороге. Долго он шел по лесам, полям и горам и к вечеру добрался до Черного ущелья. Там и заночевал и увидел во сне, что в плен попал брат его Ахсар.

Вскочил Ахсартаг и пошел дальше. Опять он шел целый день и к вечеру дошел до Белого ущелья. Опять отдохнул он в роще и только заснул, как увидел такой же беспокойный сон, как в первую ночь. И снова вскочил Ахсартаг и в тревоге пошел дальше. С утра до позднего вечера шел Ахсартаг, и вот перед ним Красное ущелье. Но как было ему не проголодаться в столь долгом пути?

Не мог он заснуть и обошел всю рощу, надеясь, что в этом ущелье ему попадется дичь. Вдруг увидел он озеро, а на берегу его шатер. В шатре время от времени то появляется, то снова исчезает какой-то непонятный свет.

«Неспроста поставлен этот шатер, — подумал Ахсартаг. — Может, я здесь узнаю о том, что случилось с братом?»

Подошел он поближе к шатру и стал его разглядывать. И вот видит Ахсартаг, что с одной стороны вделана в шатер железная дверь, сама собой то закрывается, то открывается, и каждый раз, когда она открывается, изнутри виден свет. Удивился Ахсартаг: что за чудо? И только дверь открылась, Ахсартаг пустил стрелу на свет. И тут же послышался пронзительный крик — такой, что деревья погнулись, забурлило озеро и волны хлынули на берег, а звери, заночевавшие в роще, испугались и, толкая друг друга, пустились бежать. Прошло некоторое время, и все стихло. Озеро снова вошло в свои берега, деревья выпрямились, и звери потихоньку вернулись в свои логовища.

Стало светать. И только совсем рассвело, Ахсартаг увидел, что из шатра выходит старуха. Она была крива на один глаз, а в другом, зрячем, застряла стрела Ахсартага. Стонет старуха. Ахсартаг подошел ближе и вдруг увидел в руках у старухи полотенце своего брата. И сразу спросил ее Ахсартаг:

— Кто ты такая? И откуда у тебя полотенце брата моего Ахсара?

— Эх, юноша, я не знаю, кто ты, но если ты назвал себя братом Ахсара, то ты и мне брат: я из нарттов. Когда недавно посетил это место твой брат, я узнала, что и он из нартского рода. Отправляясь к подводным жителям быценагам, он оставил мне свое полотенце и завещал: «Следи за ним, сестра моя. Если выступит кровь на полотенце, значит, пришлось мне тяжело, а если крови нет, за меня не опасайся». И вот вижу я: выступила кровь на полотенце, значит, тяжело приходится брату Ахсару, попал он в плен к быценагам. А теперь, когда я совсем ослепла, не знаю, что мне делать.

— А разве нет средства, чтобы ты прозрела хотя бы на один глаз? — спросил Ахсартаг.

— Если бы кто собрал капли утренней росы, смешал бы с оленьим молоком и капнул на мою рану, тогда бы я стала видеть опять.

Побежал Ахсартаг в лес, изловил олениху, подоил ее, смешал молоко с каплями утренней росы и, вытащив стрелу из глаза старухи, влил туда приготовленное лекарство. Тут же прозрела старуха и обрадовалась, что видит Ахсартага.

— Как же мой брат попал к быценагам? — спросил ее Ахсартаг.

— Расскажу тебе с самого начала. Быценаги охотились, а тут вдруг на небе раскрылись ворота, и упал оттуда обломок небесной руды прямо на голову старшего из быценагов и пробил ее насквозь. Быценаги унесли этот обломок небесной руды к себе под воду. Ахсар узнал об этом и задумал отобрать у них этот обломок. Но тут они его окружили, связали и увели к себе. Как раз сегодня я собиралась напасть на них, но по твоей вине не смогла это сделать.

— А кем ты приходишься нартам и почему называешь себя нашей девушкой? Кому из нартов приходишься ты сестрой? И потом объясни: когда ночью смотрел я на шатер, то я видел, что в нем то появляется, то снова исчезает какой-то непонятный свет.

— Прихожусь я сестрой Уархагу, но уже издавна проживаю здесь. Мой муж был сотрапезником Солнца, и оно ему подарило бусину из белого камня. Эту бусину я каждый раз надевала себе на шею, и она освещала мне дорогу. То, что ты видел, и был свет, излучаемый бусиной.

— А куда делся твой муж?

Старуха указала на дверь, вделанную в шатер, и сказала:

— Эта дверь ведет в подземную пещеру, и вечером, под субботу, она открывается. Быценаги выходят оттуда, чтобы похитить хотя бы одного живущего на поверхности земли человека. Если они этого не сделают, один из них умрет. Вот и похитили они моего мужа. Но что с ним случилось, я не знаю, так же как и о брате нашем Ахсаре.

Дождались Ахсартаг и старуха вечера под субботу. Когда дверь в подземелье раскрылась, подпер Ахсартаг дверь плечом, не давая ей закрыться, вырвал ее вместе с петлями и отшвырнул в сторону. После этого они со старухой из рода нартов вошли в пещеру и в ужасе видят: лежит там мужчина, руки и ноги его растянуты во все стороны и привязаны, из бороды и усов его сплетена волосая лестница, и тянется она до поверхности земли.

— Видишь, это мой муж, хозяин моей головы! — воскликнула старуха.

Ахсартаг выхватил меч, обрезал веревки, которыми связан был мужчина, и быстро обрил ему голову и лицо. Мужчина встал, поблагодарил Ахсартага. Тут пошли они вместе в глубь подземелья и вдруг увидели распятого на стене пещеры Ахсара. Пускают в него стрелы быценаги, бьют его мечами. И, увидев это, Ахсартаг набросился на них, стал их истреблять, а сестра Уархага и ее муж догоняли убежавших и убивали их.

Так Ахсартаг освободил Ахсара.

— Вы с мужем возвращайтесь к себе домой, а мы с Ахсартагом тоже скоро придем к вам, — сказал Ахсар.

Жена с мужем ушли к себе домой, братья же Ахсар и Ахсартаг разыскали ту кладовую, где быценаги хранили свою руду. Нашли они обломок небесной руды, спрятанный быценагом, и отнесли небесному кузнецу Курдалагону. Из этого обломка сделал себе Ахсар обоюдоострый меч — такой, что от удара его любой камень, любой металл пополам распадались, а сам меч не тупился.

Когда Ахсар и Ахсартаг спустились на землю из кузницы Курдалагона, их поджидал предводитель быценагов Карамаг. Ахсар и Ахсартаг вступили тут в бой с Карамагом. Но Карамаг сумел так ловко ударить Ахсартага, что тот упал замертво, и меч выпал из его рук. Но тут вдруг неведомо откуда появился один из донбеттыров и шепнул Ахсару:

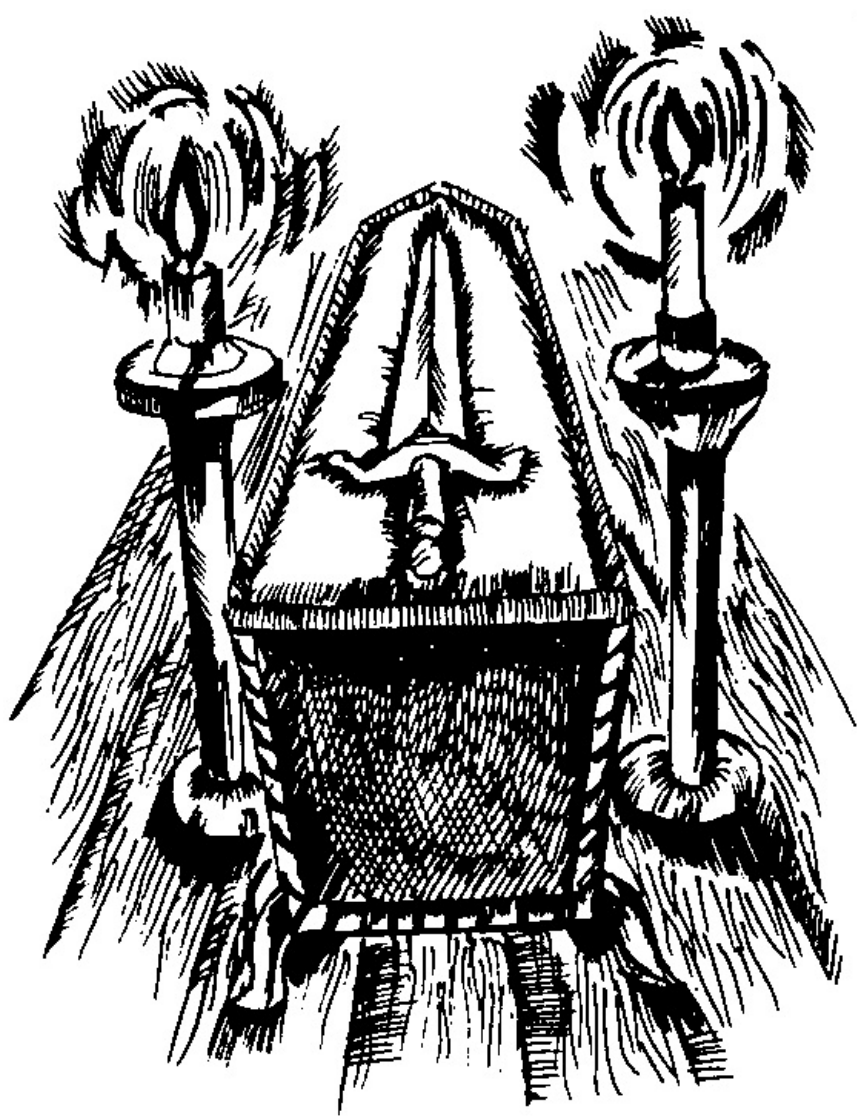
— Смажь лезвие своего меча аваadz-мазью — и сразу осилишь врага.

Ахсар мгновенно смазал лезвие своего меча аваadzмазью. И когда Карамаг занес над ним свой меч, Ахсар отбил удар, и меч Карамага разлетелся на мельчайшие, мельче гвоздика, осколки.

И тут Ахсар перебил всех быценагов. А тот из донбеттыров, который дал совет Ахсару, унес Ахсартага к мелочному озеру, искупал его в волнах, и Ахсартаг сразу ожил.

Молва о мече Ахсара разнеслась среди нартов. Все они собирались подивиться на этот грозный меч. И с тех пор, когда у нартов наступало тяжелое время, Ахсар со своим мечом шел впереди на врага. За непобедимую твердость меч Ахсара получил имя: его и по сей день называют ахсаргард, что значит «меч Ахсара».

После смерти Ахсара меч его унаследовал старший сын. С тех пор так и повелось у нартов: старший сын наследует меч, младший — коня.

Яблоко нартов

Яблоня росла в саду нартов. Небесной лазурью сияли ее цветы, но за день только по одному яблоку созревало на ней. Золотое было то яблоко, и, подобно огню, сверкало оно. Живительной силой обладало яблоко, исцеляло людей от всяких болезней и залечивало любые раны. Только от смерти не спасало оно. Целый день зрело яблоко, сверкая на верхушке дерева, но ночью кто-то его похищал. Нарты по очереди стерегли свое яблоко, но никто из них ни разу не видел вора, а яблоко каждую ночь исчезало.

Пришел черед сторожить сад Уархагу. Призвал он своих сыновей Ахсара и Ахсартага и сказал им:

— Идите, солнышки мои, постерегите золотое яблоко. Вся надежда моя на вас. Если не устережете, то знайте — все три нартских рода соберутся сюда. По одному человеку от каждого дома пришлют они; одному из вас отрубят голову, другому отсекут руку и, на позор мне, наденут на колья голову одного и руку другого. Один останусь я на старости лет, без защитников и кормильцев.

— Не бойся, отец наш, уж мы-то устережем это яблоко, и вор не уйдет от нас, — ответили ему сыновья.

— Пойти вы пойдете. Знаю я, что вы ничего не страшитесь, но сам я страшусь за вас. Ведь если не устережете яблока, тогда не вернуться вам ко мне, — сказал отец.

Забором из оленьих рогов огорожен был сад нартов, и так высока была эта ограда, что даже птица не могла перелететь через нее. Сели братья под чудесной яблоней, поужинали, и младший, Ахсартаг, сказал старшему, Ахсару:

— Будем стеречь по очереди. Ты ложись сейчас и спи до полуночи. А с полуночи до утра будет твой черед.

Согласился Ахсар, лег и заснул. Проснулся он в полночь и говорит брату:

— Пусть бог простит мне, Ахсартаг. Я, кажется, проспал...

— Пока нет полуночи, поспи еще, — ответил ему Ахсартаг.

Ахсар со сна и не разобрал, сколько времени, лег и снова уснул.

Не спит Ахсартаг, сидит под яблоней, держит наготове лук и стрелу. И в час, когда ночь сменяется днем, словно птица какая-то прилетела в сад.

Осветилась внезапно яблоня, и увидел Ахсартаг голубку возле чудесного яблока. И только сорвала она яблоко, как пустил стрелу Ахсартаг, и половина крыла голубки упала на землю, сама она, обливаясь кровью, неровно и низко пролетела над землей, а яблоко упало на землю. Тогда Ахсартаг разбудил Ахсара.

— Видишь капли крови? — сказал он брату. — Это я на яблоне нашей подстрелил голубку. Она улетела, но вот половина ее крыла. Низко, над самой землей летела она, оставляя кровавый след. Я должен пойти по этому следу — или поймаю ее, или погибну. Иначе я не могу поступить.

Бережно завернул Ахсартаг в шелковый платок половину крыла голубки. Платок сунул за пояс, яблоко — за пазуху и, когда совсем рассвело, сказал Ахсару:

— Я ухожу искать эту погибельную птицу. Что ты мне скажешь?

— Я тоже пойду туда, куда ты, — ответил Ахсар.

Пошли братья по кровавому следу, привел он их к берегу моря.

— Он под воду ведет, — сказал Ахсар.

Ахсартаг сказал Ахсару:

— Я иду на дно морское. Жди меня здесь. Если волны вынесут на берег кровавую пену — значит, нет меня больше в живых, и ты возвращайся домой. Если вынесут волны на берег белую пену, то жди меня здесь ровно год.

— Хорошо, — ответил Ахсар и остался на берегу.

Запахнул тогда одежду Ахсартаг, туго подтянул ее, ступил на дно моря и скрылся под водой.

Красавица Дзерасса

Стены дома — из перламутра, полы — из голубого хрусталя, и утренняя звезда светит с потолка.

Переступил Ахсартаг порог дома и увидел: сидят там семеро братьев и с ними две сестры, одна красивее другой.

Словно золото, переливаются волосы девушек.

— Добрый день! Да будет счастье в вашем доме! — сказал Ахсартаг.

— Пусть добро будет долей твоей, — ответили ему.

Встали тут семеро братьев и две сестры и усадили Ах-сартага. Трое, что постарше его, сели по одну сторону, четверо, что моложе его, сели по другую. Посмотрели они на Ахсартага и сказали:

— Подобного тебе гостя не было в нашем доме и никогда не будет. И надо бы нам радоваться твоему приходу и с честью встретить тебя, да не можем мы этого сделать, потому что в печали мы.

— Пусть бог избавит вас от печали! Что за печаль у вас?

И ответили ему братья:

— У нас три сестры, и повадилась одна из них, Дзерасса, на беду свою, в сад нартов. Там за день созревало на яблоне золотое яблоко. А ночью превращалась в голубку сестра наша Дзерасса и похищала его. Не раз говорили мы ей: «Отважны юноши нартов, даже птицы бояться пролетать над ними. Не летай за яблоками». Но она не послушала нас. И пусть мечами друг друга зарубят нарты Ахсар и Ахсартаг! Они в эту ночь охраняли яблоню и ранили нашу Дзерассу.

Только произнесли они имя сестры, как из соседней комнаты послышался стон.

— Кто это стонет? — спросил Ахсартаг.

— Наша Дзерасса, о которой мы рассказали тебе.

— Есть ли средство ее исцелить? — спросил Ахсартаг.

— Есть такое средство, — ответили братья. — Если приложить ее крылышко к прежнему месту и дать ей отведать чудесного яблока нартов, будет она спасена. Иначе она погибнет.

— Как наградите вы того, кто вылечит вашу сестру? — спросил Ахсартаг.

— Замуж за того, кто спасет ее, выдадим мы любимую сестру нашу Дзерассу. Самим богом суждена она только ему.

И вот что сказал тогда Ахсартаг братьям:

— Я сын нарта Уархага. Ахсартаг мое имя. Крылышко ее у меня. Ранена она моей стрелой, я и вылечу ее. Приведите ее сюда.

Радостью осветились лица братьев, и ответили они Ахсартагу:

— Тяжело больна сестра наша Дзерасса, не сможет она выйти к тебе. Ты сам переступи порог ее комнаты.

И юноша переступил порог комнаты. Вот что увидел он.

Лежит в постели девушка, волнами падают на пол ее золотые волосы. Солнце смеется на ее лице, луны блестят на ее груди. Повернулась она к Ахсартагу, и от счастья не сдержал он улыбки. Выхватил он из-за пояса шелковый платок, развернул его и наложил на рану Дзерассы половину ее крыла. Дал ей яблоко, отведала его Дзерасса и стала в семь раз краше, чем была.

Обрадовались семеро братьев и сестры их и выдали Дзерассу за Ахсартага. От одного сегодня до другого сегодня, а всего одну неделю справляли свадьбу Ахсартага и дочери Донбеттыра.

Подобно солнцу и луне, сияли на свадебном пиру Ахсартаг и Дзерасса.

Дни шли за днями, недели за неделями.

Ахсартаг и Дзерасса жили в подводной стране Донбетгыра. И вот наступил день, когда вспомнил нарт Ахсартаг о брате своем Ахсаре и загрустил. Сказал он Дзерассе:

— Нельзя мне больше жить здесь, должен я найти брата своего и вернуться домой.

Услышав такие слова, обрадовалась Дзерасса:

— Если у тебя есть свой дом, то нам надо спешить туда. Не подобает мне дольше оставаться здесь.

Ребенка ждала тогда Дзерасса и хотела, чтобы родился он в доме мужа.

В заветный час выдернула Дзерасса из косы своей золотой волос, обвила им себя и Ахсартага, превратились они в рыб, сияющих перламутровой чешуей, и выплыли на поверхность моря.

В дремучем лесу, на берегу моря, построил себе Ахсар шатер из звериных шкур и ждал вестей о брате. Однажды увидел он: вынесли волны белую пену. Обрадовался Ахсар: «Живым и веселым возвращается брат мой! Пойду-ка я на охоту, может, что добуду к его возвращению».

И пошел Ахсар на охоту.

— Где же мои сыновья? Неужели я их никогда не увижу? — так говорил старый Уархаг, и горе сгибало его, и могучая сила его надломилась.

А нартские юноши радовались тому, что не возвращаются Ахсар и Ахсартаг, везде и во всем превосходившие их. Стали они издеваться над сединой Уархага и назло приставили его бессменно пасти скот. Сердился Уархаг. Не раз в отместку угонял он нартские стада и топил их в море или бросал с вершины крутой скалы. И не показывался Уархаг в селении нартов — все горевал по своим сыновьям.

Вышли со дна морского Ахсартаг и Дзерасса и увидели на берегу шатер из звериных шкур. Вошли туда. Ахсар на охоте, шатер пуст. Заглянула Дзерасса в шатер, и все в шатре осветилось сиянием, исходившим от ее лица. Таким прекрасным показался Дзерассе этот шатер, что она сказала Ахсартагу:

— Пока не посижу в этом шатре, не уйду отсюда.

— Хорошо, — ответил Ахсартаг, — ты посиди здесь, а я пойду поищу брата. А может, и поохочусь: мы, нарты, питаемся дичиной.

И пошел Ахсартаг искать брата.

А тем временем Ахсар возвращался уже к своему шатру.

Разминулись братья.

Смерть Ахсара и Ахсартага

Вернулся Ахсар к своему шатру, открыл дверь и увидел Дзерассу.

«О бог богов! — сказал он сам себе. — Не отнимай у нас счастья нашего ни в пути, ни дома. Мог ли я думать, что Ахсартаг не только вернется живой, но и приведет в мой шатер свою невесту?»

Взглянула Дзерасса на Ахсара и приняла его за своего мужа. Белокурые, высокие, искроглазые и широкоплечие, братья были так похожи друг на друга, что только мать-земля да небожители могли различать их.

— Отчего ты так долго не возвращался? — спросила Дзерасса.

Ахсар ничего не ответил.

— Что с тобой? Или ты не узнаешь меня? Ведь целый год прожили мы вместе под водой, в стране Донбеттыра!

И убедился Ахсар, что перед ним жена его брата Ахсартага.

Долго ходил Ахсартаг, но ни Ахсара не нашел, ни зверя не встретил. А тем временем настала ночь, и он остался в лесу, так как не хотел возвращаться без добычи.

Дзерасса, принимая Ахсара за мужа, стала лнуть к нему, но видит, что тот отворачивается от нее.

Пришло время ложиться спать. Молча постелил Ахсар свою бурку, легли они на нее и накрылись буркой Ах-сартага. Но чтобы не было у него близости с женой брата, вытащил Ахсар свой меч и положил его между собой и Дзерассой. Это так рассердило Дзерассу, что, обиженная, она встала с постели и, грустная, села поодаль.

Дверь шатра открылась, вошел Ахсартаг. Он принес тушу убитого оленя и целое дерево с корнями и ветвями, чтобы разжечь костер.

Увидел он обиженную и печальную Дзерассу и спящего брата, и закралась ревность в его душу: что, если Ахсар совершил насилие над Дзерассой?

И когда Ахсар проснулся, Ахсартаг разговаривал с братом нехотя и сердито. Ахсар понял, в чем заподозрил его брат. Как ему было тут не обидеться?

Выватил он стрелу, пустил ее вверх и взмолился:

— Боже, пусть стрела моя взвоется двумя и вернется одной и вонзится в то место, которым я коснулся невестки своей, и пусть я умру от этого!

Взвилась стрела, вернулась и попала в мизинец Ахсара. И он тут же умер. Тогда Дзерасса рассказала Ахсартагу все, как было. Отчаяние охватило Ахсартага: из-за него без вины погиб его брат! Выватил он меч и, поставив его так, чтобы рукоятка упиралась в грудь Ахсара, а острие — в собственное сердце, всей тяжестью опустил на него. Меч вонзился в его сердце, и умер Ахсартаг.

Рвет на себе волосы Дзерасса, царапает свои щеки, бьет себя по голове и по коленям:

— О горе, что за черное горе постигло меня! Из-за меня погибли оба брата!

В голос плачет-рыдает Дзерасса, эхом разносятся по горам ее причитания, и даже звери лесные затихли в глубокой печали, слушая, как она рыдает.

Льет Дзерасса горячие слезы. Горе ее черной тучей низко нависло над телами братьев, подобно теплому дождю льются слезы Дзерассы на тела двух братьев. Села она между ними и до полуночи проплакала над телом Ахсара и от полуночи до утра — над телом Ахсартага.

— Что мне теперь делать с ними? Разве могу я оставить их тут, чтобы вороны выклевали их огненные очи, чтобы лисицы обглодали их стройные колена и румяные щеки? Похоронила бы я их, но как самой мне это сделать?

В это время Уастырджи — могучий дух на трехногом коне — с борзой собакой своей опустил с небес на землю. Услышал он голос Дзерассы, узнал из ее причитаний, что случилось.

Предстал он пред Дзерассой и сказал ей:

— О солнце солнц, украшение вселенной, о мой светлый мир и краса земли! Давно хожу я по твоим следам и вот застаю тебя в горе. Скажи, о чем льешь ты слезы? Что случилось с тобой?

— Как же не горевать мне! — ответила Дзерасса. — Вот два брата, из-за меня они погибли, и я не знаю, как мне их похоронить.

— О женщина! — ответил Уастырджи. — Я, конечно, похоронил бы их, но ты должна стать моей женой.

И Дзерасса ответила ему:

— Почему бы мне не пойти за тебя замуж, после того как мы похороним мертвых?

Тогда Уастырджи слегка ударил по земле рукоятью плети своей, и тела обоих братьев опустились под землю. Высокое надгробье, из камней сложенное, известью скрепленное, поднялось над их могилой. Обняла тут Дзерасса последний раз их надгробье. И над ним поднялся красивый дворец. Потом подошел Уастырджи к Дзерассе:

— Ну, теперь поедem. Садись на коня позади седла.

И Дзерасса сказала тогда Уастырджи:

— Посиди-ка ты здесь, а я пойду умоюсь вон там, на берегу моря. А то как пойду я с тобой? Ведь кровь запеклась у меня на щеках.

Уастырджи поверил Дзерассе, и она, достигнув берега моря, кинулась в волны и ушла вниз, в отцовский край, в страну Донбеттыра.

Ждет Уастырджи, и какие только мечты и желания не бродят в его голове! Но где же та женщина? Нет красавицы Дзерассы! Обманула она Уастырджи, и он запомнил этот обман.

— Подожди же, беда твоему очагу! — сказал Уастырджи. — В этом мире мне тебя не поймать, но куда ты денешься от меня в Стране мертвых?

Разозлился Уастырджи, вскочил на своего трехногого коня и с борзой собакой своей поскакал по берегу моря. Стал он охотиться и разогнал свою досаду.

Рождение Урызмага и Хамыца

Дзерасса жила под водой, в доме родителей своих Донбеттыров. Когда мать ее узнала, что Дзерасса ждет ребенка, сказала она Дзерассе:

— Иди, дочка, в Страну нарттов. Кто не родится на их земле, того они своим никогда не признают.

И бедная женщина так поступила, как мать ей сказала. Поникнув головой, отправилась она в дальний путь. Тяжкие заботы одолевали ее.

«Если даже и дойду я до нартского селения, то кто приютит меня там?» — так думала она.

Вот и селение нарттов. Идет Дзерасса по улице мимо нихаса — того места, где собираются почтенные нарты. Как положено невестке, проходит мимо стариков Дзерасса: низко опустив голову, не поворачиваясь спиной к старикам.

И удивились почтенные нарты:

«Кто она такая? Почтительна к нам, словно невестка наша. Но все невестки наши здесь, в селении. Нет ни одной, которая гостила бы у родителей или из-за обиды совсем ушла бы к ним».

И старшие нарты сказали младшим:

— Подойдите к женщинам нашим и скажите им, пусть узнают: кто она такая, эта гостья?

Пошли младшие нарты и сказали нартским женщинам:

— Слушайте, невестки наши, благонравные, молчащие при старших, расспросите эту женщину; оттого ли молчит она, что она — наша невестка? И вы, наши почтенные матери, если она такая же почтенная мать, как и вы, то узнайте и скажите нам: кто она?

Окружили молодые женщины Дзерассу и стали спрашивать:

— Скажи нам, кто ты такая?

Ничего не ответила им Дзерасса и подумала про себя: «Я сказала бы им, кто я такая, но тогда старшие не услышат моего ответа от меня самой».

И старшие женщины, видя, что она ничего не ответила младшим женщинам, подошли к ней, спросили:

— Скажи нам: кем ты доводишься нартам?

И ответила им Дзерасса:

— Не спрашивайте меня все сразу. Если хотите узнать, кто я такая, пусть спросит меня одна из вас, и я отвечу ей.

И тогда отвела ее в сторону одна из почтенных женщин и сказала ей:

— Солнце мое, скажи мне: кем ты доводишься нартам? Доверяют мне в нартском селении, и ты тоже можешь довериться мне.

Взглянула Дзерасса на женщину и сказала:

— Неловко рассказывать мне, чья я и откуда. Стыдно мне нартской земли и перед вами стыдно, невестки нарттов, — ведь старшими снохами приходитеесь вы мне. Об одном прошу: отведите меня ко входу в родовую башню моего мужа.

— Но ведь ты видишь здесь множество башен. Кто же был тот, чье имя привело тебя сюда?

— Стыдно мне перед вами, — сказала Дзерасса. — Но нет у меня сейчас другого выхода, и приходится самой сказать о себе. Мужем моим был Ахсартаг, и прошу вас — только до нижнего яруса их башни, туда, где зимует скот, проводите меня.

И женщины передали почтенным нартам слова Дзерассы.

— Пришла эта женщина от тех наших родичей, возвращения которых мы ждем. Но с нею их нет.

Обрадовались почтенные нарты и сказали:

— Пусть так и будет. Если сами они не вернулись, то узнали мы об их участи. Не в старую башню Уархага и не только до нижнего яруса, а на самый верх башни Ахсартага, в почетные комнаты, проводите ее.

И тогда сказала Дзерасса:

— Не подобает мне сейчас быть там. Скоро придет время, когда я покажу вам нового отпрыска вашего рода. А пока мне спокойнее будет не на высокой башне, а в темном хлеву.

Отвели ее женщины в хлев, и там родила Дзерасса двух сыновей-близнецов.

Урызмаг и Хамыц — так называли мальчиков.

Как Урызмаг и Хамыц нашли деда своего Уархага

За день на вершок, за ночь на целую пядь вырастали близнецы. А когда вышли они первый раз из родного дома на улицу и стали, играя, стрелять из луков, от свиста их стрел нарты попрятались кто куда.

В это время Кулбадаг-ус, вещая женщина, послала по воду свою единственную дочь. Как только завидел девочку Хамыц, пустил он стрелу. В мелкие черепки превратился кувшин девочки, и стрела продырявила ей платье.

Плача, вернулась она домой.

— Что случилось с тобой, чтобы матери твоей пережить тебя! Почему ты не принесла воды?

Ответила девочка матери:

— Это озорной Хамыц пустил стрелу, на мелкие черепки разбил мой кувшин и в тряпку превратил мое платье.

Дала женщина дочери другой кувшин и сказала ей:

— Иди снова и без воды не возвращайся. Да пойдет тебе впрок мое молоко и пусть передастся тебе хотя бы часть моего острословия! Но если ты не сумеешь достойно ответить ему — чтоб не видать тебе добра!

Только вышла девочка из дома, Хамыц снова пустил в нее стрелу.

— Легко тебе пробовать на мне свою силу! — крикнула ему девочка. — Любая пичужка лесная сильнее меня. А если уж ты такой силач, так пошел бы лучше проведать деда своего Уархага, который иссох, бродя за нартским скотом.

Услышав эти оскорбительные слова, мальчики в ярости изломали свои луки и стрелы. С шумом и грохотом, словно разбойники, ворвались они в свой дом и сказали матери:

— Мы идем на нихас нартов. Слышали мы, что жив один из наших дедов. Мы пойдем и отыщем его.

Пришли на нихас сыновья Ахсартага. Мужчины всех трех нартских родов сидели там в то время.

— Да будет счастье на вашем нихасе! — сказали юноши.

— Пребывайте и вы в полном счастье! — ответили юношам почтенные нарты.

— Узнали мы, что отец отца нашего, Уархаг, жив и пасет стада нартов. Просим вас, укажите, где он сейчас.

— Пусть проводит вас кто-нибудь из мальчиков, — ответили им нарты.

Идут они к своему деду, Урызмаг и Хамыц, земля дрожит под их ногами, камни осыпаются. Издали услышал Уархаг богатырские шаги Урызмага и Хамыца.

«Что за диво? — подумал Уархаг. — Нет в живых Ахсара и Ахсартага, а мне кажется, что я слышу их шаги».

И вот увидел он юношей.

— Эй, вы кто такие? — спросил он их.

И они ответили:

— Мы сыновья Ахсартага.

— Ближе, ближе подойдите ко мне. Только по тому, как сложены вы, кости ваши ощупав, могу я признать вас.

Подошли Урызмаг и Хамыц к Уархагу, обняли его, и стал Уархаг тихо, самыми кончиками пальцев ощупывать запястья их рук.

Слезам наполнились его глаза, и сказал он:

— Погибли сыновья мои Ахсар и Ахсартаг, но радуюсь я, что наш род не прервался.

И юноши со слов матери своей рассказали деду о гибели его сыновей и о судьбе жены Ахсартага Дзерассы.

Повел Уархаг мальчиков в свою старую башню. Впервые поднялись они наверх, в почетные комнаты башни, и видят: невозможно войти туда, так много там мусора.

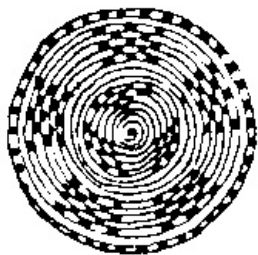
Тогда взял один из братьев деревянную лопату. Другой взял метелку, и они вычистили и подмели хадзар — то священное место, где пылает очаг. Заблестел хадзар, и увидели все, что стал он в семь раз лучше прежнего.

Поддерживая старика под мышки, свели его Урызмаг и Хамыц во двор, побрили его лохматую голову, сбрили ему бороду, и глянуло на внуков молодое лицо. Удивились братья, посмотрели друг на друга и сказали:

— Да он еще совсем молодой, наш дед! Он может еще и нашу мать прокормить. — И, приведя деда обратно в хадзар, они сказали ему: — Мы твои сыновья и отныне будем жить с тобой.

Пока Урызмаг и Хамыц искали своего деда, Дзерасса жила в верхней части башни Ахсартага.

Отыскав деда, братья отправились за матерью. Они привели ее в старую башню деда своего Уархага, и старый Уархаг взял Дзерассу себе в жены.

АРАБИ-ХАН

Было очень давно.

Однажды к царю Грузии (имя его неизвестно) явился выходец из Аравии по имени Араби-Хан и попросил у него разрешения поселиться с двадцатью семействами своего народа в Грузии.

Царь не только изъявил на эту просьбу согласие, но и взял Араби-Хана и горсть его народа под свое покровительство.

Аравийские выходцы, отличаясь неустрашимостью, с ведома своего покровителя делали внезапные набеги на селения соседних народов; селения жгли, жителей грабили и убивали. В этих набегах стали принимать участие и грузины, и всегда домой возвращались с богатой добычей.

Особенно страдали от набегов ногайцы, жившие по среднему течению реки Баксана. Ногайцы не решались идти войной против Араби-Хана, так как знали, что за того заступится его покровитель — грузинский царь, имевший громадное, хорошо вооруженное и обученное войско, и обратились к своим дальним соседям — русским. Ногайские послы явились к семи русским богатырям, пользовавшимся среди своего народа большим почетом и уважением (имена их неизвестны), просили их оградить ногайский народ от набегов Араби-Хана.

Богатыри решили, что воевать русским с грузинами из-за ногайцев нет расчета, но, желая оказать помощь ногайцам, выбрали из своего народа 12 наиболее уважаемых человек и с богатыми подарками послали к грузинскому царю просить или истребить Араби-Хана вместе с его народом, или же изгнать его из пределов Грузии.

Приехали послы в Грузию. Царь, приняв от них подарки и выслушав их просьбу, приказал отвести им при своем дворце лучшее помещение, кормить, поить их, а относительно просьбы обещал подумать.

Шесть лет прожили послы при дворе царя, а ответа на свою просьбу все еще не получали. Затосковали они по своей родине и, не решаясь лично напомнить царю о его обещании, обратились с просьбой повлиять на него к его жене. Та пришла к царю и спросила, почему он в течение шести лет держит у себя послов и не дает ответа на их просьбу. Царь ответил, что просьба послов поставила его в очень затруднительное положение: с одной стороны, ему не хотелось бы огорчать отказом удовлетворить эту просьбу русских богатырей, а с другой — удовлетворить его он положительно не находит возможным, так как Араби-Хан — его гость, а последний уже в силу народного обычая — священная особа.

— Ты сама придумай ответ послам, а я не могу, — сказал царь жене.

Царица недолго думая отпустила послов домой, одарила их богатыми подарками, а семи богатырям послала семь роскошно вышитых ковров и сказала, что на просьбу ногайцев царь через четыре года сам им ответит.

Но не прошло и двух лет, как царь Грузии вместе с Араби-Ханом собрал огромное войско и вторгся во владения ногайцев.

Ногайцы приготовились к обороне. Битва произошла около реки Кишпека.

Ногайцы были разбиты и отодвинули свои владения ниже реки Кишпека. Царь Грузии поселил Араби-Хана и его народ в местности, ныне называемой Чижок-Кабак Оргун (урочище чегемского общества). Возвращаясь же обратно к себе в Грузию, он предупредил ногайцев, что если они вздумают обидеть когда-либо Араби-Хана, то будут иметь в нем непримиримого врага.

Прожив еще более двадцати лет, Араби-Хан умер, оставив после себя единственного наследника, сына Казн.

Казн был женат два раза; от первой жены еще в Грузии родился сын Бесленей.

Когда Казн женился во второй раз после первой жены, Бесленей, не желая сносить грубого обращения с ним мачехи, бежал на Кубань, где и остался на жительство.

От второй жены у Казн родились три сына — Хотак — шуко, Мисост, Жанбот и дочь Коншох.

Ногайцы в то время управлялись двумя своими князьями, родными братьями Бештерек и

Эштерек, и сохраняли с Казн мирные отношения.

Когда Коншох подросла и из девочки стала девушкой замечательной красоты, ее случайно увидели приближенные ногайских князей и решили, что одному из них она могла быть самой подходящей женой. Расспросив подробно о красоте Коншох, князья решили, что Бештереку, как старшему, необходимо жениться на ней. Выбрали князя из своего народа почетных стариков и послали их к Казн сватать Коншох.

Приехали старики ко двору Казн, слезли с лошадей. Казн, увидев их, пошел навстречу им, но едва они проговорили ему обычное приветствие, как он засвистал и крикнул:

— Бештерек! Эштерек! М-ма! М-ма!

На его зов прибежали две собаки. Поглаживая их, Казн сказал старикам:

— Вот эту собаку зовут Бештерек, а эту — Эштерек.

Старики, почувствовав себя жестоко оскорбленными, сели на лошадей, поехали со двора. Приехали они домой, рассказали князьям и всему народу, как оскорбил их Казн. Народ был возмущен и требовал смерти Казн. Князья выбрали несколько отважных человек и послали убить Казн. Те выбрали время, когда сыновья Казн были в отсутствии из дома, сделали засаду. Утром рано Казн с кумганом в руке вышел из сакли на двор. Ногайцы кинулись к нему, отрубили ему голову, принесли ее своим князьям.

Стояла весна, у ногайцев в это время было в обычае играть в мяч, и князья заменили свой мяч головой Казн.

Приехали сыновья Казн домой, увидели обезглавленный труп отца, разузнали, кем и за что он убит. В первое время они хотели было собрать свои дружины, броситься на ногайцев, но потом поняли, что бороться с ними не под силу им. Тогда решили выкупить у ногайцев голову отца. Ногайские князья ответили, что только в обмен за Коншох они согласятся возвратить голову Казн.

Коншох, узнав об этом, воскликнула:

— Чтобы избавить голову отца от позора, я согласна быть не только женой Бештерека, но и его самой последней рабой!

Отдав Коншох в замужество за Бештерека и получив голову Казн, братья похоронили ее и поклялись отомстить ногайцам и терпеливо ждали подходящего для того случая. Этот случай представился только через семь лет.

В течение семи лет у ногайцев хлеб родился плохо, тогда как у Хотыхуко с братьями урожай был обильный. На седьмой год Бештерек однажды сказал Коншох:

— Что нам делать? Хлеба у нас очень мало, народ голодает, и скоро и нам самим нечего будет есть!

Коншох отвечала, что у ее братьев хлеба очень много, и если Бештерек отпустит ее к ним, то она сумеет добыть у них столько хлеба, что его будет достаточно для всего ногайского народа.

Бештерек согласился отпустить Коншох погостить к братьям и следом за ней послал много арб для доставки к нему хлеба. Братья обрадовались приезду сестры и немедленно распорядились нагрузить арбы хлебом и отправить к ногайцам.

С Коншох же в качестве прислуги остались несколько ногайцев. В это время к братьям приехал гость с Кубани — владетельный князь по имени Тума-Туган. Однажды утром, выходя из кунацкой, он увидел Коншох и поразился ее красотой. Узнал от братьев, что их сестра жена Бештерека. Тума-Туган упрекнул их за то, что выдали свою сестру в замужество одному из убийц их отца. Когда же братья объяснили ему, как это произошло, он сказал, что если Коншох согласится быть его женой, то он сумеет отомстить ногайцам за смерть Казн. Братья спросили сестру. Та отвечала, что ради мщения за отца она на все согласна.

Тогда Тума-Туган предложил такой план мщения ногайцам: он поедет домой, а братья должны распространить в народе слух, что уезжают один в Грузию, другой в Чечню и третий на Кубань, сами же с отборными воинами должны спрятаться в лесу. Тума-Туган в это время явится с своим войском за Коншох и якобы насильно увезет ее к себе домой. Спустя два дня братья, якобы возвратившиеся из своих поездок, обнаружат кражу своей сестры, о чем сообщат ногайским князьям, и будут просить у них помощи отомстить Тума-Тугану.

План удалось выполнить удачно. Как только ногайцы, оставшиеся при Коншох, увидели, что ее похитил Тума-Туган, поскакали к своим князьям, сообщили о происшедшем. Хотыхуко с братьями, с своей стороны, послали к ногайцам просить о мщении Тума-Тугану.

Бештерек и Эштерек поспешно собрали огромное войско, двинулись в погоню за Тума-Туганом, предупредив Хотыхуко и его братьев, чтобы те с своими дружинами шли соединиться с ними. Посланный от Тума-Тугана предупредил Хотыхуко, чтобы он со своими дружинами шел позади ногайского войска, а в разгар битвы должен разом ударить на него, не давая никому пощады.

Битва ногайцев с войском Тума-Тугана произошла около реки Этоки. Ногайцы были разбиты, причем в битве погибли их князья. Затем войска Тума-Тугана и Хотыхуко с братьями явились в ногайские аулы, разграбили и сожгли их; жители, способные носить оружие, были истреблены; остальные забраны в плен и обращены в рабство. С этого времени у Хотыхуко с братьями впервые появились рабы.

ШУЖЕЙ И АТАЖУК

Произошло это около ста лет спустя после того, как кабардинцы впервые поселились на территории нынешнего Нальчикского округа.

В то время старшими в роде кабардинских князей были два двоюродных брата: Шужей и Атажук. Жили они в верховьях реки Баксана, в нынешнем селении Наурузово, где и до сих пор сохранились остатки их четырех башен.

Шужей был громадного роста, обладал большой физической силой, а Атажук, наоборот, был невысок, но очень подвижен, увертлив и постоянно ездил на небольшой, но резвой лошадке. Однажды братья из-за чего-то между собой поссорились и решили, поделив находящееся в их общем владении имущество, жить врозь.

При разделе Шужей взял себе больше рабов, лошадей, рогатого скота и земель. Атажук был обижен, а так как Шужей добровольно не хотел возвратить ему несправедливо присвоенную часть имущества, то он обратился на него с жалобой в народный суд, который решал все споры, недоразумения, тяжбы, возникавшие между кабардинцами.

Этот суд состоял из двух почетных, избранных всем народом, стариков. Обыкновенно жалобщик заявлял жалобу судьям, те назначали день ее разбора, о чем заранее оповещали жалобщика, ответчика и народ.

Разбор жалоб происходил всегда в одном месте — выше нынешнего селения Иналова, на равнине, окруженной курганами.

В день суда на это место собиралось много народа, который становился в огромный круг; посредине круга находились судьи; до окончания решения жалобы они не должны были входить в общение с народом.

Судьи вызывали в круг жалобщика и ответчика. Жалобщик громко, во всеуслышание, излагал жалобу и удалялся из круга. Ответчик также во всеуслышание давал свои объяснения на жалобу и оставлял круг.

Затем, смотря по обстоятельствам, допрашивались свидетели, на которых указывали тяжущиеся стороны. По окончании предварительного следствия по жалобе судьи приступали к разбору жалобы, который производился тоже во всеуслышание, причем ни народ, ни тяжущиеся стороны не имели права вмешиваться в судопроизводство и вообще делать судьям какие-либо замечания.

Решение суда объявлялось сторонам тут же, в присутствии народа. Если народ единогласно одобрял решение суда, стороны должны были безусловно подчиняться ему, если же он находил решение явно несправедливым и пристрастным, то немедленно лишал судей их обязанностей, а вместо них выбирал новых судей.

В назначенный день Атажук в присутствии почти всего кабардинского народа повторил свою жалобу.

Шужей в своем объяснении заявил, что жалоба Атажука несправедлива, ибо он домогается получить то, что ему не принадлежит.

Но в то же время сам Шужей сознавал, что он не прав по отношению к Атажуку, и был уверен, что, несмотря на его большое влияние на кабардинский народ, судьи все же решат дело в пользу Атажука. И чтобы оказать на судей нравственное давление, он по окончании своего объяснения на жалобу вместе со своим оруженосцем взобрался на курган и стал на нем так, что судьи не могли не видеть его. И действительно, судьи, посматривая на Шужея, начали уже колебаться в своем решении жалобы в пользу Атажука.

Атажук сразу понял замыслы Шужея, разогнал свою лошадку и поскакал на курган.

Шужей, думая, что Атажук просто джигитует, посторонился, сошел с своего места, так что судьям стала видна только одна его голова. Атажук во второй раз погнал лошадку на курган, направляя ее на Шужея. Шужей еще ниже спустился с кургана. Атажук в третий раз направил лошадку на Шужея, но тот уже понял, для чего все это проделывает его соперник, и, когда лошадка того подскакала к нему, он быстро схватил из рук оруженосца длинное копьё и проткнул им насквозь грудь лошади. Атажук при падении лошади успел выпрыгнуть из седла и тут же дал себе клятву убить Шужея.

Судьи хорошо знали, что в споре двух князей правда на стороне Атажука, но тем не менее не решались постановить свой приговор в пользу последнего, опасаясь мести со стороны Шужей. Желая снять с себя всякую ответственность за тот или иной исход дела, они воспользовались только что происшедшим между Атажуком и Шужеем случаем и объявили им, что дело их очень сложное, запутанное и решить его вполне беспристрастно судьям не представляется возможности, а потому они пришли к убеждению, что единственно справедливым решением его будет единоборство двух княжеских борцов: правда должна быть на стороне победителя.

Князья поехали домой, чтобы к назначенному судьями сроку явиться на место суда со своими борцами.

У Шужей был громадного роста силач, а у Атажука силача не было, и он поехал искать его.

Однажды он увидел в лесу, что волы были не в состоянии втащить на крутой подъем тяжелое бревно. Подошел небольшого роста, но плотный человек, взял бревно на плечо и свободно втащил его на подъем.

Атажук узнал, что этот человек живет в лесу в хижине и втаскиванием бревен зарабатывает своему семейству пропитание. Атажук уговорил его выступить бороться с силачом Шужей, за что обязался в течение целого года кормить его семейство.

Наступил день борьбы. Атажук был в отсутствии из дома и не успел прибыть к месту поединка силачей.

Боролись они без него.

Силач Атажука схватил своего противника, высоко приподнял, ударил его о землю и только хотел коленом придавить его грудь, как Шужей, хотя и не имел по обычаю права на это, вошел в огороженное место, где происходила борьба, схватил за плечи силача Атажука и, как бы отпихивая его от себя, вонзил ему между плеч сверху вниз короткое копье, которое было спрятано у него в рукаве в черкеске.

Силач, почувствовав сильную боль, с такой силой толкнул от себя Шужей, что тот упал и покатился от него, как мяч. Затем силач пришел к жене Атажука, рассказал про коварство Шужей и умер.

Возвратившийся домой Атажук дал вторично клятву отомстить Шужею. Но он понимал, что мщение ему удастся только в том случае, если он примирится с Шужеем, войдет к нему в доверие, усыпит его подозрительность.

Был у Шужей еще один враг — его второй двоюродный брат, живший выше нынешнего селения Наурузово. Явился к нему Атажук и вместе с ним придумал такой план своего мнимого примирения с Шужеем: второй двоюродный брат угонит у Атажука табун лошадей, а Атажук поедет к Шужею, помирится с ним и будет просить у него помощи отобрать табун обратно; когда же Шужей помирится с Атажуком, последнему нетрудно будет выбрать удобный случай для его убийства.

Притворился Атажук сильно удрученным и обиженным потерей табуна лошадей, якобы отбитого у него его вторым двоюродным братом, поскакал жаловаться на него Шужею и, жалуясь, уверял последнего, что он позабыл все прошлое и искренне желает жить с ним в мире и согласии.

Шужей отвечал, что он готов помочь Атажуку отбить его табун, но только он сомневается в искренности его намерений, потому требует, чтобы Атажук назавтра вместе с ним ехал в жулат и там поклялся бы в верности ему.

Узнала жена Шужей о его намерении ехать вместе с Атажуком в жулат, стала отговаривать его от этой поездки, так как сердце ее предчувствует, что поездка кончится для Шужей очень несчастливо. Шужей в ответ рассмеялся и сказал, что ему ли бояться Атажука, но на всякий случай взял с собой в дорогу одного из верных своих слуг.

В жулате Шужей и Атажук поклялись в верности один другому и поехали обратно домой.

Подъехали они к двум курганам, стоящим за нынешним селением Шалушинским, остановились дать отдохнуть лошадям.

В версте от этих курганов было расположено большое селение, принадлежавшее двенадцати братьям Куденетовым; мать их своею грудью вскормила Шужей и, по обычаю, считалась его молочной матерью, а ее сыновья — его молочными братьями.

Шужей предложил Атажуку заехать к своей молочной матери закусить и отдохнуть.

Атажук отвечал, что он не прочь бы это сделать, но ему жаль тревожить старуху, так как приезд его и Шужея заставит ее и ее сыновей ухаживать за гостями, что, несомненно, утомит ее. Будет лучше, если Шужей пошлет своего слугу в селение, и он принесет им баранины и бузы, а тем временем можно будет лошадей пустить пастись, а самим немного заснуть.

Шужей согласился, послал слугу в селение; потом лег на курган, положив под голову снятое с лошади седло, и скоро заснул. Атажук тоже прилег недалеко от него на разостланной бурке, но не спал, карауля пасущихся лошадей.

Убедившись, что Шужей спит крепко, Атажук подумал, что теперь для него настал самый удобный момент привести в исполнение план своего мщения. Относительно же своей клятвы в жулате он сказал себе, что, клянясь в верности Шужею, он в то же время думал о мщении ему; следовательно, клятва, данная им, недействительна.

Поднялся Атажук с бурки, подкрался к Шужею, выхватил шашку и глубоко разрубил ему лоб.

Почувствовав удар, Шужей вскочил на ноги и, обливаясь кровью, взмахнул шашкой вокруг себя, но Атажук успел избежать удара.

Упал на землю Шужей и, умирая, проклял Атажука за вероломство.

Положил Атажук Шужея так, как он лежал во время сна, уничтожил следы крови и, улегшись на бурку, стал поджидать слугу Шужея.

Тот скоро подошел и сказал, что через некоторое время из селения будет принесена баранина и буза.

Вдруг Атажук вскочил на ноги, взмахнул шашкой над головой слуги.

— Шужея я сейчас убил и тебя убью, если ты останешься верен своему князю, — сказал он ему.

Слуга подумал, что остаться князю верным хорошо, но и жизнь ведь тоже хороша.

— Лучше заяц в руке, чем олень в лесу, — ответил он Атажуку. — Я буду твоим слугой и сделаю все, что ты прикажешь.

— Поклянись мне в том, — потребовал Атажук.

Слуга поклялся.

В стороне от курганов кабардинец пахал пашню; там же стояла его арба.

Атажук с помощью слуги отнес труп Шужея на пашню и слегка засыпал его землей; кабардинцу же о всем виденном приказал никому не говорить, в противном случае угрожал ему смертью.

Потом, поручив пахарю стеречь лошадей — свою, Шужея и слуги, — Атажук лег в арбу, накрылся буркой с головой, а слуге приказал запрячь в арбу быков, ехать в селение Куденетовых и сказать им и их матери, что Шужей в ссоре убил Атажука, труп которого и лежит в арбе.

Слуга так и сделал.

Когда Куденетовы и мать их узнали о смерти Атажука, то весьма опечалились. Мать подошла к арбе и, повторяя: «Бедный, бедный Атажук», — протянула руку к бурке, чтобы взглянуть на труп Атажука. В это время Атажук быстро вскочил из-под бурки, кинулся к матери, разорвал платье на ее груди, схватил в рот сосок одной из грудей и пососал молока.

Братья Куденетовы и их мать недоумевали, к чему все это проделал Атажук.

Тогда Атажук объяснил им, что он теперь молочный сын матери Куденетовых, а для них — молочный брат; следовательно, по обычаю, избавляется от мщения с их стороны за смерть Шужея, которого он убил. Потом подробно рассказал, как и за что убил его. Братья Куденетовы решили, что хотя Атажук стал их молочным братом благодаря своей находчивости, но раз он сделался им, они, в силу обычая, лишены возможности отомстить ему

за смерть Шужея.

Шужей был похоронен с княжескими почестями, а Атажук после него стал старшим в роде кабардинских князей.

МЕСТЬ

Это было очень давно, в то далекое время, когда кабардинцы не знали другого оружия, как только лук и стрелы, кинжал и шашка, копьё и топор на длинной рукоятке.

Тогда жил в Кабарде князь Адильгирей Атажукин, который был отважным джигитом и слову своему всегда верен был.

Всенародно сказал он, что если поедет в набег, всегда будет один: если смерть постигнет его, то постигнет его одного.

И не брал князь с собой товарищей, отправляясь в набег.

Раз летом, когда была темная ночь, князь Адильгирей поехал один из своего двора на большую дорогу, надеясь встретить там кого-нибудь, вступить в бой с ним.

Долго он ехал по дороге, никого не встречая, и молчала дорога, молчала степь, и ночь молчала. Потом услышал он: позади него по дороге ехал кто-то — слышно было, как лошадь стучала копытами.

Адильгирей остановил лошадь, лук и стрелу приготовил, стал поджидать того, кто позади него ехал.

Вот этот неизвестный, верхом на лошади, подъехал к Адильгирею, проехал мимо и на него не посмотрел.

И удивился Адильгирей и сказал сам себе:

— Что за всадник? Проехал мимо, ничего не сказал, на меня не посмотрел, как будто не видел, что я стою на дороге!

И натянул он лук и стрелу хотел пустить в спину всадника, но не сделал этого.

— Не стану убивать его, а догоню, задержу и узнаю, кто он такой, куда и зачем едет один по дороге темной ночью, — сказал Адильгирей, поскакал за всадником, хотел схватить его за правое плечо, но тот ловко увернулся и поехал дальше.

И заскакал Адильгирей наперед, путь всаднику преградил.

И остановился всадник.

— Кто ты? Куда и зачем едешь? — спросил его Адильгирей.

И всадник сказал ему:

— Если хочешь быть товарищем моим в эту ночь, стань по правую сторону меня, поедem вместе и ни о чем, что бы ты ни увидел, что бы ни услышал, не спрашивай меня.

И подумал Адильгирей:

«Хорошо, я поеду с тобой и расспрашивать не стану, но все же узнаю, кто ты такой».

И стал с правой стороны всадника, поехал с ним.

Долго ехали они и молчали, и молчала дорога, молчала степь, и ночь молчала.

И вот послышался в стороне от дороги лай собак, и потянуло с той стороны дымом, и Адильгирей подумал, что там аул.

Незнакомец свернул с дороги, поехал в эту сторону, и Адильгирей поехал с ним.

Около высокого кургана остановился незнакомец, спрыгнул с лошади, передал поводья Адильгирею.

— Держи, — сказал он ему, а сам пошел туда, где лаяли собаки.

Прошло некоторое время, и вдруг Адильгирей услышал: изредка лаявшие собаки громко завывали, и послышался шум человеческих голосов.

И скоро к Адильгирею подошел его спутник: в одной руке он держал за бороду только что

отрубленную человеческую голову, а в другой — кожаную походную чашку, до краев наполненную кровью.

Выпил он всю эту кровь и сказал:

— Благодарю Бога, что удалось мне напиться крови, и на душе у меня стало легче.

Потом привязал отрубленную голову за бороду к седлу, сел на лошадь, сказал Адильгирею:

— Едем...

И выехали они на дорогу, продолжили путь...

Адильгирей очень удивился всему виденному и молчал, не расспрашивая спутника.

И опять в стороне слышался лай собак, и опять спутник свернул с дороги, остановился около кургана и сделал то же самое, что и раньше: ушел в ту сторону, где лаяли собаки, потом вернулся оттуда с отрубленной человеческой головой и чашкой крови; кровь выпил и благодарил Бога, что ему во второй раз удалось напиться крови, отчего у него на душе стало еще легче прежнего, и отрубленную голову привязал к седлу.

И в третий раз спутник Адильгирея сделал то же самое.

Привязав к седлу третью отрубленную голову, он сказал Адильгирею:

— Поедем обратно.

И ехал Адильгирей по правую сторону своего спутника, молчал, и молчал спутник его.

И доехали в молчании они до места, где в стороне от дороги камыши росли высокие и густые.

Спутник остановил лошадь, прыгнул с нее и сказал Адильгирею:

— Благодарю тебя, что ты в эту ночь был моим товарищем, что ты не расспрашивал меня о том, что видел, что слышал. Вот возьми мою лошадь, поезжай в Когрокой. Там живет княгиня-вдова; передай ты ей эту лошадь и три головы. Скажи княгине, что я отрубил эти головы и напился крови тех, кто носил их на своих плечах. Я верю, что ты исполнишь мою просьбу. Поезжай, и храни тебя Бог!

Адильгирей стал упрашивать спутника, чтобы тот сказал свое имя.

— Княгиня скажет, — ответил спутник, пошел в камыши и исчез в них.

Адильгирей поехал было по дороге, ведя за собой в поводу лошадь, но потом сказал сам себе: «Что же это такое: я, давший себе слово обходиться в минуту опасностей без товарищей, еду к какой-то княгине, не узнав имени своего спутника, не узнав, зачем он отрубил три человеческих головы и выпил три чашки крови?!»

И решил он вернуться к камышам, разыскать своего спутника, расспросить его.

И он вернулся. Нашел в камышах тропинку, осторожно поехал по ней.

И тропинка привела его на небольшое возвышенное место, и увидел он небольшую саклю на этом месте...

Подъехал к сакле, слез с лошади, крикнул:

— Гость...

Никто не вышел из сакли, никто не откликнулся.

Тогда еще громче он крикнул:

— Эй, кто там?

И опять никто не ответил ему.

И в третий раз крикнул он, и тихо было в сакле, как в могиле.

И достал он из кармана запасную восковую свечу, высек огонь, зажег ее, вошел в саклю.

И увидел — в сакле на деревянной кровати лежал смрадный, разложившийся труп мужчины, а на нем — труп молодой красивой женщины, и из спины ее торчал конец кинжала, текла кровь и смачивала лежавший внизу труп.

И видел Адильгирей: женщина сама убила себя — ложась на труп мужчины, приставила к своей груди конец кинжала и навалилась на него, и кинжал прошел через всю ее грудь и вышел из спины.

И думал Адильгирей: зачем так сделала с собой молодая и красивая женщина?

Кто она и кто ей тот, чей труп издает теперь зловоние и черви копошатся в нем?

Кто мог сказать это? Кроме Адильгирея, живого в сакле никого не было, а мертвые молчат постоянно.

И выкопал кинжалом Адильгирей около сакли яму, снес в нее два трупа, засыпал землей.

Потом сел на лошадь и, ведя в поводу другую, поехал в Когрокой.

На рассвете он туда приехал, и встретившийся человек указал ему двор княгини-вдовы.

Подъехав к нему, Адильгирей крикнул:

— Гость...

И человек, который вышел из сакли, посмотрел на Адильгирея, на человеческие головы, висевшие у седла задней лошади, и побежал обратно в саклю.

И вот княгиня с криком радости выбежала из сакли, попросила Адильгирея слезть с коня и в саклю войти.

И вошел Адильгирей в саклю, и княгиня угощала его лучшей пищей, угощала лучшей бузой.

И, утолив голод, Адильгирей рассказал княгине все то, что видел и слышал в прошедшую ночь, и попросил княгиню объяснить ему все виденное и все слышанное им в эту прошлую ночь.

И княгиня рассказала ему:

Года еще не прошло с того времени, как ее сын, единственный сын, молодой князь, взял в жены молодую любимую девушку.

И после свадьбы скоро случилась молодому князю нужда поехать из Когрокоя в другой аул, и он поехал один, не взяв с собой своих слуг.

И долго не было вестей о нем.

Потом однажды конь князя прибежал один и без седла и уздечки с богатым набором.

И тогда княгиня-мать и княгиня-жена поняли, что с князем большое несчастье случилось.

Случилось, что враги в дороге напали на князя и убили, ограбили его самого и коня его ограбили.

Но конь вырвался из рук убийц, прибежал домой.

Так думала княгиня-мать, так думала княгиня-жена, так думали слуги — рабы княжеские.

И княгиня-жена, плача и тоскуя, дала клятву найти труп любимого мужа, найти убийц его и отомстить им.

И оделась она в мужскую одежду, села на коня и поехала труп мужа искать.

И долго ездила и боялась, что не найдет трупа любимого мужа, потому что звери за это время могли растерзать его, птицы хищные могли истребить.

И тосковала княгиня.

И однажды нашла: лежал труп князя в камышах, обезображенный ранами, и птицы хищные, почуяв запах мертвечины, кружились над ним.

И взяла его княгиня, отнесла на возвышенное место в камышах, сама кровать сделала для него, сама саклю заплела вокруг кровати и саклю покрыла камышом.

И три дня и три ночи на коленях стояла она перед мертвым телом, рыдала и, тоскуя, говорила:

— Мой милый, возлюбленный мой, скажи, кто убийцы твои?

И мертвое тело молчало, и смрад исходил из него.

И вернулась она домой, и сказала княгине-матери:

— Вот нашла я труп любимого мужа, но не нашла убийц его... Я иду искать их.

И оделась она в грязную одежду раба, палку в руки взяла, пошла.

Ходила по аулам, и народ, смотря на нее, говорил:

— Это бедный молодой человек.

И давал народ княгине хлеба, мяса.

И ходя из аула в аул, прислушиваясь к разговорам, присматриваясь ко всему, что приходилось видеть, княгиня узнала, кто были убийцы ее мужа: она узнала их по дорожному набору уздечки, которую они сняли с его коня.

Три родных брата были убийцами с длинными бородами, и каждый из них жил отдельно в своем ауле...

И вернулась княгиня домой, и сказала матери-княгине:

— Узнала я, кто убийцы мужа... Я уезжаю, и если — не дай Бог этому случиться! — вернусь обратно и не привезу с собой их трех отрубленных мною голов, прокляни меня самым страшным проклятием, поступи со мной, как с собакой бешеной.

И надела она на себя одежду мужа, взяла оружие его, уехала на его коне...

И отомстила она убийцам, напилась крови их и себя потом убила: к чему ей было жить, когда ее любимый человек стал прахом?

Кончила княгиня рассказывать Адильгирею, приказала слугам привезти во двор три арбы дров, сложить их вместе и зажечь костер.

И на этот костер положила три отрубленных головы и смотрела, как горели они, и радовалась, что они были головами убийц ее сына.

И когда костер потух, осторожно вынула она из него кости, оставшиеся от трех голов и превратившиеся в уголь, и в деревянной ступе толкла их, толкла и просеивала сквозь частое сито.

И стали кости мелкими, как мука, мягкими, как пыль.

И наполнила княгиня этой мукой большую чашку, вышла с ней в степь. И был ветер сильный в степи... И брала княгиня горстями из чашки пыль, и бросала в разные стороны. И ветер уносил ее далеко-далеко. Как далеко — кто знает, кроме ветра?

МАШУКО

На том месте, где в настоящее время расположена станица Горячеводская, вдоль берега Подкумка, тянулся большой кабардинский аул.

Среди жителей аула богатством своим особенно отличался уздень Инал Унароков: много было у него крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, лугов и лесов.

Немолод уже был Унароков и болел: желудок его не переваривал твердой пищи, и питался он только козьим молоком.

Была в стаде коза — любимица Унарокова: высокая, с белой шелковистой шерстью и острыми рогами. Ее молоком главным образом и питался Унароков.

Однажды пригнал вечером пастух коз со степи; стали доить их, и любимица Унарокова мало дала молока, очень мало.

Был недоволен Унароков, но промолчал.

На другой день повторилось то же самое, и опять Унароков промолчал. Когда же и на третий день повторилось то же, он призвал к себе пастуха и спросил:

— Отчего коза дает молока так мало?

— Кто-то высасывает молоко, — ответил пастух.

Посмотрел Унароков на пастуха и сказал:

— Ты меня знаешь?

— Знаю, — ответил пастух.

— Умею я шутить?

— Нет, не умеешь.

— Помни же это!

И больше ничего не сказал. Но пастуху было достаточно и этого: он знал, что если коза опять придет без молока, то Унароков не задумается застрелить его.

И на другой день стал пастух следить за козой.

В жаркий полдень, когда стадо подошло к лесу, в холодок, он увидел, что любимица Унарокова отделилась от стада, пошла в лесную чащу.

Осторожно последовал он за ней и увидел он: на полянке, под кустом боярышника, лежит новорожденный мальчик. Подошла к нему коза и стала над ним так, что вымя ее приходилось как раз против рта младенца; потом опустилась на передние ноги. Младенец поймал ртом сосец и стал сосать. Когда же он выпустил изо рта сосец, коза прыгнула в кусты и затем присоединилась к стаду.

Подошел пастух к мальчику, взял его на руки, а вечером принес к Унарокову и рассказал о всем виденном. Рад был мальчику Унароков.

— Бог мне послал его, — сказал он. — Нет у меня сыновей, так пусть этот мальчик будет моим сыном.

И дал он имя мальчику Машуко. Среди своих холопок (крепостных крестьянок) выбрал Унароков здоровую и красивую кормилицу для Машуко.

И рос Машуко, окруженный заботами. К восьми годам красивый и статный мальчик вырос из него.

Приказал Унароков опытному наезднику учить мальчика ездить на лошади, а опытному стрелку — стрелять из лука, владеть кинжалом и саблей.

И продолжалось это учение до тех пор, пока не сравнялось Машуко пятнадцать лет.

Ловким и бесстрашным наездником и метким стрелком он стал.

Посмотрел на его езду на лошади Унароков, посмотрел на его стрельбу из лука и остался очень доволен.

— Ты — джигит, Машуко! — сказал он. — Проси у меня, что хочешь, все дам тебе...

— Отец, — сказал Машуко, — позволь мне жить в той сакле, которую я выстрою своими руками.

— А разве ты не хочешь жить под одной кровлей со мной? — спросил Унароков.

— Нет, отец, не могу, — отвечал Машуко.

— Почему не можешь?

— Не спрашивай, отец...

— Не спрашивай его об этом, — сказал старик мулла. — Так должно быть, как он хочет.

— Почему? — спросил Унароков.

— А ты знаешь, кто его отец, кто его мать? — вместо ответа спросил его мулла.

Задумался Унароков.

— Делай, как ты хочешь, — сказал он потом Машуко.

И Машуко один, без чьей бы то ни было помощи сложил из камней небольшую саклю, в которой и поселился один.

Все дни он проводил на охоте.

Как только начиналось утро, брал он лук, колчан со стрелами, уходил один в лес, который рос на горе, по левую сторону Подкумка. Вечером, возвращаясь домой, приносил он с собой убитых им зайцев, лисиц.

Не было у него товарищей, и не искал он сближения с кем-либо. Дома его видели только поздно вечером, когда он возвращался с охоты, и рано утром, когда он собирался идти в лес, на гору.

Был недоволен Унароков такою жизнью Машуко.

Раз он спросил его:

— Отчего ты такой молчаливый и все сторонишься людей?

— Не спрашивай, отец, — отвечал Машуко.

Рассердился было Унароков, но вспомнил слова муллы и махнул рукой.

— Делай, как тебе нравится, — сказал он.

Наступил шестнадцатый год в жизни Машуко.

И стал замечать Унароков — бледнеет и худеет Машуко и с охоты приходит с пустыми руками.

— Ты болен? — спросил он его.

— Нет, — ответил Машуко, — я здоров.

— Но отчего ты бледен? Отчего худеешь с каждым днем?

— Не спрашивай, отец, — сказал Машуко.

Глубоко задумался Унароков.

Что же это такое? Какую тайну хранит Машуко?

И вот однажды призвал к себе Унароков своего верного слугу, старика Асламбека, и сказал ему:

— Слушай. Когда Машуко пойдет в лес на гору, ты последи за ним, и что увидишь, скажешь мне. Только двое, я да ты, должны знать об этом.

Асламбек покорно наклонил голову и, пятясь задом к двери, вышел из сакли.

Утром, когда Машуко с луком и колчаном стрел отправился на охоту, Асламбек тайком, крадучись последовал за ним.

Пришел Машуко в лес, начал углубляться в чащу. Следом за ним осторожно пробирался Асламбек.

Выбегали из кустов козы, лани, лисицы выбегали, а Машуко не обращал на них внимания, поднимался все выше и выше в гору.

Пришел он на полянку, всю покрытую красивыми и душистыми цветами. Остановился на этой полянке, положил на траву лук и стрелы, сам опустился на колени.

Взошло солнце. Вдруг вдали на утесе появилось розовое облачко.

Машуко радостно вскрикнул, протянул руки по направлению к этому облачку.

И отделилось облачко от утеса, и, сверкая пурпуром, поплыло. Остановилось над полянкой, розовым туманом опустилось на нее.

Рассеялся туман, и Асламбек, притаившись в кустах, увидел необычайной красоты женщину, одетую в легкую, прозрачную одежду, сквозь которую просвечивало молодое и белое, как первый снег, тело. Она стояла перед Машуко, не касаясь земли своими маленькими ножками. Машуко застыл в восхищении, не спуская с нее глаз.

— Аллах! — тихо-тихо прошептал изумленный Асламбек, и его старое сердце наполнилось неизъяснимым восторгом.

И ему страстно захотелось прикоснуться губами к краю одежды этой женщины.

— Аллах! — прошептал он громче.

И вдруг увидел, что женщины уже нет: розовый туман заходил волнами по полянке, поднялся вверх, сгустился в розовое облачко.

И поплыло облачко по голубому небу, и скрылось где-то за горой.

Машуко, как окаменелый, продолжал стоять на коленях.

Асламбек крадучись выбрался из кустов, поспешил в аул и рассказал о виденном Унарокову.

— Правду ты говоришь? — спросил его Унароков.

— А когда я тебе говорил неправду? — вместо ответа спросил Асламбек.

— Да, верно, — сказал Унароков, — ты всегда говорил мне одну правду, и я верю тому, что ты рассказал. Но кто эта женщина?

Асламбек подумал-подумал.

— Не знаю, кто она, — сказал он. — Но от стариков я слышал о лесных джиннах.

— И я слышал о них, — сказал Унароков. — Слышал, что они любят мучить людей, что ни один человек не может противостоять их чарам... А эта женщина замучит Машуко, она жизнь выпьет из него...

— Выпьет, — сказал Асламбек. — Я — старик, но если бы она сказала бы мне броситься со скалы вниз головой, я бросился бы...

— Как же быть? — спросил Унароков. — Ведь пропадет Машуко. Слышал я, что джинны-женщины могут довести человека до безумия...

— Аллах, какое горе! — вздохнул Асламбек.

— Как помочь такому горю?..

— Не знаю, — ответил Асламбек. — Но могу спросить у того, кто знает это... Есть в нашем ауле одна старая женщина, нехорошая женщина — шайтан ее брат. Она все знает, все может. Любит она золото и за него все сделает.

— Вот возьми, — сказал Унароков, подавая Асламбеку кисет с золотом.

Поздним вечером Асламбек прокрался на край аула к старой сакле, одиноко стоящей над обрывом Подкумка. Подошел к двору и только раскрыл рот, чтобы крикнуть «гость!», как увидел — стоит перед ним старуха, усмехается, и глаза у нее блестят, как два уголька.

— Не кричи, — сказала она ему, — знаю, что ты пришел ко мне. Пойдем в саклю.

Вошли в саклю.

Старуха вздула огонь в очаге, подложила в него дров.

— Вот тебе подарок, — сказал Асламбек, подавая старухе кисет с золотом.

Высыпала старуха на ладонь золото, и засверкали, загорелись у нее глаза. Потом, спрятав золото, сказала:

— Ну, говори, зачем пришел?

Асламбек сказал. Выслушала его старуха.

— Знаю я эту женщину, — сказала она. — Это лесной джинн. Люди видят ее редко, потому что она является только к тем, кто чист душою, и сила ее над человеком велика: раз человек увидит ее, ради нее он забудет отца, мать, самого себя забудет.

— Это правда, — сказал Асламбек. — Я увидел ее и почувствовал, что снова весна моей жизни начинается.

— Вот видишь. А ты уж стар и землей от тебя пахнет. Машуко же еще дитя, и его сердце впервые узнало любовь к женщине.

— Но как можно любить духа?

— О! — воскликнула старуха. — Если бы все люди могли его любить, то в душе у них весна до самой старости была бы...

— Вот Машуко полюбил... Но эта любовь, кроме горя, ничего не принесет ему, — сказал Асламбек.

— Да, это верно, не принесет, — согласилась старуха.

— Как же избавить его от такой женщины?

— Как избавить, не знаю... Никак не избавите: она постоянно будет с ним... Никакие женщины в мире не заменят ему эту женщину...

— Что же делать?

Задумался Асламбек, задумалась старуха.

— Вот что, — сказала старуха. — Попробуйте взять грязный, зловонный навоз и бросить в женщину, когда явится к Машуко. Но и тот, кто будет бросать, должен вымазаться в навозе... Посмотрим, что из этого выйдет... Но все же заранее говорю, что Машуко никогда, никогда не забудет ее.

Пришел Асламбек к Унарокову, рассказал ему о своем свидании со старухой.

— Сделай так, как говорила тебе старуха, — сказал Унароков.

Наутро Асламбек вымазался в навозе, взял его с собой и в отдалении пошел следом за Машуко, когда тот направился в гору.

Как и раньше, Машуко пришел на полянку, стал на колени, не спуская глаз с розового облачка.

Отделилось облачко от утеса, приплыло к полянке, рассеялось туманом, и опять стояла в

воздухе та чудная женщина.

Но сердце Асламбека уже не переполнилось восторгом, как раньше, злоба в нем закипела против этой женщины. Выскочил он из кустов, закричал злобно и бросил навозом в чудную женщину.

Как раненая птица, метнулась чудная женщина, застонала от боли... Полянку окутал кровавый туман, поднялся вверх облаком и быстро-быстро понесся туда, где вечно блестит Ошхо-Махо (Эльбрус), и там зацепился за высокий утес...

В отчаянии упал на землю лицом вниз Машуко, зарыдал...

Потом поднялся и пошел, роняя слезы. И там, где капали его слезы, начинали бить ключи горячей воды...

Пришел Асламбек домой, рассказал Унарокову, что произошло.

Собрал Унароков много народа, послал искать Машуко.

Три дня искал народ Машуко и не мог найти его.

— Пропал Машуко, — говорили все...

Но пастухи, пасшие скот на горе, потом видели человека, одиноко бродящего по лесу. Видели его одиноко стоявшим на полянке. То был Машуко...

И с тех пор народ назвал эту гору горой Машуко.

СВЕРЖЕНИЕ ИГА

Междоусобицы кабардинских владетельных князей, длившиеся очень долгое время, довели народ до такого состояния, что он был уже не в силах отразить нашествие полчищ крымского хана Батал-паши, который разорил много аулов, а народ обложил большою данью. За этой данью приезжали из Крыма в Кабарду каждый год осенью многочисленные сборщики. И брали сборщики все, что видели их глаза: рогатый скот, красивых женщин. С народом кабардинским они обращались бесчеловечно: отнимали у мужей жен, у отцов — дочерей, а стариков всячески оскорбляли, а порой и убивали.

И долго терпел народ ига крымского хана, наконец терпеть дольше стало не под силу, и тогда решил он выбрать почетных народных представителей и послать их к хану с просьбой ограничить дикий произвол сборщиков дани. Выбор народа пал на князя Атажукина, известного стойкостью своего характера и умом, а в спутники ему были избраны два почетных узденя. Весною послы с богатыми подарками явились в Крым, поднесли хану подарки и попросили допустить их предстать перед ним.

Принял хан подарки, но повелел ввести к себе во дворец только князя Атажукина.

Хан сидел на дорогих подушках, поджав под себя ноги, курил трубку из длинного чубука.

Представ перед ним, князь Атажукин взял шапку свою под мышку, опустился на колени перед ханом и начал говорить о том, как сборщики дани разоряют кабардинский народ, издеваются над ним.

— Могущественный повелитель, — говорил князь Атажукин, — кабардинский народ просит твоей милости: укроти произвол сборщиков дани, прикажи им не обижать наших жен, дочерей и стариков.

Хан все время молчал, только пускал клубы табачного дыма, а когда князь Атажукин кончил говорить, он спросил его:

— Кабардинский народ просит моей милости?

— Твоей милости, могущественный повелитель, — сказал князь.

— Вот возьми ее! — проговорил хан и высыпал из своей большой трубки огонь на бритую голову князя.

Кожа на голове князя загорелась и лопнула, но князь, несмотря на сильную боль, по-прежнему покорно стоял перед ханом, ничем не показывая ему, какое мучение испытывает он.

Когда потух огонь на его голове, хан сказал ему:

— Ступай и скажи народу кабардинскому, какую милость ему дал я!

Князь встал, поклонился хану и, не повертываясь к нему спиной, вышел.

Своим спутникам князь не сказал о том, как принял его хан.

— Все обошлось хорошо, — сказал он.

Возвратился князь в Кабарду, собрался народ выслушать его.

— Хан прислал народу милость, но о ней народ узнает только осенью, — сказал князь, умалчивая о том, как хан жег огнем ему голову.

— Знаем мы эту милость, — отвечал недовольно народ, — его милость совсем разорила нас.

— Еще больше разорит, если вы будете оставаться безропотными рабами, — сказал князь.

В глубоком молчании разошелся народ.

Наступила осень. Скоро должны были прибыть в Кабарду сборщики дани.

Князь Атажукин собрал народ.

— Выслушай меня, кабардинский народ, — сказал он.

— Говори, — ответили старики.

— Уже скоро придут к нам ханские собаки, — сказал князь, — и по-прежнему будут они грабить наше имущество, бесчестить наших жен, дочерей, а мы будем молча смотреть на их подлые дела. Жена будет плакать, просить мужа: «Защити меня от насильника!» А что в ответ скажет ей муж? Он ничего не скажет ей, потому что боится ханских собак...

— Мы знаем, о чем ты говоришь, — сказали старики. — Но время наше еще не подошло: мы еще слабы, а у хана войска много...

— Нет, — сказал князь, — мы не слабы, а боимся...

— Не дело ты говоришь, князь, — сказали опять старики. — Если мы теперь восстанем против хана, то он опять явится к нам с большим войском, выжжет все наши аулы, а нас обратит в рабов... Надо подождать, пусть народ окрепнет...

Ничего на это не сказал старикам князь и ушел из собрания. С ним вместе ушли сто молодых кабардинцев.

Князь им сказал:

— Хотите умереть за кабардинский народ?

— Хотим, — ответили они.

— Тогда слушайте. Скоро придут к нам ханские собаки. Надо радушно принять их, не жалея для них ни крепкой бузы, ни жирной баранины. А ночью, когда они лягут спать, надо перебить их, оставив только двух-трех, чтобы они могли вернуться к хану и рассказать ему о происшедшем. Хан явится в Кабарду со своим войском, и тогда нашему народу поневоле придется взяться за оружие. Победит народ хана — будет наслаждаться победой, а не победит — пусть умрет: лучше смерть, чем рабство!

— Мы готовы умереть! — ответили кабардинцы.

Спустя три дня приехали в Кабарду ханские сборщики дани, и только в немногих аулах они были убиты ночью во время сна, а в остальных аулах народ так обозлился на них, что сразу набросился на них, поубивал всех, за исключением трех, нарочно оставленных в живых.

И сказал князь Атажукин этим оставленным в живых:

— Поезжайте к своему хану-собаке и скажите, что терпению кабардинского народа настал конец. Когда я просил у него милости для своего народа, хан жег мне огнем голову, говоря: вот моя милость! Я молчал тогда. А теперь говорю ему: народ кабардинский требует тебя, хан, помериться силой с ним. Поезжайте и скажите хану, что услышали от меня.

Уехали сборщики дани, и кабардинский народ понял, что теперь ему осталось одно: победить или умереть. Поспешно вооружился он и стал ждать ханских полчищ.

Весной хан явился в Кабарду с громадным войском и расположился в местности при впадении реки Кич-Малки в реку Малку. Здесь и произошло сражение.

Кабардинцев было значительно меньше ханского войска, но они были воодушевлены любовью к родине и ненавистью к врагу и дрались отчаянно.

Ханское войско не выдержало дружного натиска кабардинцев и бросилось бежать. Кабардинцы преследовали их по хребту горного кряжа Аур-Сехт вплоть до горы Инал-Кинжал, где бой и прекратился. Ханское войско было почти все перебито, и хану только с жалкими остатками удалось бежать в Крым.

Дорого и кабардинцам стала эта победа, но она дала им свободу: крымский хан уж больше не являлся в Кабарду.

ТЕМИР-БОЛАТ

В давние времена, когда в реках текла не вода, а мед и молоко, когда курица ходила в гости к лисе, а волк дружил с овцой, в одном горном ауле стали пропадать люди.

А жили в этом ауле три брата. Отец с матерью у них тоже исчезли, и росли они одни.

Прошли годы, выросли братья. Старшие были тихими да боязливыми, ни с кем из соседей не разговаривали, и никто даже не знал их по имени. Зато все в ауле знали и любили младшего брата за храбрость и мужество и называли его Темир-Болатом. Темир — значит железный.

В один из летних дней отправились братья на охоту. Поднялись на высокую гору и построили там шалаш для ночлега. Устали братья, а тем временем и вечер настал. Решили они отдохнуть и легли спать.

Утром Темир-Болат со средним братом отправился на охоту, а старшего оставили в шалаше готовить еду.

Только закончил он варить обед, как кто-то позвал его:

— Эй, ты!

Вышел старший из братьев и увидел перед собой чудище: сам с вершок, а борода в семь вершков; сидел он верхом на петухе, седлом ему была лягушка, поводьями были змеи, а вместо плети — ящерица.

— Что же ты стоишь, помоги мне спешиться! — прошипел Сам-с-вершок.

Испугался старший брат, ни слова не сказал, снял чудище с петуха и внес в шалаш. А карлик приказывает:

— Ох и проголодался я, накорми-ка меня скорее!

Что было делать старшему брату? Подал он незваному гостю котел свежего мяса. Не успел джигит оглянуться, а гость уже съел все, что было подано, да еще остался недоволен.

Приказал он джигиту назавтра приготовить побольше еды.

— Твое счастье, что накормил меня, а то унес бы я тебя. А уж если кто попадает ко мне, живым не уходит, — сказал карлик сердито, сел на своего петуха да и был таков.

Вскоре вернулись с охоты Темир-Болат со средним братом. Проголодались они за день и попросили есть.

— Не смог я ничего приготовить, — ответил им старший брат, — сильно болела у меня голова.

Быстро приготовил Темир-Болат еду. Поели братья и легли спать.

На следующий день дома остался средний брат. Только закончил он варить обед, как появился Сам-с-вершок, потребовал еды, а когда насытился, уехал на своем петухе.

Вернулись Темир-Болат со старшим братом и попросили накормить их. Средний брат сказал, что у него болел живот — не смог он приготовить обед. Опять Темир-Болат быстренько приготовил еду, но заподозрил что-то неладное.

На третий день остался дома младший из братьев, Темир-Болат. Только приготовил он еду — не успел еще очаг погаснуть, — как появилось чудище на петухе. Не растерялся Темир-Болат.

— Добро пожаловать, будь гостем, — сказал он вежливо чудищу.

— Скорее помоги мне спешиться! — крикнул тот. — И не слова твои слушать приехал я, а угощаться.

Но Темир-Болат не стал снимать его с петуха: он только придержал повод.

Бормоча проклятия, недовольный гость слез с петуха и сам вошел в шалаш.

— Проголодался я, накорми-ка меня побыстрее! — приказал он.

Темир-Болат вынул из котла небольшой кусок мяса и подал чудищу.

Мигом проглотил гость кусок.

— Неси еще! — потребовал он.

Но Темир-Болат ничего не дал ему больше. Рассердился карлик, вскочил, выдернул из своей бороды волос и хотел связать им Темир-Болат. Но тот успел схватить его за бороду, вытащил из шалаша и привязал к дереву.

Вернулись с охоты старшие братья. Темир-Болат накормил их, а потом и говорит:

— Пойдемте, я покажу, отчего у вас болели голова и живот.

Завел братьев за шалаш, видит — нет ни карлика, ни дерева, к которому он привязан был. Лишь далеко в лес протянулся след. Вырвал карлик дерево с корнем и ушел вместе с ним.

Только теперь рассказали братья о том, как являлся к ним незванный гость и поедал все, что у них было приготовлено. Смекнул Темир-Болат, почему пропадали люди из аула. Посоветовались братья и решили непременно отыскать карлика.

Пошли они по следу, проложенному деревом, и пришли к какой-то дыре. Стали советоваться, что делать, спорить, кому первому лезть в дыру. Старшие братья отказались, и вызвался лезть Темир-Болат. Сплели они из хвороста сапетку, из шкуры оленя нарезали ремней, посадили Темир-Болат в сапетку и спустили вниз. Когда сапетка дошла до дна и стукнулась о землю, увидел Темир-Болат узенькую тропинку — вела она в пещеру. Пошел джигит по той тропинке и пришел к какой-то двери. Открыл он дверь, вошел и увидел трех красавиц. Одна из них плакала, другая смеялась, а третья пела песню.

Увидели девушки Темир-Болат, бросились к нему:

— О, горе нам! Зачем ты пришел сюда? Здесь живет чудище, оно убьет тебя и съест!

— Я не боюсь этого чудища! — отвечал Темир-Болат. — Лучше расскажите мне, отчего одна из вас плачет, другая смеется, а третья песню поет.

Старшая девушка сказала:

— Чудище съест меня сегодня, оттого я и плачу. Одну из моих сестер он съест завтра, и она радуется, что проживет еще день. А третья поет — ведь ее черед настанет только послезавтра.

— А где чудище? — спросил джигит.

— Спит в седьмой комнате.

Обнажил Темир-Болат свою саблю, отыскал чудище, схватил за бороду и снес ему голову.

Обрадовались красавицы, собрали в одно место все богатства карлика, стали насыпать золото и серебро в сапетку.

— Добро это от нас не убежит, а сначала скажите: где люди, которых карлик похитил из нашего аула? — спрашивает джигит.

Повели его девушки по подземелью и привели к железным воротам. Те ворота вели в крепость, окруженную высокой каменной стеной. Когда пробрался Темир-Болат за стену, увидел своих аульчан, а среди них совсем измученных отца с матерью. Бросились к нему дряхлые старик со старухой и признали в Темир-Болате младшего сына. Обрадовались старики и не могли сдержать слез своих. Обрадовался и сын их... Отворил Темир-Болат железные ворота и выпустил всех пленников. Окружили люди храброго джигита, стали плакать от радости и благодарить его за спасение.

Вернулся Темир-Болат вместе с родителями, братьями и освобожденными пленниками в родной аул. Весь народ встречал их, и устроили люди на радостях великий праздник, на котором Темир-Болат раздал все богатство карлика бедным и сиротам. С той поры не знали жители аула горестей и бед.

ЗОЛОТАЯ ПТИЦА

В незапамятные времена жил в одном ауле старик. И было у него три сына. А еще был у старика сад, в котором росла яблоня. Каждый год на ней созревало только одно яблоко. Зато яблоко было золотым и волшебным: кто съест его, тому возвращались молодость и здоровье. Да вот беда: последние три года кто-то тайком срывал волшебное яблоко.

Силы стали покидать старика — никак не обойтись ему без яблока! И решил он посылать своих сыновей сторожить ту яблоню.

В первую осень послал он старшего сына. Почти до зари сидел сын, не смыкая глаз. И только когда забрезжил рассвет, не выдержал, задремал ненадолго. А когда вскочил, яблока на яблоне уже не было.

На другую осень отправил старик сторожить яблоню среднего сына. Всю ночь не спускал сын глаз своих с яблока. Только когда совсем стало светать, уснул ненадолго. Проснулся, смотрит — нет яблока на яблоне...

А старику становилось все хуже. Вот настала третья осень, и послал он самого младшего, любимого сына — Хасана. Всю ночь сидел Хасан под деревом, не спускал глаз с яблока. А когда начинала одолевать дремота, умывался холодной росой и прогонял сон.

Далеко за полночь услышал Хасан шум крыльев какой-то птицы. Всмотрелся и видит: опустилась на дерево золотая птица, схватила волшебное яблоко. У Хасана стрела была наготове, пустил он ее в птицу. Сбила стрела только одно перо, а птица вспорхнула и улетела с яблоком.

Утром пришел Хасан к отцу, рассказал ему, как сторожил он всю ночь яблоню, как прилетела золотая птица и сорвала яблоко, как пустил он стрелу, да сбила она лишь одно перо у той птицы. Показал Хасан отцу перо и поклялся:

— Пока не найду я эту птицу, не вернусь домой!

Попросил Хасан мать приготовить для него еду на дорогу, оседлал коня и рано утром отправился в путь.

Много ли он ехал, мало ли — кто знает!.. Подъехал он к развилке дорог. Видит — лежит перед ним камень, а на камне написано: «Поедешь налево — погибнешь сам, поедешь направо — погибнет твой конь».

Подумал Хасан, как ему быть, а конь сам свернул направо.

Долго ехал он через леса и болота, горы и долины, а конца дороги все не было. Еда давно кончилась. Проголодался Хасан, а конь его совсем отощал.

Вдруг дорогу ему преградил огромный серый волк. Глаза у волка горят, зубами щелкает.

— Слезай с коня! — говорит волк грозно.

Что было делать Хасану? Сил у него нет, убежать не может, и конь еле стоит. Не успел Хасан слезть с коня, а коня как будто и не было. Съел волк его и говорит Хасану:

— Был я голоден — ты помог мне. Теперь и я могу помочь тебе. Расскажи, откуда идешь и куда путь держишь? Какая забота привела тебя в эти края?

— Еду я за золотой птицей, — отвечал Хасан.

И поведал волку, как стерег он чудесную яблоню, как золотая птица унесла волшебное яблоко и как поклялся он отцу, что не вернется домой, пока не добудет ту птицу.

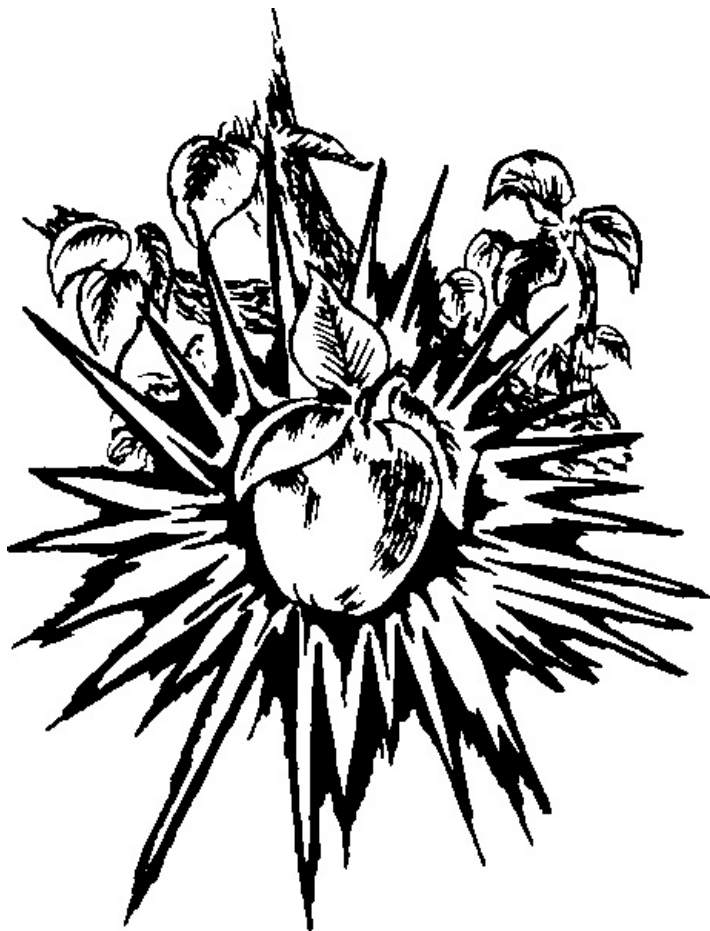
— Вижу, ты хороший сын. Садись на меня верхом, зажмури глаза и не открывай их, пока я тебе не скажу.

Сел Хасан верхом на волка и зажурил глаза. Понесся волк словно вихрь. И не успел Хасан опомниться — остановился волк.

— Приехали, слезай!

Слез Хасан с волка, а волк говорит:

— Золотая птица живет во дворце у хана. Как сядет солнце, проберись незаметно в ханский дворец, подкрадись к золотому гнезду, в котором сидит птица, но не дотрагивайся до гнезда. Возьми быстренько птицу и мигом возвращайся ко мне.

Хасан все так и сделал. Пробрался он в ханский дворец, подкрался к гнезду. А то гнездо было красоты необыкновенной!

Захотелось Хасану подарить птицу вместе с гнездом. Нарушил он наказ волка: только коснулся он гнезда, как зазвенели разные колокольчики, подвешенные к гнезду.

Услыхали стражники звон, прибежали, схватили Хасана и отвели его к хану.

— Как сумел ты пробраться в мой дворец и зачем нужна тебе золотая птица?

И поведал Хасан хану, как стерег он чудесную яблоню, как золотая птица похитила волшебное яблоко и как поклялся он отцу, что не вернется домой, пока не добудет ту птицу.

— Вижу, ты хороший сын, и я помогу тебе, — проговорил хан, выслушав рассказ Хасана. — Отдам я тебе золотую птицу вместе с золотым гнездом, только прежде ты добудь мне золотогривого жеребца у Глиняного хана.

Что было делать Хасану? Вернулся он к волку и рассказал, что не сумел незаметно унести птицу, а теперь хан требует, чтобы он добыл золотогривого жеребца у Глиняного хана. Только тогда он отдаст ему птицу вместе с золотым гнездом.

— Хоть и не послушал ты моего совета, я помогу тебе добыть золотогривого жеребца, — сказал волк. — Садись на меня верхом, зажмури глаза и не открывай их, пока я тебе не скажу.

Сел Хасан верхом на волка и зажмурил глаза.

Понесся волк словно вихрь. И не успел Хасан опомниться — остановился волк и говорит:

— Приехали, слезай!

Слез Хасан с волка, а волк и показывает:

— Видишь вон ту крепость? Это и есть владение Глиняного хана. Как сядет солнце, проберись незаметно в крепость, подкрадись к конюшне. Среди многих коней узнаешь ты золотогривого коня. Рядом с ним будут лежать золотое седло и золотая уздечка. Ты не бери ни седла, ни уздечки, даже не дотрагивайся до них. Возьми коня за гриву и неслышно выведи его из конюшни.

Хасан пробрался в крепость, подкрался к конюшне. Много было там коней, да только сразу увидел он золотогривого коня. А рядом с конем лежали золотое седло и золотая уздечка красоты необыкновенной.

Захотелось Хасану добыть коня вместе с седлом и уздечкой. Только коснулся он седла — зазвенели разные колокольчики, подвешенные к седлу.

Услыхали стражники звон. Прибежали, схватили Хасана и отвели его к Глиняному хану.

— Как сумел ты пробраться в мой дворец и зачем нужен тебе золотогривый конь? — спросил Глиняный хан.

И поведал Хасан Глиняному хану все, как было.

— Вижу, ты хороший сын, и я помогу тебе, — проговорил Глиняный хан, выслушав рассказ Хасана. — Отдам я тебе золотогривого коня вместе с золотым седлом и уздечкой, только прежде ты добудь мне золотую рыбку из озера хана Дадияны.

Что было делать Хасану? Вернулся он к волку и рассказал, что не сумел незаметно увести золотогривого коня, а теперь Глиняный хан требует, чтобы добыл он золотую рыбку из озера хана Дадияны, тогда он отдаст ему золотогривого вместе с золотым седлом и уздечкой.

— Хоть и не послушал ты моего совета, помогу я тебе в последний раз, — сказал волк. — Садись на меня верхом, зажмури глаза и не открывай их, пока я тебе не скажу.

Сел Хасан верхом на волка и зажмурил глаза.

Понесся волк словно вихрь. И не успел Хасан опомниться — остановился волк:

— Приехали, слезай. Теперь я сам добуду золотую рыбку, а ты ожидай меня на берегу.

Бросился волк в озеро, нырнул на самое дно. День ищет он золотую рыбку, другой, третий. Только на четвертый день вынырнул волк с золотой рыбкой.

Обрадовался Хасан. Сел на волка, помчались они к Глиняному хану. Отдал ему Хасан золотую рыбку, а взамен получил у него золотогривого коня вместе с золотым седлом и уздечкой.

Тут и говорит волк Хасану:

— Все, что мог, я для тебя сделал. Теперь садись на золотогривого и поезжай за золотой птицей.

— Спасибо тебе, серый, за помощь! — поблагодарил его Хасан.

Сел он на золотогривого и приехал к хану — хозяину золотой птицы. Отдал ему коня, а взамен получил птицу вместе с гнездом. А еще в придачу хан дал Хасану статного коня, быстрого как ветер.

Сел Хасан на того коня и помчался домой к отцу. С той поры никогда не пропадало золотое яблоко с чудесной яблони. И жил отец Хасана долго и счастливо.

КАК МАЛЬЧИК ОКАЗАЛСЯ УМНЕЕ ВЕЛИКАНОВ

У глубокого ущелья, возле высоких гор раскинулся большой аул. Неподалеку от него жили эмегены, и не было от них покоя людям. Самые храбрые из жителей аула погибали в схватке с великанами.

Жила в том ауле бедная вдова с сыном. Не было у мальчика особой силы, зато был он умный и очень смекалистый. Решил мальчик попробовать отбить у эмегенов охоту грабить аул.

Однажды вечером сказал мальчик своей матери:

— Снаряди меня в дорогу. Дай мне круг сыру побольше да бурдюк с айраном.

Приготовила женщина все, что попросил сын, и пустился он в путь.

Пришел мальчик на берег реки, видит — набирает эмеген воду.

Страшновато стало мальчику, да только не показал он виду. А эмеген вдруг как закричит — даже эхо отозвалось в соседнем ущелье!

— Попался мне, человечек! Давай померяемся силой, а потом я отнесу тебя своим братьям. Вот уж будут они довольны!

— Согласен, — отвечал мальчик. — Кто победит из нас, прикажет другому исполнить все, что тот захочет! Попробуем сначала выдавить из земли масло!

Стал эмеген топтать изо всех сил землю ногами, да только не выступило из земли масло.

А мальчик незаметно присыпал бурдюк с айраном песком, наступил на него пяткой — разлился айран.

Удивился эмеген — откуда столько силы у маленького мальчика? — но смолчал.

А мальчик говорит:

— Можешь ли ты, эмеген, разбить рукою камень и выдавить из него воду?

Взял эмеген самый большой белый камень, да только ничего не смог с ним сделать.

Схватил мальчик круг сыра и разломил его на несколько частей, потом сжал — потекла из сыра сыворотка.

— Хоть и мал ты ростом, — проговорил эмеген, — да оказался сильнее меня. Приказывай что захочешь, я все исполню.

— Возьми меня на спину и перенеси через речку. Надо мне добраться до недругов, проучить их хорошенько, чтобы навсегда забыли они дорогу в наш аул.

Что было делать эмегену? Наполнил он водой огромный бурдюк, взвалил его на плечо, на другое плечо посадил мальчика и так переправился через быструю горную речку.

Возвратился эмеген к своим братьям, когда они о чем-то спорили.

Увидели великаны, что их брат несет мальчика, обрадовались.

— Хороший ужин будет у нас сегодня! — сказал один из них.

Эмеген, который принес мальчика, испуганно ответил:

— И думать забудьте об ужине. Это великан рода человеческого. Не смотрите, что он мал ростом: силы у него больше, чем у любого из нас. Я сам видел, как он руками разламывал огромные камни и выжимал из них воду, а ногой выдавил из земли масло. Он прибыл к нам по важному делу. Сделайте так, чтобы он остался доволен. Не вздумайте рассердить его, иначе он перебьет всех нас.

Эмегены приняли мальчика как почетного гостя: поместили в кунацкой, готовили для него хорошую еду, оказывали всевозможные почести. А сами все-таки решили испытать его силу.

Дали они ему огромный бурдюк из буйволового кожи.

— Принеси, — говорят, — нам воды. Никто из эмегенов не может донести этот бурдюк с водой.

Пришел мальчик к реке, разделся и вошел в воду. Стал он надувать бурдюк воздухом. Долго пришлось ему дуть; наконец наполнился бурдюк. Крепко завязал мальчик горлышко бурдюка и вынес его из воды.

Потом он оделся, взвалил бурдюк на плечи и пошел потихоньку к пещере, где жили эмегены. Не прошел он и половины пути — хлынул ливень. А когда мальчик был совсем рядом с пещерой, ливень стал еще сильнее.

Мальчик выпустил из бурдюка воздух и вошел в пещеру с пустым бурдюком.

— А где же вода? — спрашивает старший из эмегенов.

— Выгляните из пещеры и увидите воду, которую я принес.

Увидели эмегены потоки воды — не знали они, что прошел ливень, — испугались силача мальчика и решили избавиться от него.

— Давайте сегодня ночью зальем кипящей водой кунацкую, где спит мальчик. Вот и избавимся от него, — сказал старший из эмегенов.

Услышал мальчик эти слова, и, когда ложился спать, укрылся он своей буркой. А бурка была чудесной — она спасала хозяина и от жары и от холода, могла выдержать любую тяжесть. Укрывшись ею, мальчик мог спать спокойно.

Стали ночью эмегены лить в дымоход кипятков — залили им всю кунацкую.

Утром встал мальчик, стряхнул бурку, вышел из кунацкой. Удивились эмегены, увидев мальчика живым и здоровым.

— Как спалось тебе, дорогой гость? — спросил старший из эмегенов.

— Хорошо спалось, — отвечал мальчик. — Вот только немного блохи беспокоили.

Видят эмегены, что не взял мальчика кипятков, — решили забросать его камнями. И этот разговор услышал мальчик и снова укрылся своей буркой.

Стали ночью эмегены бросать в дымоход кунацкой камни. Самый большой из камней упал на мальчика, да спасла его опять бурка.

Утром как ни в чем не бывало вышел он из кунацкой. Еще больше удивились эмегены, увидев мальчика живым и здоровым.

— Как спалось тебе нынче, дорогой гость? — спросил старший из эмегенов.

— Хорошо спалось, — отвечал мальчик. — Вот только чердак у вас, видно, дырявый — всю ночь оттуда глина падала. Пришлось мне переменить место.

Поняли эмегены, что не удастся им погубить мальчика.

Стали они думать, как бы скорее выпроводить нежеланного гостя.

Пришел к мальчику старший из эмегенов и говорит:

— Ты знаешь, дорогой гость, что, по обычаю горцев, в течение трех дней хозяин не должен спрашивать гостя о причине его приезда. Ты гостишь у нас уже неделю. Нам всем хотелось бы узнать, какое дело привело тебя в наши края.

— Много раз вы грабили наш аул, угоняли у жителей скот. Вот и пришел я, чтобы получить у вас все то, что забрали вы в нашем ауле.

— Но ведь весь скот давно уже съеден.

— Тогда расплатитесь со мной золотом. Дайте мне золота столько, сколько войдет в кожаный мешок — тулук, — сшитый из шкуры трехгодовалого буйвола, — ответил мальчик.

Совсем не хотелось эмегенам выполнять это условие, да что делать? Собрали они все золото, какое было у них в запасе, но едва наполнили им тулук из кожи трехгодовалого буйвола.

— Мне не положено тащить на спине тулук. Пусть кто-нибудь из эмегенов отнесет его.

Никому из великанов не хотелось тащить тяжелый мешок.

Долго спорили они, кому идти в аул, а потом решили бросить жребий.

Выпало тащить тулук тому эмегену, который принес мальчика.

Утром отправились они в путь. Эмеген едва тащит тулук, а мальчик идет себе рядом, посвистывает.

Когда были они недалеко от аула, мальчик сказал:

— Не спеши, иди потихоньку, а я тем временем схожу домой, скажу, чтоб достойно встретили гостя.

Подошел эмеген к сакле, где жила мать мальчика, и слышит, как тот говорит матери:

— Приготовь угощение гостю.

— Право, не знаю, что и подать ему, — отвечает мать, как научил ее сын. — Ничего нет в доме, одна только нога эмегена осталась. Ее и зажарю.

Задрожал великан от страха. Оставил тулук возле сакли и побежал прочь без оглядки.

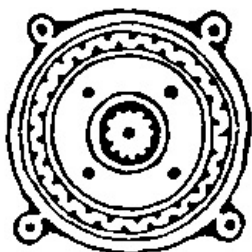
Прибежал к своим братьям и говорит им:

— Хорошо, что мы выпроводили этого гостя. Узнал я, что его мать на ужин собиралась зажарить ногу эмегена. Значит, они могут и нас съесть.

Поднялось все племя эмегенов в страхе и ушло из ущелья куда глаза глядят.

С тех пор не водилось в том краю эмегенов.

Мальчик раздал золото эмегенов всем беднякам. И зажили с тех пор люди в ауле спокойно.

О ЧЕЛОВЕКЕ ПО ИМЕНИ КАРЧА, О ЕГО ДРУЗЬЯХ И О СТРАНЕ, ИМИ ОТКРЫТОЙ

В те незапамятные времена, о каких повествует это предание, благодатным Крымом владычествовал юрт жестоких и алчных ханов Гереевых.

Когда ханством начал править молодой и разгульный Арслан-Герей — Арслан-Лев, многие из его подданных покинули его владения: слишком тягостной стала жизнь на родной земле.

Среди подвластных юрту ханов Гереевых был молодой крестьянин по имени Карча, назначенный ханом за его силу и ловкость объездчиком полей. Карча верхом на самом ретивом и быстром из всех ханских коней ежедневно объезжал все поля и огороды, принадлежащие хану.

Как-то, проезжая мимо абрикосового сада, Карча заметил возле ограды человека. Человек, сняв с головы шапку, ползая на коленях, собирал возле ограды упавшие с деревьев абрикосы. «А ну-ка я схвачу его!» — решил Карча, беря висящий на луке его седла аркан. Осторожно подъехав и трижды размахнувшись арканом над головой, набросил его на человека.

— Ага, попался! — торжествующе закричал Карча. — Будешь помнить, как воровать ханские абрикосы! — И, повернув коня, хотел было в наказание протащить пойманного человека волоком по земле.

— Карча, побереги аркан для ханской шеи! — крикнул пойманный.

Карча остановился. Человек, сваленный арканом на землю, поднялся и подошел к нему.

— Взгляни сюда, — сказал он, показывая Карче дно шапки, — много ли здесь абрикосов? И какие это абрикосы? Твердые, словно камень, и безвкусные, как мочала!.. Только моя бедность заставляет меня подбирать эти абрикосы, а голод — есть...

Карча заглянул в шапку, покачал головой и ничего не ответил: ему стало жаль бедного человека.

— Взгляни, Карча, разве у твоего хана мало фруктов? — И человек показал рукою на сады. — Мало груш, яблок, абрикосов? На что ему эти абрикосы?

«В самом деле, — подумал Карча, — зачем хану этот недоспелый урюк?»

— Ну ладно... — ответил Карча, наматывая на локоть аркан. — Иди...

Пойманный Карчой человек хотел было повернуться и уйти, но раздумал.

— На, возьми! — сказал он и высыпал из шапки абрикосы на дорогу. — Чтобы и тебе, и твоему хану подавиться ими!

Но что мог теперь сделать Карча? Прикрутив аркан хорошенько к седлу, он поехал дальше. У поворота дороги он увидел детей, идущих ему навстречу. Завидев его, дети разбежались в разные стороны. Карча подумал: «Видно, плохая слава упрочилась за мной, если даже дети при одном моем появлении разбегаются». Тяжело стало на душе у Карчи. «Вернусь домой!» — решил он и Повернул коня.

Приехав к конюшне, сдал коня ханскому конюху, а сам пошел на высокий холм, лег там и задумался. Долго думал Карча и наконец решил пойти к хану и просить у него другой работы «Пусть даст любое дело, но объездчиком я больше не буду!»

Утром Карча отправился во дворец. Хан встретил его словами:

— Карча! Я назначил тебя объездчиком, а кто назначал тебя судьей — я не знаю. Объясни мне...

«О, ему уже известно, что я с миром отпустил бедного человека!» — подумал Карча.

— Что ж ты молчишь? — закричал хан.

— Тебе известно больше того, что я могу рассказать, — ответил спокойно Карча.

— Значит, верно, что ты, вместо того чтобы хватать арканом преступников, отпускаешь их на все четыре стороны?

— Я отпустил бедного человека, собравшего несколько упавших абрикосов.

— Все нищие — воры! Откуда ты знаешь, что абрикосы не были сорваны? Почему ты решаешь сам, когда я не давал тебе на это права? Кто ты такой, объездчик или судья?

Наклонив голову, Карча молчал: он ждал решения хана.

— Ты больше не объездчик. Ты будешь делать то, что делают все другие рабы: окапывать сады, ухаживать за ними и носить воду в бурдюках для их поливки.

Тяжелая жизнь наступила для Карчи: он стал садоводом, огородником и водоносом. Но зато Карча приобрел много друзей, таких же, как и он, бездомных бедняков, работающих с раннего утра и до поздней ночи: веселого пастуха Будуяна, дровосека Адурхайа и охотника Каурузу. Когда Карча оставался на ночь стеречь огород, друзья собирались в его шалаше и вели длинные беседы.

От Будуяна Карча узнал, что многие строптивые пастухи нашли себе могилу в соленых водах Черного моря. От Адурхайа — что старые дровосеки, оставив родные леса, уходили в степи Бессарабии. От Каурузы — что рабы хана могли охотиться только на сусликов, полевых мышей и шакалов: другая охота — на медведей, туров и лисиц — для них была запретом.

— Больше нельзя так жить! — говорил Будуян. — Волк зарезал у меня овцу, а хан говорит, что я украл ее. Что будет, если у меня отобьется несколько овец? Он замучит меня!..

— Ты, Будуян, верно говоришь: нельзя так жить дальше! — подтверждал Адурхай. — Нельзя! Я день и ночь стучу топором, а хан говорит, что я мало заготовил на зиму дров.

— Ваша правда! — поддакивал им Кауруза. — Сколько я ни настреляю дичи — все мало! Какого зверя ни принесу — хан все недоволен! Убью лань — почему убил не тура? Убью волка — почему убил не медведя? Ничего не ценит! Всем недоволен! Нет, больше не буду служить хану!..

— Но куда ты пойдешь? — спрашивал Каурузу Адурхай. — Все леса и горы принадлежат хану. Куда ты денешься, где найдешь себе место?

— Это верно, — отвечал на слова дровосека охотник. — Все принадлежит ему — все земли его.

В разговор вступил Будуян:

— Я вижу много людей, и они рассказывают мне, что за горами лежит неведомая и никому не принадлежащая страна...

— Разве есть такая страна, в которой нет одного властителя, которому принадлежит все: горы, леса, озера, звери и люди? — спросил Карча.

— Есть! — отвечал Будаун. — Есть такая страна.

И Будаун рассказал друзьям, что ему приходилось слышать от людей, побывавших в благодатной, никому не принадлежащей стране. Эти люди утверждали: чтобы достигнуть благодатной земли, нужно пройти через восемь гор, пересечь тринадцать малых и больших рек, миновать семнадцать долин; говорили, что на пути встретится такой силы ветер, что будет сбивать с ног и возвращать вспять; встретятся дикие звери, один вой которых способен обратить в бегство целое войско; леса, не имеющие в себе ни дорог, ни троп, — путь через них нужно прокладывать топорами и копьями.

И теперь, как только Карча встречал путника, непременно расспрашивал его о неведомой стране.

— Есть ли такая страна? Кто тебе о ней сказал? — говорили они ему.

А те, что слышали о ней, отвечали:

— Плохая страна. Растет в ней только чертополох да держи-дерево; живут в ней только гиены, волки да шакалы; течет в ней одна река — она мутна и вода ее ядовита.

Не верил этим рассказам Карча: глубоко в сердце запали ему слова Будауна. И чем больше думал Карча о далекой стране, тем больше хотелось ему побывать в ней.

«Как бы плохо там ни было, — думал Карча, — но все же там, верно, лучше, чем в крымских загонах для скота. Я там буду свободным, буду трудиться для себя и жить, как хочу...»

И решил Карча отправиться в ту благодатную и неведомую страну. Свое решение Карча сообщил друзьям. Они ему ответили:

— И мы пойдем с тобою.

Карча обрадовался такому решению друзей.

— Вчетвером нам легче будет идти, — сказал он. — Мы скорее достигнем той страны, о которой так много говорят в народе.

Целую зиму друзья готовились в дальнюю дорогу. Будаун из лучшего конского волоса сплел себе аркан, хорошо просмолил и навошил его. Адурхай упросил ханского кузнеца выковать ему стальной топор, и когда тот выковал, остро наточил его. Кауруза изготовил гибкий, с тугой тетивой лук, сделал большой запас хорошо отточенных стрел. А Карча запасся отборными зернами пшеницы, ячменя и овса; абрикосовыми, персиковыми и сливовыми косточками.

С весною, как только в горах зажурчали первые талые воды, друзья покинули Крым. Они отправились на восток, в неведомую им страну.

Тяжелый путь предстояло им пройти. Нужно было пробираться через лес, а лесу этому не было конца. Вначале были лишь сожженные солнцем рыжие кусты можжевельника. Их сменили кусты орешника с багровожелтыми листьями. Затем — чинары и ольха. Потом — кривые толстоствольные дубы, высокие сосны и ели. Приходилось идти то по мягким кочкам мха, то по вязкой, словно трясина, земле, усеянной созревшими иглами сосен и елей; то по сухому, жесткому песку.

Леса сменили долины, долины — холмы, а за холмами — горы, одна выше другой, — отсюда начиналась земля, о которой друзья слышали, мечтали и хотели увидеть.

«Эти горы будут носить название Джаланкул-Аял — Голая рука, — подумал Карча, смотря на желтый, спадающий к узкому устью реки каменистый хребет. — Другого названия ей нельзя дать!» И шел дальше, глубже, ведя за собой друзей.

За долгий и тяжелый путь друзья Карчи устали. Они спотыкались о камни и корни деревьев, царапали руки, кололи лица; обливаясь потом, теряли силы. Изнемогая от усталости, они засыпали, где пришлось: под деревом, на куче опавших листьев, под скалой, на камнях, под кустом орешника, на траве. Карча не изменял направления своего пути — шел к востоку, ибо там лежала страна его надежд.

И вот в один из дней он услышал плеск воды — это была та самая река, о которой говорили люди, которую черкесы называли Псыз, что означает Князь Вод.

— Благодатная страна близко! — крикнул своим друзьям Карча, желая ободрить их. — Слышите плеск воды?

Но друзья, утомленные длинной дорогой, ничего не ответили.

Прошло еще трое суток. Опять начался лес.

— Я не хочу искать большего. Я — охотник и остаюсь здесь, — объявил Кауруза. — Хороший лес, много дичи и зверья. Я заживу здесь славно.

— Если останешься ты, останусь и я, — заявил Адурхай. — Где жить дровосеку, как не в лесу?

— Нет, я хочу достигнуть той реки, о которой так много говорилось в народе, — сказал Карча и, обращаясь к Будуяну, спросил: — А ты, Будуян, пойдешь дальше со мною или останешься здесь?

— Я — пастух. Мне нужны пастбища и поля. Я пойду с тобою дальше, Карча.

Простились с друзьями Карча и Будуян и пошли дальше вдвоем. После десяти дней пути они увидели прекрасные горы и равнины, разделенные течением воды: звонкими ручьями, потоками и водопадами. Увидели плодоносные равнины, покрытые невиданными цветами и травами.

— Я останусь здесь, — заявил Будуян Карче, показывая на цветущие взгорья и равнины. — Здесь есть все, что нужно для коз и овец... Я — пастух, и лучшего места мне не найти!

— Оставайся! — ответил ему Карча и дальше пошел один.

Долго, очень долго шел Карча, пока, наконец, не достиг берегов реки, вода которой была черного цвета. Он увидел, что хозяева здесь: в горах — олени и барсы, в лесах — волки и шакалы, в долинах — ехидны и змеи. Увидел, что земля здесь будет принадлежать ему, и он будет ее хозяином.

И Карча остался жить у берегов Черной реки. Он посеял пшеницу, ячмень и овес, посадил абрикосовые, персиковые и сливовые деревья. Злаки дали быстрые всходы, а фруктовые косточки — крепкие ростки. Карча, наблюдая за растениями, радовался обретенному им счастью. «Благодатная земля, — думал он. — Люди говорили правду, рассказывая о ней... Я назову эту долину Эль-Тебю», — решил Карча.

За лето Карча снял три урожая. Чтобы сберечь его, ему пришлось вырыть несколько ям, построить над ними шалаши и умело засыпать зерно. Карча, вспоминая бедного человека, схваченного им когда-то арканом, радовался: случай с ним научил его труду земледельца и садовода.

«Неудача ведет к удаче, несчастье — к счастью», — думал он, вспоминая свою жизнь у хана.

И вот, когда третий урожай им был собран, посаженные деревья обнесены оградой, Карча решил навестить своих друзей-соседей. Насыпав в берестовое ведро пшеницы и ячменя столько, сколько мог донести, отправился на поиски друзей. После долгих и бесплодных странствий по холмам и долинам он наконец напал на след небольшого стада. «Это, верно, стадо Будуяна». И пошел по его следу. Вскоре набрел на пещеру, в которой чуть тлел непогашенный очаг. Это было жилище Будуяна. Будуян радостно встретил своего давнего друга.

— Плохо, что я один! — сказал он Карче. — Мне трудно стеречь, доить моих овец и ухаживать за ними.

На это Карча ответил:

— Нужно жить вместе и тогда нам будет легче.

— Это верно... — согласился Будуян.

Он напоил гостя козьим молоком и накормил мясом. Карча, в свою очередь, передал ему принесенный подарок: ячмень и пшеницу.

Указав Будуюну дорогу к Черной реке и объяснив приметы, по которым легко найти его огороды, поля и сады, Карча расстался с Будуюном — он пошел искать Адурхая и Каурузу.

Долго бродил по лесу, пока не заблудился в нем и уже совсем потерял надежду выбраться из него, как натолкнулся на жилье. «Кто, как не Адурхай, выстроил этот дом?» И смело вошел в него. И верно — в лесном домике жили Адурхай и Кауруза. Радости друзей не было конца. Кауруза угостил своего друга свежей дичью, а Карча — принесенным с собой душистым хлебом.

— Хорошо ли вам здесь? — осведомился Карча.

— Нам здесь хорошо, — отвечали Адурхай и Кауруза. — Мы сыты и согреты...

— Не хотите ли перебраться на берега Черной реки, где больше солнца, простора, где земля дает за лето три урожая, где живу я и будет жить Будуйан? — спросил Карча.

— Хотим! — ответили Адурхай и Кауруза. — Нам наскучило жить среди зверья в дремучем лесу.

Захватив с собою лучшие шкуры, друзья оставили дом и направились в сторону Черной реки.

В дружбе и полном согласии потекла жизнь Карчи, Будуюна, Адурхая и Каурузы. Об этом узнали их сородичи в Крыму. Откуда, каким путем? — нельзя решить. Ни один человек не побывал у них в гостях. Верно, для людской молвы не существует ни рек, ни лесов, ни гор...

— О, Карча обрел такую страну у берегов Черной реки, о какой вам не приходилось и мечтать! — рассказывали о нем в народе. — Густые леса, в которых живет он, напоены сладкой прохладой; каждое дерево в тех лесах стройно, как аравийская пальма; высокие холмы покрыты зеленью нежных трав и цветов; на холмах бродят белые овцы, перекликаясь друг с другом протяжным блеянием; долины просторны и плодоносны, ущелья и реки глубоки, горы покрыты белыми снегами...

«Что это за страна такая?» — думали многие.

И по народу пошла молва: «Кто не был на Черной реке, тот не видал чуда».

И вот, народ начал сниматься со своих насиженных земель и двигаться в неведомую страну, которую многие называли страной Карчи.

Карча каждого, кто приходил к нему, — какого бы племени он ни был, — принимал радушно и охотно. Он предлагал выбрать участок земли, и после того как пришедший выбрал и обработал его, земля становилась его собственностью. Скоро к свободолюбивому Карче начали стекаться целые семьи, рода и племена, и все находили у него приют и помощь. Одни селились вблизи Эль-Тюбе, другие — поодаль, третьи — за Черной рекой, называя свои селения именами старшин рода: Дауд, Джазлык, Учкулай.

Молва о свободной земле Карчи достигла Дагестана, Абхазии, Сванетии, Мингрелии — отовсюду к берегам Черной реки сходились люди. В земле Карчи беглые рабы обретали свободу и счастье трудиться для себя.

Из Крыма, прослышав о чудесной стране, прибыли Джан-духан, Ахтугай, Мусса, Карабан, удалцы-наездники и храбрые воины, три больших рода из племени алтыкелк-абаза со всем своим имуществом, крымчаки из Карасу-базара, хатюк-кайны, бесленеевцы.

Вскоре к счастливому Карче пришел из Крыма Баташ и привел с собою шестьдесят воинов. Карча очень обрадовался его приходу, ибо кабардинские князья начали тревожить набегами. Они побратались, обменявшись старинными, перешедшими к ним от отцов поясами.

Баташ не захотел жить в Эль-Тюбе, где и без того было много поселенцев, а облюбывал для себя другое место. Место, где он поселился, так и было названо Баташ, а Эль-Тюбе стало называться теперь Карт-Джурт — Старое Селение.

Баташ был храбрый воин. В минуты опасности, показывая собою пример, бросался в самое пекло сражения и бился отчаянно. Карча любил Баташа за отвагу, за решительность и мужество. В народе говорились:

— Карча учит добывать счастье, Баташ — беречь его...

Отцы учили сыновей:

— Кто не подчинится слову Карчи — нарушит обычай, кто не подчинится слову Баташа — совершит преступление.

Карче все чаще и чаще сообщали о том, что многие стремящиеся попасть в его страну люди гибнут в Черной реке, не в силах преодолеть ее стремнины.

Однажды в Карт-Джурт прибежал один из рабов кабардинского князя Казн и упал к ногам Карчи.

— Великий Карча! — обратился он. — Я взываю к тебе и к твоему народу: помоги беглецам, что ищут спасения в твоей стране!

— Где эти беглецы? — спросил Карча.

— На реке! Их плот разбился об острые камни... Они вплавь стараются достигнуть твоей земли. Помоги им!

— Хорошо! — ответил Карча и тут же приказал снарядить пятьдесят лучших пловцов для спасения погибающих.

Оседлав коней, пловцы поскакали к реке, но было поздно: воды унесли и скрыли несчастных. Весть о гибели беглецов сильно огорчила Карчу.

— Нужно построить мост, — сказал он, — и оберегать его от разрушения. Пусть, кто хочет к нам переселиться, переселяется.

Застучали топоры, в лесах повалились кедры, ели, дубы; заскрипели колеса арб, подвозящих большие бревна к берегу.

— Если Карча сказал: нужно построить мост — мост будет!

Работа кипела, и скоро мост был выстроен. Об этом узнал Казн.

— Снарядить войско! — приказал он. — Нужно хорошенько проучить этого пришельца Карчу! Мало того, что он переманивает к себе моих рабов, он еще зарится и на мои земли!..

Сильное войско Казн двинулось к земле Карчи и вскоре, перейдя реку, подступило к селению Баташа.

Казн послал к Карче своих людей с требованием уплатить дань и взять с него слово: не вторгаться в пределы княжеских земель.

— Карча никому никогда не платил дани, — ответил посланцу Казн Карча. — И никогда не получал ее. Если же Казн непременно хочет получить дань, то я готов уплатить ее, только пусть он не гневается: невелика будет дань... — И отправил Казн старую связанную собаку.

Разгневанный Казн двинул свои несметные полчища на Баташ. Когда баташинцы, оставив свои дома, отступили к Карт-Джурту, Казн двинулся и на Карт-Джурт.

Уже шакалы сбежались на поживу, и вороны кружились над полями. Войска Карчи и Казн сошлись у берегов Черной реки и вступили в бой. Силы были неравные: Баташ с горсточкой своих удалцов не мог устоять против войска Казн. Карча, который наблюдал за битвой с высокого холма, приказал отступить.

— Мы вернем свою землю, — сказал он, — но нам нужно собрать силы...

Народ сжигал свои жилища, палил луга и поля, вырубал сады — все предавал уничтожению. Стада и табуны погнали вперед, навьючив коней всем, чем можно: коврами, пшеницей, клетками с птицей, — Карча уходил в Сванетию.

Тяжело было Карче оставлять свою новую родину, но он думал: «Оставляя родину, мы остаемся свободными, а если мы свободны, кто запретит нам вернуть ее?..»

Десять лет Карча и его народ жили в Сванетии с мыслью о возвращении на родную землю: готовили оружие, собирали людей, выращивали коней для похода. Дети превратились в юношей, юноши — в сильных мужей.

Суровая жизнь закалила слабых, и они, забыв о своих прежних немощах, хотели одного: скорее сразиться с ненавистным врагом.

Карча знал: выступать в поход раньше времени так же опасно, как и выступить поздно. Выступить, когда время заслонит собою воспоминания и любовь к родной земле — значит, все потерять. Вот почему, когда минуло десять лет со дня оставления народом своей земли, Карча решил: нужно выступать. Пригласив на объявленный по этому случаю военный праздник своих друзей сванов, Карча горячо поблагодарил их за гостеприимство. Когда Карча кончил говорить, вперед вышел старый сван по имени Адуа. Он был в полном облачении воина: в тонкой кольчуге, в руках — щит, копье и дошна. Короткий меч в черных, отделанных серебром ножнах висел у него на бедре. На голове — блестящий шлем, на поясе — буйволоный рог. Адуа поклонился Карче.

— Спасибо, отец народов! Твое желание стало нашим желанием. Мы не хотим иного, как того, чтобы ты вновь стал нашим соседом... А это сбудется, в этом клянусь я — Адуа!

И старый сван ударил в щит рукоятью меча. Все стоящие поблизости сваны, повторив слова Адуа, сделали то же. Раздался гулкий звон металла и дружный крик:

— Это сбудется, и мы поможем тебе в этом!

И вот Карча и Баташ повели свое войско на Казн. Ночью, перевалив через хребты высоких гор, они неожиданно натолкнулись на многотысячную отару Казн, которая паслась у их подножий. Баташ, захватив с собою пятьдесят самых опытных и смелых воинов, окружил пастухов.

— Отара будет нашей, — сказал он Карче.

Баташ так ловко подкрался, что ни одна собака не подала голоса. Он повалил старшего пастуха на землю, когда тот произносил клятву над зарезанным жертвенным бараном.

— Стой-ка! — закричал Баташ пастуху. — Кармаклык произнесу я!

Воины — те, что подкрались с Баташем, — окружили кош. Пастухи, которые считали, что Карча никогда больше не вернется на свою землю, очень растерялись, увидев его воинов.

— Пощадите нас! — взмолились пастухи. — Мы такие же, какими и вы когда-то были!

Карча вытребовал к себе старшего пастуха и, когда тот явился, сказал ему:

— Иди к своему властителю и передай: «Карча удесятерил свои силы и, взяв в помощь ненавистных Казн сванов, идет возвращать свою землю. Пусть Казн, если не хочет быть разбитым в бою и потерять все, оставит мою землю».

Старший пастух, опершись на свой длинный посох, долго стоял перед Карчею, словно боясь сдвинуться с места.

— Ты слышишь, что я говорю тебе? — спросил Карча, повышая голос и хмуря седые брови. — Иди же!..

Но пастух продолжал стоять, низко опустив голову. Баташ, находившийся тут же, не выдержал и заметил:

— Карча милостиво сохраняет тебе жизнь и возвращает родину. Зачем медлишь? Ступай!

Пастух не двинулся с места. Карча высказал предположение:

— Потеряв отару, он боится вернуться к своему властителю. Его ждет смерть! — И, обращаясь к пастуху, спросил его: — Верно ли я предполагаю?

Пастух ответил:

— Верно. У Казн меня ждет смерть.

— Хорошо. Я отправлю к нему своих людей.

Пастух, подняв глаза на Карчу, проговорил:

— Зачем тебе, Карча, рисковать своими людьми? Подожди — Казн сам пришлет к тебе людей.

Совет пастуха понравился Карче, и он приказал для безопасности перегнать отару подальше за хребет, а сам, расположившись лагерем, стал ждать прихода людей Казн. Не прошло и недели, как они явились.

— Что, искали овец, а нашли волков? — спросил их Баташ, выскакивая из засады и окружая пришедших.

— Баташ! — в страхе закричали окруженные.

— Узнали? — засмеялся Баташ. — На этот раз придется вам послужить и мне. Поверните ваших коней, натяните поводья и скачите. Остановитесь у дома Казн и передайте ему: отару свою он никогда не получит назад, если не выполнит трех условий. Первое условие: вернуть все, что было им взято десять лет назад. Второе условие: освободить землю Карчи и никогда не занимать ее. И третье условие: хорошо наградить сванов, которые пошли с нами в поход против него. Передайте Казн эти условия, поставленные Карчей, и ни он, ни я, ни народ не позволят ему отказаться от них.

— Хорошо, Баташ, мы передадим эти условия Казн. — И, повернув коней, усаkali.

В народе заговорили:

— Зачем Карча дает время для сборов? Нужно скорее напасть и разбить Казн!

— Карча, старея, теряет решительность!

— Карча не верит в наши силы!

— Напрасно хочет выжидать Карча! Врага лучше всего застать врасплох!

— Казн пойдет на хитрость — ко всему нужно быть готовым.

Разговоры эти дошли до Карчи. Карча приказал войску собраться вокруг высокой горы. Когда войско собралось, он поднялся на ее вершину и обратился с речью:

— Сыны! — начал он. — Я, старый Карча, дорожу каждым из вас. Мне горько будет потерять хотя бы одного воина. Вы — дети мои, и я люблю вас. Я и вы, все мы хотим вернуть свою землю. Если те, что отняли у нас нашу землю, вернут ее нам — мы будем жить так, как жили. Испытав на чужбине нужду, голод и унижения, будем беречь свою землю во сто крат крепче... Что для вас отара Казн? Разве мы не наживем на своей земле такой же отары?.. Пусть же эту отару возьмет себе алчный и злой Казн — мы отдадим ее ему. Один из вас мне дороже всей отары! Вот почему я жду ответа и не иду наступлением на Казн.

Войско заволновалось, раздались крики:

— Ты наш отец, Карча, наш любимый отец!

Недолго пришлось Карче и Баташу ждать ответа: алчный Казн поторопился выразить свое согласие.

— Что же касается исполнения последнего условия, — заявили его посланные, — то Казн не хочет платить дань ненавистным сванам.

— Что ж, — ответил им Карча, — тогда мне придется уплатить им, и я распоряжусь по своему усмотрению.

И Карча тут же, в присутствии посланных, отдал распоряжение: половину отары Казн передать сванам.

— Осталась вторая половина, — заявил Карча, — поспешите сообщить Казн: как бы мне не пришлось отдать и ее.

Когда посланцы приехали во второй раз, они уже сообщили, что Казн оставил землю Карчи.

Карча приказал впереди войска гнать отару Казн. Воины так и сделали. Отара прошла все земли и достигла границы Кабарды. Там ее встретили пастухи Казн. Воины Карчи передали отару им.

Народ снова зажил на своей земле. Шли годы. Карча, чувствуя приближение смерти, собрал народ у входа в темное Учкуланское ущелье и, сидя на большом камне, объявил:

— Сыны! Помните: в свободной земле должны быть свободные люди, из какого бы племени они ни происходили: кабардинцы, сваны, абхазцы, лезгины, кумыки. Сохраняйте дружбу между собою, помогайте друг другу возделывать сады, распахивать поля, косить луга,

собирать хлеб, строить жилища. Живущим в дружбе все будет доступно, все легко. Не бойтесь принимать к себе новых людей, тех, что ищут у вас помощи и бегут из неволи, не бойтесь делать их равными — они ваши друзья. Но если кто-либо захочет захватить вашу землю и подчинить вас себе, не жалейте сил для защиты. Защищайтесь всем, чем можно защититься, защищайтесь, пока видят ваши глаза, дышит ваша грудь. Защищайтесь от всех, кто посягает на вашу землю, ваша земля — ваша жизнь, ваше счастье...

Вскоре Карча умер. С великими почестями сыны похоронили своего родоначальника, вождя и друга. Долго оплакивали женщины его кончину, а мужчины носили по нем траур.

Со дня, как не стало Карчи, — о, как заввысокомерился Баташ! Он заставлял почитать себя как властителя и хозяина этих долин, рек и гор. В народе пошел ропот: Баташ захотел сам сделаться ханом! Осуждения и проклятия посыпались на его голову. «Возгордился Баташ, забыл свой народ!» — слышалось всюду.

— Не надо быть столь надменным, не надо так величаться! — предупреждали Баташа его сыновья. — Будь вождем народа, но не его тираном!

— Я поступлю так, как поступил Темучин, — отвечал им Баташ. — Темучин собрал багатуров и нойонов на реке Ононе, и я соберу абазинцев, алты-келк-абаз, балкар и все другие племена на Черной реке. Он велел поднять себя на белой кошме и объявить предводителем, и я велю сделать то же...

— Так делали багатуры и нойоны при избрании хана, — возражали Баташу сыновья, — а ты разве хан?

— Они делали так при избрании предводителя, — отвечал им Баташ. — А разве я не предводитель всех народов, какие живут у берегов Черной реки? Я так же, как Темучин, водружу у берегов Черной реки знамя с девятью белыми конскими хвостами и заставлю всех присягнуть себе. И, как Темучин назвался Чингисханом — великим ханом всех монгольских племен, так назовусь и я...

Минул год со дня смерти Карчи, и Баташ заявил всем народам, какие жили на земле Карчи:

— Теперь ваш хозяин я. Вы и ваши земли принадлежите мне.

— Мы готовы слушать тебя как отца, но принадлежать тебе как рабы мы отказываемся!

— Я и Карча открыли эту землю. Я и Карча отвоевали ее у Казн. Карчи нет, я — властитель ваш и этой земли.

Старики обратились к Баташу с мольбой.

— Вспомни, Баташ, — говорили они ему, — ты же сам был в неволе, сам был рабом... И сам же ты не захотел им быть!

Баташ нагло ответил:

— Я никому не буду принадлежать. Речь идет о вас. Вы будете принадлежать мне.

И назначил день сбора всех племен на Черной реке для объявления себя ханом.

Тогда двенадцать сыновей Баташа (имена их забыл народ) сговорились убить своего кичливого и жестокого отца. Кинули жребий — исполнение приговора пало на двух младших сыновей Баташа. Они подстерегли отца во время охоты и, натянув тетиву луков, спустили стрелы. Одна стрела попала Баташу в сердце, другая — в правый глаз. Баташ, издав громкий вопль, упал замертво. Убийцы кликнули своих сообщников-братьев и, когда те пришли, собрали народ.

— Вот, смотрите сюда. Здесь лежит ваш тиран, которого вы хотели почитать как вождя, но он не оправдал вашего доверия! — сказал младший из сыновей Баташа. — Мы убили его, ибо жизнь одного человека стоит меньше, чем счастье всего народа, кем бы ни был тот человек.

Прошел еще год. Сыновья Баташа затеяли между собой ссору: кому быть первым, кто должен заменить собою отца и быть его преемником. Пользуясь распрями между ними, народ приказал им покинуть пределы своих земель.

— Не затем освобождались от рабства, чтобы вернуться к нему теперь, когда мы обрели свободу!..

Так сказали посланные народом люди, провожая сыновей Баташа до земли кабардинцев.

И когда не стало ни Баташа, ни его сыновей, народ снова обрел для своей родины свободу и зажил счастливой жизнью.

Страну же свою назвал Черная река — Карачай.

КАРАБАТЫР

Давным-давно жил в одном ауле старый охотник. Не было в Карачае охотника искуснее его — бил он птицу на лету без промаха.

Однажды охотился он целый день, да неудачно. Не захотел возвращаться домой без добычи, решил он заночевать в лесной чаще в шалаше. А когда проснулся утром, то глазам своим не поверил. Огромный страшный дракон опоясал шалаш хвостом, словно толстым канатом. Вынул охотник из ножен свой кинжал, чтоб изрубить чудовище на куски. Вдруг заговорил дракон человеческим голосом:

— Остановись, охотник! Не съем я тебя и вреда никакого не причиню! Отпущу тебя живым и невредимым, но с одним условием. Говорят, ты вырастил трех сыновей. Как придешь домой, одного пришли ко мне. Не исполнишь — пеняй на себя: не жить тогда тебе больше на свете!

Что было делать охотнику?

— Ладно. Раз дело так обернулось, обещаю прислать к тебе одного сына, — ответил он.

Вернулся охотник домой, рассказал, какая беда с ним случилась, и спрашивает сыновей:

— Кто из вас, сыны мои, согласен пойти к дракону?

Отказались старшие братья, а младший, Карабатыр, сказал:

— Не тревожься, отец. Завтра на рассвете я отправлюсь в лес.

С вечера приготовил Карабатыр свои боевые доспехи, а рано поутру пустился в дорогу. В лесной чаще разыскал он шалаш, забрался в него и задремал.

Проснулся юноша от шума. Выглянул из шалаша и увидел, что кольцом свернулся вокруг шалаша страшный дракон.

Выдернул Карабатыр свой сверкающий меч и занес его над головой дракона. Заговорило чудовище человеческим голосом:

— Не торопись, смелый джигит, сразиться со мной! Лучше иди за мной, куда поведу!

Решил Карабатыр узнать, что будет дальше. Убрал меч в ножны и отправился за драконом.

Шли они, шли, уже и места кругом совсем незнакомые. Завел дракон Карабатыра на широкий двор, огороженный плетнем. Посредине двора стоял дом. Вышел из него седой старик, встретил пришедших поклоном. Был тот старик главным среди чабанов.

Подошли вскоре и другие чабаны, стали они говорить друг другу:

— Нашел себе зятя наш старший чабан.

Удивился Карабатыр: «Почему называют они меня зятем этого старого человека?»

Не успел он никого спросить о том, как подхватили его чабаны под руки, ввели в дом по ступенькам, усадили за стол и угостили как самого дорогого гостя. Когда кончили есть и пить, вышла к нему девушка красоты необыкновенной. Щеки румянцем пылают, длинные ресницы стыдливо книзу опущены и коса — до самого пола.

С первого взгляда полюбилась Карабатыру черноглазая красавица, и взял он ее себе в жены. Со всего края съехались люди на свадьбу. Семь дней и семь ночей длился свадебный пир.

Аул, в котором жил старший чабан, был богатым. Жили там люди в достатке и благополучии. Были у них тучные стада, табуны чистокровных коней. Только маловато было земли, и приходилось скот пастись далеко в чужих краях. Но вот беда: кто уходил с табунами на далекие пастбища, тот не возвращался. Исчезали и кони и люди.

Услышал об этом Карабатыр и решил пойти туда, откуда не вернулся еще ни один чабан. Пришел юноша к старшему чабану:

— Разреши, старейший, попытать счастья? Хочу я пойти туда, откуда никому назад пути не было.

Покачал головою старик:

— На опасное дело решился ты, сын мой! Много пропало там людей, и никто не знает, что с ними стало. Иди, если надеешься на свою силу, а если сомневаешься, лучше оставайся дома.

Но твердым остался Карабатыр в своем решении:

— Раз задумал — пойду. Я не первый и не лучший из всех, так, может быть, буду последним, и перестанут погибать люди.

Знал старший чабан о мужестве и силе своего молодого зятя, сказал ему:

— Тогда собирайся, готовь оружие и доспехи. По пути встретишь чабанов и табунщиков, погостишь у них, отдохнешь перед дальней дорогой.

Так и сделал Карабатыр. Приготовил доспехи, наточил меч, сел на коня и отправился в путь.

Ехал он, ехал и приехал к высокой отвесной скале. Вдруг неизвестно откуда появился перед ним могучий тур. Поднялся он на задние ноги, ударил крутыми рогами и разрубил коня джигита пополам, а седока отбросил глубоко в ущелье.

Очнулся Карабатыр на дне ущелья, поднялся, а тур толкает его рогами и гонит впереди себя. Ничего не поделаешь, пошел юноша. К вечеру пришли они к большому стаду коз и погнали стадо к огромной пещере. В глубине ее, сверкая единственным глазом во лбу, сидел великан. Увидев тура, сказал великан:

— О тур мой дорогой! Верный слуга мой! Чую я, приготовил ты мне добрый ужин.

Загнал великан стадо коз в пещеру и завалил вход огромной каменной глыбой. Потом одноглазый развел в очаге огонь и посадил Карабатыра рядом с собой, а сам улегся и стал ждать, когда накалится на огне железный вертел. Не успел он прилечь, как сразу захрапел.

Вскоре Карабатыр увидел, что докрасна накалился вертел. Схватил его джигит и ударил в единственный глаз великана. Подскочил великан как ужаленный, заметался по пещере, а за ним стал кружиться и тур.

Карабатыр замахнулся мечом — отрубил туру голову. Содрал с него шкуру и натянул на свои широкие плечи.

По всей пещере бегал слепой великан, но не мог схватить батыра. Тогда он ощупью дошел до входа, слегка отодвинул камень и начал по одной выпускать коз на волю. Дошла очередь до Карабатыра. Великан провел рукой по спине юноши и принял его за своего любимого тура:

— О тур круторогий! Вся надежда теперь на тебя, береги мое стадо.

Только проговорил великан такие слова, слышит — кричит Карабатыр:

— Э-гей! Здесь я, слепое чудовище! Лови меня!

Великан погнался за быстроногим юношей, но, как ни старался, не мог поймать! Тогда снял слепой кольцо с пальца и бросил его в ту сторону, откуда слышался голос Карабатыра.

— Несчастный! — закричал он. — Возьми кольцо, оно тебе поможет!

Поверил батыр и надел на палец кольцо. И тут же запело кольцо на пальце у юноши, а великан начал преследовать его по звуку.

Не раздумывая подбежал Карабатыр к обрыву, сдернул с пальца перстень и швырнул его в пропасть. А великан как бежал на звук, так и не мог остановиться: рухнул вниз, на острые камни.

Карабатыр заглянул в пропасть и увидел на дне ее широкий луг. Посредине лежал мертвый великан, а вокруг вся поляна была усыпана телами погибших.

«Так вот куда девались чабаны и табунщики!» — с грустью подумал Карабатыр, как вдруг заметил, что один из лежавших на лугу людей зашевелился, дрогнули и раскрылись его веки.

— Эй, добрый человек! — проговорил он, обращаясь к Карабатыру. — Ты доблестно победил зло, ты должен вернуть нас к жизни. В пещере, которую ты оставил, стоит кованый черный сундук. Раскрой его, и на самом дне ты найдешь пузырек. В нем ты увидишь порошок, и

посыпъ тем порошком человечи кости, и оживут давно погибшие люди!

Вернулся Карабатыр в пещеру, отыскал черный сундук, достал пузырек. Спустился он в пропасть и только посыпал истлевшие кости волшебным порошком, как поднялись перед ним живые люди.

Сказал им изумленный Карабатыр, поклонившись:

— Вы снова живые! Нет на свете ни злобного одноглазого людоеда, ни его верного тура, которые погубили вас. Вы свободны, братья, и вольны идти куда пожелаете.

Большинство решило остаться с Карабатыром, остальные разошлись по домам.

А Карабатыр со спасенными людьми благополучно вернулся в страну пастухов.

С радостью и ликованием встретили их чабаны и табунщики и с почетом проводили героя в дом его тестя. Торжественный и большой пир устроили в его честь люди.

Уже далеко за полночь пришел Карабатыр к молодой красавице жене, которая давно ждала его.

— О славный муж мой Карабатыр! Ты отважный и смелый батыр. Ты убил злого великана с единственным глазом во лбу и тем освободил и меня от злого заклѣтья. Теперь могу я открыть тебе тайну: дракон, который привел тебя к главному пастуху, — это была я сама. Загляни в наш сарай, там лежит чешуя дракона!

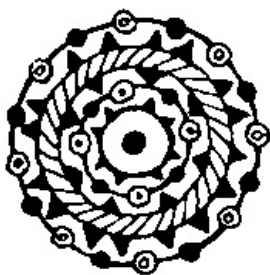
— Вот чудеса! Я и не знал, что бился с чудовищем и за твое освобождение. Теперь ты, моя любимая, можешь жить спокойно, не ведая страха перед одноглазым великаном. Сердце мое радуется, что сумел я избавить людей от страданий и смерти. А шкуру дракона нельзя оставить — люди будут бояться, — добавил Карабатыр и бросил блестящую чешую в огонь.

Смрадный дым от костра пошел, а когда сгорела чешуя, стало небо над страной пастухов ясным и безоблачным.

С той поры, говорят, не бывает там ни гроз, ни бурь, ни метелей. И живут люди спокойно и счастливо.

А Карабатыр затосковал по родным местам и вместе с женой возвратился в родной аул к своему отцу-охотнику.

Выстроили молодые дом на самом краю аула и стали жить в дружбе и согласии.

О КАМНЕ, О ЧЕЛОВЕКЕ И ПРАВДЕ

О путник, если на твоём пути лежит камень — убери его! Пешеход, споткнувшись, упадет, конный — ранит коня...

О путник, если увидишь надмогильный камень — остановись, почти память умершего...

О путник, если путь твой преградит камень, обойди его — этим ты обережешь себя.

Камень нужен человеку, чтобы не разрушать, а строить. Нет лучшего амулета, чем камень, — он отвращает зло и бедствия.

Здесь и будет рассказ о камне, о человеке и правде.

В земле черкесов на берегах двух рек, Афипсы и Шебжи, с неизвестных времен лежал Черный камень, сброшенный с могилы джинна-падишаха, что находится у истоков Энджик-Су.

Чтобы умерший никогда не тревожил живых, на могиле его нужно поставить камень — иначе живые будут в постоянном долгу перед ним. Таков обычай, и так ведется среди всех народов.

Но черкесы не верили, что джинн-падишах умер. Почему рушились на дорогах скалы, потоки воды смывали поля и сады, обвалы засыпали скот?.. Кто посылает холод, зной и ветры?.. Откуда столько болезней, вражды между племенами, голод и нищета?.. Это он, джинн-падишах, виновник всего — он расточает несчастья и отнимает радости...

Когда джинн-падишах на неведомом черкесам языке поднимал крик — все умолкало. Лес переставал шуметь листвою, реки — водами, поля и луга — цветами и травами. Птицы прекращали свой щебет, звери — рев, люди — говор. Наступала тишина, и в этой тишине голос джинна-падишаха гремел, словно горный обвал. Тогда деревья ниже склоняли ветви, птицы прятали головы под крыло, люди уходили в жилища, плотно закрыв двери.

Все мысли, все желания и надежды народа: о, если бы поднять Черный камень к истоку Энджик-Су! Поднять и положить его на место погребения джинна-падишаха. Тогда все изменилось бы к лучшему...

Народ считал, что поднять Черный камень дано только Тлепсу. Но Тлепса давно нет. Его священная могила в лесу Гучипце-Говаших полита слезами сородичей и заклета врагами.

Вещий и могучий Тлепс был кузнецом. Он ковал мечи, которые сносили леса, пересекали горы.

Умирая, Тлепс оставил народу свой меч. В народе говорится: «Рука, обронившая меч, отсохнет». Меч, кованный Тлепсом, был однажды выбит из рук его сородичей джинном-падишахом. И с тех пор народ жил в ожидании великих бедствий.

Шло время. Черкесы обращались к Тгару, ища в его имени успокоения и защиты. Но ни защиты, ни успокоения не находили. Черкесы жили в обмане, принимая обман за правду.

Насколько хватало сил, они боролись с джинном-падишахом. Но джинн-падишах, завладев мечом Тлепса, легко одерживал победы. Он поднялся к верховью Энджик-Су и посылал оттуда всякие беды.

— Создать заучу, — потребовал народ от лте-губзыка, славного Темир-Казека.

— Будет зауча! — отвечал Темир-Казек.

После девичьего праздника — подарка цветов — на зеленом холме, освященном прахом прадедов, собрались все черкесские общины, племена и народы.

Среди прибывших юношей отличались двое: один Шрухуко-Тугуз — своей красотой, другой — Аксак-Ач — своим уродством.

Шрухуко-Тугуз происходил из рода Казеков, и аталыком его был знаменитый Супако. Он дал ему имя, он носил его на своих плечах, распевая ему боевые песни; он обучал верховой езде и стрельбе из лука. Шрухуко прибыл на заучу пятикратно вооруженный на буланом коне.

Аксак-Ач — сын пастуха. Он не имел аталыком знаменитого наездника, ибо родился больным. Все вооружение Аксак-Ача составляли праща да рогатый посох. Аксак-Ач был хромым и к тому же кривым. Коня своего не имел.

Храбрый витязь — язык народа — Темир-Казек от имени зауча и своего приказал всем наездникам объединиться и отправиться для встречи с джинном-падишахом.

Не имеющий коня Аксак-Ач подошел к Темир-Казеку и попросил его:

— Пошли и меня. Я тоже хочу сражаться вместе с другими.

Казек, взглянув на кривого, ответил:

— Занимайся тем, чем занимался твой отец, — паси скот.

Аксак-Ач, тая обиду, отошел прочь.

Скоро по всей земле черкесов разнесся стук железных молотков, отбивающих наконечники копий, лязг стальных клинков, оттачиваемых на гладких камнях, звон посеребренных стремян, свист крученых арканов.

Скоро разнеслись и девичьи песни, провожающие наездников в далекий путь.

Аксак-Ач не занялся делом своего отца, а избрал себе ремесло Тлепса: стал кузнецом и каменотесом. Нашел неподалеку от селения, в котором он жил, пещеру, сволок в нее большие камни и принялся их обтесывать, чтобы после украсить именами героев.

Долго черкесы ждали возвращения наездников, посланных к истокам Энджик-Су. Наконец вернулся Шрухуко — и только один.

Мать встретила его вопросом:

— Где твои товарищи?

— Мои товарищи погибли в бою с джинном-падишахом.

— Почему же вернулся ты?

— Я добил джинна-падишаха, бросил его в яму, засыпал землею и утвердил на месте его погребения большой Черный камень...

— Ты поступил как достойный сын народа!

Сородичи, друзья и односельчане Шрухуко-Тугуза, узнав о победе над джинном-падишахом, принесли жертвы в честь Зелькута.

Возвращение Шрухуко совпало с праздником Созериса. О, это к счастью! Известно, что Созерис, отправившись пешком по морю, вернулся; значит — кому суждено остаться живым, тот останется!..

Черкесы свели молодого наездника и его исхудавшего за долгий путь коня в священную рощу. Деревья, обвешанные старинным оружием, склоняли свои ветви, когда они двигались между ними. Шелест листвы сливался со звоном серебра, стали и железа. Множеством приношений наполнилась роща.

— О Созерис, ты ходил пешком по морю — и вернулся! Так вернулся и наш посланец! — пели девушки.

Храброго Шрухуко-Тугуза черкесы окружили почестями, ему подарили лучшего во всей земле черкесов коня, лучшее оружие.

Властитель Анапы Гасан-паша усыновил Шрухуко. Племянник Гасан-паши Седр-Азам послал к нему гонцов с приглашением приехать в Стамбул.

Шрухуко, собрав веселых своих товарищей, отправился в дальний путь. Седр-Азам приветствовал гостей с падишахской пристани на виду у всего сераля. Стамбул устроил празднество в честь Шрухуко-Тугуза.

А пока Шрухуко веселился в чужеземной стране, в земле черкесов произошли беды: солнце спалило посевы, в садах червь пожрал плоды, на дорогах рушились скалы.

— Нет, джинн-падишах не умер! — говорили черкесы.

В одну из гроз с верховья Энджик-Су, трижды ударившись о землю, упал Черный камень. Со

всех сторон к месту его падения, к берегам Афипсы и Шебжи, съехались черкесы.

— Пока этот Черный камень не будет поднят на могилу джинна-падишаха, до тех пор черкесы будут испытывать несчастья! — сказал лте-губзык.

И правда: с того дня, как упал камень, беды умножились.

— Скорее на кладбище начнут шептаться могильные камни, чем найдется такой человек, который поднимет эту каменную глыбу, — говорили черкесы. — Если кому это и было по силам, так только Шрухуко.

И верно: равного ему по силе человека не находилось, хотя с того дня, как упал Черный камень, прошло много времени.

Черкесы жили в ожидании возвращения Шрухуко, претерпевая голод и нужду. А Шрухуко все не возвращался.

— Он забыл свою землю! — сказал однажды Аксак-Ач и предложил общими усилиями поднять камень.

Но черкесы, взывая к силе и милосердию Тгара, не послушались хромого каменотеса.

Тгар же остался безучастным. Черкесы уже перестали доверять его силе. Тгар — так решили они — не имел уже той власти, что раньше. Видно, и боги стареют!..

Аксак-Ач по-прежнему работал в своей пещере. О нем можно было сказать: «Он прожил в своей пещере триста девять лет». Однажды, потеряв надежду на возвращение Шрухуко, Аксак-Ач высек на Черном камне такие слова: «Кто хочет сделать народ счастливым, пусть примет на свои плечи этот камень и отнесет его к могиле джинна-падишаха».

Первый, кто увидел эту надпись, был бедный пастух. Опершись на посох, он долго стоял перед камнем, читая высеченные на нем слова. Придя в селение, он передал их встречным: молодым и старым, богатым и бедным.

Молодые сказали:

— Видно, кривой задумал посмеяться над нами. Ну, кому под силу поднять этот камень?.. Если не можешь сделать сам, не заставляй других...

Старики сказали:

— Урод учит людей! Где это видано? Пусть сидит как сидел в своей пещере и стучит молотком. Не ему указывать народу!

Богатые сказали:

— Видно, времени у нашего хромца много, если он оставляет свою работу и берется за ненужное дело!

Бедные сказали:

— Найдется ли такой человек, который отнесет Черный камень?

На другой день, когда бедный пастух гнал скот из селения на пастбище, он опять остановился у Черного камня. Надпись на камне увеличилась: кроме тех слов, что были высечены раньше, он прочел: «Кто бы он ни был, из какого бы племени ни происходил, но если он отнесет этот камень — слава ему...» Пастух не вернулся в селение передать сельчанам написанное, а, гоня скот, пошел на пастбище, раздумывая над прочитанными словами.

Вечером он слышал в селении разговоры молодых и старых, богатых и бедных.

Молодые говорили:

— Косоглазый позорит нас!

Старые говорили:

— Но иноплеменнику мы не позволим коснуться камня.

Богатые говорили:

— Косоглазому нужно меньше платить — тогда он будет больше работать!

Бедные говорили:

— Скорей бы нашелся такой человек!

На другой день пастух прочел на Черном камне новые слова: «Привет тебе, путник, вступивший ногами на эту землю!.. Если у тебя острый взор, крепкие руки и ноги, мужественное сердце — будь решителен: подними камень!.. Народ воздаст тебе почет, ибо ты вернешь ему счастье...»

И снова по селению пошли разговоры.

Молодые кричали:

— Видно, косоглазый не кончил свои издевки!

Старики качали головами:

— Косоглазый лишился рассудка!

Богатые требовали:

— Как он смеет сулить почет путнику и счастье народу, не спросив у нас?.. Отнять у него молоток и долото и выгнать из селения!

Бедные повторяли:

— Скоро ли придет такой человек? Не попробовать ли нам самим поднять Черный камень?

Прошло много-много лет. В селении забыли о надписи, сделанной каменотесом. Сам Аксак-Ач состарился и с трудом держал в дрожащих руках молоток и долото. Односельчане часто видели его возле Черного камня — каменотес сидел здесь целыми днями, смотря под гору, на дорогу.

Однажды этими местами, преследуя уходящего тура, пробирался молодой охотник из другого племени. Аксак-Ач не побоялся остановить его и заставить прочесть надпись на Черном камне. Охотник прочел ее и спросил:

— Чья смелая рука высекла эти слова?

— Вот эта дрожащая рука, — ответил Аксак-Ач, — но когда-то она была крепкой...

— Что ж, я, пожалуй, попробую поднять этот камень!

Проходивший неподалеку пастух услышал слова охотника и рассказал о них в селении. Толпы народа устремились к Черному камню. Вперед вышел старик лте-губзык, славившийся своим добрым именем, умом и справедливостью.

— Ты — путник, значит, — наш гость и друг. Привет тебе! — обратился он к охотнику.

Охотник скромно поклонился:

— Спасибо тебе, добрый человек, и твоему обществу.

Старик, указывая на пастуха, спросил:

— Правду ли говорит он, что ты собираешься поднять Черный камень? Поднять и отнести его на могилу джинна-падишаха?

— Это правда, — ответил охотник.

Удивился старик:

— Ты человек другого племени и хочешь сделать нам то, что мы пытались и... не смогли. Ты знаешь, что тогда мы обретем счастье?

Охотник ударил ногою о камень.

— Здесь так написано...

Старик повернулся в сторону Аксак-Ачи:

— Это его слова... — И ткнул в него палкой.

Охотник наклонил голову, задумался. Старики молчали.

— Джинн-падишах, который наносит вам беды, — этот джинн-падишах посылает те же беды и моей земле, — проговорил наконец охотник. — Хорошо, когда люди, говорящие на разных языках, начинают понимать друг друга.

— Говорит сердце, а язык только произносит.

— Мудрые слова дороже золота. — И, показывая рукою на Черный камень, охотник сказал — Я исполню ваше желание — подниму этот камень.

Старик удивился словам неведомого охотника:

— Дерзкий ты человек! Ты не больше, чем мы, и, верно, не сильнее нас.

— Это верно, — отвечал охотник, — я такой же, как вы. И, может быть, среди вас есть человек сильнее меня. Но он не хочет попробовать силы, а я хочу...

— Осмеют люди такого человека, если он объявится! — сказал старик, ударяя посохом о землю.

— Решиться на жертву для блага народа — достойно. Разве у народа для решившегося на это ничего не найдется, кроме смеха?

— Сожаление позорнее смеха! Сожалеют о слабых, а смеются над безумными. Но безумие простят, слабость — никогда!

— Счастье дается сильным. Тгар мучил вас обманами и страхом. Вы отказались от него. Джинн-падишах отнял у вас меч и, находясь в могиле, не оставляет вас в покое. Вы не можете от него отказаться — вам нужно убить его. А убить джинна-падишаха может только правда: она несокрушима и тверда. Как трудно нести камень, так же трудно нести и правду. И чем выше поднять и вознести правду, тем больше людей увидят и узнают ее. Не камень убьет джинна-падишаха — убьет его правда!

И, сказав так, охотник поднял Черный камень на плечи и пошел в горы легкой и твердой поступью, какой ходит тур по каменистым откосам. Первый, кто последовал за ним, был Аксак-Ач. За Аксак-Ачем пошли бедняки, за бедняками — молодежь. Старики, после долгого раздумья, пошли тоже. И только одни богачи остались на месте.

Когда охотник, поднявшись к истоку Энджик-Су, сбросил с могучих своих плеч Черный камень, все услышали, как земля приняла последний вздох джинна-падишаха. Криком радости огласили черкесы горы: джинн-падишах умер!.. Когда черкесы спохватились, охотника уже не было.

— Где он? — спрашивали они Аксак-Ачу.

— Он ушел, — отвечал каменотес.

— Не иначе как ему покровительствует сам Мезитх, — решили черкесы.

А когда вернулись к себе — все изменилось, все стало иным. Горы имели другие очертания, реки — другое направление. Где раньше возвышались каменистые уступы — там цвели сады, колосились поля. Непроходимые тропы стали доступны, самые высокие вершины — близки.

— Охотник дал нам счастье! — говорили черкесы.

Аксак-Ач, обретший силы, начал без усталости работать в своей пещере. Звонкие удары железа наполняли гулом черкесские ущелья, неслись через хребты к равнинам, терялись в густой хвое лесов.

— Что он там делает в своей темной пещере? — спрашивали черкесы друг друга, прислушиваясь.

Молот одноглазого каменотеса звучал все громче и громче. Его удары были слышны всюду: в горах, долинах и ущельях...

— Позовите его, — говорили старики молодым, — пусть он выйдет из своей пещеры и скажет нам, что он там делает.

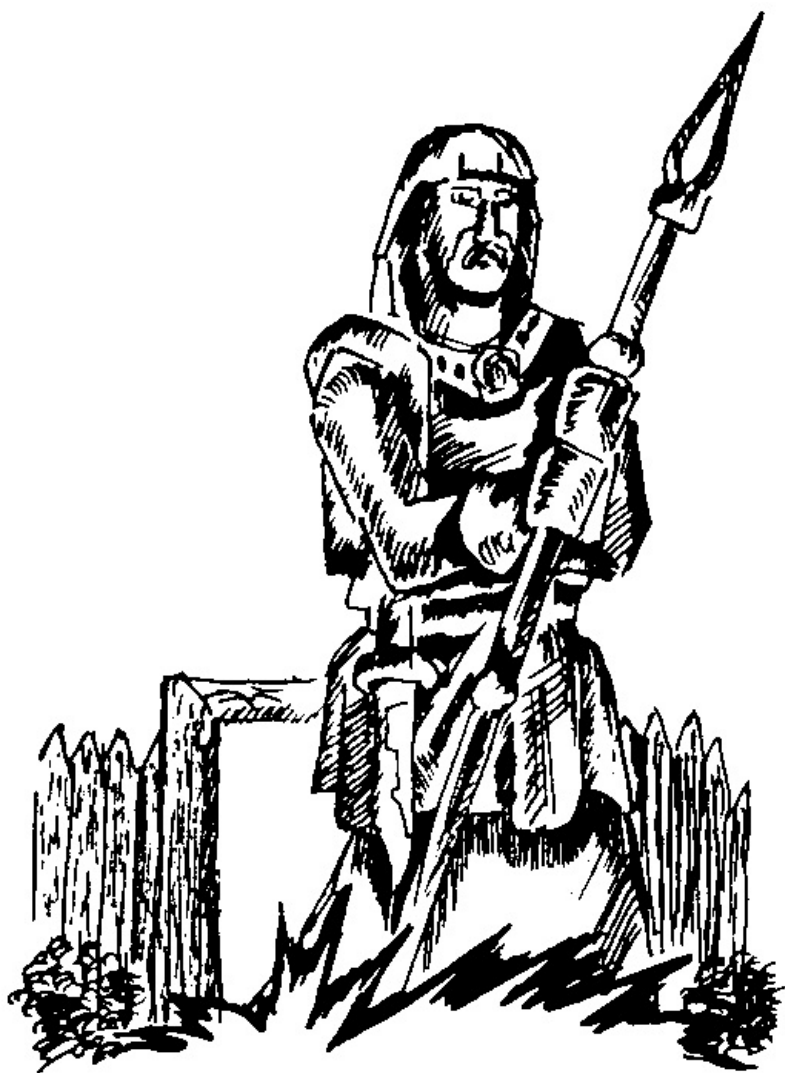
— Мы не можем войти к нему, — отвечали молодые старикам.

И тогда старики решили сами войти в пещеру. Подошел день избавления — праздник в честь избавления от джинна-падишаха. Старики вошли в пещеру каменотеса, темные и печальные.

Аксак-Ач обсекал острым молотком подножье большой глыбы. Он оставил свою работу и взглянул на вошедших.

— Приветствуем тебя, Аксак-Ач, потомок Тлепса, и желаем тебе долгой жизни!

Аксак-Ач поклонился.

— Я рад видеть под черными сводами моей пещеры великих и мудрых мужей.

Вошедшие спросили:

— Мы хотим узнать, что заставляет тебя неустанно стучать молотом?

— Память о человеке, помогшем обрести нам счастье! — ответил кузнец. — Я хочу запечатлеть на камне его мужество, силу и твердость. Кому народ передоверяет свою память? На чем пишутся имена героев?

— На камне! — сказали вошедшие.

— Вот я и хочу навечно сохранить его изображение.

— Но тебе известно, что новая вера наша запрещает это делать? Безумие лепить изображение человека и высекать его на камне!

— Кто не хочет отступить от веры — пусть скажет мне! — сказал каменотес.

— Мы все не хотим! — отвечали старики.

— Пусть любой из вас возьмет молоток и подойдет сюда...

Молоток взял самый древний старик и подошел к месту, указанному каменотесом. Аксак-Ач одним движением сдернул с высокого камня покрывало, и все увидели изображение охотника. Старик, державший молоток, опустил руку.

— Я узнаю: это тот самый охотник, что вел нас! — тихо сказал он. — Ради исполнения законов веры я должен разбить это изображение! Но пусть лучше гнев пророка обрушится на мою голову, чем мой молоток на это изображение. Я готов понести возмездие!

И старик положил молоток на землю.

Аксак-Ач спросил:

— Кто поднимет молоток и нанесет первый удар?

Но он не получил ответа.

Тогда самый древний старик вышел вперед и сказал:

— Камень, что лежал у ворот нашего селения, напоминал нам о горе. Камень с изображением человека, уничтожившего джинна-падишаха, напоминает нам о счастье. Поставим же его на то место, где лежал Черный камень, ибо горе народа сменилось радостью!

И, устроив торжество, черкесы вынесли каменное изваяние к воротам селения. Они установили его на том месте, где лежал Черный камень, — отсюда любой путник может его видеть.

О ДЕВУШКЕ, О ЖЕНЩИНЕ, О МАТЕРИ И ОБ УХОДЯЩЕЙ ЛЮБВИ

О Бхезинико! Я храню клад. Этот клад для тебя. Ты найдешь его. Он будет тебе принадлежать. Самый драгоценный из всех драгоценных кладов...

О Бхезинико, жених мой! Клад этот — мое тело, белое, словно сахар, мои губы, еще не раскрытые никем, моя грудь, не знавшая цветения...

Смотри, на мне пша-кафтан, шитый золотом и серебром. В ушах серьги, на руках браслеты, а на голове, над бровями, — цепь и монеты. Все убранство мое и украшения для тебя, о Бхезинико!..

Пша-кафтан долго связывал каждый шаг мой. Его серебряные застёжки теснили грудь мою и не давали ей свободно дышать. Не нужно красивых цепей на голове и золоченых шнуров на груди — ты, о Бхезинико, освободишь меня от них!

Когда я вижу тебя, слезы туманят мне глаза. Скрываясь от твоего взора и взора всех окружающих, я слежу за тобою. Мое сердце полно гордости и восхищения.

Если ты захочешь похитить меня, я первая выйду к тебе навстречу. Твой конь, под расписным седлом, будет ждать нас среди скал, в темной расщелине. Ты позовешь его свистом, и он встанет подле нас, нетерпеливый, готовый к бегу. Лишь коснется твоя нога широкого стремени — конь понесет нас через доли к лесу. Пусть нас будет преследовать мой отец и мои братья — мы уйдем от них. Нашим жилищем будут лес и горы, нашими друзьями — птицы и звери. Но зачем тебе похищать меня? Ты — красавец, за тобою слава удалца, твой род славен и велик. У тебя много друзей, хорошие поля, тучная отара, быстрые табуны, высокая сакля. Между нашими отцами был сговор. Мы жених и невеста... Зачем похищать тебе меня?..

Ты введешь меня в твою саклю. Укажешь на приготовленное твоими родственниками и друзьями брачное ложе. И я подчинюсь тебе... В твоих больших руках блеснет острая сталь — ты коснешься ею шелковых шнуров пша-кафтана. Тугие шнуры распадутся, освобождая мою грудь. Ни капли крови не выступит на моем теле, не боль, а простор почувствует моя грудь. О ловкий, сильный, Бхезинико, я в радости назову тебя: муж мой!..

И вот раскрылся цветок любви — я стала твоей. Я расстелю ковер у порога сакли — сделаю вход в наше жилище радостным. Час возвращения Бхезинико в дом — счастливейший час моего дня. Час ухода Бхезинико — самый печальный час. Я хочу быть с тобою постоянно. Но ты — воин, охотник и наездник. Все чаще отсутствие твое, о Бхезинико!

Я провожу дни в ожидании тебя. Мой девичий кафтан убран. Я больше не надеваю его. С каждым днем тяжелеет тело мое. Мне трудно двигаться и трудно петь. Я забываю свои девичьи песни. Я думала: моя любовь к тебе, о Бхезинико, никогда не иссякнет. Но идут дни, месяцы... Отцвела и ушла весна. Время!..

Ты строго говоришь мне:

— У меня должен быть сын!

— Будет сын... — отвечаю я, хотя в душе у меня тревога.

«Будет сын, будет сын...» — повторяю я, боясь подумать о дочери. «Сын! Сын!..» — с этим словом я засыпаю и просыпаюсь.

Теперь я хожу осторожно. Не поднимаюсь по каменным ступеням. Не ношу клад и воду. Мать моя и подруги оберегают меня от всего.

С рассветом в мой дом приходят старые женщины. Заняв место в темном углу, сидят часами. Они говорят, что нужно делать мне, как охранить себя, к чему быть готовой. Я слушаю их, и сердце мое наполняется тревогой. Во мне рождается крик: «Я хочу сына, сына!..»

Проходят последние дни ожидания и мук. Дом оглашается криком новорожденного. Я вижу ласковые глаза старых женщин. «Сын!» — говорят их глаза. Я протягиваю руки к моему первенцу. Но не вижу его — слезы застилают взор мой.

— Он будет сильным, — говорят мне, — слышишь его властный и настойчивый крик?

Ко мне наведываются все женщины селения.

— Ты счастливица! — говорят они. — У тебя первенец — сын!..

Идут ночи и дни, дни и месяцы — проходят годы. Из ребенка мой сын превращается в юношу. Он пылок и неусыпен. Он не чванлив и не дерзок. Он скромн со старшими, ласков с товарищами. Он говорит тихо и никогда не вступает в спор.

— Ты — черкес, ты — сын Бхезинико, — говорю я ему. — Бхезинико уже нет в живых — храни его имя, честь и славу. Тебя некому наставить и обучить военному искусству. Но, как птица, оставляя гнездо, не учась поднимается в воздух, так и ты, отправляясь в поход, будешь знать, как вести себя.

По селению проносится слух: в ущелья и горы вступают враги.

— Юноши! Мужчины! — раздается крик по селению. — Выводите своих коней!..

Если обычай таков: не плакать, не провожать за ворота селения уходящих в поход, — не выйду, не заплачу и я.

Вон тучи покрыли горы — идет гроза. Вон уже молния сверкнула в долине, и гром прокатился по ущельям. Испуганная отара бежит с горы к селению.

Взяв за длинный повод коня, я подвожу его сыну. Он берет повод и легко вскакивает в седло. Конь вскидывает морду, устремляется к воротам. Ударом ладони сын распахивает тяжелые ворота. Я кричу:

— Прощай!..

И сын мой скрывается.

Теперь я не сплю ночами. Открываю дверь и гляжу во мрак ночи. О сын мой! Где ты сейчас? Куда лежит твой путь? Может быть, ты окружен врагами? Может быть, ты продрог от ночного холода? Может быть, охромел твой конь и ты сбился с пути?.. Кто ответит мне, кто скажет?.. Через какой снежный перевал совершаешь ты переход? На каком каменистом берегу реки ты стоишь? В каком темном лесу ты расположился на отдых?..

Я не могу спать. Я стою у порога сакли и слушаю шелест трав, рокот потока и шуршанье земли, сползающей с отрогов гор. Мне хочется пойти в ночь и звать тебя в тишине...

Я хочу, чтобы долгую ночь сменил день. Но вот подходит день. Я думаю и думаю о тебе. Может быть, тебя томит зной, и нет родника на твоём пути? Может быть, у тебя кончились припасы, и переметная сума твоя пуста? Может быть, у тебя иссякли силы, и ты беззащитен?..

Я засыпаю, мне чудится: стучат в дверь и несут весть о тебе. Пробуждаюсь, а тебя нет, о сын мой!..

Я выхожу на кровлю и, сидя у края ее, смотрю в даль. Ветер поднял облачко пыли — мне кажется, едешь ты. Слышу цокот копыт, мне кажется — скачет твой конь.

Время идет, а тебя все нет и нет. Девушки идут на родник за водой, старики едут в лес на охоту. А я, сидя на кровле, буду ждать, думать и мечтать о тебе.

Я сижу в забытии, забыв о работе и пище.

В селении раздаются крики:

— Гонцы показались на дороге!

Я вскакиваю и протягиваю руки вперед. «Не сон ли это?» — спрашиваю я себя.

Гонцы, несущие весть о победе, приветствуют меня громкими возгласами:

— Твой сын — победитель!..

И спешат дальше, в другие селения. Меня окружают люди, все хотят видеть мать героя-победителя. Я жду дня твоего возвращения. Твой приезд будет не только моим праздником, но и праздником всех.

— О люди, седлайте коней и скачите ему навстречу! Он приближается, он близко. Скорей, скорей!

Я широко распахиваю перед ним ворота дома...

И вот пришел день, и сын мой вернулся. Честь и слава вам, геройская рать, отстоявшая свою землю!.. Честь и слава тебе, о сын мой!.. Твой конь измучен, седло истерлось, сам ты ранен... Не медли, оставь седло — ты у порога дома.

Смотри — тебе улыбаются девушки. В каких они нарядах! Эти наряды для тебя. Слышишь? Они поют песню. Эта песня сложена в честь тебя...

Но ты склоняешься в седле, и руки твои выпускают повод. Тебя на бурке вносят в саклю. Твое тело воспалено, и глаза угасли. Ты ранен, силы покинули тебя...

В моей сакле возвысили порог — пусть ни один джинн не посетит тебя. Пусть сгинет все дурное!.. У твоего изголовья оставлена чаша с водою и с опущенным в нее куриным яйцом. У порога положен лемех и молоток. Так велит обычай и вера.

Первым навещает тебя самый старейший и почтенный сельчанин. Переступив порог, он берет с пола молоток и трижды ударяет им по лемеху. Лемех издает громкий звук — этот звук отгоняет злые наветы врагов, заклинает бога войны и облегчает страдания раненого.

Если поверье таково: чем громче лемех издал звук, тем лучше для раненого, пусть молоток чаще и сильнее падает на лемех.

Издалека, из всех селений, приезжают навестить тебя, о сын мой!.. Целыми днями на все селение гудит лемех. В него бьют старые и молодые, богатые и бедные.

— Всесильный да сделает тебя здоровым!.. — произносит вошедший.

Взяв молоток, ударяет в лемех, берет пригоршней воду из чаши и кропит твою постель, сын мой.

Тебя навещают и девушки. Они приходят к тебе с подарками и добрым словом участия. Все стараются не дать заснуть тебе, иначе во сне тобой могут овладеть джинны. Ты улыбаешься всему виденному и слышанному. О, значит, раны твои скоро заживут! Ты вернешься к жизни...

К тебе поднимаются по каменным ступеням лестницы друзья. Твои темные веки дрожат, и бледная улыбка озаряет твоё лицо — ты весело глядишь на сборище друзей. Они будут играть на дудке и петь песни. Веселье и бодрость излечивают печаль и страдание.

— Громче! — говоришь ты, хотя капли холодного пота покрывают твой лоб. — Громче!..

И гости, следуя твоей просьбе, поют громче, веселее.

Много досужих дней проводят подле тебя юноши и девушки. Ты не нарушаешь закона гостеприимства, не пренебрегаешь обычаем. Усталый, ты не засыпаешь, печальный — ты улыбаешься. Ты — черкес, ты останешься мужчиной!..

Приходящие к тебе не оскудевают в песнях. Песни рождаются сами, как напев, как дыхание.

Ты вернулся, Удалой, И рана твоя заживает. Мы собрались, Удалой, И каждый песню тебе поет. Живи, Наш удалой, Не зная бед и забот...

Тебе поют песни о подвигах славных предков. В этих песнях ты узнаешь себя. Но поющие ни разу не упоминают твоего имени. Ты знаешь: прославлять подвиги живого нельзя, ибо лучшее украшение героя — скромность.

И каждая из вновь сложенных песен — лучше предыдущей.

Потом юноши и девушки, утомленные пением и пляской, расходятся. «Как бы не оступиться на пороге!» — думает уходящий.

Мы остаемся наедине, и ты говоришь:

— Враги могут ворваться в наши земли, а я, немощный, должен лежать!.. О, если бы ты ведала, какая это мука для меня!..

Я утешаю тебя:

— Подожди еще несколько дней, и силы вернутся к тебе. Всевышний услышит мои молитвы.

Печальный взор твой останавливается на мне, и утомленный голос тихо вопрошает:

— Когда, когда это будет?..

Подходит вечер. Я плотно закрываю ворота моей сакли. Много людей приходит и стучит в них: они спрашивают о тебе. Я благодарю их и отвечаю:

— Мой сын будет скоро здоров...

Люди кланяются и уходят в молчании.

Часто во сне ты начинаешь бредить тем, что тебе пришлось пережить в походах и битвах. Ты посылаешь проклятие врагам, осмелившимся вступить в пределы земель твоего народа. Ты зовешь в бой. Я шепчу тебе ласковые слова. Сонный, ты, как ребенок, тянешься ко мне, и я даю тебе успокоение. О, как велика радость матери!..

Но вот ты выздоровел. В честь твоего выздоровления устраивается большое пиршество.

А затем седлаешь коня и делаешь первую пробежку.

— Я могу ехать, — говоришь ты, — силы вернулись ко мне.

— Подожди, — отвечаю я, — поднимись на луга, покинутые стадами; нагорной тропой пройди к вершинам гор; испей из родного источника прозрачной воды. Подожди — ты слаб еще...

— Нет, мне нужно ехать!..

Я прошу отсрочить день отъезда, но ты, строго окинув меня взглядом, говоришь:

— Мой долг — ехать скорей. Один день может быть гибельным для моей родины.

И я не могу возражать. И вот подходит день отъезда. К тебе приходят друзья — ты с ними. Они весело тебя напутствуют, желают тебе удачи.

На заре ты оставляешь родной кров.

И вот опять тянутся дни ожидания. Тебя нет — я одна. Опять вечерами сижу на кровле, вслушиваясь, не слышно ли цокота копыт. Опять в тревоге считаю дни и ночи. Опять хожу на пустынный откос, где река делает изгиб. Смотрю в ее воды. Может быть, в них я найду ответ на свои мысли?.. Но волны шумно плещутся о скалы, с грохотом переворачивая камни, несутся дальше. Я стою на берегу до тех пор, пока моя одежда не становится влажной.

И вот опять люди толпами спешат навстречу победителям. С ними тороплюсь и я. С вершины горы видны всадники. Это воины возвращаются с битвы. Измученные лица, порванные одежды, затупленное в неравных битвах оружие... Есть такие, что привязаны к седлам, — обессилев, они не могут держаться на конях.

Пенятся удила взмысленных коней. Черные пятна крови запеклись на одеждах. Глубокие шрамы обезобразили лица многих. Отец и мать ищут сына, сестра — брата, невеста — жениха.

Мое сердце неспокойно. Я в ряду матерей, тех, что ждут своих первенцев. Вот перед нами на быстрых конях везут трофеи. Белые и зеленые знамена. Золотое и серебряное оружие. Ковры, материи и бурки, перекинутые через спины вражеских коней. Увижу ли я среди возвращающихся моего сына? Здесь ли он?.. Боясь спросить, я высматриваю его. Но не вижу. Я знаю: он должен быть впереди. Так он сражался, так он должен и въехать в родное селение.

— Где же мой сын? — наконец спрашиваю я.

И не повторяю вопроса.

Смерть у порога моего. Смерть!.. Все стало темным для меня. И небо, и горы, и мое жилище. Смерть, ты прошла через высокие перевалы, реки и ущелья. Ты пришла ко мне, в дом мой! Что ж — я гостеприимна. Я приму и тебя.

Темно. Это подошла ночь. Где мой светильник? Я должна зажечь его. Вот дверь. Она открыта. Входи. Ты видишь мой поклон? Так кланяется побежденный победителю. Мой сын не совладел с тобою. Мой сильный и храбрый сын!.. Прими же мой поклон...

Пуст и одинок мой дом. Я слышу плач. Это женщины оплакивают тебя, о сын мой!.. И мои седые волосы распущены. Плачь, женщина, ты потеряла любовь! Плачь, мать, ты потеряла

сына!..

Сердце, утихни!.. Я расстелю ковер, зажгу очаг и сяду перед ним. Давно прошли дни, когда я сидела здесь с тобою, о сын мой!.. Наступили дни, когда я сижу одна. О сердце, не стучи так — меня пугает твой стук... Дверь закрыта. Нет Бхезинико. Нет и моего первенца... Слезы тушат мой очаг...

Горе мне, горе!.. Я осталась одна. Как буду я встречать молодое утро? Что может принести мне новый день? Я не нахожу места ни себе, ни своему горю. О родина! О земля моя!..

Но нет, я не буду плакать. Я взойду на вершину горы и стоя огляжу все пространства, какие охватит взор мой.

— Это моя земля, мое счастье!..

Все доступное женщине я испытала. И за это я благодарю жизнь, мою родину.

У меня было красивое тело, и я любила его. У меня был любимый жених — он стал моим мужем. Я хотела иметь сына, и сын родился у меня. Да, я знаю: все это только любовь и любовь!..

Эти золотые стога кукурузных стеблей, склоненные к земле, стволы яблонь и снега на вершинах гор — это моя земля. Утренний свет заливает влажные глаза мои — я пою песню. Песню любви. Я хочу, чтобы все напевы радости и печали сочетались в моей песне — в песне о моей земле...

МОРСКОЙ КОНЬ

Жил в давние времена человек, и было у него три сына. Каждый день приходили они рано поутру к отцу узнать, здоров ли он, не угодно ли ему чего-нибудь.

Вот раз пришли они к нему и увидели его в великой печали.

— Что с тобой, отец? — спросили сыновья. — Огорчили тебя дурные вести или беда какая случилась? Отчего ты такой невеселый?

— Не было дурных вестей, и беды со мной тоже не случилось, — ответил отец. — Не дает мне покоя сон, который видел я в эту ночь... Снилось мне, что взошло над морем солнце, а вслед за ним выплыл на морской берег снежно-белый конь. В один миг обежал он трижды вокруг земли и снова канул в море, а вслед за ним на дно морское упало и мое сердце. С того часа, как увидел я этот сон, не мил мне стал дом наш и весь свет.

— Успокойся, отец! — сказали сыновья. — Мы пойдем за этим чудом — и найдем его или не вернемся.

Они вскочили на коней и поехали.

В полдень третьего дня очутились братья на перекрестке трех дорог и увидели камень, на котором были высечены такие слова: «Кто пойдет направо — будет жив. Кто пойдет налево — тоже будет жив. Кто прямо пойдет — или счастье найдет, или сам пропадет».

Старший брат поехал по правой дороге, средний повернул налево, а младший погнал коня напрямик.

— Зачем ты едешь по этой опасной дороге? — закричали братья. — Поезжай с нами!

— Нет, — ответил тот. — Будь что будет... Если погибну, расскажите отцу, как расстались.

И поскакал не оглядываясь по прямому пути.

Ехал он, ехал... Ехал он днем, ехал он ночью, перевалил через одну нашу гору и через две чужие, миновал три долины и пять ущелий, а тропинкам и счет потерял; наконец доехал до дремучего леса.

Он плутал в этом лесу день, плутал неделю, плутал месяц, плутал год, но ни следа человеческого, ни жилья, ни выхода из леса найти не мог.

Голод и жажда измучили его, одежда на нем изнасилась и висела клочьями, конь его пал, а боевой меч покрылся ржавчиной.

И вот, когда юноша уже стал отчаиваться и потерял надежду, он увидел на земле след человеческой ноги. Только нога та была необыкновенная: длиной в три аршина, шириной в аршин. Юноша не побоялся, пошел по следу.

Лес перед ним расступился, и он вышел на большую поляну, посреди которой стоял дворец, высокий, до самого неба.

Юноша вошел во дворец и увидел великаншу, старуху Карт, которая дремала у очага. В одно мгновение кинулся он к ней и коснулся губами ее груди — в знак того, что хочет быть ее сыном.

— Ну и хитер же ты! — сказала старуха Карт. — Теперь ты, по нашему обычаю, стал моим названным сыном, а я — твоей матерью... Не сделай ты этого, пришлось бы тебе худо. Откуда ты и что тебе надо? — продолжала старуха.

Юноша рассказал ей обо всем.

Старуха Карт задумалась.

— У меня есть семь сыновей-великанов, — сказала она. — Каждый день уходят они в лес на охоту. Пошли и сегодня, и пора бы им уже вернуться. Если они увидят тебя — убьют. Спрячься-ка в этот сундук. А о том, как найти тебе морского коня, я у них расспрошу. Младший мой сын — такой умник, знает обо всем на свете!

Только успел юноша забраться в сундук, как залаяли во дворе гончие псы. Это вернулись с

охоты семь великанов. Каждый нес на плече вырванную с корнем чинару, у каждого к чинаре привязан был убитый олень.

Они вошли все семеро во дворец и, поведя носами, сказали:

— Здесь человеческим духом пахнет! Человечьим духом!

— С ума вы сошли, бродяги! — закричала на них старуха Карт. — Откуда здесь быть человечесьему духу? Сами вы его, верно, нахватались, пока по лесам шатались.

Тут сварилось как раз мясо, кипевшее на очаге в огромном котле, и великанша принесла его на стол, а рядом поставила кувшин, вмещавший целое озеро браги.

Когда сыновья наелись и напились, мать спросила:

— Правда ли, что есть на свете снежно-белый конь, который выходит поутру из моря и в мгновение ока трижды обегает землю?

Шестеро старших великанов ничего не ответили, но самый младший сказал:

— Такой конь действительно есть. Это конь Морского шаха, живущего на дне моря. Каждый день с восходом солнца этот конь vyplывает на сушу, в один миг трижды обегает вокруг света, купается по пути в молочном озере, валяется на белом песке и снова уходит под воду... Там, на морском берегу, где резвится он, стоит чинара. Она так высока, что достает вершиной до самого неба, а на самой вершине ее висят золотое седло и серебряная уздечка. Кто поймает морского коня и наденет на него эту сбрую, тот и будет ему хозяином...

— Хватит, сынок! Устали вы, пора отдохнуть, — прервала мать, и великаны послушно отправились на покой.

Когда они уснули, старуха Карт выпустила юношу из сундука, дала ему одежду, оружие, доброго коня и показала дорогу к морю.

Ехал он долго, ехал он днем, ехал он ночью. Приехал наконец на берег моря, вырыл в песке яму и спрятался в ней.

До восхода солнца он не сомкнул глаз. Когда стало светать и солнце поднялось из-за тихого моря, юноша увидел, как вслед за ним выплыл из морской пучины снежно-белый конь.

Вмиг обежал тот конь трижды вокруг земли, искупался в молочном озере и стал валяться на белом песке.

Птицей воспарил тогда юноша и обвился вокруг его шеи.

Морской конь трижды подпрыгивал до самых облаков и трижды ударялся о берег так, что дрожала под его копытами земля, но юноша не разводил рук, а все теснее прижимался к его шее.

— Ты победил! Теперь я твой навеки, — сказал конь человечесьим голосом. — Оседлай меня, надень уздечку, и я повезу тебя, куда ты захочешь.

Юноша снял с чинары золотое седло и серебряную уздечку, надел на коня и сказал:

— Вези меня к моему отцу!

Конь поскакал, но темная ночь застала их в пути, и они остановились на ночлег.

Вдруг среди ночи стало светло как днем. Юноша спросил:

— Что это светится?

Они поехали на свет и посреди маленькой поляны увидели нечто, сиявшее подобно солнцу. Подъехав ближе, юноша закричал:

— Да ведь это золотое перо! Взять его или нет, как ты думаешь?

— Не возьмешь — пожалеешь. Возьмешь — раскаешься, — отвечал ему морской конь.

— Уж лучше взять да каяться, чем не взять и жалеть, — решил юноша.

Поднял перо, сунул его за борт паха, и они отправились дальше.

Вскоре на пути их встал большой город, которым правил Кривой шах. Крепкие стены окружали город, и все ворота были заперты на ночь.

Найдя родник у городской стены, конь напился и попросил:

— Пусти меня на траву. А когда понадобится — кликни только, и хоть буду я за семью горами — мигом явлюсь к тебе.

Юноша отпустил его, спрятал перо в карман, подложил под голову седло, накрылся буркой и

уснул, как человек, который не спал шестьдесят суток.

А жители того города, увидев, что ночь вдруг стала светлой как день, а потом опять потемнела, кинулись к своему Кривому шаху и доложили ему об этом чуде.

Кривой шах испугался еще больше, чем его подданные, велел поставить на городской стене побольше дозорных и всю ночь не сомкнул глаз от страха.

Едва стало рассветать, Кривой шах выслал на разведку сто всадников, вооруженных, как для битвы. Они увидели юношу, разбудили его тычком и толчком и повели во дворец.

— Кто ты? Где твоя страна и зачем ты прибыл к нам? — спросил его Кривой шах.

— Я бедный путник. Откуда я — я и сам забыл, — ответил юноша.

— Тебя нашли спящим у городской стены. Не знаешь ли ты, что это сияло сегодня в полночь, будто солнце, а потом вдруг погасло?

— Знаю! — И юноша вынул из кармана золотое перо.

Руки у шаха затряслись от жадности.

— Ты добудешь мне птицу, которая уронила это перышко, или я отрублю тебе голову! — вскричал он и велел спрятать золотое перо в свою сокровищницу.

Юноша вышел из дворца очень огорченный. Пришел он в поле, стал звать морского коня.

Откуда ни возьмись вырос перед ним снежно-белый конь.

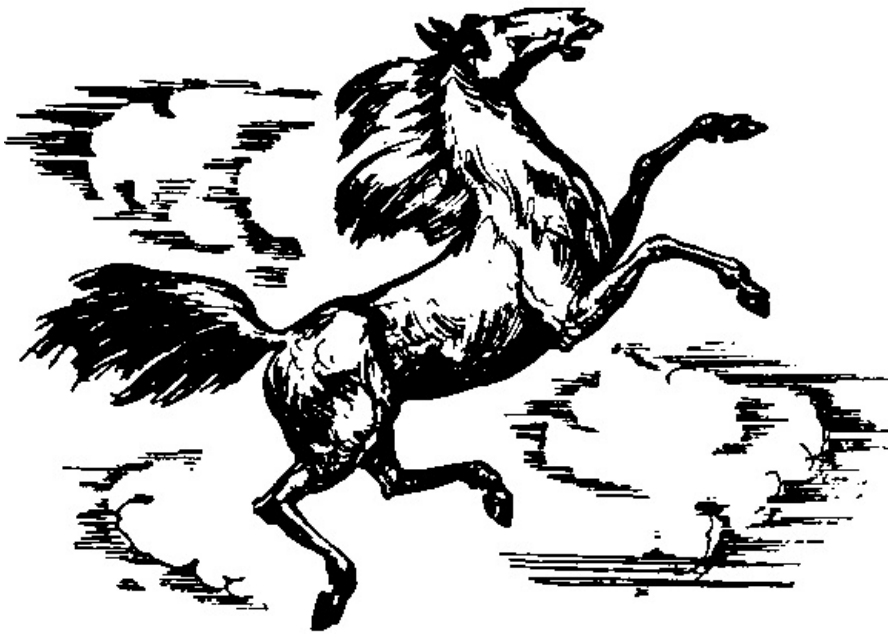
— Что ты такой невеселый? — спросил он у хозяина.

— Кривой шах приказал мне добыть ту птицу, которая уронила золотое перо, — пожаловался юноша, — а я не знаю, где ее искать.

— Не печалься, — сказал морской конь. — Было бы все у нас впереди так же легко!.. Помнишь ты молочное озеро, где я купался?

— Да, — ответил юноша.

— У Морского шаха есть три дочери, — продолжал конь. — Каждый день превращаются они в голубей и летают купаться в том озере. Перышко, которое мы с тобой нашли, уронила из своего крыла младшая дочь... Тебе надо будет спрятаться в кустах на берегу озера. Когда дочери Морского шаха прилетят купаться и сбросят свое оперенье, возьми то, которое было на младшей, и спрячь за пазуху. Девушка будет умолять тебя вернуть ей пропажу, но ты не отдавай, и тогда она пойдет за тобой всюду...

Сел юноша на коня, и конь одним прыжком перенес его к озеру.

Юноша спрятался в кустах и стал ждать. Только наступил полдень, прилетели три голубки и сели на берегу.

Когда они сбросили с себя оперенье, превратились в девушек-красавиц и окунулись в воду, юноша выскочил из засады и схватил оперенье младшей дочери, а она заплакала и стала просить его вернуть взятое. Но юноша не слушал ее и спрятал перышки за пазуху, как велел ему конь. Две же старшие сестры, обратившись в птиц, кружили над младшей.

— Сестрицы, — закричала она со слезами, — если уж пришлось нам расставаться, так принесите хоть мой сундучок с одеждой!

Не успел юноша сделать и трех шагов, как голубки вернулись с сундучком, бросили его на песок и взвились к синему небу.

Девушка оделась. Юноша вскочил на коня, посадил ее позади себя в седло, и путь разостлался перед ними, как ковер.

— Куда ты везешь меня? — спросила красавица.

— Приходится везти тебя в жены Кривому шаху, — ответил юноша.

— Не хочу я быть его женой! — сказала она.

— Что делать! — ответил грустно юноша.

И пока они так говорили, добрый конь доставил их к воротам того самого города, где правил Кривой шах.

Кривой шах, как только увидел красавицу, не откладывая решил жениться на ней.

— Ты мне в деды годишься, — говорила морская царевна. — Был бы ты молодым, я бы еще, может, подумала...

— Невозможно мне стать молодым! — закричал шах. — Как же быть?

— Вели выкопать за городом колодец глубиной шестьдесят аршин, — сказала девушка, — наполни его молоком чисто-красных коров, искупайся в том молоке, и ты превратишься в юношу...

— Что за выдумки! Ведь во всем моем царстве не найдется столько красных коров! — рассердился Кривой шах.

— На! — сказала красавица и бросила ему маленький красный платочек. — Пошли кого-нибудь на самую высокую гору в твоём царстве. Пусть встанет там и махнет этим платком.

Только поднялся посланный на вершину самой высокой горы и взмахнул красным платочком, как из гор и лесов, с зелёных полей, из тысячи разных стран стали сбегаться к городу красные коровы. Дочь Морского шаха доила их, а тем временем слуги выкопали колодец глубиной в шестьдесят аршин и все молоко вылили в колодец.

— Ну что ж, купайся! — сказала красавица.

Но Кривой шах испугался и не захотел прыгать в колодец.

— Приведите сюда самых старых старика и старуху, какие только есть в этом царстве! — велела красавица.

Привели старика и старуху, которым вместе было триста лет. Красавица купала их в колодеце, и старик на глазах у всех стал могучим юношей, а старуха — прекрасной девушкой.

Увидев это, Кривой шах стремглав бросился в колодец и, как свинец, пошел ко дну. Там, говорят, он и до сих пор лежит.

А юноша попрощался с жителями того города, которые очень были рады, что их шах утонул, сел на морского коня и поехал со своей красавицей дальше.

Не знаю, как долго пришлось им странствовать, но вот однажды остановились они на ночлег в одном маленьком селе. Они были голодны. Юноша пошел купить что-нибудь на ужин, и вдруг бедный продавец, у которого покупал он чуреки, бросился обнимать его, смеясь и плача.

Это, оказывается, был старший брат, который поехал направо. Юноша очень обрадовался, что встретил его, купил ему одежду, оружие, коня, и они поехали дальше уже вдвоем.

Ехали не торопясь, дней не считая, и остановились они в каком-то городе отдохнуть и подкрепиться. Там встретили они среднего брата, который отправился по левой дороге. Он впал в нужду еще большую, чем старший брат.

Младший брат был очень доволен. Теперь, уже вчетвером, поехали они напрямик к отцовскому дому.

Но чем ближе подъезжали они к родным местам, тем сильнее завидовали удаче младшего брата старшие, и между собой говорили они так:

— Как теперь будем мы жить на свете? С чем покажемся мы на глаза нашему отцу? Нет, нет! Надо как-нибудь избавиться от этого мальчишки, и тогда конь и дочь Морского шаха достанутся нам.

— Здесь по пути есть глубокая пропасть, — сказал старший брат. — Давай, как станем подъезжать к ней, поместим этого нашего удачника в середину и предложим скакать на спор: чей конь быстрее. Его конь, конечно, вырвется вперед и упадет в пропасть.

На том и порешили.

Вот стали они подъезжать к пропасти, и старшие братья сказали младшему:

— Давай скакать на спор: посмотрим, чей конь быстрее.

— Вы что, смеетесь? — удивился юноша. — Вы же знаете, что конь мой трижды в один миг обегает вокруг света... Как же вам тягаться со мной?

— Ничего! — отвечали старшие. — Зато мы хоть полюбуемся, как скачет твой конь.

И они поставили младшего брата посредине и поскакали прямо к пропасти.

Морской конь доскакал до пропасти и стал перед ней как вкопанный. Юноша не удержался и полетел головой вниз, в пропасть, а дочь Морского шаха свалилась наземь.

Тотчас кинулись братья ловить морского коня, но едва протянули они руки, как он уже скрылся из глаз.

Взяв красавицу с собой, приехали старшие братья в родной город, заперли ее на замок и пошли к отцу.

На одну ложь громоздили они десять, на десяти строили сто, рассказывая ему о своей ловкости и удали.

— А коня, которого ты видел во сне, отец, — закончили они свой рассказ, — нет на свете. Не осталось такого места на земле под небом, где бы мы ни бывали и его ни искали, да вот не нашли.

— Не надо мне коня! Скажите, где бросили вы своего младшего брата? — сказал отец.

— Он поехал один по опасной дороге. Он не послушался нас, — ответили братья, — и, видно, погиб в пути.

Велико было горе отца. Он оделся в черные одежды, и все соседи оплакивали вместе с ним гибель отважного юноши. А старшие братья то и дело посылали свах к дочери Морского шаха, и каждая сваха расхваливала своего жениха.

— Пусть поберегутся эти обманщики! — отвечала свахам красавица. — Я сама знаю, за кого выйду замуж!

И она смотрела в окно, у которого сидела целые дни, не сводя глаз с проезжей дороги.

Однажды рано утром дочь Морского шаха увидела наконец, как кружится вдали, грызя удила, морской конь и косит на нее огненным глазом. Она махнула ему платочком — и мигом уже морской конь стоял у нее под окном.

— Где твой хозяин? — спросила она.

— Ты же знаешь: свалился в пропасть, — ответил конь.

— Мы должны его спасти! — воскликнула дочь Морского шаха.

— Накинь на мою шею веревку подлиннее, — сказал конь, — и я вытащу его из пропасти.

У красавицы не было веревки, и потому она обрезала свою золотую косу, свила из нее длинную веревку и набросила на шею коню.

В то же мгновение конь был у пропасти и опустил золотую веревку на самое дно. Юноша схватился за нее, выбрался на белый свет, сел на морского коня и поскакал в родной город.

А старшие братья, когда услышали знакомый звон подков, пустились наутек: один — на запад, другой — на восток, и до сих пор еще, пожалуй, бегут.

Так храбрый юноша добыл своему отцу снежно-белого морского коня и женился на красавице — дочери Морского шаха.

Свадьба была очень веселая!

Дули в кожаную зурну, били в медный барабан. Кто бы ни пришел, уходил сыт и пьян. Говорят, и сейчас еще пьют и едят.

БОГАТЫРЬ

Правил некогда одной страной шах. Дошла однажды до него весть о том, что появился в городе богатырь.

— Пришлите его ко мне, — распорядился шах.

И юношу-богатыря привели к шаху.

— Кто ты и что ты умеешь делать? — спросил шах.

— Откуда я, знать тебе незачем, а что я умею делать, увидит тот, кто возьмет меня в работники.

— Хочешь, я возьму? — предложил шах.

— Хорошо, — согласился юноша. — Богаче хозяина мне не сыскать.

И нанялся он в работники.

Вот как-то приказал шах послать сто человек в лес за дровами.

— Зачем посылаешь ты людей со стороны? — спросил юноша.

— Мне надо много дров, — ответил шах. — Что толку посылать тебя одного!

— А вот увидишь, — сказал юноша. — Вели-ка подать мне обед, что сварили для этих бездельников.

Ему принесли еду, приготовленную для ста человек, и он съел все, а потом приказал:

— Принесите-ка мне побольше веревок.

И когда принесли сто веревок, он перекинул их через плечо и пошел в лес.

Там каждой веревкой захлестнул он по одному дубу, потом крикнул, дернул и вытащил сто деревьев с корневищами.

Волоча дубы за собой, богатырь пришел к огромным городским воротам и стал кричать:

— Эй, шах! Боюсь, застряну я здесь... Приказал бы ты строить ворота пошире!

Прибежал шах на его крик и ужаснулся. Тут только понял он, на что способен его работник, и решил избавиться от него во что бы то ни стало.

Он задумал послать его в такое место, откуда живыми не возвращаются.

— Видишь ли ты вон ту гору, парень? — спросил шах. — Там, за горой, стоит сакля старухи Карт, а старуха эта, надо тебе сказать, давным-давно задолжала мне мерку гороха и отдавать не хочет... Пойди-ка и потребуй с нее долг!

Пошел работник к старухе Карт. Он нашел ее на току. Там молотила она пшеницу, погоняя двух черных быков.

— Почему ты не возвращаешь долгов, негодная? — сказал богатырь сердито. — Отдавай горох, а не то потащу тебя к шаху!

Старуха Карт посмотрела на него ласково:

— Подожди, голубчик... Я поищу тебе самого чистого, свежего горошку. — И направилась в саклю, позвав и его с собой: — Горох у меня тут в кувшине. Набери себе сам полную мерку.

Зашел парень в саклю и увидел большущий кувшин. Он поднял крышку и заглянул в него. Гороха там не было. А старуха Карт, когда ее гость нагнулся, схватила его за ноги и стала заталкивать в кувшин.

— Ах, вот ты как! — сказал богатырь и очень ловко бросил старуху Карт в кувшин и захлопнул крышку.

— Выпусти меня, и я сделаю все, что ты захочешь! — взмолилась старуха Карт.

— Сиди, бессовестная! Не надо было со мною ссориться, — ответил юноша, поставил кувшин на плечо и пошел к шаху.

— Получил долг? — спросил шах, увидев его с ношей.

— Долг отдать она не захотела, — сказал богатырь и тряхнул кувшин так, что старуха Карт охнула. — Но я ее перехитрил: вот она сама. Можешь рассчитывать.

— Унеси, унеси ее туда, откуда принес! — замахал руками шах. — Я пошутил! Не надо мне ни ее, ни ее скверного гороху...

Отнес богатырь старуху Карт обратно, вытряхнул ее из кувшина, дал ей на прощанье хорошего тумака и сказал, чтобы на пути ему никогда не попадалась.

А шах с той поры жил в вечной тревоге. Он все раскидывал умом, как бы отделаться от беспокойного батрака, а когда надумал, велел позвать его к себе.

— Видишь ли ты вон тот лес? — спросил шах. — В самом дальнем его конце живет змей Ашдага. Десять лет тому назад он украл у меня из стада бычка. Сходи-ка ты, парень, к нему, потребуй мое добро обратно.

Не сказав ни слова, пошел богатырь к змею Ашдага.

— Эй ты, змей! Это что еще за насмешки! — закричал он. — Отдавай-ка, разбойник, быка, украденного десять лет назад!

Змей зашипел от злости и бросился на храбреца, но юноша схватил его за уши, словно кошку, и, как змей ни упирался, потащил к шаху.

Шах побелел, когда увидел змея в своем дворце.

— Уведи его, уведи его! — взмолился он. — Не надо мне и тысячи быков, только избавь меня от этого чудища!

— Чтob вам обоим пропасть! — рассердился богатырь. — До каких пор буду я без толку шататься? — И отпустил змея.

Пристыженный змей Ашдага полетел, словно лист, гонимый ветром, и мимоходом проглотил табун чистокровных шахских скакунов, как мы глотаем пирожок. Уж и не знал шах, что ему делать: горевать ли о конях, радоваться ли, что спасся от этого страшного змея...

Долго не мог шах опомниться, а когда опомнился наконец, то позвал богатыря и сказал:

— Есть у меня одна больная кляча. Повел бы ты ее на гору пастись. Только смотри не возвращайся, пока не станет лошадь гладкой и круглой, как куриное яйцо.

И богатырь, ведя издыхавшую клячу в поводу, пошел с ней на зеленую гору. А шах дождался ночи и двинул против него все свои войска, конные и пешие, какие только нашлись в его царстве.

Проснулся богатырь и увидел эту несметную силу.

— Я бедный человек, пасу здесь шахскую клячу! Что вам от меня надо? — закричал он.

— Берегись! — крикнул шах в ответ, выглядывая из-за спин воинов, — Посмотрю я, куда ты теперь денешься!

— Ах вот оно что! — удивился парень.

Ударил клячу о камень, разорвал ее на четыре части и стал воевать. Он махнул одной конской ногой — и убил тысячу человек, махнул другой — убил две тысячи и так быстро истребил шаха со всем его войском, словно весь свой век только и делал, что воевал.

Совершив этот подвиг, пошел юноша странствовать.

Шел он, шел... Шел он днем, шел он ночью и увидел однажды человека, который нес на плечах две вековые чинары, вырванные с корнем.

— Кто ты, молодец? — спросил богатырь.

— Какой я молодец! — ответил древонос. — Вот слышал я — есть на свете молодец, он притащил жадному шаху старуху Карт в кувшине.

— Это я сам, — сказал богатырь.

— Тогда позволь мне быть твоим товарищем, — попросил древонос.

Дальше они пошли вдвоем и вскоре увидели человека, который сидел у дороги и вертел на колене мельницу.

— Кто ты, молодец? — спросили они его.

— Какой я молодец! — возразил мельник. — Вот слышал я — есть на свете молодец, он во дворец к жадному шаху приволок змея Ашдага, да еще схватил его за уши, словно кошку.

— Да ведь это был я! — откликнулся богатырь.

— Ну, если ты, то я буду твоим другом, — обрадовался мельник.

И пошли приятели втроем.

Ходили они там и сям, бродили по горам и лесам и наконец выбрали поляну, на которой построили дом и зажили в нем. Пищу они добывали себе охотой.

Однажды юноша и мельник ушли на добычу. Дома остался древонос.

Наполнив мясом котел, в который входило десять оленей, древонос принялся разводить огонь и вдруг услышал, что за дверью что-то шуршит.

Он выглянул и увидел: едет на хромом зайце человечек — сам с четверть, борода с аршин.

— Дай кусочек мяса, — попросил гость.

Древонос дал ему целого оленя. Проглотив его, как муху, Верхон-на-зайце сказал:

— Дай еще!

— Живот лопнет! Ступай-ка, куда шел, — погнал его древонос.

Тогда Верхон-на-зайце вырвал из своей бороды волосок, связал тем волоском древоноса, словно ягненка, слопал дочиста все, что было в котле, и отправился своей дорогой.

Вернулись мельник с богатырем из леса, развязали древоноса, смотрят — а в котле пусто.

На другой день на охоту пошел древонос с богатырем, а дома остался мельник. Только стал он готовить обед, Верхон-на-зайце был тут как тут, и все случилось так же, как вчера.

На третий день богатырь на охоту послал товарищей, а еду стряпать взялся сам.

Едва положил он в котел мясо, Верхон-на-зайце стоял уже у порога.

— Дай мяса! — потребовал он.

— Добрый гость с хозяином ласков, — ответил юноша. — Если ты этого не знаешь — не дам.

Вырвав из бороды волосок подлиннее, Верхон-на-зайце бросился на богатыря, но богатырь схватил его одной рукой, другой расщепил столетний дуб, стоявший у дома, и зажег в щель бороду человечка.

Когда древонос с мельником вернулись, неся убитых оленей, юноша повел их к дубу, чтобы похвастаться своей добычей. Но Верхон-на-зайце, оказывается, вырвал дуб с корнем и ушел, волоча его за собой.

Друзья пошли по следу, который оставляло дерево.

Шли они, шли долго и добрались до пещеры, у входа в которую валялся брошенный дуб.

— Обвяжите-ка меня веревкой крепче, — сказал богатырь.

Друзья обвязали его, и он стал спускаться в пещеру.

Сначала он погибал от холода, потом умирал от жары, но добрался все же до дна и стал ногами на твердую землю.

Оглядевшись, юноша увидел, что он попал в большое подземелье, полное всяких

драгоценностей. Пол здесь был из серебра, а стены из чистого золота. В углу на ковре сидела за шитьем девушка, лицо которой, все освещая вокруг, сияло, как пятнадцатидневная луна. Верхов-на-зайце спал тут же; под рукой у него лежала волшебная сабля.

— Ах! — вскрикнула девушка тихонько. — Как ты сюда попал? Уходи поскорее, пока не проснулся хозяин. Он убьет тебя непременно.

— Смерти бояться — живым не быть! — сказал богатырь и схватил Верхов-на-зайце за седую бороду.

Взвизгнув, тот вцепился в храбреца, словно кошка, но богатырь так хлопнул своего врага о стенку, что в руках осталась лишь борода.

— Откуда ты, красавица? Кто твои отец и мать? — спросил он.

— Я шахская дочь, — ответила девушка. — Этот бородатый вор силой увез меня из отцовского дома и запер здесь.

— Ну, с ним я расправился. А тебя я подниму наверх, отвезу в отцовский дом и, если ты не против, женюсь на тебе, — сказал юноша.

— Хорошо, — ответила царевна. — Ничего другого я не желаю. Ведь ты избавил меня от этого злодея...

И богатырь стал собирать сокровища, а друзья вытаскивали их наверх на веревке.

Так они подняли все, что было на дне пещеры. Наконец остались внизу только юноша и шахская дочь.

— Теперь пусть поднимут тебя, — сказал богатырь.

— Нет! Поднимись сначала ты сам, — попросила она. — Боюсь, чтобы товарищи твои не оставили тебя здесь.

— Не такие они люди, — обиделся юноша. — Поднимайся-ка ты первой!

Девушка долго не соглашалась, но богатырь все же уговорил ее. Тогда она сказала ему:

— Чую я, что товарищи твои задумали плохое. Запомни же, что я тебе скажу. Каждый день на заре вбегают в это подземелье два барана — белый и черный. Когда они прибегут, постарайся сесть на белого барана, и он вынесет тебя на белый свет. Но остерегайся попасть на черного: с ним провалишься ты в подземное царство.

— Есть там, внизу, еще что-нибудь? — крикнули древонос и мельник, подняв наверх шахскую дочь.

— Ничего больше. Тащите теперь меня, — ответил юноша.

— Ну, ты-то можешь и там остаться! — закричали друзья.

Они сбросили веревку в пещеру, вход закрыли мельницей, которую всюду таскал за собой мельник, привалили двумя чинарами, что носил на плече древонос, а потом ушли, захватив все богатства и красавицу.

Тут только постиг богатырь и ум девушки, и свою собственную глупость, и коварство своих друзей, но делать было нечего: оставалось ему сидеть да ждать.

Богатырь прождал всю ночь, не сомкнув глаз, а рано на заре в подземелье вбежали два барана — белый и черный. Юноша метил сесть на белого, но промахнулся и попал на черного. И в тот же миг юноша очутился в подземном царстве, на крыше чужой сакли.

Он спрыгнул с крыши и вошел в дом, где сидела старая старуха и пряла пряжу.

— Дай мне, мать, глоток воды, я умираю от жажды, — попросил он.

— О, — воскликнула старуха, — не с белого ли света спустился ты смеяться над нами, бедными людьми! Откуда возьму я тебе воды?

— А что, разве у вас ее вовсе не бывает? — удивился юноша.

— Как не бывать — бывает! — сказала старуха. — Да что толку, когда у нашего прозрачного родника поселился Дэв о девяти головах. Каждый год мы отдаем ему самую красивую девушку нашего города. В тот день, когда он ее съест, допускает он нас к воде. Все остальное время мучаемся мы без воды.

— Дай-ка мне два кувшина! — приказал богатырь. — Удивляюсь я: что вы за люди!

— Берегись, сынок! — заплакала старуха. — Покрепче тебя молодцы пытались, да все без голов остались. Дэв убьет тебя!

— Ладно, — отмахнулся он уже на пороге. — Не посмеет. А посмеет, так пожалеет... Давай кувшины.

Со слезами подала ему старуха два кувшина, и богатырь пошел к роднику. Он наполнил оба кувшина до краев, и Дэв, который лежал у самой воды, только посмотрел на него искоса и помотал своими девятью головами.

Когда опорожнила старуха кувшины, богатырь пошел к роднику снова. И снова Дэв ничего не сказал ему, но топнул ногой так, что земля треснула, а пыль столбом поднялась к небу.

Тотчас же весь город узнал о подвиге храброго юноши. Правитель подземного царства призвал его к себе.

— Проси все, что захочешь, возьми все, что пожелаешь, только убей ты этого Дэва, о герой! — взмолился он. — Ты один это можешь, иначе Дэв убил бы тебя сразу, как убивал всех, кто посмел приблизиться к воде.

— Хорошо, пойду драться! И кому-нибудь из нас двоих сегодня крепко достанется, — сказал юноша. — А ты смотри не забудь своего слова.

Он опоясался волшебной саблей, которую добыл в подземелье, захватил кувшины и пошел к роднику в третий раз.

— Стыда у тебя нет, человек! — закричал Дэв. — В первый раз я пощадил тебя как гостя, во второй пожалел как друга... А теперь ты приходишь снова!

— Эге, негодяй, — ответил богатырь, — а самому тебе не стыдно отнимать у добрых людей воду да живьем пожирать молодых красавиц?.. Берегись! Я пришел за твоими подлыми головами. — И юноша девять раз ударил волшебной саблей, и все девять голов Дэва скатились наземь.

Чуть с ума не сошли от радости люди подземного царства. Они плакали и смеялись, прыгали и целовались. И люди, и цыплята, и ослы, и верблюжата — все живое бросилось к воде.

— Подвигу, который ты совершил, нет цены, — сказал правитель подземного царства богатырю. — В этом году был срок моей дочери идти к девятиглавому Дэву. У меня ничего нет дороже ее. Женись на ней и правь нашей страной. Я сделал бы больше, но не знаю, что еще можно сделать!

— Я житель белого света, — ответил юноша. — Не думай, что мне не нравится твоя дочь или я не ценю твоей щедрости. Нет! Но я люблю свою родину, и увидеть ее вновь — для меня дороже всего на свете.

— Этого я не могу сделать, юноша, — нахмурился правитель. — И никто не сможет, кроме орла, что живет в чинаровом лесу. Я пошлю к нему гонцов. Кто знает, быть может, он и согласится.

Но гонцы вернулись ни с чем. У орла в гнезде было шестеро орлят, и он не захотел покинуть их даже ради правителя подземного царства.

Пошел тогда сам богатырь на поклон к владыке птиц.

В ту пору орел улетел за добычей, а над гнездом его, в котором кричали голодные птенцы, кружил углечерный коршун.

Юноша убил этого коршуна, лег под чинарой и стал поджидать орла.

— Чир-чир! Чир-чир! — закричали орлята, завидев орла. — Этот герой спас нас от смерти. Он убил углечерного коршуна.

— Эй, богатырь, — сказал орел, — ты убил моего врага и врага моих детей. Проси о чем хочешь, я исполню все без отказа.

— Вынеси меня на белый свет, мне ничего больше не надо, — попросил богатырь.

— Зарежь пятьдесят буйволов и освежуй их! — приказал орел. — Из шкур сделай бурдюки и наполни водой. Мясо и воду мы возьмем с собой в дорогу.

Юноша все сделал, как велел ему орел. Мясо он положил на правое крыло орла, бурдюки погрузил на левое, сел птице на спину и крикнул:

— Летим!

Они летели, поднимаясь все выше и выше, и когда орел требовал: «Мяса!» — богатырь протягивал ему кусок мяса, а когда кричал: «Воды!» — давал воду.

Совсем немного оставалось им лететь до белого света, когда запас мяса кончился.

— Мяса! — крикнул орел. — Мяса, мяса!

Богатырь молча отрезал палец на правой ноге и отдал ему.

Орел взмахнул крыльями в последний раз и вынес его на милый белый свет.

Поклонился юноша птице низко за ее услугу и пошел, хромая, по родной земле.

— Отчего ты хромаешь? — крикнул ему вслед орел.

— Затекала в пути моя правая нога, — ответил юноша.

— Говори правду! — приказал орел.

— Когда кончилось мясо, я отрезал для тебя палец на правой ноге, — нехотя сознался юноша.

Тотчас выплюнул орел этот палец, смочил его своей слюной, приложил к ране, и палец снова прирос к ноге.

Юноша попрощался с орлом и пошел к своему дому.

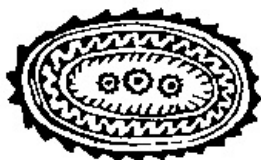
Пришел, стал у дверей и услышал такой шум, что чуть не оглох.

Это дрались из-за шахской дочери древонос с мельником. А девушка горько плакала и твердила одно: что не выйдет замуж ни за кого, кроме юноши-богатыря.

— Кто что добудет, тот с тем и будет! — сказал богатырь и открыл дверь.

Он ударил мельника и уложил лицом вверх, ударил древоноса и уложил лицом вниз, а потом взял за руку девушку и пошел с ней в другое царство.

Так женился богатырь на красавице.

Примечания

Все фактологические сведения, использованные в комментариях, приводятся по изданию: Российский энциклопедический словарь: В 2 т. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

Саамы (устар. назв. — *лопари, лопь, лапландцы*) — народность, населяющая северные районы Норвегии (30 тыс. ч., 1995), Швеции (15 тыс. ч.) и Финляндии (5 тыс. ч.). В России саамы (2 тыс. ч.) живут на Кольском п-ове. Верующие саамы в России — православные, в Скандинавии — лютеране. Саамский язык относится к финско-угорской группе языков, в которой составляет особую ветвь. В Скандинавии письменность на основе латинской графики, в России — на основе русского алфавита.

Как старик саами врагов перехитрил. Рассказал в 1956 г. житель пос. Воронье Мурманской обл. П. Дмитриев. Записал и перевел Г. Керт.

О реке Улите. Записано в 1927 г. О. Комарецкой на Качким-озере по рассказу местного жителя Платона Глухих.

Вежа — жилище Кольских саамов. Сооружали его в форме пирамиды из жердей и покрывали снаружи дерном, ветвями, хворостом. Дверь была низкая, двустворчатая; посреди, под дымовым отверстием, устраивался очаг, вокруг которого размещались люди. Вежа служила сезонным жилищем в местах рыбного промысла.

Рехп и Локри. Записал в 1935 г. В. Кондратьев по рассказу П. Герасимова из Чун-озера.

Варака — холм, горушка.

Богатырь Ляйне. Записал фольклорист саами П. Юрьев. Литературная обработка писателя С. Панкратова.

Ненцы (самоназв. — *хасова*, устар. назв. — *самоеды*, *юраки*; «*Ненэць*» — означает «человек», «мужчина». «*Ненэй ненэць*» — настоящий человек) — народность, населяющая обширную территорию от Кольского п-ова до правобережья Енисея. Общая численность ненцев, проживающих на Севере России, — в Архангельской и Тюменской областях, Красноярском крае, на п-ове Таймыр — по данным 1998 г. составляет 34,5 тыс. ч. Верующие — православные, часть придерживается традиционных верований. Ненецкий язык относится к самодийской группе уральских языков. Письменность на основе русского алфавита.

О приключениях младшего ханты. Текст записан в 1979 г. в Верхней Хатынге Надымского р-на Тюменской обл. от рыбака Пуйковского рыбзавода О. Ядне. Записала и перевела кандидат исторических наук, преподаватель ненецкого языка факультета народностей Севера ЛГПИ им. А. И. Герцена Е. Пушкарева.

Ябтане, Ябтако и Яндоко. Рассказала в 1961 г. жительница пос. Черная Ненецкого автономного округа Архангельской обл. А. Ноготыся. Запись и литературная обработка писателя В. Леднева.

...туши хоров... — Хор — самец олень.

Тучейка — сумочка, изготавливаемая из замши, меха и украшенная вышивкой и аппликацией из кусочков сукна.

Ханты (самоназв. — *хандэ*, устар. назв. — *остяки*) — живут на территории Ханты-Мансийского (по нижнему течению Оби) и Ямало-Ненецкого автономных округов, а также в Томской обл. Численность народности по данным 1998 г. составляет 22,3 тыс. ч. Верующие — православные. Хантыйский язык относится к обско-угорской ветви финско-угорской группы языков. Письменность — на основе русского алфавита.

Сотворение мира. Текст записан А. Штернбергом в конце XIX или начале XX в. Хантыйский миф о происхождении земли, человека, растений и животных, жизненных благ, пищевых запретов, орудий промысла. Наряду с типичными космогоническими мотивами обско-угорской мифологии (жидкая шатающаяся первоначальная твердь, добывание огня, обучение промыслам и т. п.) в мифе заметно влияние христианства, например спор о том, кто сильнее — Бог Отец или Бог Сын, эпизод соблазнения Кулем первых людей, согрешивших после того, как они съели запретный плод (здесь — кедровую шишку). Основной герой — сын Нум-Торума; здесь его имя Торум, в других мифологических сказаниях он известен как Золотой Богатырь, Князь-Старик, За Миром Наблюдающий Человек и др.

Еви — букв. «девочка, девушка». Возможно, жена Нум-Торума, названная здесь так из-за созвучия этого хантыйского слова с именем Ева.

Вдруг сверху спустилась бумага... — В обско-угорских культовых жанрах часто упоминаются высшие боги, выдающие письменные указания. Это можно рассматривать как преломление представлений о царской администрации.

Больше я не приду к вам, так и живите. — В мифологии Торум выступает в роли творца, но после сотворения мира он не вмешивается в дела людей.

...того и возьмешь — т. е. тот должен умереть.

Черт и бог. Записано В. Кулемзиным в 1973 г. в сел. Пим на р. Пим от Е. Вандымова.
Представляет собой краткий пересказ мифа о добывании солнца. Черт — это Куль, бог и его сын — Торум и Кон-ики-пах.

Мифы о сотворении и происхождении. Опубликовано в сборнике «Мифы, предания, сказки хантов и манси» // М.: Наука, 1990.

Происхождение месяца. Записано В. Кулемзиным в 1975 г. в сел. Кочевые на р. Тромъеган от Г. Комтина.

Происхождение созвездий. Записано Н. Лукиной в 1969 г. в сел. Корлики на р. Вах от В. Каткалева. В отличие от других вариантов здесь созвездие Большая Медведица — это не лось, а котел, брошенный охотником.

Происхождение человека. Записан В. Кулемзиным в 1974 г. в сел. Каюково на р. Юган от А. Мултанова. Текст мифа о сотворении человека совмещает две версии: изготовление его из глины и превращение в людей березовых веток (береза считалась у обских угров священным деревом), а также содержит предсказание о том, что люди будут смертны.

Тѣрас-най (Чарас-най-анки) — букв, «море-огонь», «море-огонь-мать». По воззрениям сургутских хантов, это дочь Торума, живущая в том месте моря, где оно становится огненным; она родила первых людей.

Как человек стал смертным. Записано Н. Лукиной в 1971 г. в сел. Забегаловка на р. Васюган от А. Ангалиной. В этом мифе происхождение смерти связывается с действиями Куля, подговорившего собаку нарушить распоряжение Торума.

Происхождение скопы. Записано В. Кулемзиным в 1970 г. в сел. Корлики на р. Вах от И. Мычиковой.

Происхождение кукушки. Записано Е. Титаренко в 1972 г. в сел. Варьеган на р. Аган от Н. Казымкина. Сюжет о женщине, превратившейся в кукушку из-за непослушных детей, известен у многих народов. Здесь, однако, героиня, обычно безымянная, носит имя, совпадающее с названием одного из наиболее широко почитаемых духов, — Казым-ими. Правда, из текста не вполне ясно, имеется ли здесь в виду дух или обыкновенная женщина, живущая на Казыме.

О появлении оленей. Записано В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1975 г. в сел. Кочевые на р. Тромъеган от И. Сопочина. Здесь изложена народная версия происхождения оленеводства у хантов. Среди исследователей этот вопрос является дискуссионным: одни считают оленеводство обских угров заимствованным у ненцев, другие говорят о его исконном характере.

Ахыс-ях — букв, «низовой народ». Так восточные ханты называют жителей более северных территорий, низовьев Оби, т. е. северных хантов, ненцев, коми, чукчей. Здесь рассказчик имеет в виду ненцев с р. Таз.

...в двустороннюю нарту... — Имеется в виду нарта, у которой одинаково загнуты передние и задние концы полозьев. На такой нарте помещались изображения духов Казым-ими у хантов и Сорт-пупых у манси. При перевозке нарти с изображениями духов было запрещено поворачивать, а в двустороннюю нарту запрячь оленей можно с любой стороны, не поворачивая ее.

Происхождение медведей. Записано В. Кулемзиным и Н. Лукиной в 1973 г. в сел. Пим на р. Пим от М. Лемпина. Краткий пересказ мифа о небесном происхождении медведя. Здесь он сброшен богом за непослушание; выпадающие из его сгнившего тела черви превращаются в земных медведей различных пород.

Происхождение народа Пастэр. Записано Й. Папай. Пер. с ненецкого Н. Лукиной. Текст мифа записан в конце XIX в. около г. Обдорска, недалеко от которого, в сел. Пель-вош на р. Полуй и в сел. Пашерские (Пастэр-курт) в низовьях Оби, проживают ханты социальной группы Пастэр; социальная группа с тем же названием известна также и у манси р. Ляпин. Своими предками они считали мифических Крылатого Пастэра и Ногастого (пешего) Пастэра. Предание о переселении части этой группы с юга, с верховьев Оби, на р. Полуй перекликается с мифом о космической охоте; те же персонажи фигурируют и в мансийском мифе о происхождении смерти.

О народе Лар-ях. Записано М. Шатиловым в 1926 г. в сел. Нагал-юх от Е. Прасина. Широко распространенный сюжет о разделении народа на две половины и уходе одной из них на новые территории приурочен к рассказу о происхождении Лар-ях и Ват-ях — социальных групп хантов на р. Вах.

Происхождение священных мысов. Записано В. Кулемзиным в 1973 г. в сел. Нов. Васюган на р. Васюган от П. Синарбина. Рассказ о возникновении локальных священных мест на небольшой речушке Тух-сиге перекликается со сведениями о святилищах в бассейне р. Нюрольки, куда впадает Тух-сига. Главным нюрольским духом в низовьях реки считался старик Элле-юнг (Большой дух); святилища двух его сыновей были выше по течению, ближе к впадению Тух-сиги. Согласно публикуемому тексту, святилища на Тух-сиге создавала старуха, «отделяя» или «закладывая» (т. е. принося в жертву) своего мужа и детей. На обеих речках существовали культовые места, где приносили в дар деревянные молоты-дубины, которыми, как считалось, духи забивают колья заборов, а также святилища лося, где устраивались лосиные праздники и приносились жертвы в честь этого животного. Большинство культовых мест расположены именно там, где они упоминаются в тексте, и до недавнего времени почитались местными хантами.

О происхождении фамилий. Записано Е. Титаренко в 1971 г. в сел. Летне-Киевском на р. Обь от В. Васькина. Предание о междоусобных стычках древних богатырей-предков объясняет происхождение названий местностей и хантыйских имен, которые позднее были положены в основу официальных фамилий.

Жили они в норах... — Имеются в виду подземные жилища.

Яль-велем-пай — букв. «На Войне Убитых мыс».

Почему у остяков нет своей грамоты. Записано П. Красновым в конце XIX или начале XX в. на р. Васюган.

Манси (самоназв. — *маньси, моаньс, меньдьси*; устар. назв. — *вогулы*; в летописях — *вогуличи, зогуличи*) — живут в основном на территории Ханты-Мансийского автономного округа (6,6 тыс. ч.). Всего на территории России численность народности по данным 1995 г. составляет 8,3 тыс. ч. Верующие — православные. Мансийский язык относится к обско-угорской ветви финско-угорской группы языков. Письменность — на основе русского алфавита.

Создание мира. Текст записан одним из лучших знатоков фольклора А. Каннисто в 1904 г. в сел. Нахрачи на р. Конда от Афанасия. Пер. с ненецкого Н. Лукиной.

Светлый муж-отец — эпитет верховного бога Нум-Торума.

...мир после раздела... — Очевидно, здесь имеет место намек на ссору между отцом и сыном, после которого сын был спущен на землю и совершает там свои культурные подвиги (в данном случае создает землю и человека).

Как достали солнце и месяц, как на земле появились птицы и звери. Записано А. Баландиным в 1937 г. в сел. Вежакоры на р. Обь от И. Монины. Пер. А. Баландина. В этом мансийском тексте упоминаются духи хантов р. Казым. Это можно объяснить связями, в том числе брачными, хантов Казыма и манси Сев. Сосьвы.

...живет дочь Нум-Торума. — Здесь имеется в виду Казым-ими, дух хантов р. Казым.

Богатырь, имеющий облик желтой трясогузки, — это он. — Желтая трясогузка почиталась хантами р. Казым, ее изображение татуировали на плече. У манси она считалась предком жителей сел. Манья-пауль. Недалеко от него находилось святилище с амбарчиком, в котором хранились изображения Ворсик-ойки — «Трясогузки-богатыря» и его жены Ворсик-эквы (первое — деревянное антропоморфное, второе — в виде свертка со свинцовыми фигурками животных).

Как луна на землю приходила. Записано Н. Сайнаховой в 1983 г. в сел. Щекурья на р. Обь от М. Албиной. Пер. Н. Сайнаховой.

Охота на шестиногого лося. Записано В. Чернецовым в 1926 г. в сел. Сартынья на р. Сев. Сосьва. Пер. В. Чернецова. Является кратким вариантом мифа о происхождении созвездия Большая Медведица и Млечного Пути.

Мось-хум — здесь: мифический предок фратрии Мось, в обыденной речи — мужчина из этой фратрии.

Про Северный ветер. Записано В. Чернецовым в 1931 г. в сел. Ворья-пауль на р. Сев. Сосьва от А Анемгурова. Пер. В. Чернецова.

Опоясывание земли. Записано А. Баландиным в 1937 г. в сел. Вежакоры на р. Обь от И. Монины. Пер. А. Баландина.

Йоли-Торум-сянь — букв. «Нижнего Мира (Земли) Мать». В мансийской мифологии старшая сестра Нум-Торума; она же Калтась-эква.

Крылатая Калм — божий вестник, дочь Торума.

Как создали человека. Записано А. Баландиным в 1937 г. в сел. Вежакоры на р. Обь от И. Монины. Пер. А. Баландина. Миф о создании людей двумя братьями — Топал-ойкой и Хуль-отыром. Первый делает их из дерева, второй — из глины и предлагает брату поменяться; из-за этого, когда изображения были одушевлены Нум-Торумом и Калтась-эквой, более долговечные деревянные превратились в менквов, а недолговечные глиняные — в людей.

Коми (самоназв.; устар. назв. — *зыряне*) — народ, коренное население Республики Коми (292 тыс. ч.). Всего в России по данным 1995 г. проживает 336 тыс. ч. Верующие — православные. Язык коми-зырянский, относится к финно-угорским языкам (пермская ветвь). Письменность — на основе русского алфавита.

Младший Тынгос. Записано в мае 1972 г. в сел. Несь Архангельской обл. от И. Пичкова. Песенно-прозаическое сказание, характерное для репертуара канинских сказителей. В нем отчетливо заметна установка сказителя на достоверность, фактографичность изображаемых событий.

Оказывается, все мы метко стреляем! — Устойчивый для местного эпоса образ испытания богатыря в меткости стрельбы, ловкости и силе перед тем, как он или его друзья отправляются на свершение подвигов.

В том городе большие люди жили. — Подразумевается один из главных опорных центров колонизации северных европейских тундр — Пустозерск, возможно, Обдорск (Салехард).

...Только груди сверкают. — Редкое упоминание в ижмо-колвинских эпических песнях о железных кольчугах и огнестрельном оружии, против которых приходится безуспешно бороться отряду яранов. Реалистически изображенная картина жестокой расправы царского воинского отряда над взбунтовавшимися местными кочевниками.

...Пусть я эту реку перепрыгну! — В данном отрывке отчетливо сливаются фантастически-мифологические и историко-реалистические элементы: богатырь на какой-то момент осиливает противника при помощи характерного для ижмо-колвинского эпоса песенного заклинания-обращения к силам природы.

В хановой-птицу я оборотился... — Прием сочетания реалистических деталей и мифологических мотивов чудесных превращений, мотив вещей птицы хановея. *Хановой (ненец.)* — кречет.

Сын оленевода. Записано в мае 1972 г. в сел. Несь Архангельской обл. от И. Пичкова. Разновидность песенно-прозаического сказания. В основе его, по-видимому, лежат реальные факты колонизации тундры. Вместе с тем в подобных сказаниях заметно своеобразное сочетание историко-фактографического и сказочно-мифологического начал.

...Сальеру так говорит мне... — Образу Сальеру в других ижмо-колвинских песнях соответствует образ Море Нырдь хозяин (Хозяин Морского мыса). *Сальеру (ненец.)* — Хозяин Морского мыса.

А в городе том слышно, // Где-то кузнец кует. — Эпический мотив чудесного кузнеца, выковывающего богатырские доспехи, людей, солдат и пр., встречается и в эпосе вымских коми-зырян.

На языке отца своего крикнул собравшимся... — Смысл отрывка не вполне ясен: или Ернатета предупредил земляков о надвигающейся опасности, или он не сделал этого?

Якуты (самоназв. — *саха*) — народность, коренное население Якутии (365 тыс. ч.). Ее общая численность по данным 1995 г. составляет 382 тыс. ч. Верующие — православные. Якутский язык относится к уйгурской группе тюркских языков. Письменность на основе русского алфавита.

Перелет птиц. Перепечатано из книги Н. Г. Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии». Вып. IV. СПб., 1883.

Как Ветер к великой Горе ходил. Записано В. Кривошеиным в пос. Балыгычан на Колыме от А. Бабцева.

Чукчи (самоназв. — *луоравэтлат*, т. е. «настоящие люди») — коренная народность Чукотки. Живут на территории Чукотского (12 тыс. ч.) и Корякского (1,5 тыс. ч.) авт. округов, а также в Нижне-Колымском р-не Якутии. Всего в России общая численность по данным 1992 г. составляет 15,1 тыс. ч. Верующие — православные. Чукотский язык относится к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков. Письменность на основе русского алфавита.

Образование пролива. Рассказал в 1953 г. Пакайка из сел. Яндагай Чукотского р-на. Записал и перевел П. Скорик. Указание на собственное имя героя космогонического предания (здесь: Тэпкэлин) является редким исключением для этого жанра устного творчества палеоазиатов. В эскимосском предании «Канак и орлы» (см.) дается другая версия о происхождении островов в Беринговом проливе.

Лахтак (морской заяц, или бородатый тюлень) — вид крупного тюленя в Беринговом и Чукотском морях.

Кухлянка (местн. рус.) — верхняя меховая одежда.

Яранга (чук.) — наземное жилище в виде шатра с остовом из жердей, крытых оленьими шкурами (у кочевников) или моржовыми шкурами (у приморских жителей). Яранги приморских жителей строились с более сложным каркасом из балок и тонких жердей.

Шаман Кыкват. Рассказал в 1948 г. Ненек из сел. Уэлен Чукотского р-на. Записал и перевел П. Скорик.

Кыкват — букв. «Сушеное мясо».

Кэле — в чукотском и корякском фольклоре духи-оборотни, носители злой силы. В керекском фольклоре им соответствует *кала*.

Лявтылевал. Рассказал в 1948 г. Уватагын из сел. Уэлен. Записал и перевел П. Скорик.

Лявтылевал — букв. «Машущий головой».

Айван (нотайван) — букв. «Заветренный»; так чукчи-оленоводы называли приморских жителей — эскимосов и приморских чукчей.

Коряки (самоназв. — *нымыланы, чавчувены, алюторцы*) — коренное население Корякского авт. окр. (7 тыс. ч.). Проживают также в Чукотском авт. окр. и в Магаданской обл. По данным 1995 г. общая численность народности составляет 9 тыс. ч. Верующие — православные. Корякский язык относится к чукотско-камчатской ветви палеоазиатской группы языков. Письменность на основе русского алфавита.

Сохолылан. Записала О. Бабошина в 1940 г. в сел. Майно-Пылгин Чукотского авт. окр. от Ныпэвье. Перевод О. Бабошиной.

Ворон и Солнце. Записала от Каутваль и перевела Аканна из сел. Майно-Пылгин Чукотского авт. окр. в 1940 г.

Оседлые и оленеводы. Рассказал в 1955 г. житель сел. Колтушное Корякского авт. окр. М. Варганов. Записал и перевел И. Вдовин. Историческое о борьбе коряков с чукчами за оленьи стада. На стороне коряков-кочевников против чукчей выступали коряки побережья, а на стороне чукотских оленеводов, ведших войны с коряками, выступали приморские чукчи и азиатские эскимосы (ср. текст «Виютку-предводитель» в разд. «Мифы эскимосов»).

Светлый ручей и яркая звезда. Записал И. Хаей в пос. Гижига Хабаровского края.
Перепечатана из журн. «Дальний Восток», 1947. № 5.

Эскимосы (самоназв. — *инуит*, *юпик*, означает «настоящий человек») — народность, живущая вдоль арктического побережья Америки — от Аляски до Лабрадора, — на о. Гренландия и севере Канады. В России эскимосы живут на Чукотском п-ове, на южном побережье Берингова моря, на о. Врангеля. Численность на территории России по данным 1992 г. составляет 1,7 тыс. ч. Эскимосский язык относится к эскимосско-алеутской группе палеоазиатских языков. Письменность в России — на основе русского алфавита.

Достали солнце. Записано Г. Меновщиковым в 1940 г. от Какля. Перевод Г. Меновщикова.

Тунгах (эск.) — злой дух, который, по представлениям эскимосов, приносит людям разные бедствия: голод, болезни, смерть, а также уводит свои жертвы в другие миры. У азиатских эскимосов злой дух обозначается термином *тугныгак*, у эскимосов группы инуит (Сев. Аляска, Канада, Гренландия) — *тунгак*, *тугнак*, *туник* и близкими им фонетическими вариантами.

Как люди жили раньше. Записано Е. Рубцовой в 1940 г. в сел. Чаплино от Налюгьяка. Перевод Г. Меновщикова.

Акумук (эск.) — букв. «сидящий»; назв. месяца эскимосского календаря (примерно между октябрём и ноябрём).

Мантак (эск.) — китовая кожа, любимое блюдо эскимосов. Срезанная с туши добытого кита вместе со слоем жира употребляется в пищу в сыром или вареном виде.

Канак и орлы. Записано Г. Меновщиковым в 1941 г. в сел. Лаврентия от Увролюка, который слышал это повествование от своего отца Упикая. Перевод Г. Меновщикова.

Амек. Записано Н. Рукактак в 1949 г. в сел. Наукан от Кутвеун. Перевод Г. Меновщикова. Топоним «Кыгмик», возможно, указывает на аляскинское происхождение мифа, как и упоминание деревьев, не растущих на берегах Берингова пролива, где с древних времен живут науканские эскимосы.

Амек — шкура (букв.).

Юноша, ставший сполохом. Записано Г. Меновщиковым в 1940 г. в сел. Чаплино от Тагикака.
Перевод Г. Меновщикова.

Спор ветра и солнца. Записано Е. Рубцовой в 1941 г. в сел. Чаплино от Имагми. Перевод Е. Рубцовой.

Алнтитуна и Тыкывак. Записано Г. Меновщиковым в 1940 г. в сел. Чаплино от Тагикака.
Перевод Г. Меновщикова.

Виютку-предводитель. Записано Г. Меновщиковым в 1940 г. в сел. Чаплино от Майны. Перевод Г. Меновщикова. Текст представляет собой «хроникат» или «сказ» о сражении приморских жителей — чукчей и эскимосов — с таннитами — так азиатские эскимосы называли отряды или небольшие ватаги кочевников (чукчей, коряков, юкагиров), приходивших из-за Анадыря не только для захвата оленьих стад, но и для ограбления оседлого приморского населения, занимавшегося промыслом морского зверя.

Танниритский гребень (Таннирит) — название горы, где, по преданию, произошла последняя битва между северянами и таннитами.

Алтайцы (самоназв. — *алтай-кижи*) — народ в Республике Алтай, численность в России по данным на 1995 г. составляет 69 тыс. ч. Делятся на этнографические группы: алтай-кижи, теленгиты, телесы, телеуты, тубалары, челканцы, кумандинцы. Верующие — православные, часть — баптисты; сохраняются и традиционные верования. Алтайский язык (устар. *ойротский*) относится к тюркским языкам. Письменность на основе русского алфавита.

Сартакпай. Записано П. Кучияком в 1937 г. Литературная обработка Анны Гарф.

Арчемакч — кожаные мешки, перекинутые через седло.

Кулаш — мера длины: 2 метра.

Токум — потник; войлок, который кладут на спину лошади под седло.

Юскузек и Алтын-Чач. Записано П. Кучияком в 1937 г. Литературная обработка Анны Гарф.

Сарлык — як, бык.

Тувинцы (самоназв. — *тыва*, устар. назв. — *сойоты*, *урянхайцы*, *танну-тувинцы*) — народ, основное население Республики Тува (198,4 тыс. ч.). Всего в России 206,2 тыс. ч. Общая численность тувинцев, живущих также в Китае и Монголии, по данным на 1995 г. составляет 207 тыс. ч. Верующие — буддисты. Тувинский язык относится к уйгурской группе тюркских языков. Письменность на основе русского алфавита.

Мангыс на Луне. Записано от Джигджина 10 июля 1969 г. в Бююрээлиге.

Мангыс — чудище, встречающееся в фольклоре различных народов Центральной Азии, которое, несмотря на тело великана и несколько голов, видом и образом жизни напоминает человека.

О том, как джел беге пожирает Луну, Солнце и Землю. Записано от Джоксума 25 октября 1985 г. в центре сомона Заамар (Центральный аймак). Представление о демоническом существе или чудище, заглатывающем Луну, широко распространено в тюркской народной мифологии, а также в мифах Центральной Азии и Южной Сибири.

Джелбеге — образ злобного женского существа в фольклоре алтайских тувинцев.

Гурмусту (Хаан) — властитель неба, т. е. верхнего из трех миров, и его жителей (от *перс.* Ахурамазда). Тридцать три Гурмусту — это тридцать три небесных божества, судя по сказкам не игравшие самостоятельной роли в мифологии алтайских тувинцев.

Бурган Башкы — учитель, Будда.

Бурган — бог, Будда, святой, а также их фигурки.

Истории о Сардакбане. Предания, циклизующиеся вокруг образа культурного героя Сардакбана, имеют живое хождение у алтайских тувинцев и до сих пор считаются рассказами о случившихся некогда подлинных событиях.

Аил (тув. аал) — сезонное объединение (чаще всего по родственному признаку) нескольких юрт; составляло хозяйственное единство. Его величина, т. е. число объединившихся юрт, зависит от свойства окружающих аил пастбищ и от времени года.

Сомон (Сумун) — небольшая административная единица (сегодня и территориальная).

Хонаш — место, на котором расположена юрта и ее ближайшее окружение, — пространство, на котором хранится топливо и другие припасы и находится на привязи молодняк скота.

Единственное черное дерево мира. Записано от Ш. Дагва 24 августа 1966 г. в Сарыгбулаке.

Гюмбю — возможно, имеется в виду ламаистский монастырь Кумбум в Цинхае (КНР), где находится священное дерево.

Без — первоначально обозначение крута лиц из родни мужа, потом — главы родственной группы; позже — обобщенно в значении «высокий господин», «князь».

Легенда о Бурган Башкы и Очирваане. Записано от Дюгера в середине августа 1966 г. в Сыраалыге.

О происхождении живых существ. Записано от пастуха кооператива Балдына 2 июля 1969 г. в Северном Оруктуге.

Откуда взялись рыбы. Данные записи те же, что и предыдущей легенды.

О тувинском языке. Записано от Дж. Олджея 26 октября 1985 г. в Хох даваа (сомон Заамар, Центральный аймак).

Хчлха — историческое название территории Северной Монголии (закрепилось как этноним за ее населением).

Сарты — исконно оседлое население Средней Азии, вошедшее в состав узбеков.

...в этой стране... — Т. е. в Монголии.

Людоеды. Записано от П. Дживаа 11 августа 1966 г. в центре сомона Цэнгэл. Он же определил этот текст как легенду.

Легенда о Йовгун Мергене. Записано от Джигджина 10 июля 1969 г. в Бююрээлиге.

Джаагай Шапкан. Первая история записана от Джурая 12 июля 1969 г. в Оруктуге. Вторая — от С. Хуваака 19 июня 1982 г. в Остуге. Фигура Джаагай Шапкана связывается с введением «религии», т. е. ламаизма. Представления же о возможности реального явления снов время от времени встречаются в местных сказках. Например, сны могут принять облик человека, как в нашем конкретном случае: сон Гесера воплощается в личность Джаагай Шапкана.

Гесер (или Гесер-богда) — герой эпоса, распространенного у народов Центральной Азии; во многих районах Гесер почитался как божество, на что указывает форма имени «Гесер-богда» (т. е. священный Гесер).

Далай Хаан — князь монгольского племени дёрбетов.

Хакасы (самоназв. — *хакас*, устар. назв. — *абаканские* или *минусинские татары*) — народ в Хакасии (62,9 тыс. ч.), всего в России 69 тыс. ч. (по данным на 1995 г.). Верующие — православные; сохраняются и традиционные верования. Хакасский язык относится к уйгурской группе тюркских языков. Письменность на основе русского алфавита.

Чинисчи-победитель. В поэтическом творчестве хакасского народа особенно распространены героические сказания об алыпях — отважных богатырях, защитниках простых людей. Эпос написан по мотивам таких народных былин. Образ Чинисчи — собирательный, он воплотил в себе лучшие черты сказочных богатырей. Литературная обработка И. Кычакова и А. Чмыхало. Впервые на русском языке вышел в Иркутском областном государственном издательстве в 1952 г.

Тасхыл — гора.

Кимсуг — хакасское название реки Енисей.

Тар — мужская одежда.

Маймаки — мягкая кожаная обувь.

Харапас — черная голова.

Чоон-кегис — могучая грудь.

Тахпах — частушка.

Той — пир.

Арага — напиток.

Тыршыс-хат — вредная женщина.

Хамча — плеть.

Хомс — музыкальный инструмент.

Тарынчах — злая, сердитая.

Тунюк — отверстие в крыше юрты для дыма.

Орыс Кизи — русский человек.

Эвенки (самоназв. — *орочон*, устар. назв. — *тунгусы*) — народность, расселенная на территории Эвенкийского авт. окр. (Красноярский край) и в других районах Сибири и Дальнего Востока. Всего в России по данным на 1995 г. проживает 30 тыс. ч. Небольшие группы эвенков живут в Китае и Монголии. Верующие — приверженцы традиционных верований; часть — православные. Эвенкийский (*тунгусский*) язык относится к тунгусо-маньчжурским языкам. Письменность на основе русского алфавита.

Тывгунай-молодец и Чолбон-Чокулдай. Рассказал в 1963 г. житель пос. Угоян Алданского р-на Якутии И. Марфусалов. Записала и перевела кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН фольклорист А. Мыреева.

Пальма — большой нож, насаженный на рукоятку, нечто наподобие копья.

Торганай. Записала в 1936 г. от студента Института народов Севера И. Романова с р. Зеи, Читинской обл., перевела и опубликовала Г. Василевич — Торганай. Л.: Главсевморпуть, 1939.

Марник — кустарник, обычно непроходимый.

Буряты (самоназв. — *буряад*) — народ в России, основное население Бурятии (249,5 тыс. ч.). Всего на территории России проживает 421 тыс. ч. Общая численность бурятов, живущих также на севере Монголии и северо-востоке Китая, по данным на 1998 г. составляет 520 тыс. ч. Верующие — буддисты, шаманисты. Бурятский язык относится к монгольской группе языков. Письменность на основе русского алфавита.

Все произведения, представленные в данном разделе, рассказаны бурятским сказителем А. Тороевым. Публикуются в литературной обработке Г. Кунгурова.

Нанайцы (самоназв. — *нами*, устар. назв. — *гольды*) — одна из наиболее многочисленных народностей Приамурья. На территории России расселены в основном по берегам Амура и его притоков (Хабаровский край), по правым притокам Уссури (Приморский край). Живут также в Китае, между реками Сунгари и Уссури. В России по данным на 1995 г. проживает 12 тыс. ч. Общая численность — 17 тыс. ч. Сохраняют традиционные верования. Нанайский язык относится к южной ветви тунгусо-маньчжурской группы языков. Письменность на основе русского алфавита.

Айога. Литературная обработка писателя Д. Нагишкина. Печатается по его книге «Мальчик Чокчо», Хабаровск, 1946.

Ровдуга (оленья замша) — занимала видное место в хозяйстве оленеводов в качестве материала для пошива одежды, устройства жилища и т. д. Ее выработка представляла сложный длительный процесс.

Кто сильнее всех? Записала М. Каплан в 1941 г. в сел. Джуен на р. Амур от М. Бельды.
Перевод М. Каплан.

Удэгейцы (самоназв. — *удээ, удэхэ*) — небольшая народность, населяющая горные районы Приморского и Хабаровского края. Ее численность по данным на 1995 г. составляет 2 тыс. ч. Преобладают традиционные верования. Удэгейский язык относится к южной ветви тунгусо-маньчжурских языков. Бесписьменный (разрабатывается письменность на основе русской графики).

Тигр и человек. Записала Ю. Шестакова в 1946 г. в сел. Гвасюги на р. Хор Хабаровского края от Б. Калундзюга. Перевод Ю. Шестаковой.

Брат и сестра. Записала Ю. Шестакова в 1946 г. в сел. Гвасюги на р. Хор Хабаровского края от Я. Кимонко. Перевод Ю. Шестаковой.

Удмурты (самоназв. — *удмурт*, устар. назв. — *вотяки*) — народ, коренное население Удмуртии (496,5 тыс. ч.). Общая численность по данным на 1998 г. составляет 714,8 тыс. ч. Верующие — православные. Удмуртский язык относится к пермской ветви финно-угорской семьи языков. Письменность на основе русского алфавита.

Эш-Тэрек. Литературная обработка В. Савельева.

Батыр — богатырь, силач.

Тушмоны — враги.

Торо — предводитель, вождь, глава.

Керемет — злой дух.

Топор-саморуб. Литературная обработка В. Савельева.

Башкиры (самоназв. — *башкорт*) — народ, коренное население Башкирии (864 тыс. ч.). Общая численность в России по данным на 1995 г. составляет около 1,35 млн. ч. Живут также в Казахстане (42 тыс. ч.), Узбекистане (35 тыс. ч.) и др. Верующие — мусульмане-сунниты. Удмуртский язык относится (по одной из классификаций) к кыпчакской группе тюркских языков. Письменность на основе русского алфавита.

Все произведения, представленные в данном разделе, печатаются по книге «Башкирские народные сказки» — М.: Детская литература, 1949. Под редакцией профессора Н. Дмитриева.

Акъял-батыр — белогривый герой (ак — белый, ял — грива).

Тау-батыр — горный герой.

Егет — здесь: добрый молодец.

Урман-батыр — лесной герой.

Бабай — дедушка.

Самруг-кош — большая волшебная птица.

Аждаха — дракон.

Курай — народный музыкальный инструмент башкир, напоминающий свирель. Вырезается из стебля полого растения.

Ирандек — огромная гора (в Башкирии действительно есть гора с таким названием).

Яйлау — летнее кочевье.

...это место славилось хорошими конями. — По преданию, в старину в Башкирии водились дикие кони, которые паслись около больших озер. Об этих конях сохранилось много легенд.

Абзалилово — название одного из районов Башкирии, который славится хорошими конями.

Татары (самоназв. — *татар*) — народ, основное население Татарии (1,77 млн. ч.). Живут также во многих республиках и областях России. Татарами называются также тюркоязычные общности Сибири (*сибирские татары*), Крыма (*крымские татары*) и др. В России по данным на 1995 г. проживает около 5.6 млн. ч. (без крымских татар). Общая численность составляет 6.7 млн. ч.

В антропологическом отношении татары крайне неоднородны. Среди татар Среднего Поволжья и Приуралья преобладают представители большой европеоидной расы. Часть астраханских и сибирских татар по физическому облику приближаются к южносибирскому типу большой монголоидной расы. Этническую основу татар Среднего Поволжья и Приуралья составили тюркоязычные племена, проникавшие в район Средней Волги и Прикамья со 2-й пол. I тыс. н. э. Волжско-камские болгары вместе с другими тюрками и финноуграми создали в нач. X в. государство — Волжско-Камскую Булгарию.

Верующие татары, за исключением небольшой группы т. н. *кряшен* и *нагай-баков*, принявших в XVI-XVIII вв. православие, — мусульмане-сунниты.

Татарский язык относится (по одной из классификаций) к кыпчакской группе тюркских языков. Татары Среднего Поволжья и Приуралья говорят на татарском языке кыпчакской подгруппы тюркской группы алтайской семьи. Язык астраханских татар — в основе ногайский — испытал сильное влияние татарского языка и трансформировался в сторону сближения с ним. Литературный татарский язык сформировался на основе среднего (казанско-татарского) диалекта. Письменность на русской графической основе (до 1927 г. — на основе арабской графики).

Все произведения, представленные в данном разделе, печатаются по книге «Мифы древней Волги» — Саратов: Надежда, 1996.

Чуваши (самоназв. — *чаваши*) — народ, основное население Чувашии (907,6 тыс. ч.). Живут также в Башкирии, Татарии, Ульяновской и Саратовской обл. и др. Всего в России по данным на 1995 г. проживает 1,84 млн. ч. Верующие — православные. Чувашский язык относится к болгарской группе тюркских языков. Письменность на основе русского алфавита.

Земля Улына. Перевод С. Шуртакова. *Улып* — исполин, богатырь.

Аслати — гром.

Калам — весенний праздник язычников-чувашей, совпадающий с Пасхой.

Гора Чабырлы. Перевод С. Шуртакова.

Мост Азамата. Перевод С. Шуртакова.

Легенда о начале хлебопашества. Перевод С. Шуртакова.

Тора — верховный бог в представлении древних чувашей.

Киреметъ — божество.

Девушка на Луне. Перевод Н. Данилова и А. Нечаева.

Как у чувашей поселились деньги. Перевод С. Шуртакова.

Мордва (*мордовцы*) — народ, коренное население Мордовии (313 тыс. ч.). В России по данным на 1995 г. проживает 1,07 млн. ч. Общая численность 1,15 млн. ч. Делятся на этнографические группы: эрзя и мокша, каратаев и терюхан. Верующие — православные. Мордовские языки (языки *мордвы*) относятся к финско-угорской семье языков. Существует два литературных и разговорных языка: мокшанский и эрзянский. Письменность на основе русской графики.

Все произведения, представленные в данном разделе, публикуются в литературной обработке писателей В. Радаева и М. Втулкина.

Цяпор — благородная трава.

197

Веле — село.

Марийцы (самоназв. — *марий*, устар. назв. — *черемисы*) — народ, коренное население Марийской Республики (324 тыс. ч.) и соседних областей Поволжья и Урала. Всего в России по данным на 1995 г. проживает 644 тыс. ч. Марийский язык относится к волжско-финской группе финско-угорских языков. Имеет два литературных языка: лугово-восточный марийский язык и горно-марийский язык. Письменность на основе русского алфавита.

Все произведения, представленные в данном разделе, печатаются по книге «Мифы древней Волги» — Саратов: Надежда, 1996.

Калмыки (самоназв. — *хальмг*) — народ, основное население Калмыкии (146 тыс. ч.). Всего в России по данным на 1995 г. проживает 166 тыс. ч. Верующие калмыки — буддисты, есть и православные. Калмыцкий язык относится к монгольской группе языков. Древняя письменность на основе монгольского алфавита, современная — на основе русского алфавита.

Все произведения, представленные в данном разделе, печатаются по книге «Мифы древней Волги» — Саратов, 1996.

Чеченцы (самоназв. — нохчий) — народ, коренное население Чечни. Проживают также в Ингушетии, Дагестане и других республиках Кавказа. Большие чеченские диаспоры имеются в Казахстане и некоторых крупных городах России. Общая численность по данным на 1995 г. составляет свыше 900 тыс. ч. Верующие — мусульмане-сунниты. Чеченский язык относится к кавказским (иберийско-кавказским) языкам (*нахские языки*). Письменность на основе русского алфавита.

Все произведения, представленные в данном разделе, публикуются в переводе А Мальсагова.

Возвращение благодати. Записал И. Дахкильгов в 1975 г. на чеченском языке в сел. Алкум ЧИАССР от С. Сайдулаева.

Мялхистинцы — одно из чечено-ингушских этнических образований.

Мялхистинцы и У-Нана. Записал И. Дахкильгов в 1975 г. на чеченском языке в сел. Пхимат ЧИАССР от Д. Махаури.

Тушоли — божество плодородия; *тушоли-котам* — птица удод, которая считалась священной.

Цув — святилище, *цай* — святой.

Села Сата — дочь языческого бога грома и молнии Селы; в данном контексте — дочь верховного божества Дялы.

Доге — топоним горной Чечено-Ингушетии.

Нихалой — село в горной Чечне.

Итум-Кале — село в горной Чечне.

Склон Мажки. Записал М. Кабиев на чеченском языке в сел. Ведено ЧИАССР от неизвестного лица.

Гелдаган — аул горной Чечни.

Бердыкель — аул горной Чечни.

Солса. Записал А. Мальсагов в 1971 г. на чеченском языке в сел. Бамут ЧИАССР от Х. Жалиевой.

Два князя. Записал А. Мальсагов в 1971 г. на чеченском языке в сел. Бамут ЧИАССР от Х. Жалиевой.

Датых — аул горной Чечено-Ингушетии.

Эз — ущелье в горной Чечне.

Оки-Аки Записал А. Мальсагов в 1971 г. на чеченском языке в сел. Бамут ЧИАССР от Х. Жалиевой. *Оки-Аки* — собственное имя, этимологии не поддается.

Майистинцы — одно из чеченских племен.

Жархо, Кошатхо, Саханхо — так называются аулы горной Чечено-Ингушетии.

Как чеченцы присоединялись к России. Записала Р. Сайдулаева в 1975 г. на чеченском языке в сел. Алхан-Юрт ЧИАССР от М. Сайдулаева.

Беслан — топоним Северной Осетии.

Гехи — равнинное село Чечни.

Ингуши (самоназв. — *галгаи*) — народ, проживающий в основном в Ингушетии (свыше 215 тыс. ч. по данным на 1992 г.), Чечне, Сев. Осетии. Общая численность по данным на 1995 г. составляет свыше 237 тыс. ч. Верующие — мусульмане-сунниты. Ингушский язык относится к кавказским (иберийско-кавказским) языкам (*нахские языки*). Письменность на основе русского алфавита.

Все произведения, представленные в данном разделе, публикуются в переводе А. Мальсагова.

Как возникли солнце, месяц и звезды. Записал И. Дахкильгов в 1963 г. на ингушском языке в г. Грозном от одаренной сказительницы Г. Вековой — сестры известного ингушского поэта Т. Бекова.

Спор о солнце и луне. Записал И. Дахкильгов на ингушском языке в г. Грозном от А. Ханиева.

Сын Месяца. Записала Ж. Торшхоева в 1967 г. на ингушском языке в сел. Чермен СОАССР от Х. Торшхоева. Возможно, данный сюжет сказочный, за исключением концовки, относящейся, скорее, к легендам.

Да умрет твоей матерью рожденная! — Как и приведенное выше выражение «Пусть ты долго не проживешь!», является общей сказочной формулой проклятия.

Вa — обращение, соответствует русскому «эй».

Абаде — вечность без конца в противоположность *азале* — вечности без начала.

О возникновении благодати земной. Записал И. Дахкильгов в 1975 г. на ингушском языке в сел. Алкум ЧИАССР от Л. Магиева.

О вершине Казбека. Записал И. Дахкильгов в 1975 г. на ингушском языке в сел. Алкум ЧИАССР от Г. Евкурова.

Дарза-Наналг — Мать, божество вьюг.

У-Нана. Записал И. Дахкильгов в 1975 г. на ингушском языке в сел. Мужичи ЧИАССР от А. Балаева. *У-Нана* — Мать, хозяйка болезней, эпидемий. *У-Нана* по своим функциям напоминает грузинских мифологических духов саранчи, оспы и холеры.

Хи-Нана. Записал И. Дахильгов в 1975 г. на ингушском языке от неизвестного лица. *Хи-Нана* — Мать, божество вод. В древнем армянском фольклоре — божество вод Цовини.

Выбор девушки. Из личного архива Х. Осмиева. Опубликовано в рукописном журн. «Красные ростки» (на рус. языке), 1926 г.

Богурали — приток реки Ассы.

Галашки — село в Ассинском ущелье.

...в виде каменных плит по ее сторонам. — Эти камни стоят и поныне. Подобные камни-кресты встречаются и в Чечне.

Как образовалась река Асса. Записал И. Дахкильгов в 1974 г. на ингушском языке в сел. Кантышево ЧИАССР от У. Келигова.

О возникновении озера в Галан-Чоже. Записал И. Дахкильгов в 1975 г. на ингушском языке в сел. Бамут ЧИАССР от А. Мурдаева.

Галан-Чоже, Ялхарой, Алка, Ахкабасе — названия мест в горной Чечне.

Место падения Байтмара. Записал И. Дахкильгов в 1965 г. на ингушском языке в сел. Ляжг ЧИАССР от С. Патиева.

Арамхи — правый приток Терека.

Тарш — аул в горной Ингушетии.

Шанское ущелье — по нему протекает река Шан, приток Арамхи.

Строители башен. Записала Л. Орцханова в 1964 г. на ингушском языке в г. Грозный от Л. Аушевой.

Галгаи — самоназвание ингушей.

Цечо — от *це* — «красный»; *Цечоевы* — ингушская фамилия.

Ханой Хинг. Записал И. Дахкильгов в 1965 г. на ингушском языке в сел. Ляжг ЧИАССР от С. Патиева. *Ханой Хинг* — предполагаемый предок ингушской фамилии Ханиевых. Его именем названо село в горной Ингушетии. *Хинг* — сын Ханю.

В Ингушетии были известны целые роды, которые занимались кладкой жилых и боевых башен. В народе они назывались «то говзанчаш» — мастера по камню.

Ханой Хинг и бог. Записал И. Дахкильгов в 1968 г. на ингушском языке в сел. Ляжг ЧИАССР от С. Патиева.

Абрек Сулумбек. Записала С. Гандалоева в 1977 г. на ингушском языке в сел. Сагопши ЧИАССР от А. — Х. Ахмурзиева.

Сулумбек Горовожев — из села Яндырка, был сподвижником известного абрека Зелимхана из Харачоя, наводившего страх на царскую администрацию в Грозненском округе около десяти лет (1903–1913).

Осетины (самоназв. — *ирон, дигорон*) — народ, проживающий в России (402 тыс. ч., из них в Сев. Осетии 335 тыс. ч.) и Грузии (164 тыс. ч., в Южной Осетии 65 тыс. ч.). Общая численность по данным на 1998 г. составляет свыше 598 тыс. ч. Верующие в основном православные, есть мусульмане-сунниты. Осетинский язык относится к иранской группе индоевропейской семьи языков. Письменность на основе русского алфавита.

Уархаг и его сыновья. В 1946 г. впервые был опубликован сводный текст нартовских сказаний на осетинском языке (куда вошел и данный эпос). Этот текст был издан в прозе на русском языке в переводе Ю. Либединского в 1948 г. Государственным издательством СОАССР, а в 1949 г. — издательством «Советский писатель».

Нельзя мне больше жить здесь, должен я найти брата своего и вернуться домой. — По старинным осетинским обычаям муж после женитьбы должен был брать жену домой. Оставаться жить в доме жены считалось для мужчины большим позором. Такому мужчине давалась кличка «мидагмой» — домашний муж. К нему относились в обществе с презрением.

Об одном прошу: отведите меня ко входу в родовую башню моего мужа. — В старину башня являлась необходимой принадлежностью состоятельной осетинской семьи. Строительство башен возникло еще с незапамятных времен и продолжалось до конца XVIII в. Сооружались жилые, боевые и сторожевые башни, имевшие обычно от трех до семи ярусов. Башни складывались из крупных необтесанных камней, скрепляемых известковым раствором. Первый этаж родовой башни служил помещением для скота и домашнего имущества, следующие ярусы использовались для жилья, а самый верхний — для наблюдения. Башни строились наиболее состоятельными горцами. В сказаниях они часто составляют собственность великанов и алдаров-скотоводов, иногда — знаменитых нартских красавиц.

...и старый Уархаг взял Дзерассу себе в жены. — Еще в XIX в. у осетин бытовал обычай, по которому жена умершего выходила замуж за неженатого члена семьи, чаще всего за брата мужа. Это было вызвано главным образом огромным выкупом за невесту, который существовал у осетин вплоть до Октябрьской революции. Оставляя у себя жену умершего, семья сохраняла работницу в доме и избавлялась от уплаты ирада (калыма) за невесту.

Кабардинцы (самоназв. — *адыгэ*) — народ, проживающий в Кабардино-Балкарии (364 тыс. ч. по данным на 1992 г.). Живут также в Краснодарском и Ставропольском краях и Сев. Осетии. Общая численность по данным на 1995 г. составляет 386 тыс. ч. Верующие в основном мусульмане-сунниты, есть православные. Язык кабардино-черкесский, относится к кавказским (иберийско-кавказским) языкам (*абхазско-адыгейская* группа). Письменность на основе русского алфавита.

Все произведения, представленные в данном разделе, публикуются по книге Е. Баранова «Кабардинские легенды» — Пятигорск: Издание К. Кибардина, 1911.

Когрокой — аул в Кубанской области. Следует учитывать, что названия населенных пунктов и административно-территориальное деление во времена выхода книги, откуда взято это произведение, не соответствуют нынешним.

Машуко.

Джсинн — дух.

Балкарцы (самоназв. — *таулула*) — народ в Кабардино-Балкарии (около 71 тыс. ч.). Всего в России по данным на 1992 г. проживает 78 тыс. ч. Верующие — мусульмане-сунниты. Язык карачаево-балкарский, относится к кыпчакской группе тюркских языков. Письменность на основе русского алфавита.

Все произведения, представленные в данном разделе, публикуются по книге «Балкарские и карачаевские сказки» — М., 1971. Перевод и обработка А. Алиевой и А. Халаева.

Карачаевцы (самоназв. — *карачайлыла*) — народ в Карачаево-Черкесии (129 тыс. ч.) и Ставропольском крае. Всего в России по данным на 1995 г. проживает 150 тыс. ч. Верующие — мусульмане-сунниты. Язык карачаево-балкарский, относится к кыпчакской группе тюркских языков. Письменность на основе русского алфавита.

О человеке по имени Карча, о его друзьях и о стране, ими открытой. Публикуется по книге Р. Фатуева «Легенды Кавказа» — Нальчик, 1939.

Юрт — род.

Батат — теперь (по сведениям 1939 г.) Хурзак.

Карбатыр. Публикуется по книге «Балкарские и карачаевские сказки» — М., 1971. Перевод и обработка А. Алиевой и А. Халаева.

Черкесы (самоназв. — *адыге*) — народ в Карачаево-Черкесии (40,2 тыс. ч.). Всего в России по данным на 1995 г. проживает 50,7 тыс. ч. В Турции и др. странах Передней Азии черкесами называют также всех выходцев с Сев. Кавказа. Общая численность составляет 270 тыс. ч. Верующие — мусульмане-сунниты. Язык кабардино-черкесский, относится к кавказским (иберийско-кавказским) языкам (*абхазско-адыгейская* группа). Письменность на основе русского алфавита.

О камне, о человеке и правде. Печатается по публикации в журнале «Знамя», 1938, № 12.

Тлепс — мифическое существо, покровитель кузнецов, бог железа и оружия.

Тгар (Тга) — в мифологии черкесов высшее божественное существо.

Зауча (или Дžeme) — народное собрание.

Лте-губзык — «язык народа»: относилось к особо почитаемым и доверенным лицам.

Аксак-Ач — голодный, хромой («аксак» — хромой, «ач» — голодный).

Аталык — человек, давший имя новорожденному, в дальнейшем его воспитатель.

...пятикратно вооруженный... — Под пятикратным вооружением подразумевается: меч, кинжал, бердыш, копье, лук и стрелы.

Зелькута — мифическое существо, покровитель наездников.

Созерис — мифическое существо, покровитель домашнего благосостояния.

Деревья, обвешанные старинным оружием... — Вешать оружие и вообще металлические вещи на деревья — древний черкесский обычай.

Видно, и боги стареют!.. — Черкесы, переменив несколько религий (язычество, христианство), приняли мусульманство.

«Он прожил в своей пещере триста девять лет». — Перифраз слов XVII главы Корана «Пещера»: «Эти молодые люди прожили в своей пещере триста девять лет».

Мезитх — в мифологии черкесов существо, покровительствующее охотникам.

О девушке, о женщине, о матери и об уходящей любви. Публикуется по книге Р. Фатуева «Легенды Кавказа» — Нальчик, 1939.

Бхезинико-Бексарз — один из знаменитейших древних витязей черкесского народа.

Пша-кафтан — девичий сарафан со шнуровкой спереди, надевается поверх рубашки.

Дагестанцы — общепринятый термин для обозначения народностей, исконно проживающих на территории, именуемой в настоящее время Республикой Дагестан. (40,2 тыс. ч.). По данным на 1998 г. здесь проживает 2,095 млн. ч. В Дагестане насчитывается около 30 народов и этнографических групп. Кроме русских, азербайджанцев и чеченцев, составляющих немалую долю населения республики, это *аварцы, даргинцы, кумьти, лезгины, лакцы, табасараны, ногойцы, рутульцы, агулы, таты* и др.

Дагестанский язык является ветвью иберийско-кавказских языков. Состоит из групп или отдельных языков: 1) *аваро-адноцезская* группа — аварский, андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндийский, чамалинский; *цезские* языки — цезский (или дидойский), хваршинский, гинухский, бежитинский (или капучинский), гунзибский; 2) *даргинский* язык; 3) *лакский* язык; 4) *лезгинская* группа — лезгинский, табасаранский, агульский, рутульский, цахурский, крызский, будухский, хиналугский, арчинский, удинский.

Письменность на аварском, агульском, даргинском, лакском, лезгинском, табасаранском языках — на основе русского алфавита.

Все произведения, представленные в данном разделе, публикуются по книге «Дагестанские народные сказки» — М., Детгиз, 1951. Подготовка текста Н. Калиевой.

Чурек — хлеб особой выпечки, в виде большой плоской лепешки.

Дэв — в фольклоре народов Кавказа, Малой и Средней Азии, Западной Сибири и др. *дэвы* — злые духи, главным образом антропоморфные или зооморфные великаны.